ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 5 (158)

Социально-экономические и общественные науки

2026

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины
ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU и банк данных Национального
центра правовой информации
Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
член-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально-экономическим и общественным наукам:

С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Skorina Gomel State University
PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences (Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU and Database of the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

**Members of editorial board
for the socio-economic and social sciences**

S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
M. Shenevua (France), Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2026
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University», 2026

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2026, № 5 (158) •
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогика

Бондаренко К.К. *Компетентностный подход тренера-преподавателя в системе подготовки детей, занимающихся каратэ* 5
Бут-Гусаим Н.А., Старченко В.Н. *Прогнозирование предполагаемой специализации юных легкоатлетов на этапе первичного отбора* 11
Грахоцкая А.Ю. *Становление системы практической подготовки учителей в России и Беларуси в XVIII – начале XX вв.* 16
Ермаков В.Г., Нечаев Н.Н. *Учение Л.С. Выготского о зоне ближайшего развития и синергетика* 21
Кадол Ф.В. *Основные источники и проблемы современного педагогического знания* 27
Кожедуб М.С. *Влияние фаз менструального цикла на психоэмоциональное состояние и когнитивные функции бегуний на средние дистанции* 32
Кушнерова Э.М. *Формирование универсальных компетенций через культуру досуга: от исторического анализа к современной образовательной экосистеме* 37
Лан Синьсинь. *Сравнительный анализ механизмов управления системой высшего профессионального образования в Китае и Беларуси* 43
Мариненко О.П., У Цюсюань. *Модель сопровождения адаптации иностранных студентов к обучению в университете* 47
Починок Т.В. *Механизм формирования универсальных компетенций у будущих лингвистов-преподавателей* 52
Старченко В.Н. *Модель операционного алфавита физкультурной мыследеятельности* . 58
Усович В.Ю. *Современные отечественные тенденции развития оздоровительной физической культуры лиц среднего и пожилого возраста* 64
Ху Цзызи, Е.Е. Кошман. *Особенности подготовки обучающихся профессиональных училищ к инновационной деятельности* 69
Числова Х.С. *Эволюция деловой игры в профессиональном образовании* 73

Право

Абрамчук А.А. *К понятию стратегического планирования в государственном управлении* 77
Алекперов Р.Р. *Ретроспективный анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регламентирующих применение заключения под стражу* 84
Денисенко Н.В. *Правовое положение внебрачных детей на белорусских землях (конец XVIII–XIX вв.)* 90

Копыткова Н.В. *Эмансипация и правосубъектность несовершеннолетних* 97
Малаха О.Г., Набатова А.Э. *Убийство прошлых лет: понятийный и криминологический аспекты* 102
Масловская Т.С. *Конституционное регулирование науки и инноваций: Республика Беларусь и зарубежный опыт* 107
Сенькова Т.В. *Сроки аккредитации национальных наблюдателей: опыт Республики Беларусь и зарубежных стран* 112
Усова Е.И. *Деятельность Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел при ведении административного процесса* 117
Шинкарев А.М. *Исторические и правовые предпосылки криминализации геноцида: национальный и международный аспекты* 122
Шушкевич А.Г. *Особенности правового регулирования административной ответственности за административные таможенные правонарушения* 126
Ярмоц Е.Н. *Понятие и предпосылки формирования профессиональной судебной этики* . 133

ЭКОНОМИКА

Ермонина И.В. *Экологический туризм: анализ проводимых научных исследований по его организации и развитию в Российской Федерации* 137
Захарова С.Г. *Устойчивость системы в турбулентной среде* 142
Зенькова Л.П., Захарова С.Г. *Турбулентность экономической среды: уровни, критерии, оценка* 147
Исайчикова Н.И. *Институциональная трансформация цифровой экономики Республики Беларусь* 152
Каморников С.С. *Рынок услуг по зарядке электромобилей в Республике Беларусь: состояние, тенденции и перспективы развития* 157
Климук В.В., Климук Е.В. *Методические подходы к оценке и анализу эффективности предпринимательской деятельности, в т. ч. молодежного инновационного предпринимательства* 164
Крицкая Н.В. *Трансформация взаимодействия экономических циклов и рынка труда: общемировые тренды и институциональные особенности транзитивных экономик Казахстана, Узбекистана и Болгарии* 169
Нижегородцев Р.М. *Современные тренды в развитии экономической науки и в управлении экономическими системами* 175
Орлова А.В. *Международное женское предпринимательство: теоретические подходы к понятию «женщина-предприниматель»* 182
Янь Чаохэн. *Организационно-методическое обеспечение эффективного использования цифровых технологий в пищевой промышленности Китая* 189
Яцевич Н.В. *Амбивалентность роли государства в предпринимательстве* 193

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999
Released bimonthly

• 2026, № 5 (158) •
SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:
PEDAGOGICS • LAW •ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Bondarenko K.K. *The competence-based approach of the coach-instructor in the training system for children practising karate* 5
But-Gusaim N.A., Starchenko V.N. *Predicting the prospective specialization of young track and field athletes at the initial selection stage* 11
Grahotskaya A.Yu. *The development of the system of practical teacher training in Russia and Belarus from the 18th to the early 20th century* 16
Ermakov V.G., Nechaev N.N. *L.S. Vygotsky's theory of the zone of proximal development and synergetics* 21
Kadol F.V. *Key sources and problems of contemporary pedagogical knowledge* 27
Kozhedub M.S. *The impact of menstrual cycle phases on the psychoemotional state and cognitive functions of middle-distance runners* 32
Kushnerova E.M. *Developing universal competencies through leisure culture: from historical analysis to a modern educational ecosystem* 37
Liang Xinxin. *Comparative analysis of higher vocational education management mechanisms in China and Belarus* 43
Marinenko O.P., Wu Qiuxuan. *The model of facilitation of international student adaptation to the university* 47
Pochinok T.V. *The mechanism for developing universal competencies in future linguist-teachers* .. 52
Starchenko V.N. *Model of the operational alphabet of physical education thought activity* 58
Usovich V.Yu. *Current domestic trends in the development of health-oriented physical activity for middle-aged and elderly people* 64
Hu Ziqi, Koshman E.E. *Peculiarities of training students of vocational schools for innovative activities* 69
Chislova H.S. *The evolution of the business game in vocational education* 73

LAW

Abramchuk A.A. *On the concept of strategic planning in public administration* 77
Alekperov P.P. *A retrospective analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus regulating the use of detention* 84
Denisenko N.V. *The legal status of illegitimate children in Belarusian lands (late 18th–19th centuries)* 90
Kopytkova N.V. *Emancipation and legal personality of minors* 97
Malaha O.G., Nabatova A.E. *Past murder: conceptual and criminological aspects* 102
Maslovskaya T.S. *Constitutional regulation of science and innovation: the Republic of Belarus and international experience* 107

Senkova T.V. *Accreditation period for national observers: the experience of the Republic of Belarus and foreign countries* 112
Usova E.I. *Activities of the State Automobile Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs in the conduct of administrative proceedings* 117
Shinkarev A.M. *Historical and legal prerequisites for the criminalization of genocide: national and international aspects* 122
Shushkevich A.G. *Specifics of the legal regulation of administrative liability for administrative customs violations* 126
Yarmats A.M. *The concept and prerequisites for the development of professional judicial ethics* 133

ECONOMICS

Ermonina I.V. *Ecotourism: an analysis of scientific research on its organization and development in the Russian Federation* 137
Zakharova S.G. *System stability in a turbulent environment* 142
Ziankova L.P., Zakharova S.G. *Turbulence of the economic environment: levels, criteria, and assessment* 147
Isaichikova N.I. *Institutional transformation of the digital economy of the Republic of Belarus* ... 152
Kamornikov S.S. *The electric vehicle charging services market in the Republic of Belarus: current state, trends, and development prospects* 157
Klimuk V.V., Klimuk E.V. *Methodological approaches to assessing and analyzing the effectiveness of entrepreneurial activity, including youth innovative entrepreneurship* 164
Kritskaya N.V. *The transformation of the interaction between economic cycles and the labor market: global trends and the institutional characteristics of the transition economies of Kazakhstan, Uzbekistan, and Bulgaria* 169
Nizhegorodtsev R.M. *Current trends in economics and in control for economic systems* 175
Orlova A.V. *International women's entrepreneurship: theoretical approaches to the concept of the «woman entrepreneur»* 182
Xian Jiaoheng. *Organizational and methodological support for the effective use of digital technologies in China's food industry* 189
Yatsevich N.V. *The ambivalence of the state's role in entrepreneurship* 193

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

Педагогика

УДК 37.091.33:796.015:796.853.26 EDN: DLMSEH

Компетентностный подход тренера-преподавателя в системе подготовки детей, занимающихся каратэ

К.К. Бондаренко

Целью исследования являлось выявление и анализ ключевых компетенций тренера-преподавателя, необходимых для эффективной подготовки детей в каратэ, в рамках реализации компетентностного подхода. Выявлены значительные дефициты в компетенциях, связанных с психолого-педагогическим сопровождением детей (учет возрастных и индивидуальных особенностей, мотивация, работа с родителями), основами спортивной медицины и профилактики травматизма, а также в использовании цифровых технологий в тренировочном процессе и вопросами кинезиологии движения. На основе результатов построена структурная модель компетентностного профиля тренера-преподавателя по каратэ для детско-юношеских групп и предложены модули для системы дополнительного профессионального образования.
Ключевые слова: компетентностный подход, тренер-преподаватель, каратэ, детско-юношеский спорт, профессиональные компетенции, психолого-педагогическое сопровождение.

The purpose of the study was to identify and analyze the key competencies of a coach-instructor necessary for the effective training of children in karate, within the framework of implementing a competence-based approach. Significant deficits were identified in competencies related to the psychological and pedagogical support of children (considering age and individual characteristics, motivation, working with parents), the fundamentals of sports medicine and injury prevention, the use of digital technologies in the training process, and issues of movement kinesiology. Based on the results, a structural model of the competence profile of a karate coach-instructor for children's and youth groups was developed, and modules for the system of additional professional education were proposed.
Keywords: competence-based approach, coach-instructor, karate, children's and youth sports, professional competencies, psychological and pedagogical support.

Введение. Современная система спортивной подготовки детей требует от тренера-преподавателя не только глубоких специализированных знаний в избранном виде спорта, но и комплексных психолого-педагогических умений. В каратэ, как виде спорта с высокой философско-воспитательной составляющей и повышенными требованиями к технике безопасности, этот аспект особенно актуален. Традиционная модель подготовки тренеров, зачастую фокусирующаяся на спортивном мастерстве и методике тренировки, оказывается недостаточной для решения всего спектра задач, связанных с работой с детской аудиторией [1]. Компетентностный подход, утвердившийся в общем и профессиональном образовании, позволяет систематизировать требования к профессиональной деятельности тренера, сместив акцент с усвоения знаний на способность эффективно действовать в реальных практических ситуациях [2].

Концепция развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации указывает на необходимость изменения подходов к подготовке тренерских кадров, уделяя особое внимание формированию умений работать с различными категориями обучающихся, созданию безопасной и мотивирующей среды, взаимодействию с родителями. В контексте каратэ это подразумевает, что тренер должен не только обучать технике ката и кумитэ, но и способствовать личностному развитию ребенка, формированию дисциплины, уважения, умения преодолевать трудности, а также обеспечивать профилактику травматизма и эмоционального выгорания.

Зарубежные исследования в области спортивной педагогики также подчеркивают важность таких компетенций тренера, как эмоциональный интеллект, способность к дифференцированному обучению, создание климата, ориентированного на мастерство, а не только на

результат [3]. Изучение специфики работы тренеров в единоборствах показывает, что успешность их деятельности напрямую коррелирует с умением адаптировать тренировочный процесс к возрастным и психофизиологическим особенностям детей.

Таким образом, актуальность исследования определяется противоречием между возросшими социально-педагогическими требованиями к деятельности тренера по каратэ, работающего с детьми, и недостаточной разработанностью модели его профессиональных компетенций в системе непрерывного физкультурного образования.

Цель исследования: выявить и проанализировать структуру профессиональных компетенций тренера-преподавателя по каратэ в детско-юношеском спорте и оценить уровень их сформированности.

Задачи исследования:

1. На основе анализа профессиональных стандартов и научной литературы выделить ключевые компетенции тренера-преподавателя по каратэ, работающего с детьми.

2. Разработать и апробировать инструмент для самооценки сформированности данных компетенций.

3. Провести сравнительный анализ уровня сформированности компетенций у тренеров с разным уровнем образования и опытом работы.

4. Разработать рекомендации по структуре модулей дополнительного профессионального образования для тренеров.

Понятие профессиональной компетентности тренера рассматривается в работах многих отечественных специалистов. В.Н. Платонов определяет ее как интегративное качество, включающее знания, умения, навыки и личностные свойства, обеспечивающие эффективное решение педагогических и спортивно-технических задач [4]. В структуре компетентности тренера по единоборствам для работы с детьми исследователи выделяют несколько ключевых блоков:

1. Специально-техническая компетенция: глубинное знание техники, тактики, правил каратэ, методики построения тренировочного процесса на разных этапах подготовки [5]. Это ядро профессиональной деятельности, включающее также знание истории и философии каратэ для трансляции ценностного компонента.

2. Психолого-педагогическая компетенция: умение учитывать возрастные особенности детей (сенситивные периоды, когнитивные возможности), мотивировать, разрешать конфликты в детском коллективе, выстраивать доверительные отношения, сотрудничать с родителями, распознавать признаки эмоционального выгорания или чрезмерного давления со стороны семьи [6]. Особую важность в единоборствах имеет формирование здоровой соревновательной мотивации и контроль над агрессией.

3. Компетенция в области здоровья и безопасности: знание основ спортивной медицины, возрастной физиологии, профилактики типичных для каратэ травм (растяжения связок, ушибы, травмы кисти), оказания первой помощи, обеспечения безопасных условий тренировки (качество покрытия, инвентарь) [7]. Сюда же относится компетенция в области антидопингового обеспечения и нутрициологии для детей.

4. Коммуникативная и рефлексивная компетенция: способность к четкой инструкции, невербальной и вербальной коммуникации, предоставлению конструктивной обратной связи, анализу собственной педагогической деятельности и ее коррекции, а также готовность к непрерывному самообразованию [8]. В современных условиях сюда добавляется цифровая грамотность.

5. Кинезиологическая и биомеханическая компетенция – способность понимать и применять знания о биомеханике движений, функциональном состоянии и адаптационных резервах скелетных мышц в процессе тренировки и восстановления. Эта компетенция основывается на понимании обобщенной модели скелетной мышцы, которая включает активные (сократительные) и пассивные (эластичные) элементы, а также их взаимодействие при выполнении ударных и защитных действий [9]. Для тренера критически важным является умение анализировать биомеханику базовых технических действий с точки зрения последовательности включения мышечных групп, оптимальных траекторий и точек приложения усилия для минимизации энергозатрат и максимизации эффективности удара [10]. Он должен прогнозировать и распознавать мышечное утомление. Понимать природу изменений функционального состояния мышц (скорость сокращения, координация, силовая выносливость) в

ходе тренировочной серии, микро- и мезоцикла. Это позволяет дифференцировать нормальную тренировочную усталость от предпатологических состояний, ведущих к травмам. Тренер должен использовать адекватные средства и методы восстановления. На основе оценки характера выполненной нагрузки (объем, интенсивность, тип мышечной работы – концентрическая, эксцентрическая, изометрическая) подбирать средства для оптимизации процессов суперкомпенсации. Особо важным показателем является использование данных для индивидуализации нагрузки с умением интерпретировать косвенные признаки изменения состояния мышц (ощущения спортсмена, визуальная оценка техники на фоне утомления, изменение скорости выполнения комбинаций) для оперативной коррекции плана тренировки.

Зарубежные авторы в рамках моделей «coaching effectiveness» также акцентируют внимание на важности межличностных навыков, знаний в области педагогики и интраперсональных навыков для создания позитивного развивающего климата [3]. Исследования в области каратэ специфически выделяют компетенцию в интеграции традиционных ритуалов (рей, этикет додзё) и принципов (например, «кумитэ – это не драка, а диалог двух спортсменов») в педагогический процесс для воспитания характера [11].

Методы и методология. В качестве основного метода исследования использовался анонимный онлайн-опрос посредством Гугл-форм. Выборка составила 147 тренеров-преподавателей по каратэ (стаж работы от 1 года до 25 лет), что является репрезентативным показателем для пилотного исследования. Опросник разрабатывался в несколько этапов: на основе теоретического анализа был сформирована база из 40 утверждений, затем проведена экспертная оценка (5 экспертов – доктора и кандидаты наук в области физической культуры и спортивной психологии), по итогам которой было отобрано 25 наиболее валидных и релевантных пунктов. Для проверки надежности инструмента использовался коэффициент альфа Кронбаха, который составил 0,87 по всему опроснику, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности.

Опросник состоял из двух частей:

1. Социально-демографическая часть (7 вопросов): образование (профильное / непрофильное высшее, среднее специальное), стаж, квалификационная категория, возрастная группа занимающихся, наличие сертификатов о дополнительном образовании.

2. Основная часть (25 вопросов), направленная на самооценку компетенций по 5-балльной шкале Ликерта (1 – полностью не сформирована, 5 – полностью сформирована). Вопросы были сгруппированы в 4 блока, соответствующих теоретически выделенным группам компетенций:

– Блок А. Специально-технические (7 вопросов). Пример: «Я могу детально объяснить и продемонстрировать биомеханику базового удара (ой-цуки) для ребенка 8–10 лет».

– Блок Б. Психолого-педагогические (8 вопросов). Пример: «Я владею методами коррекции поведения гиперактивного ребенка на тренировке без применения жестких дисциплинарных мер».

– Блок В. Здоровьесберегающие (5 вопросов). Пример: «Я могу распознать признаки перетренированности (хронического утомления) у ребенка 12–14 лет и скорректировать его индивидуальный план».

– Блок Г. Коммуникативно-рефлексивные (5 вопросов). Пример: «Я систематически анализирую видео своих тренировок для оценки эффективности коммуникации и корректировки методики».

– Блок Д. Кинезиологические и биомеханические (5 вопросов). Пример: «Я могу объяснить, какие мышечные группы являются ключевыми для мощного выполнения мае-гери и какие из них наиболее подвержены утомлению при многократном повторении».

Для обработки данных использовались методы дескриптивной статистики (среднее арифметическое, стандартное отклонение, мода) в программе SPSS Statistics 26. Для выявления статистически значимых различий между независимыми группами тренеров (с высшим физкультурным образованием и без него) применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Уровень значимости был установлен как $p < 0,05$. Также был проведен корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) для выявления взаимосвязей между стажем работы и оценками по отдельным блокам.

Результаты исследование и их обсуждение. Средние баллы по блокам компетенций для всей выборки ($n = 147$) представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Средняя самооценка сформированности компетенций тренеров

Блок компетенций	Среднее значение балла, x ± δ	Уровень сформированности
А. Специально-технические	4,45 ± 0,51	Высокий
Б. Психолого-педагогические	3,12 ± 0,89	Средне-низкий
В. Здоровьесберегающие	2,87 ± 0,95	Низкий
Г. Коммуникативно-рефлексивные	3,78 ± 0,72	Средний
Д. Кинезиологические и биомеханические	2,95 ± 1,02	Низкий

Наиболее высокие и консолидированные (низкое значение δ) показатели продемонстрированы в блоке специально-технических компетенций. Внутри блока психолого-педагогических компетенций самыми низкими ($x_{ср} < 2,8$) оказались оценки по пунктам, связанным с «диагностикой эмоционального состояния ребенка и дифференциацией усталости от апатии», «конструктивной работой с родителями по вопросам завышенных ожиданий и давления на ребенка», «методами коррекции тревожности и страха перед первым соревновательным опытом». В блоке здоровья критически низкие баллы ($x_{ср} \approx 2,2$) получили знания «признаков перетренированности у детей на разных этапах подготовки» и «алгоритмов действий при подозрении на сотрясение мозга или травму шейного отдела».

Сравнительный анализ показал статистически значимые различия ($p < 0,01$) между группой тренеров с высшим физкультурным образованием ($n = 85$) и группой без него ($n = 62$) по всем блокам, кроме специально-технического ($p = 0,32$). Наибольший разрыв наблюдался в блоках В (Здоровьесберегающие: $x_{ср} = 3,21$ и $x_{ср} = 2,41$) и Б (Психолого-педагогические: $x_{ср} = 3,55$ и $x_{ср} = 2,56$). Интересно, что корреляционный анализ выявил слабую положительную связь ($r = 0,28$, $p < 0,05$) между стажем работы и баллами в блоке А и отсутствие значимой связи со стажем в блоках Б и В. Это косвенно указывает на то, что опыт сам по себе не компенсирует дефицит фундаментальных психолого-педагогических и медицинских знаний.

Блок Д показал один из самых низких средних баллов с высоким разбросом ($\delta = 1,02$), что свидетельствует о существенном дефиците знаний в этой области и крайне неравномерной подготовке тренеров. Наименьшие баллы были получены по вопросам, связанным с методами оценки динамики мышечного утомления в ходе занятия и подбором специфических средств восстановления после ударной нагрузки.

Дополнительно был проведен анализ по подгруппам в зависимости от основного контингента занимающихся (дети 4–7 лет, 8–12 лет, подростки 13–17 лет). Тренеры, работающие с самой младшей группой (4–7 лет), показали статистически более высокие баллы в подпунктах блока Б, связанных с игровыми методами обучения ($p < 0,05$), однако их общие баллы по блоку В (здоровье) оставались такими же низкими, как и у коллег.

Результаты подтвердили выдвинутое предположение о структурном дисбалансе в профессиональной подготовке тренеров по каратэ. Явный перекос в сторону специально-технической подготовки, являющейся «зоной уверенности», при относительной слабости психолого-педагогической и медико-профилактической составляющих создает системные риски. Это может приводить к таким негативным последствиям, как повышенный травматизм – из-за незнания специфики возрастной биомеханики и методов страховки для детского организма, неумения дозировать нагрузку. Создаёт предпосылки появления психологического дискомфорта и оттоку детей. Авторитарный стиль общения, неумение мотивировать, игнорирование индивидуальных особенностей (например, темперамента) ведут к потере интереса и повышенной тревожности у юных спортсменов. Также могут возникать конфликты с родителями из-за отсутствия навыков выстраивания партнерских отношений и просветительской работы с семьей, что приводит к недопониманию и взаимным претензиям.

Полученные данные согласуются с выводами О.А. Кривко о необходимости усиления педагогического компонента в подготовке тренеров для детского спорта, но также конкретизируют проблему, указывая на особую уязвимость знаний в области спортивной медицины и оценки состояния детского организма [12]. Выявленная зависимость уровня компетенций от базового образования указывает на ключевую роль системы профессионального физкультурного образования как фундамента. Особенно тревожным представляется низкий уровень кинезиологической компетенции, так как именно она является научным мостом между техникой (блок А) и здоровьем (блок В). Непонимание биомеханики и физиологии мышечного

утомления напрямую ведет к неоптимальному построению тренировочных заданий, накоплению микротравм и, как следствие, к проявлениям проблем в блоке В (травматизм). Многие авторы дают четкое научное обоснование для формирования этой компетенции, однако их практические выводы явно не доходят до широкой тренерской аудитории. Однако и для тренеров с высшим образованием сохраняется острая потребность в актуализации знаний, особенно в области детской спортивной психологии, нейрофизиологии и современных цифровых инструментов анализа техники (например, использование приложений для биомеханического анализа видеоповторов, технологий для мониторинга физической нагрузки).

Интересным представляется отсутствие прямой корреляции стажа с педагогическими компетенциями. Это свидетельствует о том, что без целенаправленного рефлексивного обучения и самообразования «сырой» опыт может закреплять неэффективные, а иногда и ошибочные педагогические шаблоны. Таким образом, система дополнительного профессионального образования и повышения квалификации должна быть нацелена не только на «натаскивание» менее квалифицированных кадров, но и на стимулирование профессионального роста и рефлексии у всех тренеров, включая опытных.

На основе результатов исследования нами была разработана и визуализирована структурно-функциональная модель компетентностного профиля тренера-преподавателя по каратэ, где ядро составляют ценностно-смысловые установки (уважение, безопасность, развитие личности), а пять выделенных блоков компетенций являются взаимосвязанными «опорами». Также предложена модель модульной программы повышения квалификации тренеров-преподавателей по каратэ (90 часов), включающая:

– Модуль 1. «Психология и педагогика детско-юношеского спорта в каратэ» (24 ч.). Акцент на возрастную психологию, невербальную коммуникацию, методы формирования групповой сплоченности, работу с мотивацией и страхами.

– Модуль 2. «Безопасность тренировочного процесса и основы спортивной медицины для тренера» (20 ч.). Практикум по оказанию первой помощи, анализ типичных травм в каратэ, основы нутрициологии для детей, антидопинговое просвещение.

– Модуль 3. «Коммуникативные технологии и работа с родительским сообществом» (16 ч.). Техники проведения родительских собраний, разрешения конфликтов, создания общего воспитательного пространства «тренер-ребенок-семья».

– Модуль 4. «Современные цифровые инструменты в анализе планирования нагрузки» (12 ч.). Обзор доступных приложений и гаджетов, этические аспекты использования персональных данных.

– Модуль 5. «Основы биомеханики и кинезиологии каратэ» (18 ч.). Основы работы с системами видеоанализа движения. Изучение обобщенных моделей работы мышц при ударных действиях, анализ научных данных по выполнению конкретных техник, методы визуальной и кинестетической диагностики утомления, принципы построения восстановительных микроциклов.

Ограничением исследования является субъективность самооценки компетенций и возможная социальная желательность ответов. В дальнейшем планируется дополнить методологию комплексной оценкой, а именно, экспертной оценкой деятельности тренера, наблюдением по стандартизированному чек-листу, а также анкетированием родителей и юных спортсменов для получения триангулированных данных.

Практические рекомендации. На основании проведенного исследования можно сформулировать ряд практических рекомендаций для различных уровней системы подготовки кадров в детско-юношеском каратэ:

Для организаций дополнительного профессионального образования (институты дополнительного образования, курсы повышения квалификации, федерации) необходимо:

1. Сместить акцент в программах дополнительного профессионального образования с «технических семинаров» на комплексные модули, подобные предложенной выше модели, с обязательным включением практических тренингов.

2. Внедрить систему входного тестирования компетенций для формирования индивидуальных образовательных траекторий тренеров, а также итоговой оценки на основе детального анализа конкретной реальной ситуации для выявления проблем, выработки решений и развития практических навыков.

3. Разработать и распространить среди тренеров краткие методические пособия по ключевым проблемным зонам, например, «Алгоритм действий при травме», «Как провести беседу с гиперактивным ребенком» и т. п.

Для спортивных школ и клубов можно предложить стимулировать и частично компенсировать тренерам прохождение модулей по психолого-педагогической и здоровьесберегающей тематике, а также, организовывать регулярные межклубные методические семинары с приглашением спортивных психологов и врачей. Кроме того, можно внедрить внутреннюю систему тьютерства, где более опытный тренер с педагогическим образованием курирует начинающих коллег.

Заключение. Проведенное исследование выявило значительную структурную неравномерность в сформированности профессиональных компетенций у тренеров-преподавателей, работающих с детьми в каратэ. Доминирование специально-технических компетенций при недостаточном уровне психолого-педагогических, здоровьесберегающих и коммуникативных навыков свидетельствует о необходимости пересмотра содержания как базового, так и дополнительного профессионального образования в этой сфере. Тренеры, чья подготовка основана преимущественно на спортивном опыте без профильного высшего образования, демонстрируют наибольший дефицит в компетенциях, критически важных для работы с детской аудиторией. При этом сам по себе стаж не является гарантией педагогического мастерства. Блок кинезиологических компетенций показал критически низкие результаты, подчеркивая, что эмпирические представления о работе мышц часто расходятся с научными данными. Внедрение модульной системы повышения квалификации, направленной на ликвидацию выявленных проблем через практико-ориентированные и рефлексивные форматы обучения, будет способствовать повышению качества, безопасности и гуманистической направленности тренировочного процесса. Это, в свою очередь, является залогом не только роста спортивных результатов, но и, что более важно, гармоничного физического, психологического и социального развития юных спортсменов, что полностью соответствует философским и воспитательным идеалам каратэ-до.

Литература

1. Лубышева, Л. И. Концепция спортизации в системе физкультурного образования / Л. И. Лубышева // Вестник Пермского гос. гум.-пед. ун-та. – 2016. – № 2-1. – С. 44–54.

2. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования / И. А. Зимняя // Эйдос. – 2006. – № 5. – С. 18–24.

3. Côté, J. An integrative definition of coaching effectiveness and expertise / J. Côté, W. Gilbert // International Journal of Sports Science & Coaching. – 2009. – Vol. 4 (3). – P. 307–323.

4. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2015. – 808 с.

5. Новиков, А. А. Научно-методическая концепция управления подготовкой высококвалифицированных спортсменов / А. А. Новиков, О. С. Морозов, В. С. Чебураев, А. О. Новиков // Вестник спортивной науки. – 2013. – № 5. – С. 36–39.

6. Горская, Г. Б. Психологические ресурсы принятия ответственности у спортсменов подросткового возраста : лонгитюдное исследование / Г. Б. Горская, И. М. Дементьева // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер., Педагогика и психология. – 2023. – № 4(65). – С. 14–25.

7. Moskatova, A. K. Phenomenology of sports talent manifestation / A. K. Moskatova // Modern Science. – 2017. – № 11. – P. 167–177.

8. Ильин, Е. П. Психология спорта / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2018. – 352 с.

9. Shil'ko, S. V. Generalized model of a skeletal muscle / S. V. Shil'ko, D. A. Chernous, K. K. Bondarenko // Mechanics of Composite Materials. – 2016. Vol. 51, № 6. – P. 789–800.

10. Bondarenko, K. K. Determination of quantitative parameters of mai-geri kick performance in karate by the nature of changes in the functional state of skeletal muscles / K. K. Bondarenko // Journal of Siberian Federal University. – 2025. – Vol. 18, № 11. – P. 2370–2380.

11. Theeboom, M. Martial arts and socially vulnerable youth / M. Theeboom, P. De Knop, P. Wylleman // European Journal for Sport and Society. – 2008. – Vol. 5(1). – P. 9–23.

12. Кривко, О. А. Профессиональная компетентность как результат обучения специалиста в сфере физической культуры и спорта в вузе / О. А. Кривко // Физическая культура. Спорт. Здоровье. – 2023. – № 1. – С. 126–130.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 22.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 37.091.33:796.015.02-053.67:796.42 EDN: CUIVIA

Прогнозирование предполагаемой специализации юных легкоатлетов на этапе первичного отбора

Н.А. Бут-Гусаим, В.Н. Старченко

Разработка интегрального показателя, который позволял бы на первичном этапе отбора предположить вероятную специализацию юных легкоатлетов, имеет большое значение для тренеров и специалистов в области спорта. Актуальность его выявления связана с необходимостью повышения эффективности тренировочного процесса, улучшения результатов спортсменов и предотвращения возможных негативных последствий от ошибочного выбора специализации. Разработанный показатель позволил определить предполагаемую специализацию для финалистов мероприятия «300 талантов для Королевы».
Ключевые слова: интегральный показатель, мотивация, легкая атлетика, специализация, спорт, тренировочный процесс.

The development of an integral indicator that would allow at the initial stage of selection to assume the probable specialization of young athletes is of great importance for coaches and specialists in the field of sports. The relevance of its identification is associated with the need to increase the efficiency of the training process, improve the results of athletes and prevent possible negative consequences from the wrong choice of specialization. The developed indicator made it possible to determine the expected specialization for the finalists of the event «300 Talents for the Queen».
Keywords: integral index, motivation, track and field, specialization, sport, training process.

Введение. Разработка интегрального показателя, который позволял бы на первичном этапе отбора предположить вероятную специализацию юных легкоатлетов, имеет большое значение для тренеров и специалистов в области спорта. Это помогает определить вектор развития потенциала юного спортсмена и разработать индивидуальную тренировочную программу, соответствующую его сильным сторонам и способностям.

Актуальность решения данной научно-практической задачи заключается в том, что раннее определение вероятной специализации спортсмена позволяет эффективнее развивать его способности и увеличить шансы на достижение успеха в спорте. Кроме того, это позволяет избежать грубых ошибок в выборе специализации и излишних нагрузок, которые могут привести к травмам или задержать физическое развитие юного спортсмена, а также позволяет повысить эффективность тренировочного процесса.

В данной статье мы постарались разработать и апробировать показатель, позволяющий с некоторой вероятностью предположить специализацию юных легкоатлетов уже на этапе первичного отбора.

Апробация показателя осуществлялась на основе результатов, продемонстрированных финалистами проекта «300 талантов для Королевы» в 2024 г.

Цель исследования – разработка и апробация показателя, позволяющего на этапе первичного отбора предположить вероятную специализацию юных легкоатлетов.

Материалы и методы исследования. Материалами для исследования послужили протоколы результатов, продемонстрированных финалистами проекта «300 талантов для Королевы» в 2024 г., и результаты определения их уровня мотивированности. Также нами использовались такие методы, как теоретический анализ, моделирование, тестирование, методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. Разрабатывая показатель, позволяющий на этапе первичного отбора предположить вероятную специализацию юных легкоатлетов, нужно учитывать множество факторов. В нашем исследовании мы придерживались той позиции, что на этапе первичного отбора можно ограничиться лишь двумя факторами: уровнем мотивированности ребенка к занятиям основными легкоатлетическими движениями (бегом, прыжками, метаниям) и уровнем физической подготовленности в этих движениях [1], [2].

Уровень мотивированности **М** юного легкоатлета определялся с помощью специального теста (анкеты, включающей всего пять вопросов с вариантами ответов на них) [3]. Анкетирование проводилось с участниками проекта до начала финальных соревнований и после них. С учетом этого определялся медианный уровень мотивированности каждого участника.

Например, медианный уровень мотивированности **Mr** к занятиям бегом участника финала второклассника **А** составил 3 балла. Медианный уровень мотивированности **Mr** к занятиям бегом участника финала второклассника **Г** составил также 3 балла.

Уровень физической подготовленности юного легкоатлета в беге, прыжках и метании определялся как его взвешенный внутригрупповой ранг, вычисляемый по результатам финальных соревнований в беге, прыжках и метании.

Взвешенный внутригрупповой ранг **R** юных легкоатлетов по результатам соревнований по ОФП определялся по формуле:

$$R = 1 - (R_{real} - R_{best})/(R_{last} - R_{best}),$$

где R_{real} – реальный ранг атлета в группе, R_{best} – высший ранг в группе, R_{last} – последний ранг в группе.

Показатель R принимает значение от 0 до 1.

Следует иметь ввиду, что вычисление взвешенного внутригруппового ранга юного атлета имеет практический смысл, когда объем группы составляет не менее 30 человек.

Например, участник финала второклассник А занял 25 место (из 40) в барьерном беге. Вычисление взвешенного внутригруппового ранга этого атлета дает следующий результат: Rr = 1 – (25-1) / (40-1) = 0,38. Или участник финала второклассник Г занял 4 место (из 40) в барьерном беге. Вычисление взвешенного внутригруппового ранга атлета Г дает следующий результат: Rr = 1 – (4-1)/(40-1) = 0,92.

Показатель **P** перспективности юного легкоатлета, учитывающий его уровень подготовленности в беге (прыжках, метании) и мотивированности к занятиям этими направлениями легкой атлетикой, вычисляется по формуле: $\mathbf{P} = \mathbf{M} \cdot \mathbf{R}$. Или в развернутом виде:

$$P = M \cdot (1 - \frac{R_{real} - R_{best}}{R_{last} - R_{best}}),$$

где М – уровень мотивированности к занятиям бегом (прыжкам, метаниям), Р – показатель перспективности юного атлета в отношении занятий бегом (прыжками, метаниями) (безразмерная величина, принимающая значения от 0 до 3).

Интерпретация значений интегрального показателя перспективности юного легкоатлета в отношении занятий бегом (прыжками, метаниями) показана в таблице 1.

Таблица 1– Интерпретация значений показателя Р

Значение Р	Интерпретация
2,5–3,0	Прогноз отличный
2,0–2,4	Прогноз хороший
1,5–1,9	Прогноз удовлетворительный
0,0–1,4	Прогноз неудовлетворительный

Пример. Юный атлет второклассник **А** имеет медианный уровень мотивированности к занятиям бегом Mr = 3, взвешенный внутригрупповой ранг уровня физической подготовленности в беге Rr = 0,38. Тогда показатель перспективности этого атлета в отношении занятий бегом Pr = 3·0,38 = 1,14, что интерпретируется как «неудовлетворительный».

Аналогичным образом определялся показатель перспективности каждого участника финальных соревнований в отношении занятий прыжками и метаниями.

В исследовании на этапе первичного отбора приняли участие 128 девочек и 127 мальчиков – учащихся 2–4 классов учреждений общего среднего образования – финалистов республиканского спортивно-массового мероприятия «300 талантов для Королевы», состоявшегося в период 17–21 апреля 2024 г.

Финалисты были дифференцированы по возрасту и полу на шесть групп. Мальчики 2 класса – 40 человек, мальчики 3 класса – 39 человек, мальчики 4 класса – 48 человек. Девочки 2 класса – 41 человек, девочки 3 класса – 44 человека, девочки 4 класса – 43 человека.

В результате проведенного исследования нами был сделан прогноз в отношении вероятной специализации в легкой атлетике для всех финалистов проекта в каждой возрастной группе. Исходя

из полученных результатов среди мальчиков 2 класса, отличный прогноз в отношении занятия беговыми видами имеют 2 человека, хороший прогноз у 4 человек, еще у 6 человек прогноз удовлетворительный и 27 человек имеют неудовлетворительный прогноз. В отношении вероятных занятий прыжковыми видами 2 мальчика имеют отличный прогноз, 3 мальчика получили хороший прогноз, у 7 мальчиков прогноз удовлетворительный и у 29 – неудовлетворительный. У 2 участников был выявлен отличный прогноз в отношении вероятных занятий метаниями, еще у 3 прогноз хороший, у 8 человек прогноз удовлетворительный и еще у 28 человек прогноз неудовлетворительный.

У 4 мальчиков из 3 класса был получен отличный прогноз в отношении занятий беговыми видами, еще у 2 хороший прогноз, у 6 человек прогноз удовлетворительный и у 27 – неудовлетворительный. Только 1 человек имеет отличный прогноз в отношении вероятных занятий прыжковыми видами, 2 человека показали хороший прогноз, 7 человек удовлетворительный и 28 человек неудовлетворительный. 2 участника показали отличный прогноз в отношении вероятности занятий видами метаний, хороший прогноз у 4 участников, удовлетворительный прогноз еще у 4 участников и 30 участников показали неудовлетворительный прогноз.

Среди мальчиков 4 класса отличный прогноз в отношении вероятных занятий беговыми видам легкой атлетики был у 2 человек, хороший у 7 человек, удовлетворительный у 8 и у 31 человека неудовлетворительный. К вероятным занятиям прыжковыми видами отличный прогноз был у 3 участников, хороший у 4, у 9 участников был удовлетворительный прогноз и 32 участника получили неудовлетворительный прогноз. У 4 мальчиков был отличный прогноз в отношении вероятных занятий метаниям, еще у 2 прогноз хороший, у 8 человек прогноз удовлетворительный, у 34 – прогноз неудовлетворительный.

У девочек ситуация аналогичная. В отношении вероятных занятий беговыми видами среди девочек 2 класса отличный прогноз был у 2 человек, хороший прогноз у 3 человек, еще у 10 человек прогноз удовлетворительный и 26 человек имеют неудовлетворительный прогноз. 3 девочки имеют отличный и хороший прогноз соответственно к вероятным занятиям прыжковыми видами, у 8 девочек прогноз удовлетворительный, и у 27 – неудовлетворительный прогноз. В отношении вероятных занятий метаниями только по 1 участнице показали отличный и хороший прогноз, 11 участниц показали удовлетворительный прогноз и 28 участниц показали неудовлетворительный прогноз.

В 3 классе отличный прогноз в отношении к занятиям беговыми видами показали 4 девочки, у 1 девочки хороший прогноз, у 9 удовлетворительный и 30 девочек получили неудовлетворительный прогноз. В отношении вероятных занятий прыжковыми видами у 4 участниц прогноз отличный, только у 1 участницы хороший прогноз, еще у 8 прогноз удовлетворительный и у 31 – неудовлетворительный прогноз. Отличный прогноз к вероятным занятиям метаниями был у 2 девочек, у 4 этот показатель был хорошим, у 8 удовлетворительным и у 30 девочек прогноз неудовлетворительным.

Отличный прогноз к вероятным занятиям беговыми видами среди девочек 4 класса получили 4 человека, хороший прогноз был у 5 человек, удовлетворительный и неудовлетворительный прогнозы был у 5 и 29 человек соответственно. В отношении вероятных занятий прыжковыми видами отличный прогноз был у 4 девочек, хороший прогноз был у 2 девочек, еще у 10 был удовлетворительный прогноз и у 27 неудовлетворительный. Только у 3 участниц был получен отличный прогноз к вероятным занятиям метаниями, чуть больше – у 4 участниц, был хороший прогноз, удовлетворительный прогноз был у 6 участниц и неудовлетворительный у 30.

В таблице 2 даны результаты прогнозирования предполагаемой специализации юных легкоатлетов на этапе первичного отбора легкоатлетов (девочек 4 класса) участников проекта «300 талантов для королевы» в 2024 г. Все вычисления проводились с помощью электронных таблиц программы Excel.

Обозначения в таблице: Mr – уровень мотивированности участника в отношении занятий бегом, Mg – уровень мотивированности участника в отношении занятий прыжками, Mt – уровень мотивированности участника в отношении занятий метаниями, Rr – взвешенный внутригрупповой ранг участника в барьерном беге, Rg – взвешенный внутригрупповой ранг участника в прыжках с мета, Rt – взвешенный внутригрупповой ранг участника в метании, Pr – показатель перспективности юного легкоатлета в отношении занятий бегом, Pg – показатель перспективности юного легкоатлета в отношении занятий прыжками, Pt – показатель перспективности юного легкоатлета в отношении занятий метаниями.

Таблица 2 – Результаты прогнозирования предполагаемой специализации юных легкоатлетов на этапе первичного отбора юных легкоатлетов (девочек 4 класса), участников проекта «300 талантов для королевы» в 2024 г.

№	Фамилия, имя	Mr	Барьеры (ранг в группе)	Rr	Pr	Прогноз по бегу	Mg	Прыжок с места (ранг в группе)	Rg	Pg	Прогноз по прыжкам	Mt	Метание (ранг в группе)	Rt	Pt	Прогноз по метаниям
1	А-о Н	**2**	26	0,40	0,81	неуд	2	23	0,48	0,95	неуд	0	10	0,79	0,00	неуд
2	А-ч Т	**2**	16	0,64	1,29	неуд	2	23	0,48	0,95	неуд	2	6	0,88	1,76	удовл
3	А-ч М	**2**	21	0,52	1,05	неуд	3	19	0,57	1,71	удовл	0	16	0,64	0,00	неуд
4	А-м Е	**2**	38	0,12	0,24	неуд	2	23	0,48	0,95	неуд	2	36	0,17	0,33	неуд
5	Б-о А	**3**	31	0,29	0,86	неуд	3	41	0,05	0,14	неуд	3	20	0,55	1,64	удовл
6	В-я П	**2**	23	0,48	0,95	неуд	2	10	0,79	1,57	удовл	0	27	0,38	0,00	неуд
7	Г-я А	**3**	11	0,76	2,29	хор	3	26	0,40	1,21	неуд	3	34	0,21	0,64	неуд
8	Д-о К	**3**	41	0,05	0,14	неуд	2	36	0,17	0,33	неуд	3	41	0,05	0,14	неуд
9	Д-к А	**0,5**	40	0,07	0,04	неуд	0,5	34	0,21	0,11	неуд	0	36	0,17	0,00	неуд
10	Д-а П	**2**	35	0,19	0,38	неуд	2	35	0,19	0,38	неуд	0	41	0,05	0,00	неуд
11	З-я А	**2**	33	0,24	0,48	неуд	2	36	0,17	0,33	неуд	0	43	0,00	0,00	неуд
12	З-ч Е	**0,5**	37	0,14	0,07	неуд	2	28	0,36	0,71	неуд	2	27	0,38	0,76	неуд
13	К-м К	**3**	3	0,95	2,86	**отл**	3	8	0,83	2,50	**отл**	3	10	0,79	2,36	хор
14	К-а У	**0**	13	0,71	0,00	неуд	2	3	0,95	1,90	удовл	0	13	0,71	0,00	неуд
15	К-ш В	**3**	1	1,00	3,00	**отл**	2	14	0,69	1,38	неуд	0	31	0,29	0,00	неуд
16	К-я В	**3**	42	0,02	0,07	неуд	0	43	0,00	0,00	неуд	3	29	0,33	1,00	неуд
17	К-ч В	**3**	13	0,71	2,14	хор	3	12	0,74	2,21	хор	0	39	0,10	0,00	неуд
18	К-а Э	**3**	21	0,52	1,57	удовл	3	1	1,00	3,00	**отл**	3	10	0,79	2,36	хор
19	К-я А	**3**	10	0,79	2,36	хор	2	3	0,95	1,90	удовл	2	16	0,64	1,29	неуд
20	Л-о И	**2**	2	0,98	1,95	удовл	2	3	0,95	1,90	удовл	0,5	6	0,88	0,44	неуд
21	Л-н С	**3**	29	0,33	1,00	неуд	2	30	0,31	0,62	неуд	2	20	0,55	1,10	неуд
22	Л-а У	**3**	5	0,90	2,71	**отл**	3	17	0,62	1,86	удовл	3	8	0,83	2,50	**отл**
23	М-ч К	**2**	15	0,67	1,33	неуд	2	8	0,83	1,67	удовл	2	5	0,90	1,81	удовл
24	М-а А	**3**	34	0,21	0,64	неуд	3	16	0,64	1,93	удовл	0,5	25	0,43	0,21	неуд
25	М-ч А	**2**	17	0,62	1,24	неуд	2	40	0,07	0,14	неуд	2	1	1,00	2,00	хор
26	М-ц С	**3**	9	0,81	2,43	хор	3	10	0,79	2,36	хор	0,5	26	0,40	0,20	неуд
27	М-а В	**3**	27	0,38	1,14	неуд	3	27	0,38	1,14	неуд	3	19	0,57	1,71	удовл
28	П-й М	**2**	39	0,10	0,19	неуд	3	36	0,17	0,50	неуд	3	3	0,95	2,86	**отл**
29	П-ч А	**3**	43	0,00	0,00	неуд	3	31	0,29	0,86	неуд	3	39	0,10	0,29	неуд
30	С-я М	**2**	35	0,19	0,38	неуд	2	39	0,10	0,19	неуд	2	13	0,71	1,43	неуд
31	С-а С	**3**	25	0,43	1,29	неуд	2	31	0,29	0,57	неуд	2	36	0,17	0,33	неуд
32	С-я В	**2**	18	0,60	1,19	неуд	2	2	0,98	1,95	удовл	0	31	0,29	0,00	неуд
33	С-а Я	**3**	12	0,74	2,21	хор	3	7	0,86	2,57	**отл**	3	18	0,60	1,79	удовл
34	С-а С	**2**	7	0,86	1,71	удовл	3	17	0,62	1,86	удовл	2	8	0,83	1,67	удовл
35	Т-к Э	**3**	23	0,48	1,43	неуд	3	33	0,24	0,71	неуд	3	13	0,71	2,14	хор
36	Х-ч А	**2**	8	0,83	1,67	удовл	3	6	0,88	2,64	**отл**	3	23	0,48	1,43	неуд
37	Ч-о З	**2**	30	0,31	0,62	неуд	0,5	42	0,02	0,01	неуд	3	3	0,95	2,86	**отл**
38	Ч-я У	**2**	32	0,26	0,52	неуд	2	20	0,55	1,10	неуд	2	30	0,31	0,62	неуд
39	Ч-ж В	**2**	27	0,38	0,76	неуд	2	20	0,55	1,10	неуд	0	34	0,21	0,00	неуд
40	Ш-ч В	**2**	20	0,55	1,10	неуд	2	14	0,69	1,38	неуд	0	2	0,98	0,00	неуд
41	Ш-к А	**2**	6	0,88	1,76	удовл	2	20	0,55	1,10	неуд	0	20	0,55	0,00	неуд
42	Ш-а М	**3**	4	0,93	2,79	**отл**	2	12	0,74	1,48	неуд	2	24	0,45	0,90	неуд
43	Я-к А	**3**	24	0,45	1,36	неуд	3	28	0,36	1,07	неуд	3	33	0,24	0,71	неуд

Заключение. В результате проведенного исследования разработан и апробирован показатель, позволяющий на этапе первичного отбора предположить вероятную специализацию

юных легкоатлетов. Апробация показателя позволила определить предполагаемую специализацию в легкой атлетике участников финальных соревнованиях республиканского спортивно-массового мероприятия «300 талантов для Королевы». Однако определить прогностическую ценность этого показателя возможно лишь по прошествии ряда лет, когда станет возможным проследить спортивную судьбу участников эксперимента и установить, кто из них останется в спорте и какую специализацию в легкой атлетике они выберут. Это станет предметом наших дальнейших исследований.

В случае успеха эксперимента станет возможным практическое применение разработанного нами показателя на первичном этапе спортивного отбора юных легкоатлетов. Определение вероятной специализации легкоатлетов уже на этапе первичного отбора может существенно облегчить работу тренера-преподавателя и позволит избежать грубых ошибок в выборе конкретной дисциплины легкой атлетики.

Литература

1. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Изд-во «Питер», 2000. – С. 65.

2. Соколик, И. Ю. Современные проблемы отбора и диагностики спортивной одаренности : учеб. пособ. / И. Ю. Соколик. – Минск : Бел.гос. пед. ун-т им. М. Танка, 1998. – 112 с.

3. Бут-Гусаим, Н. А. Опыт использования интегрального показателя перспективности юных легкоатлетов на этапе первичного отбора / Н. А. Бут-Гусаим, В. Н. Старченко// Веснік Віцебскага дзярж. ун-та. – 2025. – № 1 (126). – С. 73–80.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 08.09.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 37(091)(470+571)(476) EDN: FBHXDM

Становление системы практической подготовки учителей в России и Беларуси в XVIII – начале XX вв.

А.Ю. Грахоцкая

В статье рассматривается процесс формирования системы практической подготовки учителей на территории России и Беларуси в период с XVIII по начало XX вв. Анализируются предпосылки создания первых педагогических учебных заведений, этапы развития учительских семинарий, институтов и педагогических классов. Особое внимание уделяется практико-ориентированному компоненту обучения будущих педагогов: организации педагогической практики, взаимодействию учебных заведений с базовыми школами, методическому сопровождению. Показана эволюция подходов к подготовке учительских кадров в контексте образовательных реформ Российской империи на белорусских землях. Делается вывод о том, что к началу XX в. сложилась многоуровневая система практической подготовки, заложившая основы для последующего развития педагогического образования.
Ключевые слова: практическая подготовка учителей, педагогическое образование, учительские семинарии, Россия, Беларусь, XVIII–XX вв., история педагогики, педагогическая практика.

The article examines the formation of the system of practical teacher training in Russia and Belarus from the 18th to the early 20th centuries. It analyzes the prerequisites for the establishment of the first pedagogical educational institutions, the stages of development of teacher seminaries, institutes, and pedagogical classes. Special attention is paid to the practice-oriented component of future teachers' training: the organization of teaching practice, the interaction of educational institutions with affiliated schools, and methodological support. The evolution of approaches to teacher training in the context of educational reforms of the Russian Empire on Belarusian lands is shown. It is concluded that by the early 20th century, a multi-level system of practical training had emerged, laying the foundations for the subsequent development of pedagogical education.
Keywords: practical teacher training, pedagogical education, teacher seminaries, Russia, Belarus, 18th–20th centuries, history of pedagogy, teaching practice.

Модернизация процесса практической подготовки учителей является необходимым условием для обеспечения качественного образования и подготовки квалифицированных педагогов, способных эффективно работать в условиях современной образовательной среды. Обращение к истории подготовки учителей позволяет проследить эволюцию образовательных стандартов и практик, которые формировались под влиянием различных исторических событий, политических изменений и социальных трансформаций. Изучение процесса становления практической подготовки содействует совершенствованию национальной системы образования с опорой на богатый исторический опыт и многовековые традиции педагогической мысли.

Система подготовки учителей в Российской империи берёт своё начало в XVIII в. Первыми центрами педагогического образования стали духовные семинарии, которые помимо священников осуществляли подготовку педагогов для народных школ. Будущие учителя получали теологические и педагогические знания. Здесь уделялось внимание развитию навыков преподавания, что способствовало формированию первых педагогических традиций. Однако подготовка учителей в этот период была достаточно ограниченной, и большинство выпускников семинарий не имели глубоких знаний в области педагогики.

В рамках образовательной реформы Екатерины II в 1782–1783 гг. в Санкт-Петербурге было открыто Главное народное училище для обучения детей всех сословий (за исключением крепостных). В 1786 г. данное училище было преобразовано в учительскую семинарию. Здесь обучали будущих учителей для народных училищ. Учебная программа включала математику, физику, историю, географию, чистописание и латинский язык. Семинаристам читался отдельный курс педагогики, а также преподавались правила практической педагогики. Семинаристы осваивали методику преподавания под контролем профессоров, посещали занятия учителей народных училищ, готовили планы-конспекты уроков, затем самостоятельно проводили занятия. В 1803 г. Санкт-Петербургская учительская семинария получила статус Учительской гим-

назии. В её стенах внедрялся научный подход к обучению и проведению педагогической практики. Учебные программы семинарий включали методику преподавания различных предметов, что отражало потребности общества в квалифицированных педагогах [1, с. 200].

В 1804 г. при Московском университете был открыт первый педагогический институт. В 1811–1812 гг. педагогические институты также возникли при Харьковском и Казанском университетах. Институты были небольшими закрытыми учебными заведениями с малым количеством слушателей и трехлетним сроком обучения [2, с. 101]. Учебный процесс осуществлялся в два этапа. На первом этапе студенты получали теоретические знания по филологии, истории, географии и другим дисциплинам (2 года), затем профессора знакомили студентов с педагогикой и методикой обучения. Студенты посещали уроки опытных учителей, разрабатывали и проводили учебные занятия на своем курсе и только потом допускались к урокам в училищах и гимназиях. «Примерные уроки» проведенные на своём курсе давали возможность исправить ошибки, скорректировать педагогические и методические навыки практикантов. Государство оплачивало обучение студентов, а выпускники брали на себя обязательство отработать 6 лет в качестве учителя, в противном случае им приходилось компенсировать затраты на свое обучение [3, с. 14].

В 1816 г. на основе Петербургского педагогического института был создан Главный педагогический институт, который внес существенный вклад в совершенствование практической подготовки будущих педагогов. Институт подготавливал кадры всех уровней для учебных заведений Российской империи. Данный институт был автономным учебным заведением со своим уставом, с большим количеством слушателей и шестилетним сроком обучения. Согласно уставу Главного педагогического института 1828 г., обучение включало теорию и практику. Теоретическая педагогическая подготовка проводилась в форме лекций и семинаров, предавались такие дисциплины, как история, физика, математика, словесность, география. На последнем курсе студенты проходили практическую подготовку, которая была связана с преподаванием педагогики. Практиканты отрабатывали педагогические навыки, совершенствовали педагогическое мастерство и развивали преподавательские умения. В 1839 г. было открыто особое отделение второго разряда, где студенты проходили уроки под руководством опытных педагогов. Дополнительно обучающиеся привлекались к репетиторским занятиям с гимназистами [3, с. 15].

28 января 1840 г. в Главном педагогическом институте впервые была создана кафедра педагогики. Предусматривалась расширенная программа по курсу педагогики, практическая подготовка сочеталась с углублением теоретических знаний. Ещё через 10 лет в 1850 г. были открыты кафедры педагогики в Московском, Санкт-Петербургском, Харьковском и Казанском университетах [4, с. 11]. С начала 1860-х гг. в Российской империи начались реформы в области народного образования, инициированные министром народного просвещения Г.Х. Головиным. В стране создавалась сеть учительских семинарий и народных школ. Реформа потребовала значительных изменений в системе подготовки учителей. В 1860–1861 гг. при университетах были открыты специальные педагогические курсы, которые стали альтернативой традиционным формам подготовки учителей. Они были предназначены для лиц, уже имеющих высшее образование и предлагали краткосрочные программы обучения, сосредоточенные на методах преподавания и педагогической практике (2 года). Курсы позволяли быстро подготовить педагогические кадры, что было особенно актуально в условиях растущей потребности в учителях. Программа курсов была адаптирована к современным требованиям, акцент делался на практическом обучении и обмене опытом, практиканты проводили по 8–10 уроков в месяц. Однако в 1867 г. курсы были упразднены, т. к. по мнению Министерства народного просвещения, слушатели стремились преимущественно к научной карьере и уклонялись от работы с детьми в гимназиях. Как следствие гимназии не обеспечивались нужным количеством преподавателей [3, с. 21].

Для улучшения профессиональной подготовки будущих учителей в 1864 г. была утверждена новая инструкция, которая определила порядок открытия и функционирования учительских семинарий. Это способствовало увеличению числа учительских семинарий. Последние стали более доступными для широких слоев населения. Учебные планы семинарий были зна-

чительно обновлены и включали широкий спектр дисциплин, таких как педагогика, методика преподавания, психология и дидактика. Большое внимание стало уделяться практическому обучению, что позволило студентам применять теоретические знания на практике. Реформы 1864 г. заложили фундамент для совершенствования профессиональных компетенций учителей, что послужило фактором подъёма общеобразовательного уровня населения [5, с. 157].

Принятие инструкции 1864 г. способствовало активному открытию специальных учебных заведений и на территории Беларуси. В 1864 г. была открыта Молодечненская учительская семинария, в 1872 г. подобное учебное заведение начало свою работу в Полоцке. Первоначально это были одноклассные и двухклассные учительские семинарии, которые готовили учителей для работы в народных училищах. Семинарии превратились в главный центр подготовки педагогов. Важное внимание здесь уделялось методике преподавания, что позволяло будущим учителям осваивать различные подходы к обучению детей. Образование было ориентировано на практику, студенты трудились в уже действующих народных училищах, что способствовало их профессиональному росту и подготовке к реальным условиям работы [6, с. 190].

Молодечненская и Полоцкая семинарии использовали местные начальные училища в качестве базовых площадок для прохождения педагогической практики, что позволяло эффективно интегрировать теоретическую подготовку воспитанников в реальный образовательный процесс. К образовательному процессу привлекались опытные педагоги-практики, чья роль заключалась в трансляции накопленного профессионального опыта будущим учителям. Данное взаимодействие способствовало повышению качества профессиональной подготовки выпускников [7, с. 74].

В условиях социально-экономических изменений и роста национального самосознания в Беларуси учительские семинарии стали важными центрами, где формировались профессиональные навыки и гражданская позиция будущих педагогов. Студентам прививали чувство долга, сознательность, любовь к родине и стремление к развитию общества.

В 1865 г. Учёным комитетом Министерства народного просвещения был разработан проект «Положение о приготовлении учителей для гимназий и прогимназий», в котором было указано, что университеты должны были давать теоретические знания, а гимназии практические. Данное положение внесло ряд изменений в учебные планы университетов, были включены специальные занятия с кандидатами в педагоги. Предусматривалось углубленное изучение педагогики. После окончания университета выпускники проходили годичную практику в гимназиях. Однако, как отмечает В.П. Горленко, уровень практической подготовленности был слабым, так как университетские профессора считали, что самым важным в познании профессии являлась теоретическая база [3, с. 22].

Значимым этапом в процессе совершенствования подготовки учителей в Российской империи явилось создание Петербургского (1867 г.) и Нежинского (1875 г.) историко-филологических институтов. В 1872 г. император Александр II утвердил «Устав учительских институтов» и «Положение об учительских институтах», благодаря которым была усовершенствована педагогическая практика в учительских институтах и семинариях. Теперь педагогическая практика проводилась в соответствии с «Инструкцией касательно объема и метода преподавания предметов в учительских институтах», которая была утверждена в 1876 г. В данной инструкции давалась подробная информация по подготовке и проведению практических занятий. Важным моментом было составление конспектов уроков. Студенты проводили уроки в присутствии институтского профессора, учителя-предметника, директора и других студентов-практикантов. По итогам проведенного занятия на педагогических совещаниях обсуждались все недочеты и давались рекомендации по совершенствованию будущих занятий. Первым выступал практикант со своими мыслями и ощущениями после проведенного занятия, затем слово предоставляли учителю-предметнику и профессору, а с завершающим словом выступал директор. В некоторых учительских институтах разрабатывались свои более подробные правила организации педагогической практики, однако основой оставалась инструкция 1876 г. [8, с. 1105].

Параллельно с реформированием институтов существенные преобразования затронули систему учительских семинарий, ориентированных на подготовку кадров для начальных

школ. Так в 1875 г. Министерство народного просвещения издало «Инструкцию для учительских семинарий», где были сформулированы основные положения проведения практической практики воспитанников. Семинаристы второго класса посещали уроки, наблюдали за проведением занятий, составляли конспекты и готовили отчёты, которые подробно рассматривались на занятиях по педагогике. Практика семинаристов третьего класса включала два этапа: проведение уроков под наблюдением комиссии (учителя-предметника, директора и одногруппников) и недельное дежурство в училище, во время которого практиканты посещали занятия и ассистировали педагогам. При подготовке пробного занятия семинарист составлял конспект, который читал и корректировал наставник, только после тщательной подготовки практиканта допускали до пробного урока, результаты которого выносились на обсуждение педагогического совета. Как отметила в своей монографии В.П. Горленко, несмотря на высокий уровень практической подготовки в учительских семинариях, теоретическая база педагогических знаний оставалась на втором плане [3, с. 28].

В начале XX в. учёные-педагоги всё чаще заявляли о необходимости реформирования системы образования, уделяя особое внимание совершенствованию педагогической практики. Одним из первых, кто начал обращать внимание на недостатки в подготовке будущих педагогов, был российский государственный деятель и педагог К.П. Яновский, который в 1900 г. издал книгу «Мысли о воспитании». Автор предлагал модернизировать организационные и содержательные аспекты педагогической практики. К.П. Яновский в своей работе подчёркивал важность ведения практикантами педагогического дневника, необходимость описывать свои наблюдения по итогам посещения уроков, проводимых учителями-предметниками, отмечать достигнутые в ходе практики результаты и делать выводы [3, с. 31].

Профессор Р.Ю. Виппер писал о проблемах, с которыми сталкивались учителя в дореволюционной России. В работе «Специальная подготовка преподавателя средней школы или поднятие его положения?» автор предлагал ввести дополнительный год практики для молодых специалистов, по итогам которого будущий учитель допускался к самостоятельной преподавательской деятельности [9, с. 60].

21 ноября 1910 г. в Витебске был открыт первый учительский институт на территории Беларуси. На обучение принимали юношей в возрасте не моложе 16-ти лет. С 1912 г. обязательным требованием при поступлении являлся педагогический стаж не менее 2-х лет. Обучение длилось 3 года, программа включала гуманитарные и естественные науки, а также педагогические дисциплины. Практика проходила на 3 курсе обучения (в 5-ом семестре) и длилась 6 недель, 5 дней в неделю по 6 часов. Для прохождения практики при институте было открыто специальное 2-х классное городское училище. Студенты проходили педагогическую практику сначала в училище, а затем в городских школах. Практиканты знакомились с училищем, наблюдали за уроками педагогов, вели документацию и дневники, проводили пробные занятия. Обсуждение результатов проходило на заседаниях педагогического совета института, где присутствовали директор, профессора института и руководитель практики. Затем практика продолжалась в городских школах, где также практиканты знакомились с документацией, посещали уроки учителя-предметника, участвовали в родительских собраниях и во внеклассной работе, обязательно вели дневники, подготавливали и проводили пробные занятия и по завершению анализировали свою работу. Результат рассматривался на педагогических советах, к отчету прикладывались конспекты уроков и дневник. В 1913 г. в Могилёве был открыт второй учительский институт на территории Беларуси [10, с. 105].

Развитие педагогического образования XVIII – начала XX вв. заключалось в переходе от стихийного наставничества к научно обоснованной профессиональной подготовке. Произошел качественный переход от отдельных «пробных уроков» к полноценным «практико-педагогическим занятиям», включающим глубокое погружение в школьную среду и работу с учениками. Практика стала включать в себя обязательное планирование, ведение дневников, наблюдение за опытными педагогами, анализ уроков под руководством профессоров, ознакомление со школьной документацией, помощь ученикам во внеурочное время и детальный разбор методических ошибок.

Специализированные педагогические институты, такие как Главный педагогический институт, давали качественную методическую базу, но не всегда могли привлечь достаточное количество студентов, желающих стать именно учителями, а не учеными. В итоге подготовка часто возвращалась в университеты, где педагогике уделялось второстепенное внимание.

Система постоянно реформировалась от создания педагогических институтов при университетах до их закрытия и замены краткосрочными курсами. Начала формироваться связь между теорией и практикой. Педагогическая практика перестала существовать обособленно, стала опираться на теоретическую базу, что позволило студентам действовать осознанно, а не интуитивно. Создание профильных кафедр и институтов (1840–1850 гг.) окончательно закрепило за педагогикой статус полноценной научной дисциплины, требующей изучения частных методик и глубокой теоретической подготовки. Однако университетская среда на протяжении всего периода часто сопротивлялась введению педагогических дисциплин, считая, что глубокого знания профильного предмета (математики, истории, физика и т. д.) достаточно для преподавания.

Ключевую роль в процессе становления практической подготовки учителей на белорусских землях сыграли Молодечненская и Полоцкая учительские семинарии, а также созданные позднее учительские институты в Витебске и Могилеве, деятельность которых способствовала формированию устойчивой профессиональной идентичности педагогов.

К началу революции 1917 г. система высшего педагогического образования в России и Беларуси всё еще находилась в стадии становления. Несмотря на значительный прогресс в формах практики, теоретическая и методическая база оставалась разрозненной и не имела единого государственного стандарта. Была осознана необходимость специальной педагогической подготовки, но окончательное оформление этой идеи в стройную государственную систему произошло уже в послереволюционный период.

Литература

1. Латышина, Д. И. История педагогики / Д. И. Латышина. – М. : Гардарики, 2002. –603 с.

2. Полянский, С. Н. О некоторых вопросах педагогической практики / С. Н. Полянский // Сов. педагогика. – 1955. – № 5. – С. 96.–103

3. Горленко, В. П. Педагогическая практика студентов : развитие научных основ / В. П. Горленко ; под ред. И. Ф. Харламова. – Минск : Университетское, 2002. – 296 с.

4. Объявление о публичном преподавании наук в имперском С.-Петербургском университете на 1859 / 60 академический год. – Спб. : Тип. Эдуарда Веймара, 1859. – 53 с.

5. Джуринский, А. Н. Развитие образования в современном мире / А. Н. Джуринский. – М. : Владос, 2004. – 240 с.

6. История педагогики и образования, от зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. / Под ред. А. И. Пискунова. – М. : ТЦ «Сфера», 2001. – 512 с.

7. Бубнова, С. А. Организация непрерывной педагогической практики / С. А. Бубнова, Ю. П. Черкасова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – 88 с.

8. Инструкция касательно объёма и метода преподавания учебных предметов в учительских институтах : Утв. 13 нояб. 1876 г. // Настольная книга по народному образованию : в 3 т. – СПб., 1901. – Т. 2 / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. – С. 1104–1105.

9. Виппер, Р. Специальная подготовка преподавателя средней школы или поднятие его положения? / Р. Виппер // Вестник воспитания. – 1898. – № 6. – С. 52–74.

10. Капранова, В. А. История педагогики / В. А. Капранова. – М. : Новое знание, 2007. – 240 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 10.04.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 37.012.2:37.013.43(091):929*Л.С.Выготский EDN: LHGTMP

Учение Л.С. Выготского о зоне ближайшего развития и синергетика

В.Г. Ермаков[1], Н.Н. Нечаев[2]

В статье исследованы проблемы применения на практике названного учения, показано, что на успешность его практического использования существенно влияет топология границы между областью актуального развития учащегося и его зоной ближайшего развития. С опорой на базовые модели синергетики описана оптимальная конфигурация этой границы и предложены способы ее поэтапного формирования с помощью специальных форм и методов текущего контроля.
Ключевые слова: развивающее образование, учение Л.С. Выготского, зона ближайшего развития, синергетика, функции контроля.

The article explores the problems of applying this teaching in practice, it is shown that the success of its practical use is significantly influenced by the topology of the border between the area of actual development of the student and his zone of proximal development. Based on the basic synergetic models, the optimal configuration of this border is described and methods for its phased formation using special forms and monitoring methods are proposed.
Keywords: developing education, the teachings of L.S. Vygotsky, the zone of closest development, synergetics, control functions.

В методологическом отношении учение Л.С. Выготского о зоне ближайшего развития (ЗБР) и подражании является по-настоящему революционным, в частности, потому, что в нем оценка рубежей подготовки учащегося базируется на оказании некоторой помощи учащемуся со стороны педагога. Заметим, что из-за особой сложности объекта исследований в ядерной физике концепцию стороннего наблюдателя физикам тоже пришлось отбросить и в качестве равноправного элемента включать в описание явлений микромира информацию о типе использованных макроприборов. Однако в практическом плане эффективность учения Л.С. Выготского пока меньше того уровня, на который должен был бы вывести его теоретический потенциал. Для анализа этого обстоятельства проанализируем традицию применения этого учения. В соответствии с существующей парадигмой образования сначала предпринимают попытки продиагностировать уровень актуального развития (УАР) учащегося с помощью заданий, которые он может выполнить самостоятельно, затем предполагается переход в его зону ближайшего развития, а именно к заданиям, которые учащийся сам выполнить еще не может, но справляется с ними с некоторой помощью со стороны взрослого. Именно здесь особенно важна тонкая работа педагога как в выводе учащегося из затруднений, так и в поддержке его творческих озарений, пусть и незначительных. Обычно рассчитывают на то, что зона ближайшего развития через некоторое время станет новой, более широкой областью актуального развития, то есть эта схема хорошо согласуется со сложившимися представлениями об оптимальном учебном процессе, согласно которым наиболее предпочтительным является устойчивое равномерное движение по заранее заданной и линейно выстроенной учебной траектории.

Такой вариант ее прохождения учащимися мог бы и дальше считаться образцовым, но глубокие изменения в современном мире порождают в сфере образования многочисленные кризисные явления, которые меняют общую ситуацию коренным образом. На образование более всего влияет происходящий ныне стремительный рост объема актуальных сведений, заслуживающих сохранения в человеческой культуре; из-за него быстро растет и объем учебного материала, который учащиеся на всех ступенях образования должны усваивать за то же время, что и раньше. В итоге времени не хватает ни для учета неравномерного характера развития психики учащихся, ни для проведения пропедевтики понятий высокого уровня абстрактности, ни для детальных разъяснений трудных мест в материале, ни для индивидуальной работы со слабоуспевающими учащимися. Анализ такого положения дел в современном образовании, проведенный в монографии [1], привел к выводу, что в настоящее время образовательные процессы являются сильно ветвящимися, поэтому в условиях растущего деструктивного влияния на них со стороны внутренних и внешних факторов их стабиль-

ность, эффективность, устойчивость уже нельзя обеспечить в рамках равномерной реализации заранее спланированной и закрепленной во времени учебной программы. В монографии обоснована также необходимость перехода в сфере образования на динамической тип устойчивости, который должен поддерживаться целенаправленными и активными усилиями педагога. В этой ситуации учение о ЗБР Л.С. Выготского должно было бы стать особенно важным и в практическом отношении, поскольку оно задает гармоничную структуру взаимодействий педагога с учащимися, в рамках которой учащиеся сохраняют свою поисковую активность и действуют в основном самостоятельно, а помощь педагога является адресной, точечной и ровно такой, в какой учащиеся действительно нуждаются.

Парадоксально, но этот значительный потенциал модернизации образования пока не привел к прорыву в эффективности управления образовательными процессами. Одна из причин такого положения дел в современных условиях достаточно очевидна: в оказании помощи педагога учащемуся должна быть существенно усилена антикризисная составляющая. Это означает, что в оценке затруднений учащегося нужно различать, какие из них связаны с недостатками предыдущей подготовки учащегося и недостаточным развитием его умственных сил и творческих способностей, требующих дополнительного педагогического вмешательства традиционными способами, а какие вызваны непреодолимыми объективными обстоятельствами. Наиболее показательным примером непреодолимых обстоятельств могут служить начала современных математических теорий, построенных аксиоматически. Аристотель полагал, что исходные понятия дедуктивных систем должны быть самоочевидными истинами, не требующими доказательств, но в настоящее время ради сжатия растущих объемов сведений идеал Аристотеля отброшен, началами дедуктивных систем становятся ключевые теоремы теории, превращенные в определения и вводимые без обоснований и мотивировок. Принципиальный момент здесь заключается в том, что порой очень долгую предысторию развития теории до теорем, превращенных в определения, отбрасывают. Из-за этого ни в житейском опыте, ни в опыте, обретенном на предшествующих этапах обучения, у учащегося не оказывается никаких опор для самостоятельного «распредмечивания» этих аксиоматически вводимых понятий; встреча с ними заведомо делает учащихся беспомощными. Эту ситуацию уже нельзя разрешить небольшими подсказками или наводящими вопросами педагога, поэтому понятия высокого уровня абстрактности делают зону ближайшего развития учащегося особой (сингулярной). В этом случае нужно говорить не об отдельном локальном взаимодействии педагога и учащегося, а о последовательности связанных друг с другом локализованных взаимодействий, нацеленных в совокупности на осуществление пропедевтики данных понятий, причем в них одинаково важны как предметно-содержательные, так и личностные аспекты.

С формальной точки зрения, задача пропедевтики понятий высокого уровня абстрактности очень далеко отстоит от канонического учения Л.С. Выготского о ЗБР. По крайней мере, по объему, длительности и напряженности усилий, требуемых от педагога для преодоления кризисной ситуации, это действительно так. Однако в ситуации беспомощности учащегося перед такими понятиями гармония учебных взаимодействий педагога и учащихся, предполагаемая учением Л.С. Выготского о ЗБР, особенно необходима, поэтому имеет смысл расширить сферу применения идей данного учения на антикризисные мероприятия. Такое расширение открывает новые возможности и позволяет внести важные уточнения в базовое учение Л.С. Выготского. Во-первых, в острой и напряженной ситуации внутренние связи и динамика ключевых учебных взаимодействий проявляются особенно отчетливо. Конкретным примером высокой степени детализации таких взаимодействий педагога с учащимися может служить пропедевтика начальных понятий Общей топологии, описанная в очерке 9 монографии [1, т. 1]. Во-вторых, в этом случае явно видно, что в окрестности начал аксиоматической теории из-за отброшенной предыстории их развития область актуального развития у учащегося практически отсутствует, то есть педагог здесь вынужден начинать действовать практически с нулевого уровня подготовки учащегося. Дело в том, что острый дефицит времени и высокий уровень абстрактности начальных понятий вынуждают делать программу их пропедевтики заведомо неполной, вследствие этого первую ступень пропедевтической лестницы опорных утверждений не удается установить на такую часть в предшествующем материале, которая большинством учащихся была хорошо усвоена. Поэтому начинать коррекционно-пропедевтическое мероприятие приходится именно с нулевого уровня подго-

товки учащихся. Это наблюдение дает повод по-иному посмотреть на нерешенную до сих пор проблему диагностики ЗБР, или, что то же самое, на проблему диагностики границы между областью актуального развития и ЗБР. Как будет показано ниже, эта проблема заключается не в слабости используемых методов диагностики, а в том, что данная граница чаще всего размыта, динамично и непредсказуемо меняется, в немалой степени зависит от осознаваемых усилий самого индивида, причем область актуального развития может и вовсе отсутствовать.

Обоснование этого утверждения начнем с дошкольной ступени образования. Центральную болевую точку на этой ступени указал Л.С. Выготский. Исследуя развитие арифметических операций у детей дошкольного возраста, он отметил, что в развитии ребенка почти всегда возникают чрезвычайно ответственные моменты, которые выражаются в переломе, столкновении между теми формами оперирования с количеством, которые ребенок стихийно выработал сам, и теми, которые ему предлагают взрослые [2, с. 202]. Из-за того, что понятие числа ускользает от прямого наблюдения, названный перелом серьезнее, чем даже отмеченная выше проблема пропедевтики исходных понятий аксиоматических теорий в математике. Так, например, по результатам применения теста Ж. Пиаже на установление взаимно-однозначного соответствия между множествами бутылочек и стаканчиков исследователи пришли к выводу, что под словами «шесть стаканов» и «шесть» вообще дети понимают совсем не то, что взрослые. Это означает, что УАР дошкольников, относящийся к этому вопросу, скрыт за пеленой неопределенности. При этом игнорировать естественную арифметику ребенка нецелесообразно, так как она является полем его деятельностной активности. С другой стороны, из-за высокой сложности понятия числа программы обучения этому понятию, разработанные для начальной школы, являются объемными, далекими от совершенства и не помещаются в скоротечный период детства. Так как для обучения дошкольников педагоги не могут воспользоваться какими-либо систематизированными программами, то на начальном этапе обучение должно быть систематизирующим и, в силу высокого уровня неопределенности, для него нужно разрабатывать и использовать стохастические методы. Это означает, что по данной группе вопросов у ребенка сначала нужно сформировать хотя бы небольшой и различимый УАР, после чего уже можно будет осознанно опираться на учение Л.С. Выготского в обычном режиме.

Оценка ситуации на школьной ступени образования проще. Колоссальное нынешнее обострение проблемы школьной неуспешности наглядно демонстрирует, что у большого числа учащихся УАР если и сформирован, то недостаточен и далек от тематики текущих уроков. Соответственно обучение неуспевающих школьников идет не в зоне их ближайшего развития, новые сведения ни к чему не прикрепляются, не соединяются с прежним опытом и остаются фрагментарным косным материалом. Область актуального развития этих школьников не только не расширяется, а качественно деградирует, поэтому растет и степень отставания. Для того чтобы остановить скольжение таких учащихся по ниспадающей траектории, нужно приложить серьезные усилия прежде всего для повышения качества области актуального развития учащегося.

Аналогичные точечные проблемы на высшей ступени образования, требующие значительной работы педагога, направленной на доведение УАР студентов до нужного состояния, были отмечены выше. Однако на некоторых специальностях перерыв постепенности при переходе от школы к вузу создает аналогичные проблемы в массовом порядке. Их общим источником тоже является растущая напряженность образовательных процессов, порождаемая социодинамикой культуры. Например, когда профессия архитектора стала массовой и открылись новые архитектурные институты, общая ситуация резко изменилась. Если раньше при сравнительно небольшим, ограниченном приеме учащихся, выдерживающих нелегкий конкурсный отбор (до 10–15 человек на одно место) можно было рассчитывать на стихийную довузовскую подготовку и одаренность студентов и дальше развивать и профессионально обогащать уже сложившиеся способы деятельности, то в изменившихся условиях опираться на довузовский опыт абитуриентов стало труднее; фактически студенты начинали «специальное обучение для получения высшего архитектурного образования с профессионального нуля» [3, с. 59]. В этом случае УАР студентов оказался на большом удалении от прежнего начального фундамента подготовки. При этом специфика профессии архитектора не позволяет ослабить целевую установку на формирование профессионального творчества архитекторов на высоком уровне. Поэтому в программе подготовки специалистов понадоби-

лось усилить антикризисную составляющую, подразумевающую, в частности, приведение УАР студентов к нужному состоянию. Добиться этого простой интенсификацией процесса обучения невозможно. Анализ данной ситуации, проведенный в работах [3] и [4], привел к выводу о необходимости дополнительного развития психологического и педагогического «инструментария» самих исследований сферы «высшего труда», становление которого проходит в высшей школе. Для этого была проведена основательная теоретическая подготовка, включающая, в частности, проблематику моделирования в системе психологического исследования, анализ моделирования как творческого процесса, обоснование и внедрение в практику подготовки положения о том, что проектное моделирование представляет собой сущность профессиональной деятельности архитектора. На этом теоретическом фундаменте были разработаны психологические основы высшего архитектурного образования. Все это было сделано с акцентом на поэтапное формирование профессионального творчества специалиста, а оно, в свою очередь, становится фундаментом профессиональной мобильности.

В практическом плане понадобилось ввести три стадии подготовки. Первая из них занимает особое место, так как она более всего направлена на разрешение названной кризисной ситуации. Как уже было отмечено ранее, эта стадия «самая несамостоятельная (с точки зрения профессионального архитектора) и в этом смысле самая отдаленная от действительного образа профессиональных действий. Но именно на ней профессиональные действия максимально выделены, четко описаны, предельно детализированы и объективированы. Это самый контролируемый со стороны педагога процесс деятельности учащегося, – и в этом плане внешним образом самый нетворческий этап» [3, с. 82]. Масштаб этой работы наглядно демонстрирует, что без включения антикризисной компоненты в учение о ЗБР Л.С. Выготского сфера применения этого учения могла бы сильно уменьшиться, но в данном случае она, напротив, существенно расширяется благодаря тому, что на этой стадии процесс деятельности учащегося является самым контролируемым со стороны педагога.

Особые функции контроля на этапе противодействия кризису проще всего анализировать на примере пропедевтики понятий высокого уровня. Разрывам между ступенями образования в рассмотренном выше примере соответствуют в миниатюре разрывы между ступенями пропедевтической лестницы, которая из-за дефицита времени не может быть полной. Для экономии личностных ресурсов как педагога, так и учащихся величину разрывов между ступенями этой лестницы нужно по возможности делать доступной для учащихся. Поэтому дозировку величины этих разрывов следует выстраивать адресно – отдельно для каждого учащегося. Для этого педагог должен вступить в прямой контакт с ними, например, в рамках контрольных мероприятий, проводимых в устной форме, в режиме активной оппозиции ответам учащихся и с ориентацией на выявление пробелов в их подготовке с целью тут же и помочь в их устранении. Эти требования, вытекающие из предметно-содержательных и личностных задач пропедевтики, хорошо согласуются с основополагающими идеями учения Л.С. Выготского о ЗБР. Возможности соответствующего переключения ведущей функции текущего контроля с регистрирующей на формирующую и развивающую описаны в статье [5]. Характеризуя роль Сократа в возникновении «педагогики творчества», М.Г. Ярошевский написал: «Если он и действует по программе, заданной лидером-руководителем в системе определенных вопросов, то его ответ – не производное эрудиции, а истинное творчество, открытие нового» [3, с. 81]. В этом и заключалось созданное Сократом искусство интеллектуальной майевтики, цель которого – помочь несведующему «родить» собственное знание, собственную мысль.

Поскольку каждая ступень пропедевтической лестницы должна стать опорой для успешного усвоения следующей ступени, необходимо усваивать каждую ступень на максимальном уровне качества. Тогда самооценка и уровень притязаний учащихся будут расти, учебный процесс ускорится, это позволит наверстать время, потраченное на корректирующее обучение, и получить длительные позитивные эффекты.

Тот факт, что при проведении активных корректирующих мероприятий в кризисных ситуациях часто возникает стадия так называемого сверхбыстрого развития процесса, можно объяснить, отталкиваясь от идей синергетики, наличием «нелинейной положительной обратной связи», порождаемой тем, что успех в усвоении каждого нового элемента хорошо упоря-

доченной (например аксиоматической) теории облегчает изучение ее следующих элементов. Здесь имеет место аналогия с процессами горения, в которых свободные радикалы, реагируя с другими молекулами, приводят к дальнейшему увеличению количества свободных радикалов и к самоускоряющемуся процессу. Существуют совпадения и в условиях появления таких эффектов. В работе [6] А.И. Вольперт показал, что выход на волну по форме и по скорости в нелинейных диффузионных процессах (включая процессы горения) в значительной мере определяется свойствами функции, задающей начальные условия, а именно, любое начальное возмущение в виде перепада стремится к стационарному решению типа бегущей волны. Явно выраженный перепад на границе между тем, что индивид уже усвоил, и тем, чего он еще не усвоил, дает такой же результат потому, в частности, что облегчает осознание процесса обучения и перенос элементов из области усвоенного в близкую к ней область. В ситуации неопределенности, которая сопутствует процессам корректирующего обучения, при размытых границах области актуального развития индивида и во многих других аналогичных случаях данный общий ориентир топологического характера оказывается весьма полезным. В статье [7] описан пример, в котором роль именно такой топологии границы между усвоенным и неусвоенным материалом, то есть в виде перепада, проявилась очень ярко и стала решающим фактором существенного повышения качества усвоения студентами теории функций комплексного переменного, причем этот подъем произошел на коротком промежутке времени.

В заключение данной статьи отметим еще один аспект в понимании учения Л.С. Выготского. До сих пор мы рассматривали в основном кризисные ситуации, в которых УАР учащегося не удовлетворял требуемым качествам. Однако, вопреки ожиданиям, граница того, что в данный момент может сделать серьезный ученый, тоже является размытой и неопределенной. Отличие только в том, что, если можно так выразиться, свой УАР он сознательными усилиями приводит в надлежащее состояние сам. Например, Ф. Клейн, основываясь на дневниках Гаусса, пишет: «Странно и почти трогательно видеть между этими следами неудержимо рвущегося гения проявление добросовестной, доходящей до мелочей ученической работы, от которой не освобождены и такие люди, как Гаусс» [8, с. 45]. Эта ученическая работа, очевидно, нужна Гауссу потому, что область хорошо усвоенного со временем теряет свою упорядоченность и связность, а эти ее качества является необходимым условием движения вперед. Еще более неожиданно, что к размытому состоянию свой УАР математики приводят сами. Так, Ж. Адамар, доказывая теорему о том, что последовательность простых чисел не ограничена, повторяет этапы ее классического доказательства, а рядом записывает соответствующие образы, возникающие в его сознании. По словам Ж. Адамара, «этот механизм не раскрывает мне ни одного звена в цепи рассуждения (т. е. не содержит никаких свойств делимости или простых чисел), но он мне напоминает о том, как эти звенья должны быть соединены» [9, с. 61]. Таким образом, в памяти он стремится удерживать главное, а детали намерен восстанавливать самостоятельно – когда понадобится. Такая динамичная поддержка своего УАР является оптимальной как для учебной, так и для научной деятельности. Сделанный нами особый акцент на активной предварительной работе с УАР учащегося вполне оправдан. Успех в этой работе открывает возможность в теории и на практике перейти на новые ступени понимания категории развития [10].

Литература

1. Ермаков, В. Г. Педагогическая теория устойчивости: методологические очерки : моногр. : в 2-х т. / В. Г. Ермаков ; под ред. д.ф.н. Н. В. Гусевой. – Усть-Каменогорск, 2023. – 551 с.

2. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.

3. Нечаев, Н. Н. Профессионализм как основа профессиональной мобильности : матер. к пятому заседанию методологич. семинара 8 февраля 2005 г. / Н. Н. Нечаев. – М. : Исслед-ий центр проблем кач-ва подгот. спец., 2005. – 92 с.

4. Нечаев, Н. Н. Моделирование как условие и средство становления психологических новообразований / Н. Н. Нечаев // Методологические проблемы развития мышления субъектов образова-

тельного процесса : моногр. ; под общ. ред. Т. Н. Ищенко. – Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2021. – С. 26–51.

5. Ермаков, В. Г. Авторская операционализация метода зачетов и его применение к решению проблемы школьной неуспешности / В. Г. Ермаков // Красноярское образование : вектор развития. – 2022. – № 5. – С. 112–120.

6. Вольперт, А. И. О распространении волн, описываемых нелинейными параболическими уравнениями / А. И. Вольперт // Петровский И. Г. Избранные труды. Дифференциальные уравнения. Теория вероятностей. – М. : Наука, 1987. – С. 333–358.

7. Ермаков, В. Г. Контроль в системе математического образования : проблемы и пути их разрешения / В. Г. Ермаков // Математика в высшем образовании. – 2009. – № 7. – С. 95–108.

8. Клейн, Ф. Лекции о развитии математики в XIX столетии : в 2 т. / Ф. Клейн. – М. : Наука, 1989. – Т. 1. – 456 с.

9. Адамар, Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Ж. Адамар. – М. : МЦНМО, 2001. –128 с.

10. Нечаев, Н. Н. Категория развития в системе психолого-педагогических исследований / Н. Н. Нечаев // Проблема субъекта познания : развитие мыслящей способности : моногр. ; под общ. ред. Г. В. Лобастова, Т. Н. Ищенко. – Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2023. – С. 35–72.

[1]Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

[2]Московский государственный
психолого-педагогический университет

Поступила в редакцию 16.06.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 37.011.3 EDN: HBSMJM

Основные источники и проблемы современного педагогического знания

Ф.В. Кадол

Педагогика должна стать наукой для всех –
и для учителей, и для родителей.
В.А.Сухомлинский

В материалах статьи раскрываются вопросы развития педагогики как науки об организации целостного образовательного процесса. Акцент сделан на определение важнейших источников современного педагогического знания. Выделены основные проблемы исследования в области педагогической науки и образовательной практики. Показана взаимосвязь теории и методики процессов обучения и воспитания детей и учащейся молодежи в условиях современного социума.
Ключевые слова: педагогика, обучение, воспитание, целостный образовательный процесс, теория, методика, образовательная практика, наука, источники педагогического знания, обучающиеся, система.

The article explores the development of pedagogy as the science of organizing a holistic educational process. The emphasis is placed on identifying the key sources of contemporary pedagogical knowledge. Major research issues in the fields of pedagogical science and educational practice are highlighted. The interrelationship between the theory and methodology of teaching and upbringing applied to children and students in the context of modern society is demonstrated.
Keywords: pedagogy, teaching, upbringing, holistic educational process, theory, methodology, educational practice, science, sources of pedagogical knowledge, learners, system.

Исходя из философского принципа единства и взаимосвязи науки и практики, основными источниками научно-педагогических знаний являются образовательная практика и опыт организации учебного и воспитательного процессов в школе. Однако эмпирический опыт, практика работы творческих учителей и воспитателей, взятые сами по себе, не дают научного объяснения закономерностей организации обучения и воспитания. Они не могут стать достоянием педагогической науки и не могут быть переданы в обобщенной форме другим людям, занимающимся обучением и воспитанием. В этом смысле педагогика развивается на основе фактического материала, полученного путем длительных наблюдений и обобщения практического опыта, организации экспериментальной работы в системе школьного обучения и воспитания. Тем самым источником педагогического знания является практический опыт, который, чтобы стать достоянием педагогики как науки, должен обобщаться в виде теорий, закономерностей, принципов, методов и приемов, формулирования педагогических понятий и новых научных терминов. Требуется специальное изучение опыта, его теоретический анализ и обобщение. Особенно это важно для начинающего учителя, так как знание важнейших педагогических принципов компенсирует незнание многих фактов и отсутствие педагогического опыта.

Разумеется, что начинающие и даже весьма опытные учителя прибегают к повторению образцов творческой педагогической деятельности своих коллег, заимствуя их технологии и методики обучения и воспитания учащихся. Творческий педагогический опыт и системная образовательная практика уже сама по себе представляет собой хорошую базу для развития и совершенствования навыков преподавания и воспитания. Но достаточно ли учителю такой чисто прагматической подготовки? Думается, что нет, так как усвоить можно не практический опыт сам по себе, а только те научно-методические идеи, на основе которых и может развиваться педагогическая наука, теория и методика организации обучения и воспитания детей и учащейся молодежи. Об этом убедительно писал классик отечественной педагогики К.Д. Ушинский, который считал, что передается не опыт обучения и воспитания, а идеи, лежащие в основе этого опыта [1]. Поэтому основной функцией педагогики как науки является исследование научных закономерностей и принципов развития и формирования личности в условиях целенаправленной организации целостного и непрерывного образовательного про-

цесса. В этой связи важнейшим источником развития педагогического знания являются научно-педагогические исследования по изучению и обобщению творческого педагогического опыта учителей и классных руководителей, организации опытно-экспериментальной работы с точки зрения их концептуально-методологической и практической направленности.

В современной педагогике принято выделять фундаментальные научные исследования, направленные на разработку и уточнение основных педагогических понятий и категорий, определение научной сущности творческих образовательных практик. В результате создаются новые педагогические теории, более совершенные системы методов, форм и технологий организации образовательного процесса, в частности, по вопросам развития у обучающихся понятия чести и чувства личного достоинства [2].

Результаты фундаментальных исследований составляют теоретическую основу для проведения прикладных исследований. Они проводятся в области частных методик и направлены на решение вопросов, связанных с практической учебной и воспитательной работой в соответствующих типах учреждений образования. Конечным результатом подобных исследований являются научно-методические разработки, непосредственно применяемые на практике (учебные программы, учебники и учебные пособия, методические рекомендации по проведению уроков, коллективных творческих дел, воспитательных мероприятий и др.). Однако все виды научных разработок как источники педагогических знаний должны опираться на научную методологию и соответствующие ей методики исследования.

К педагогическим источникам принято относить печатные и рукописные материалы: учебники и учебные пособия, педагогические монографии, методические рекомендации, труды классиков педагогики; руководящие документы органов образования: приказы, инструкции, уставы, циркуляры, положения; руководящие документы государственных органов и общественных организаций по вопросам обучения и воспитания. Большое значение имеет отчетная документация учреждений образования. Весьма значимым источником педагогического знания являются научные труды выдающихся деятелей педагогики, например, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского, П.Ф. Каптерева, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкого, В.А. Сухомлинского и др. Их оригинальные мысли стали педагогическими афоризмами и существенным образом влияют на повышение эффективности образовательного процесса [3]. В системе научных исследований по педагогике широко используются статистические источники, которые содержат интересный материал по количественной характеристике явлений и фактов обучения и воспитания, развития личности обучаемых, вопросов образования, например, о числе школ, учащихся учебных заведений разных типов, учителей, бюджете в системе образования, количестве молодых специалистов, количественных показателях успеваемости.

Кино-, фото- и видеоматериалы также являются наглядно-изобразительными источниками педагогических знаний. Они дают конкретные наглядные примеры педагогических явлений и образовательных практик. В частности, экранизирована «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко, по педагогической тематике сняты также интересные художественные фильмы; «Республика ШКИД», «Доживем до понедельника», «Кортик» «Первоклассница», «Война глазами детей» и др.

Произведения живописного искусства также следует рассматривать в качестве источника педагогического знания. В первую очередь они представляют собой художественную ценность, а также имеют содержательную сторону, которую можно рассматривать с позиций образовательного процесса. Например, большое эмоционально-педагогическое значение имеет картина выдающегося российского живописца В.Г. Перова «Опять двойка». Ее можно интерпретировать с позиций гуманистической педагогики по воспитанию детей в семье.

Важную роль в обогащении системы педагогического знания дает художественная литература, театр, искусство в целом. Дело в том, что научные исследования выражают наиболее существенные аспекты общественной жизни человека, главным образом в понятийной форме, в виде схем и обобщений. Однако научным понятием и обобщением достигнуты далеко не все грани личности. Ее своеобразие, оригинальность, самобытность, оттенки и нюансы духовной жизни, образ мыслей и действий охватывается не столько научным, сколько ху-

дожественным познанием. Не случайно А.С. Макаренко, будучи человеком высокообразованным, многое для своей работы взял из произведений А.М. Горького. В «Педагогической поэме» он писал, что «первые месяцы нашей колонии для меня и моих товарищей были месяцами поисков истины. Мы не могли найти в педагогической литературе практических рекомендаций о перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей и вынуждены были обратиться к общим социально-педагогическим представлениям о человеке из книг А.М. Горького. Именно они дали нам обширные педагогические знания о человеке в огромном диапазоне его возможностей жизненного становления».

О глубинной педагогической значимости произведений художественной литературы свидетельствуют мысли выдающихся писателей прошлого и современности. Приведем высказывания некоторых их них: «Все великие перемены в жизни одного человека, а также и всего человечества начинаются и совершенствуются в мысли» (Л.Н. Толстой). «Избегайте тех, кто старается подорвать Вашу веру в себя. Эта черта свойственна мелким людям. Великий человек, наоборот, внушает Вам чувство, что и Вы можете стать великим» (М. Твен).

«Как важно, чтобы в миг той немоты
за сильного тебя хоть кто-то принял,
от широты своей душевной придал
тебе значенье большее, чем ты!» (Е. Евтушенко).

Поэтому современному учителю как наставнику и воспитателю важно не только знать педагогику, психологию, философию, но и быть художественно образованным человеком, так как в современной антропологии существует художественно-литературный и научный подход к пониманию особенностей развития личности растущего человека [3].

Богатым источником педагогического знания является народная педагогика. Народные традиции, обычаи, обряды и праздники, игры и детские игрушки, песни, танцы, шутки, прибаутки, считалки, дразнилки, народные приметы, трудовые отношения в семье и обществе заключают в себе богатую и глубокую педагогическую мудрость. Для расширения базы источников педагогика обращается к педагогической библиографии, языкознанию, философии, толковым словарям и энциклопедиям.

Все перечисленные источники дают возможность современному исследователю и педагогу-практику накопить необходимый фактический материал, который необходимо систематизировать обобщать, делать соответствующие педагогические умозаключения и выводы. Наиболее успешно протекает этот процесс, если в его основе лежит научная методология. Она нужна для развития педагогического мировоззрения и превращения его в надежный инструмент практической деятельности ученого или учителя. В этой связи широко используется понятие «методологическая культура учителя». Она основывается на методологических положениях современной педагогики, ее исследовательских методов и способов обобщения фактического материала. В современной педагогике принято выделять четыре уровня методологии: философский, общенаучный, конкретно-научный и технологический или практико-методический. В соответствии с этим методология включает в себя исходные научные положения, опираясь на которые можно дать обобщенную характеристику педагогических фактов и явлений. К важнейшим научным положениям интерпретации педагогических явлений и процессов принято относить принцип единства исторического и логического, системный подход к интерпретации педагогического процесса и развития личности в процессе обучения и воспитания, принцип личностного подхода к реализации целей обучения и воспитания и другие. В современной педагогике особое значение придается *методологии системного подхода.* Он требует рассматривать педагогические объекты как систему и устанавливать на этой основе закономерности и тенденции ее управляемого становления и саморазвития в условиях целостного образовательного процесса.

К общенаучным принципам развития педагогики как науки относят аксиологический, культурологический, антропологический, гуманистический, синергетический, герменевтический подходы к пониманию сущности развития нравственно воспитанной творческой личности. На их основе разрабатываются общие закономерности обучения и воспитания обучаю-

щихся в условиях целостного образовательного процесса. Эти закономерности устанавливаются путем анализа и обобщения педагогического опыта, а также в процессе проведения специальных научно-педагогических исследований.

Методологической основой современной педагогики является философское положение об общественной природе человека, сущности личности как продукта и регулятора социально-значимой деятельности, об активном начале самой личности в процессе ее становления. В частности, эту мысль убедительно выразил выдающийся психолог 20-го столетия С.Л. Рубинштейн. Он писал о том, что в деятельности человек формируется и проявляется [4]. Освоение методологической культуры предполагает осознание учителем сложного характера взаимосвязи закономерностей, целей, принципов и правил педагогического процесса. Важно осуществить анализ способности мышления учителя к опережающему отражению результатов целостного образовательного процесса, позволяющему предвидеть реакции ребенка на планируемое педагогическое действие. В центре внимания оказывается проблема соотношения рефлексивных и прогностических компонентов педагогического мышления, возможности их управляемого развития, связь гуманистических установок учителя со свойственным каждому человеку стремлением вникнуть и понять душевное состояние воспитанника. Все это требует изучение опыта педагогической деятельности, а также педагогических фактов и явлений, установления между ними закономерных связей и отношений с целью гуманистической разработки теории целостного образовательного процесса и совершенствования его практики [5].

В настоящее время научная педагогика носит не только научно-констатирующий, но и предписательный характер. Она разрабатывает научные предписания или, как принято говорить, научно-методические рекомендации, касающиеся практической организации разнообразных аспектов целостного образовательного процесса. В этом смысле педагогика, подобно целому ряду других наук, не является, а по определению своего предмета не может быть чисто теоретической наукой. Она выполняет социальный заказ общества по созданию методологической и методической базы для разработки общепедагогических технологий и эффективных образовательно-воспитательных практик по непрерывному обучению и воспитанию детей, учащейся и студенческой молодежи. В этой связи в педагогике есть второй уровень знания – научно-методический. Он касается теории и методики организации целостного педагогического процесса, который организуется в образовательных учреждениях в системе учебных и внеклассных (внеурочных) занятий. Оба этих уровня педагогических знаний, в особенности второй, носят предписательный характер и поэтому имеют прикладную направленность, обеспечивая развитие педагогической культуры участников целостного образовательного процесса.

При отсутствии или ослаблении в педагогических теориях или педагогике как науке методического аспекта она теряет свою практическую функцию, приобретает характер наукообразных рассуждений, не имеющих выхода в педагогическую практику. В своих лучших вариантах такая педагогика имеет лишь чисто философское значение и составляет ее особую отрасль, которую называют философией педагогики. Поэтому основная цель педагогики состоит в научном обосновании объективных закономерностей обучения и воспитания и в определении путей сознательного и целенаправленного применения познанных законов на практике. Современные инновационные теории как раз и основаны на сочетании педагогики как теоретической науки и педагогики как образовательной практики. В этом русле принято определять основные практические проблемы современной педагогики. К ним, на наш взгляд, следует отнести:

1. Определение содержания обучения и воспитания как взаимосвязанных и специфических компонентов целостного и непрерывного образовательного процесса.

2. Уточнение целей образовательного процесса с точки зрения развития, формирования и саморазвития обучающихся в конкретный исторический период жизнедеятельности общества.

3. Обоснование основных факторов, общих закономерностей и механизмов активизации личностного развития детей и учащейся молодежи в условиях целостного образовательного процесса.

4. Научное рассмотрение структуры и закономерностей учебно-познавательной деятельности обучающихся и дидактических принципов ее организации в конкретном учреждении образования.

5. Разработка общепедагогических методов и форм организации обучения с точки зрения активного взаимодействия всех его участников.

6. Определение педагогической сущности и системы методов, средств и форм организации воспитательной работы на основе закономерностей и принципов целостного образовательного процесса.

7. Разработка научных основ руководства образовательным процессом в современных типах учреждений образования с точки зрения требований менеджмента в сфере управления педагогическими системами.

В заключение следует отметить, что в современной педагогике как учебной дисциплине, изучаемой в педагогических учебных структурах системы высшего и среднего специального образования, можно выделить ряд постоянно развивающихся направлений педагогического знания. К ним следует отнести: концептуальные или общие основы педагогики как исторической науки; теоретические и методические основы организации процесса обучения (дидактика); теорию и методику организации воспитательного процесса и его содержание; современные образовательные технологии и педагогические системы; научно-педагогические основы руководства и управления современными типами учреждений образования или педагогический менеджмент.

Литература

1. Ушинский, К. Д. Пед. соч. : в 6 т. / К. Д. Ушинский. – М. : Педагогика, 1990. – Т. 5 / Сост. С. Ф. Егоров. – 528 с.

2. Кадол, В. Ф. Воспитание чести и личного достоинства школьников : пособие для педагогов учреждений общ. сред. образования / Ф. В. Кадол. – Минск : Нац. ин-т образования, 2013. – 216 с.

3. Педагогика афоризмах и изречениях / сост. В. Влад. Чечет, В. Викт. Чечет. – Минск, 2013. – 447 с.

4. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2005. – 713 с.

5. Сманцер, А. П. Основы превентивной педагогики : учеб. пособ. / А. П. Сманцер, Е. М. Рангелова. – Минск : БГУ, 2014. – 279 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 16.06.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 378.147:376.1:004 EDN: HJTTDS

Влияние фаз менструального цикла на психоэмоциональное состояние и когнитивные функции бегуний на средние дистанции

М.С. Кожедуб

Представлены результаты экспериментального исследования динамики психоэмоционального состояния и когнитивных функций бегуний на средние дистанции 15–17 лет в зависимости от фаз менструального цикла. Выявлены статистически достоверные различия показателей, обосновывающие необходимость индивидуализации психологической подготовки спортсменок с учетом биоритмологических закономерностей функционирования их организма.
Ключевые слова: бег на средние дистанции, спортсменки, менструальный цикл, психоэмоциональное состояние, когнитивные функции, POMS, внимание, сенсомоторная реакция.

The results of an experimental study of the dynamics of psycho-emotional state and cognitive functions of middle-distance runners aged 15–17 depending on the phases of the menstrual cycle are presented. Statistically significant differences in indicators were revealed, substantiating the need for individualization of psychological training of athletes taking into account the biorhythmological patterns of their body functioning.
Keywords: middle-distance running, female athletes, menstrual cycle, psycho-emotional state, cognitive functions, POMS, attention, sensorimotor reaction.

Введение. Специалистами в области теории спортивной подготовки и спортивной психологии накоплен значительный теоретический и экспериментальный опыт решения проблемы тренировки женщин в различных видах спорта [1]–[4]. Однако некоторые аспекты психологической подготовки спортсменок требуют более тщательного подхода с учетом цикличности функций их репродуктивной системы.

Современные исследования показывают, что фазы менструального цикла могут оказывать влияние не только на физическую работоспособность, но и на психоэмоциональное состояние и когнитивные функции спортсменок [5], [6], [7]. Ряд авторов отмечает, что в предменструальной и менструальной фазах наблюдается ухудшение настроения, повышение тревожности, снижение концентрации внимания и скорости реакции [8], [9], [10]. Данные факторы могут существенно влиять на эффективность соревновательной деятельности в беге на средние дистанции, где требуется не только высокий уровень физической подготовленности, но и способность к быстрому принятию решений, концентрации внимания на протяжении всей дистанции и психологическая устойчивость [5], [8].

Особый интерес представляет изучение когнитивных показателей спортсменок в различные периоды цикла. Исследования показывают, что эстроген и прогестерон, уровень которых закономерно изменяется на протяжении биоритмологического процесса, могут влиять на когнитивные способности [11], [12]. В фазе овуляции, характеризующейся пиком эстрогена, отмечается улучшение скорости реакции и точности выполнения заданий, тогда как в лютеиновой фазе, с высоким уровнем прогестерона, наблюдается их некоторое замедление [8], [13].

Данный факт объективизирует необходимость учета психоэмоционального состояния и когнитивных функций при построении тренировочного процесса и планировании соревновательной деятельности бегуний на средние дистанции. Знание и использование в практической деятельности тренеров и спортивных психологов сведений об индивидуальных особенностях психоэмоциональных реакций конкретной спортсменки в различные фазы цикла имеет существенное значение не только для повышения ее спортивной результативности, но и для сохранения психологического здоровья [14], [15].

Цель исследования заключалась в выявлении динамики психоэмоционального состояния и когнитивных функций бегуний на средние дистанции 15–17 лет в различные фазы менструального цикла и обосновании необходимости индивидуализации психологической подготовки с учетом биоритмологических закономерностей функционирования женского организма.

Методы исследования. Для определения психоэмоционального состояния обследуемых спортсменок в разные фазы овариально-менструального цикла (ОМЦ) использовался опросник оценки настроения POMS (Profile of Mood States) [16], позволяющий диагностировать шесть показателей эмоционального состояния: напряжение-тревожность (Т), характеризует состояние

тревожности и связанное с ним напряжение скелетных мышц; депрессия-подавленность (D), отражает чувства подавленности, удрученности, которые обуславливают возникновение депрессии; гнев-агрессивность (A), показывает антипатию, враждебность по отношению к окружающим, что проявляется гневом, агрессивностью; сила-энергичность (V), трактуется как состояние энергичности, готовности к действию, психической уверенности и силы; усталость-инертность (F), напротив, говорит о энергодефиците, свидетельствует об инертности, усталости спортсмена; неуверенность-замешательство (C) указывает на неспособность к концентрации, неуверенность, забывчивость. Показатели оцениваются по 5-балльной шкале, где 0 – «совсем нет», 4 – «очень сильно». Суммарный показатель общего нарушения настроения рассчитывается по формуле: (напряжение + депрессия + гнев + усталость + неуверенность) – энергичность. Чем выше показатель, тем более неблагоприятным является психоэмоциональное состояние спортсменки.

Для оценки когнитивных функций использовались: простая сенсомоторная реакция – измерение времени реакции на световой стимул (10 попыток, вычислялось среднее время); тест Струпа – оценка избирательности внимания и когнитивной гибкости (фиксировалось общее время выполнения и количество ошибок) [17].

Фазы менструального цикла определялись на основе календарного метода с подтверждением данными базальной температуры [18], [19]. Выделялись следующие фазы при 28-дневном цикле: I – менструальная (1–3 дни), II – постменструальная (8–10 дни), III – овуляторная (13–15 дни), IV – постовуляторная (18–20 дни), V – предменструальная (25–27 дни).

В эксперименте принимали участие бегуньи на средние дистанции 15–17 лет (n = 12), имеющие спортивную квалификацию I разряда и КМС. Стаж занятий спортом составлял от 4 до 8 лет. Все спортсменки имели регулярный менструальный цикл продолжительностью 28–30 дней. Исследование проводилось в течение двух полных менструальных циклов, измерения осуществлялись в каждую из выделенных фаз. Тестирование проводилось в утренние часы (9:00–11:00) до начала тренировочных занятий. Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием t-критерия Стьюдента для связанных выборок и корреляционного анализа Пирсона.

Основная часть. Результаты тестирования по опроснику POMS у бегуний на средние дистанции 15–17 лет свидетельствуют о том (таблица 1), что показатели психоэмоционального состояния закономерно изменяются в зависимости от фазы менструального цикла.

Как видно из представленных данных, наиболее благоприятное психоэмоциональное состояние наблюдается во II (постменструальной) и IV (постовуляторной) фазах. В эти периоды отмечаются наиболее высокие показатели энергичности (15,9 ± 2,5 и 15,1 ± 2,6 балла соответственно) и минимальные значения негативных показателей. Суммарный ркзультат общего нарушения настроения в эти фазы минимален (11,2 ± 2,8 и 13,6 ± 3,5 балла), что свидетельствует о высоком уровне психоэмоционального благополучия спортсменок.

В овуляторной фазе (III) наблюдается некоторое ухудшение показателей по сравнению с постменструальной: снижение энергичности (12,3 ± 2,4 балла, $p < 0,01$), повышение напряжения (9,2 ± 2,3 балла, $p < 0,05$) и утомления (8,4 ± 2,2 балла, $p < 0,05$). Показатель общего нарушения настроения возрастает до 25,3 ± 5,1 балла ($p < 0,001$).

Наиболее выраженные негативные изменения зафиксированы в предменструальной (V) и менструальной (I) фазах.

Таблица 1 – Показатели психоэмоционального состояния бегуний на средние дистанции 15–17 лет (n = 24) по опроснику POMS в различные фазы ОМЦ (баллы, M ± σ)

Показатель	Фаза ОМЦ					Достоверность различий (p)				
	I	II	III	IV	V	I–II	II–III	III–IV	IV–V	V–I
T	13,1 ± 2,5	6,8 ± 1,9	9,2 ± 2,3	7,1 ± 2,0	15,3 ± 3,1	<0,01	<0,05	<0,05	<0,01	<0,05
D	9,4 ± 2,3	4,5 ± 1,7	6,2 ± 2,0	5,0 ± 1,8	11,6 ± 2,8	<0,01	<0,05	<0,05	<0,01	<0,05
A	10,1 ± 2,6	5,2 ± 1,9	7,4 ± 2,3	5,5 ± 2,0	12,9 ± 3,1	<0,01	<0,05	<0,05	<0,01	<0,05
V	7,6 ± 2,1	15,9 ± 2,5	12,3 ± 2,4	15,1 ± 2,6	6,8 ± 2,0	<0,001	<0,01	<0,05	<0,001	>0,05
C	12,5 ± 2,7	5,9 ± 1,8	8,4 ± 2,2	6,2 ± 1,9	14,8 ± 3,0	<0,01	<0,05	<0,05	<0,01	<0,05
Общее нарушение настроения	8,6 ± 2,2	4,7 ± 1,6	6,4 ± 1,9	4,9 ± 1,7	10,3 ± 2,5	<0,01	<0,05	<0,05	<0,01	<0,05

Примечание: I – менструальная, II – постменструальная, III – овуляторная, IV – постовуляторная, V – предменструальная фазы ОМЦ. В колонках I–II, II–III, III–IV, IV–V, V–I представлены значения p для сравнения соответствующих пар фаз.

В предменструальной фазе отмечаются максимальные показатели напряжения (15,3 ± 3,1 балла), депрессии (11,6 ± 2,8 балла), гнева (12,9 ± 3,1 балла), утомления (14,8 ± 3,0 балла) и минимальные показатели энергичности (6,8 ± 2,0 балла).

Показатель общего нарушения настроения в этой фазе достигает 58,1 ± 7,4 балла, что достоверно выше результатов всех других фаз ($p < 0,001–0,05$). В менструальной фазе негативные показатели также высоки, а показатель общего нарушения настроения составляет 46,1 ± 6,2 балла.

Для оценки когнитивных функций спортсменок были проведены измерения времени простой сенсомоторной реакции и показателей теста Струпа (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели когнитивных функций бегуний на средние дистанции 15–17 лет (n = 24) в различные фазы ОМЦ (M ± σ)

Показатель	Фаза ОМЦ					Достоверность различий (p)				
	I	II	III	IV	V	I–II	II–III	III–IV	IV–V	V–I
Время ПСМР (мс)	274,2 ± 19,3	218,4 ± 15,1	241,6 ± 17,4	224,1 ± 15,8	284,5 ± 20,6	<0,01	<0,05	<0,05	<0,01	<0,05
Тест Струпа, время (с)	56,8 ± 4,5	44,1 ± 3,8	50,3 ± 4,1	45,6 ± 3,9	60,7 ± 5,1	<0,001	<0,01	<0,05	<0,001	<0,05
Тест Струпа, ошибки (кол-во)	4,2 ± 1,3	1,4 ± 0,7	2,6 ± 1,0	1,6 ± 0,8	5,1 ± 1,6	<0,001	<0,01	<0,05	<0,001	<0,05

Анализ данных таблицы 2 показывает, что когнитивные функции спортсменок также закономерно изменяются в зависимости от периода менструального цикла. Наилучшие показатели зафиксированы во II (постменструальной) и IV (постовуляторной) фазах. Время простой сенсомоторной реакции в эти сроки минимально (218,4 ± 15,1 мс и 224,1 ± 15,8 мс соответственно), что свидетельствует о высоком функциональном состоянии центральной нервной системы. В овуляторной фазе (III) наблюдается некоторое замедление времени реакции (241,6 ± 17,4 мс, $p < 0,05$ по сравнению со II фазой) и ухудшение показателей теста Струпа (время выполнения 50,3 ± 4,1 с, количество ошибок 2,6 ± 1,0).

Наиболее выраженное ухудшение когнитивных функций зафиксировано в предменструальной (V) и менструальной (I) фазах. Время простой сенсомоторной реакции в предменструальной фазе достигает 284,5 ± 20,6 мс, что достоверно выше показателей II и IV фаз ($p < 0,01$). Время выполнения теста Струпа максимально в эти фазы (56,8 ± 4,5 с и 60,7 ± 5,1 с), а количество ошибок возрастает до 4,2 ± 1,3 и 5,1 ± 1,6 соответственно.

Корреляционный анализ выявил достоверные взаимосвязи между показателями психоэмоционального состояния и когнитивных функций (таблица 3).

Таблица 3 – Взаимосвязь показателей психоэмоционального состояния и когнитивных функций бегуний на средние дистанции 15–17 лет (коэффициенты корреляции Пирсона r)

Показатели	Время ПСМР	Тест Струпа (время)	Тест Струпа (ошибки)
Общее нарушение настроения	0,71**	0,75**	0,68**
Напряжение (T)	0,62**	0,66**	0,57*
Бодрость (V)	-0,74**	-0,71**	-0,62**

Примечание: корреляция статистически значима ($p < 0,05$); 2) ** – корреляция статистически значима ($p < 0,01$).

Выявлены сильные положительные корреляционные связи между показателем общего нарушения настроения и временем простой сенсомоторной реакции ($r = 0,71$; $p < 0,01$), а также временем выполнения теста Струпа ($r = 0,75$; $p < 0,01$). Отрицательная корреляционная связь между показателем энергичности и временем простой сенсомоторной реакции ($r = -0,74$; $p < 0,01$) свидетельствует о том, что чем выше уровень энергичности, тем быстрее сенсомоторные реакции спортсменок.

Полученные данные согласуются с результатами современных исследований [1], [6], [8], [11], [4], показывающих, что психоэмоциональное состояние и когнитивные функции женщин-спортсменок подвержены циклическим изменениям, связанным с биоритмологическими особенностями. Наиболее благоприятные показатели наблюдаются в фазах с низким уровнем прогестерона (постменструальная и постовуляторная), тогда как в фазах с высоким уровнем прогестерона (предменструальная) и в менструальную – отмечается ухудшение как психоэмоционального состояния, так и когнитивных функций [5], [9], [14].

Особого внимания заслуживает тот факт, что в предменструальной и менструальной фазах у спортсменок 15–17 лет фиксируется не только субъективное ухудшение самочувствия, но и объективное снижение скорости реакции и ухудшение внимания, что может негативно сказываться на соревновательной деятельности в беге на средние дистанции. В беге на 800 м и 1500 м, где каждая секунда имеет значение, замедление времени реакции на 60–70 мс может существенно повлиять на результат, особенно в финишном спурте или при тактических перестроениях.

Заключение. Данные проведенного исследования свидетельствуют о наличии на протяжении менструального цикла статистически достоверных изменений показателей психоэмоционального состояния и когнитивных функций бегуний на средние дистанции 15–17 лет. Выявленная динамика носит закономерный характер и связана с гормональными перестройками, происходящими в женском организме в период становления репродуктивной функции.

Наиболее благоприятное психоэмоциональное состояние и лучшие показатели когнитивных функций наблюдаются в постменструальной и постовуляторной фазах. В предменструальной и менструальной – зафиксированы достоверно более высокие показатели напряжения, утомления, снижение энергичности, а также ухудшение когнитивных показателей: увеличение времени сенсомоторной реакции и количества ошибок в тесте Струпа.

Выявлены сильные корреляционные связи между показателями психоэмоционального состояния и когнитивных функций, что подтверждает их взаимообусловленность и необходимость комплексного учета при планировании тренировочного процесса и соревновательной деятельности бегуний на средние дистанции.

Синхронизация структуры психологической подготовки с учетом фаз менструального цикла спортсменок 15–17 лет даст возможность не только повысить эффективность тренировочного процесса и соревновательной деятельности, но и в значительной степени сохранить психоэмоциональное состояние и репродуктивное здоровье спортсменок. В «благоприятные» фазы цикла (постменструальную и постовуляторную) рекомендуется планировать наиболее ответственные соревнования и интенсивные тренировочные нагрузки, направленные на развитие специальной выносливости и скоростных качеств. В «неблагоприятные» – (менструальную и предменструальную) следует акцентировать внимание на восстановительных мероприятиях, психологической поддержке и технической подготовке, не требующей максимальной мобилизации.

Литература

1. Технология индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок : теоретико-методические аспекты / Е. П. Врублевский, С. В. Севдалев, А. Г. Нарскин, М. С. Кожедуб. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 223 с.

2. Легкая атлетика : учебник / под общ. ред. В. И. Бобровника, С. П. Совенко, А. В. Колота. – К. : Логос, 2017. – 759 с.

3. Легкая атлетика : учеб. для ин-тов физ. культ. / под ред. Н. Г. Озолина, В. И. Воронкина, Ю. И. Примакова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Альянс, 2017. – 671 с.

4. Верхошанский, Ю. В. Программирование и организация тренировочного процесса / Ю. В. Верхошанский. – 2-е изд., стереотип. – М. : Спорт, 2019. – 184 с.

5. Рода О. Б. Порівняльна характеристика функціональних можливостей та фізичної працездатності чоловіків і жінок, які спеціалізуються в бігу на середні дистанції / О. Б. Рода, С. В. Калитка, І. М. Войтович // Спортивна медицина і фізична реабілітація. – 2018. – № 2. – С. 15–22.

6. Ильин, Е. П. Психофизиология состояний человека / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2005. – 412 с.

7. Bruinvels, G. The prevalence of menstrual cycle symptoms in female athletes / G. Bruinvels, R. Burden, N. Brown // British Journal of Sports Medicine. – 2019. – Vol. 53, № 12. – P. 765–772.

8. Кожедуб, М. С. Принципиальная схема построения базового мезоцикла подготовки квалифицированных легкоатлеток / М. С. Кожедуб // Мир спорта. – 2018. – № 3 (72). – С. 11–16.

9. Шахлина, Л. Г. Медико-биологические основы спортивной тренировки женщин / Л. Г. Шахлина. – К. : Наукова думка, 2001. – 326 с.

10. Тарасенко, Е. И. Учет особенностей женского организма как фактор грамотного планирования тренировочного процесса / Е. И. Тарасенко / Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С. 292–293.

11. Стресс и тревога в спорте : международный сборник научных статей / сост. Ю. Л. Ханин. – М. : Физкультура и спорт, 1983. – 286 с.

12. Корсакова, Н. К. Нейропсихологическая диагностика в спорте : метод. рекомендации / Н. К. Корсакова, Ю. В. Микадзе. – М. : МГУ, 2021. – 86 с.

13. McNulty, K. L. The effects of menstrual cycle phase on exercise performance in eumenorrheic women : a systematic review and meta-analysis / K. L. McNulty, K. J. Elliott-Sale, E. Dolan // Sports Medicine. – 2020. – Vol. 50, № 10. – P. 1813–1827.

14. Carmichael, M. A. The impact of the menstrual cycle on cognitive function in female athletes / M. A. Carmichael, R. L. Thomson, L. K. Moran // Journal of Science and Medicine in Sport. – 2021. – Vol. 24, № 3. – P. 246–252.

15. Findlay, R. J. The effect of menstrual cycle phase on cognitive function in female athletes : a systematic review / R. J. Findlay, E. H. S. MacRae, I. C. Smith // Journal of Sports Sciences. – 2022. – Vol. 40, № 5. – P. 532–541.

16. Германов, Г. Н. Применение опросника POMS как инструмента прогнозирования успешности выступления спортсменов в пожарно-спасательном спорте / Г. Н. Германов, Л. Г. Уляева, В. Д. Шалагинов // Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики. – 2026. – Т. 6, № 1. – С. 143–150.

17. Карелин, А. А. Большая энциклопедия психологических тестов / А. А. Карелин. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.

18. Уэйнберг, Р. Основы психологии спорта и физической культуры / Р. Уэйнберг, Д. Гоулд. – Киев : Олимпийская литература, 2001. – 336 с.

19. Julian, R. The effect of menstrual cycle phase on physical performance in female athletes : a systematic review / R. Julian, A. Hecksteden, J. Fullagar // Sports Medicine. – 2020. – Vol. 50, № 8. – P. 1477–1496.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 23.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 373:371.381.2 EDN: HRVOJP

Формирование универсальных компетенций через культуру досуга: от исторического анализа к современной образовательной экосистеме

Э.М. Кушнерова

В центре исследования находится феномен свободного времени как социально-педагогическая проблема. Статья прослеживает историческую трансформацию концепций досуга – от аристотелевской «схоле» как созерцательной практики до современной «культурной индустрии», предлагающей пассивный «квазедосуг». В исследовании определено, что в эпоху перехода к «цивилизации досуга» именно качество использования свободного времени становится индикатором не только уровня жизни, но и потенциала общественного развития. В контексте смены педагогических парадигм с техногенной на гуманистическую, особое значение приобретает формирование универсальных компетенций: критического мышления, креативности, саморегуляции и способности к осмысленной рефлексии. Эти компетенции могут быть эффективно сформированы через целенаправленное воспитание культуры досуга, начиная с раннего возраста. Статья предлагает рассматривать модель «образование на протяжении всей жизни» и «образовательные экосистемы» как адекватный ответ на вызовы цифровой эпохи, где досуг рискует быть поглощенным потребительскими симулякрами.
Ключевые слова: универсальные компетенции, досуг, критерии, образование, культура досуга, образовательные экосистемы.

The study focuses on the phenomenon of free time as a socio-pedagogical problem. The article traces the historical transformation of leisure concepts – from Aristotle's «schole» as a contemplative practice to the modern «cultural industry» offering passive «quasedo-leisure». It is determined that in the era of transition to a «civilization of leisure», the quality of free time use is becoming an indicator not only of living standards but also of the potential for social development. In the context of the shift in pedagogical paradigms from a technocratic to a humanistic model, the development of universal competencies, such as critical thinking, creativity, self-regulation, and the capacity for meaningful reflection, assumes particular importance. These competencies can be effectively developed through targeted promotion of a culture of leisure, starting from an early age. The article proposes considering the «lifelong learning» model and «educational ecosystems» as an adequate response to the challenges of the digital age, where leisure risks being absorbed by consumer simulacra.
Keywords: universal competencies, leisure, criteria, education, leisure culture, educational ecosystems.

Общественные трансформации никогда не происходят в абстрактной пустоте – они всегда укоренены в конкретной исторической реальности, в уникальном сплетении времени и пространства. В этом непрерывном потоке социальных изменений системы образования выступают не пассивным фоном, а активным и взаимосвязанным элементом. Как отмечал социолог Пётр Штомпка, эта динамика отражает глубинное свойство человеческой природы: вечное беспокойство, стремление к лучшей доле и неугасимый поиск нового [1]. Эта идея находит свое воплощение, например, в концепции всестороннего развития личности, которая становится социально востребованной и реализуемой лишь тогда, когда общество достигает определенной зрелости и создает для этого необходимые социально-экономические предпосылки.

Сегодня мы являемся свидетелями масштабной смены образовательных парадигм. Если раньше доминировала техногенная модель, ставившая во главу угла эффективность и функциональность, то теперь на смену ей приходит антропогенная парадигма с ее гуманистическим ядром. В центре новой педагогической культуры оказывается сам человек, его уникальность и потенциал. Антропологический подход становится для педагогики ключом к открытию подлинных закономерностей человеческого развития и проектированию на их основе принципиально иных образовательных моделей [2]. Без глубокого понимания своей собственной природы и предмета изучения педагогика рискует остаться лишь констатирующей дисциплиной, утратив конструктивную, преобразующую роль. Возвращение к антропологическим истокам – это и условие для плодотворной интеграции с психологией, социологией, философией, биологией и другими науками о человеке, что открывает путь к целостному знанию.

При этом любой серьезный прогноз развития общества был бы неполным без анализа роли свободного времени. Сегодня оно превратилось из маргинальной категории в один из

ключевых индикаторов не только уровня, но и качества жизни. Вопрос уже не в том, есть ли у человека свободные часы, а в том, как они используются, каким ценностям и целям служат. В научном дискурсе сложились два основных подхода к его изучению: экономический, рассматривающий свободное время как ресурс для воспроизводства и развития человеческого капитала, и социологический, исследующий его как сложный феномен, зависимый от исторического контекста и индивидуальных траекторий.

Современная социально-экономическая система, традиционно сфокусированная на производстве и потреблении, постепенно эволюционирует в сторону так называемого «общества досуга». Центр тяжести в жизни социума смещается, по мнению ряда теоретиков, от «цивилизации труда» к «цивилизации свободного времени». Однако наметившаяся тенденция увеличения досуга таит в себе парадокс: зачастую это время используется не для творческого саморазвития личности, а лишь для рекреации, простого восстановления сил для дальнейшей работы. Досуг низводится до уровня развлечения, становясь логическим продолжением трудовой деятельности, что означает утрату его исконного, возвышенного смысла. Как показывают исследования, погоня за материальным благополучием истощает внутренние ресурсы человека, оставляя без внимания одну из важнейших функций свободного времени – раскрытие творческого и духовного потенциала [3]. Между тем, именно в этой функции заключены огромные возможности для гуманизации общества в целом.

Эту мысль тонко чувствовал и классик отечественной педагогики Константин Дмитриевич Ушинский. В своем фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания» он предупреждал, что неумение распорядиться часами досуга ведет к деградации ума, очерствению сердца и упадку нравственности.

Исторический материализм, на десятилетия ставший доминирующей методологией в изучении общества, отодвинул на второй план теории антропосоциогенеза. Центральной категорией новой политической экономии, особенно в марксовом «Капитале», стало рабочее время, выдвинутое на авансцену Первой промышленной революцией. Его диалектическая противоположность – свободное время – долгое время оставалась на периферии научного интереса, но постепенно превратилась из «пасынка науки» в полноправный объект пристального изучения и острых дискуссий социологов и экономистов.

На заре XX в. нормальным считался рабочий день продолжительностью 10, 12, а то и 14 часов. Труд поглощал практически всё время активного бодрствования человека. То, что условно называлось досугом, сводилось к минимуму, необходимому для биологического восстановления: сну, приёму пищи и самым насущным бытовым заботам. Подлинно свободного времени – то есть часов, предназначенных «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для свободной игры физических и интеллектуальных сил» – у рабочего человека, по сути, не существовало.

С точки зрения политэкономии того периода, всё внерабочее время, как и само рабочее, было подчинено логике производства. Оно выполняло служебную функцию воспроизводства рабочей силы – своеобразного «ремонта» и поддержания в состоянии, пригодном для извлечения прибавочной стоимости. Карл Маркс отмечал, что при таком подходе всё время индивида монополизируется как рабочее, обрекая его на существование исключительно в роли «рабочего» [4, с. 247]. Это порождало жёсткий классовый антагонизм: рабочее время было уделом массы, в то время как «безделие немногих» создавало условия для развития культуры и интеллекта. Таким образом, рабочее и свободное время были не просто разными понятиями, а социально и экономически враждебными, разорванными категориями.

Однако, как отмечал Маркс, капитал по своей природе является «движущимся противоречием». Стремясь к накоплению, он объективно развивает производительные силы и повышает производительность труда, тем самым – «помимо своей воли» – создавая материальные предпосылки для сокращения рабочего времени для всего общества. Это открывает путь к высвобождению времени для всестороннего развития каждого человека.

Именно эта прогрессивная тенденция стала магистральной для экономики XX столетия. Если XIX в. вошёл в историю как эпоха экстенсивного увеличения продолжительности труда (благодаря Второй промышленной революции), то XX в., под влиянием Третьей промышлен-

ной революции, совершил качественный скачок в его сокращении. Впервые в истории широкие массы трудящихся получили реальную возможность посвящать творческой деятельности и духовному развитию объём времени, сопоставимый с периодом обязательного труда.

Эта динамика указывает на фундаментальный сдвиг: по мере количественного сокращения и качественной трансформации обязательного рабочего времени, неизмеримо возрастает социальная и личностная ценность времени свободного, отданного творчеству и самореализации. Оптимизм середины XX в. даже позволял некоторым экономистам и социологам прогнозировать скорое сокращение необходимого рабочего дня до 2–3 часов и наступление эры, где доминирующее положение в жизни человека займёт именно свободная, созидательная деятельность.

Советский философ Генрих Волков, размышляя об этой модели в 1965 г., отмечал её понятную привлекательность, но и её ключевое, на его взгляд, противоречие. Мор, по мнению Волкова, создаёт жёсткую и непримиримую оппозицию: труд как вынужденное, почти рабское занятие, противостоящее свободному, одухотворённому досугу [5, с. 112]. Однако современность (на тот момент – середина XX в.) демонстрирует иной, двуединый процесс. С одной стороны, рост свободного времени позволяет наполнять его не просто отдыхом, но и творчеством. С другой – сам обязательный труд, благодаря автоматизации и научно-техническому прогрессу, теряет черты изнурительной, монотонной повинности, приобретая элементы осмысленной, свободной деятельности [6]. Таким образом, «цивилизаторская миссия» индустриального развития, как полагал Волков, заключается именно в стирании жёстких границ между этими некогда полярными сферами человеческого существования, в их взаимном сближении и обогащении.

Чтобы понять глубину современной дискуссии о досуге, необходимо обратиться к его античным истокам. Греческое слово «σχολή» (схоле) изначально означало именно досуг, свободное от необходимости время, и лишь позже стало обозначать занятие в этот период – чтение, беседу, лекцию, а затем и саму школу. Таким образом, в самой этимологии заложена связь между свободой, образованием и высшими формами человеческой деятельности.

Аристотель в «Метафизике» проводит принципиальное разграничение, проводя линию между искусствами, созданными для удовлетворения насущных потребностей, и искусствами, возникшими для «введения в существование», для осмысленного времяпрепровождения. Первые он относит к категории «рабских» – они не обращены к исключительной, разумной природе человека, а лишь обслуживают биологические нужды, отнимая досуг и не оставляя пространства для подлинного бытия. Вторые – «свободные» искусства – ценны сами по себе, ибо направлены не вовне, а на развитие самой сущности человека, его способности к мышлению и созерцанию.

В «Никомаховой этике» Аристотель выстраивает концептуальную триаду: досуг – счастье – свобода. Философ утверждает, что счастье коренится именно в досуге, поскольку вся наша деятельность (включая труд и даже войну) является лишь средством для достижения мира и возможности этим досугом распорядиться. Истинное, «полное» счастье пронизывает всю жизнь и немыслимо без умения наполнить свободное время высшим содержанием [7].

Ключевой тезис Аристотеля заключается в радикальном противопоставлении досуга-созерцания и досуга-развлечения. С его точки зрения, считать развлечение конечной целью жизни – нелепо. Всякий серьёзный труд и переносимые тяготы ради последующих забав выглядят, по Аристотелю, «глупыми и уж слишком ребячливыми». Счастье – это не пассивное получение удовольствий, а активное, осмысленное и творческое состояние, достижимое через созерцательную практику и интеллектуальное усилие в пространстве подлинного, свободного времени. Таким образом, античная мысль закладывает фундамент для понимания досуга не как паузы между трудами, а как высшей цели человеческого существования, пространства для реализации его духовной и разумной природы.

Наследие античной мысли, в частности идеи Аристотеля о досуге, получило своё развитие в эпоху Средневековья. Схоластическая философия (в трудах Фомы Аквинского, Роджера Бэкона, Бонавентуры, Уильяма Оккама) продолжала развивать дихотомию труда и свободного времени. Христианская традиция, в свою очередь, придала этой концепции сакральное измерение, установив особый день для отдыха. Этот день предназначался не просто для безделья, а для принципиального переключения внимания с мирских забот на духовное созерцание, что позволяло человеку раскрывать иные, более глубокие грани своей личности.

Однако сложившийся баланс был существенно нарушен в период Реформации. Учения Мартина Лютера, Жана Кальвина и других реформаторов принесли с собой новую этику, в центре которой оказался профессиональный труд как высшая форма служения Богу. Аскетический идеал, направленный вовне, в мирскую деятельность, пришёл на смену монашескому идеалу созерцательной жизни, которая была объявлена социально бесполезной. Этот мощный акцент на труде, производстве и мирском призвании, при всей его исторической значимости, отодвинул на второй план иную, не менее важную антропологическую потребность – потребность в рефлексии, духовной медитации и самопознании, не связанных с утилитарной пользой.

Таким образом, произошёл своеобразный мировоззренческий сдвиг: внутреннее «окно», ведущее к постижению подлинного измерения личности через созерцание, было частично затворено. Примат активного действия над рефлексией, производительности над самоуглублением рискует оставить эту существенную часть человеческой природы невостребованной, лишая личность возможности познать себя за пределами своей социально-трудовой функции.

Середина XX в. стала поворотным моментом, когда философская и социологическая мысль вновь обратилась к проблеме досуга, но уже в критическом ключе. Исторически привилегия подлинного, осмысленного досуга принадлежала узкому кругу: в Средневековье – аристократии, в Новое время – представителям свободных профессий (художникам, учёным, литераторам). Просветительский проект нового времени лелеял надежду на демократизацию этого блага, стремясь расширить доступ к досугу как пространству саморазвития для всех.

Однако, как показали Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в своей знаковой работе «Диалектика Просвещения», этот проект потерпел ироничное поражение. Массовое высвобождение свободного времени не привело к расцвету автономного мышления и творчества. Вместо этого возник феномен, который мыслители Франкфуртской школы определили как «культурную индустрию».

Культурная индустрия произвела на свет «квазедосуг» – систему стандартизированных развлечений, направленных сверху. Кино, радио, позднее телевидение, превратившись в мощные бизнес-империи, стали предлагать не стимулы для рефлексии, а готовые продукты для пассивного потребления. Их главная функция – не пробуждать мысль, а усыплять её, создавая комфортную иллюзию интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности. Как отмечали критики, эти продукты выстроены так, что, требуя от зрителя некоторого поверхностного внимания, они одновременно парализуют глубинные способности к воображению и самостоятельному осмыслению. Человек поглощает контент, не участвуя в сотворении его смысла, оставаясь пассивным звеном в гигантской экономической машине, которая контролирует его и в труде, и в «отдыхе» [8].

Эта тема тотального отказа от подлинного мышления в пользу потребления симулякров была позднее развита такими мыслителями, как Жан Бодрийяр. Он описывал общество потребления как мир самообмана, где индивидуальность растворяется в наборе статусных знаков, а погоня за счастьем подменяется бессознательным потреблением его иллюзорных образов [9]. Таким образом, избыток свободного времени в индустриальном и постиндустриальном обществе был не столько завоеванием, сколько новым полем для отчуждения, где досуг, вместо того чтобы быть пространством свободы, стал продолжением логики рынка и инструментом социального контроля.

Особый взгляд на проблему досуга предлагает немецкий философ Артур Шопенгауэр в своих «Афоризмах житейской мудрости». Он рассматривает свободное время не только как благо, но и как вызов, порождающий экзистенциальную скуку для тех, кто, пребывая в праздности, лишён внутреннего содержания. Такой человек, по Шопенгауэру, вынужден искусственно возбуждать свою волю через внешние стимулы – будь то игры, спорт, охота или азартные развлечения, – лишь бы заполнить пустоту времени.

Философ предлагает классификацию наслаждений, основанную на трёх фундаментальных силах человеческой природы:

– воспроизводительная сила (основные потребности: еда, сон, отдых);

– раздражимость (активная, аффективная деятельность: путешествия, спорт, борьба, танцы);

– чувствительность (высшая, духовно-интеллектуальная деятельность: мышление, созерцание, искусство, философия, познание) [10].

Шопенгауэр утверждает, что подлинное и устойчивое счастье напрямую зависит от того, какая из этих сил в человеке доминирует. Наиболее ценные и благородные наслаждения порождаются чувствительностью – той самой способностью к познанию и рефлексии, что отличает человека от животного. Именно её развитие открывает доступ к высшим формам бытия.

Далее философ проводит чёткую демаркацию между двумя типами людей. «Средний человек» интересуется миром лишь постольку, поскольку тот задевает его волю, желания и страсти; его существование – это череда мелких увлечений и «щекотания воли», часто оборачивающихся страданием и глубокой скукой в периоды бездействия. Напротив, человек «с избытком духовных сил» способен испытывать живой, бескорыстный интерес к миру через одно лишь созерцание и познание. Такой интерес освобождает его от тирании воли и переносит в «атмосферу веселой, легкой жизни богов». Его внутренний мир настолько богат, что сам становится неиссякаемым источником наслаждения, делая его независимым от внешних раздражителей. Он – подлинный наследник и собеседник великих умов всех эпох [10].

Таким образом, Шопенгауэр приходит к парадоксальному, но глубокому выводу: потребность в досуге – это привилегия и признак развитого интеллекта. Только тот, кто обладает внутренним богатством мысли, испытывает подлинную, ненасытную потребность во времени для обучения, размышления и созерцания. Свободное время для него – не угроза скуки, а долгожданная возможность, драгоценное пространство для реализации своей высшей природы. В этом рассуждении досуг окончательно перестаёт быть просто временем после работы, становясь мерилом человеческой глубины и залогом подлинной, самодостаточной жизни.

В рамках данного исследования досуг рассматривается в двух взаимосвязанных проекциях. Во-первых, как фактор, влияющий на раскрытие духовно-творческого потенциала личности. Во-вторых, как феномен, сам подверженный влиянию социально-экономических и технологических трансформаций. Именно эти изменения обуславливают актуальный поворот системы образования к гуманистической и антропологической парадигмам, а также к новой организационной форме – образовательной экосистеме [11].

Ядром гуманистической тенденции в образовании является ориентация на развитие целостной личности, на создание «человекоразмерной» педагогической среды [12]. Чем гармоничнее это развитие, тем более свободным и творческим становится человек. Из этого вытекает центральный принцип – принцип непрерывного общего и профессионального развития личности, который подчиняет себе все остальные педагогические принципы. Его реализация достигается тогда, когда обучающийся выступает не объектом, а субъектом педагогического процесса. Это обеспечивается синтезом деятельностного и личностного подходов, где последний требует признания уникальности каждого и формирования у него самого восприятия своей и чужой личности как высшей ценности [13].

Заслуга первоначальной разработки идей непрерывного образования в отечественной традиции принадлежит Константину Дмитриевичу Ушинскому. В своей фундаментальной работе «Человек как предмет воспитания» он обосновал необходимость обучения и воспитания на протяжении всей жизни. Уже в статье «Воскресные школы» (1861) Ушинский детально рассмотрел специфику работы со взрослым населением, указав, в частности, что привычку к осмысленному использованию свободного времени необходимо формировать с самого раннего, дошкольного детства.

В современном контексте непрерывного образования ключевым трендом становится формирование образовательных экосистем. Это подтверждается исследованием Московской школы управления СКОЛКОВО и организации Global Education Futures, в рамках которого были проанализированы более 40 таких систем по всему миру. Эксперты, в частности Павел Лукша, основатель Global Education Futures, определяют образовательную экосистему не просто как новый формат, а как принципиально иную управленческую парадигму. Её суть – в гармонизации образовательных процессов с динамичными социокультурными, экономическими и технологическими изменениями, а также в ориентации на потребности личности, которой необходимо гибко адаптироваться и учиться на протяжении всей жизни.

Данные исследования показывают, что этот подход ведёт к глубинным трансформациям: появляются новые форматы обучения и мышления, меняются модели сотрудничества и образ жизни в целом. Образование эволюционирует в сторону сетевых, добровольных и персонализированных моделей развития, где актуализация знаний становится условием профессиональной и социальной конкурентоспособности. Как отмечают авторы, такие экосистемы часто зарождаются «снизу» – от базового обучения детей, где само понятие «базового» может варьироваться от функциональной грамотности до приобщения к мировой культуре. В

перспективе образование рассматривается как путь к целостному мировоззрению, «выход в мировую экосистему», где фокус смещается с материальных ценностей на поиск смыслов, понимание устройства мира и реализацию человеческой сущности [14].

Этот взгляд напрямую резонирует с гуманистической трактовкой досуга как цели жизни, состояния подлинной свободы и главного условия для творческой самореализации личности. Иллюстрацией этой мысли служит азиатская притча о человеке, в которого вселилась змея. Долгие годы она диктовала ему каждое действие, а когда наконец покинула его, обретённая свобода оказалась пугающей пустотой – герой попросту разучился самостоятельно распоряжаться своим временем и жизнью.

Данная притча обнажает сущностное противоречие, лежащее в основе современной культуры досуга. Наличие свободного времени – это лишь формальное условие, количественный показатель свободы, её внешний контур. Однако сама свобода не сводится к незанятости. Её подлинная природа качественна и деятельна: это внутренняя готовность и развитая способность человека превращать временную пустоту в пространство для осмысленного творчества, рефлексии и развития.

Таким образом, подготовка к «правильному» досугу становится одной из центральных задач современного образования. Это не только вопрос личностного благополучия, но и условие построения более гуманного и творчески ориентированного общества. Будущее образования видится в создании экосистем, которые учат не только работать, но и жить полной жизнью, наполняя свободное время деятельностью, способствующей раскрытию человеческого потенциала.

Литература

1. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

2. Соколов, А. В. Феномен социально-культурной деятельности / А. В. Соколов. – СПб., 2003. – 204 с.

3. Рудакова, Ю. Е. Эффективная организация свободного времени человеком в условиях современного общества (сквозь призму социологии досуга) / Ю. Е. Рудакова // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 519–521.

4. Маркс, К. Капитал. Соч. : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23. – 920 с.

5. Мор, Т. Утопия / Т. Мор ; пер. с латин. Ю. М. Каган. – М. : Наука, 1978. – 416 с.

6. Волков, Г. Н. Эра роботов или эра человека? (Социологические проблемы развития техники) / Г. Н. Волков. – М. : Политиздат, 1965. – 157 с.

7. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель ; пер. Э. Л. Радлов. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 223 с.

8. Адорно, Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М.-СПб., 1997. – 312 с.

9. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М. : Республика ; Культурная революция, 2006. – 269 с.

10. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – URL : http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/aforizmy.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 26.10.2025).

11. Кушнерова, Э. М. Соотношение досуга и квазидосуга как философское основание рассмотрения проблемы формирования творческих компетенций / Э. М. Кушнерова // Общество и экономическая мысль в XXI в. : матер. Междунар. конф., Воронеж, 3 апреля 2025 г. / Воронежский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова ; редкол.: Ю. В. Вакулин [и др.]. – Воронеж, 2025. – С. 441–445.

12. Кучеренко, К. В. Теоретические основы формирования идеи человекоразмерного образования / К. В. Кучеренко // Молодой ученый. – 2015. – № 2 (82). – С. 531–533.

13. Аргунова, М. В. Экосистемный подход как новая парадигма образования / М. В. Аргунова, Д. В. Моргун // Непрерывное образование в контексте будущего : сб. науч. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2021. – С. 19–24.

14. Лукша, П. Образовательные экосистемы : возникающая практика для будущего образования / П. Лукша, С.-К. Джессика, Дж. Кубиста. – URL: https://www.skolkovo.ru/researches/obrazovatelnyeekosistemy-voznikayushaya-praktika-dlya-budushego-obrazovaniya (дата обращения: 20.03.2025).

Гомельский областной институт
развития образования

Поступила в редакцию 25.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 377.5:005.1(510+476) EDN: ISKHNG

Сравнительный анализ механизмов управления системой высшего профессионального образования в Китае и Беларуси

Лан Синьсинь

В статье представлен сравнительный анализ механизмов управления системами высшего профессионального образования в Китайской Народной Республике и Республике Беларусь. Рассмотрены ключевые модели управления, включая государственное регулирование, механизмы взаимодействия с рынком труда и интеграции образования с производством. Проанализированы сильные стороны и особенности каждой системы, а также определены перспективные направления для взаимного обогащения опытом в контексте углубления двустороннего сотрудничества в сфере образования.
Ключевые слова: высшее профессиональное образование, механизм управления, сравнительный анализ, интеграция образования и производства, Китай, Беларусь.

This article provides a comparative analysis of the management mechanisms for higher vocational education systems in the People's Republic of China and the Republic of Belarus. It examines key governance models, including state regulation, mechanisms for interaction with the labor market, and the integration of education and industry. The analysis identifies the strengths and specific features of each system and outlines promising areas for mutual enrichment of experience in the context of deepening bilateral cooperation in education.
Keywords: higher vocational education, management mechanism, comparative analysis, integration of education and industry, China, Belarus.

Введение. В условиях глобализации и стремительного технологического развития высшее профессиональное образование (ВПО) становится ключевым фактором обеспечения национальной конкурентоспособности. Эффективность системы ВПО во многом определяется механизмами ее управления. Китайская Народная Республика и Республика Беларусь, являясь стратегическими партнерами, демонстрируют различные подходы к управлению данной сферой, что обусловлено историческими, экономическими и социальными особенностями.

В октябре 2025 г. страны подписали совместную декларацию об углублении сотрудничества в развитии высшего образования [1], что актуализирует необходимость глубокого сравнительного анализа для выявления лучших практик и перспектив взаимодействия. Цель данной статьи – провести сравнительный анализ механизмов управления системами ВПО в Китае и Беларуси для определения их специфики и потенциала для взаимного обогащения.

1. Механизмы управления системой высшего профессионального образования в Китае. Система управления ВПО в Китае характеризуется как модель государственного макроуправления с активным вовлечением рыночных механизмов и отраслевых игроков. Согласно статистическим данным Министерства образования КНР, в 2024 г. в стране функционировало 1 613 учреждений высшего профессионального образования с общей численностью студентов 1 805,34 тыс. человек [2]. Ключевую роль в управлении играет Министерство образования КНР, которое определяет стратегические направления, разрабатывает стандарты и осуществляет общий надзор. Управление на региональном уровне делегировано провинциальным департаментам образования, которые несут ответственность за реализацию национальной политики с учетом местных особенностей (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура управления системой ВПО в Китае

Одной из центральных осей китайской модели является механизм интеграции образования и производства. Государство активно стимулирует создание «интегрированных предприятий», которые получают налоговые и финансовые преференции за участие в образовательном процессе. Согласно «Плану реализации действий по расширению прав и возможностей в области интеграции производства и образования в профессиональном образовании (2023–2025 гг.)», к 2025 г. планируется создать не менее 10 000 таких предприятий по всей стране [3]. Этот механизм обеспечивает прямое участие бизнеса в разработке образовательных программ, создании учебных баз и оценке качества подготовки специалистов.

Другим важным элементом является «План строительства высокоуровневых профессиональных школ и специальностей с китайской спецификой» (программа «Двойной высоты»). Этот проект, запущенный в 2019 г., направлен на создание группы элитных профессиональных колледжей, которые должны стать мировыми лидерами. В рамках первого этапа было отобрано 197 учреждений [4]. Финансирование в рамках этого плана напрямую увязано с достижением конкретных показателей эффективности, что формирует мощный механизм управления качеством.

2. Механизмы управления системой высшего профессионального образования в Беларуси.

Рисунок 2 – Структура управления системой ВПО в Беларуси

Система управления ВПО в Беларуси в значительной степени сохранила черты централизованной модели, унаследованной от советского периода, но с элементами адаптации к рыночной экономике. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2024/2025 учебном году в системе среднего специального образования обучалось 112,5 тыс. студентов в 111 колледжах [5]. Ключевую роль играет Министерство образования Республики Беларусь, которое осуществляет единое государственное управление, утверждает образовательные стандарты и контролирует их соблюдение (рисунок 2).

Важной особенностью белорусской системы является законодательно закрепленный механизм координации между потребностями рынка труда и объемами подготовки специалистов [6]. Заказчиками кадров выступают республиканские органы государственного управления и местные исполнительные и распорядительные органы, что обеспечивает гарантированное первое рабочее место для выпускников-бюджетников.

В Беларуси активно развивается сеть республиканских инновационных центров (РИЦ), которые создаются на базе ведущих колледжей. На 2024 г. функционировало 48 таких центров по 9 видам экономической деятельности, ежегодно обучая около 25 000 человек [6]. Они оснащены самым современным оборудованием и служат площадками для освоения передовых производственных технологий, повышения квалификации преподавателей и проведения производственной практики. Этот механизм является белорусским аналогом глубокой интеграции образования и производства.

Значимым инструментом модернизации системы ВПО стало присоединение Беларуси к движению WorldSkills International в 2014 г. (68-й член организации). Участие в чемпионатах профессионального мастерства и внедрение их стандартов в образовательный процесс выступает как внешний механизм оценки и повышения качества подготовки кадров, ориентируя систему на лучшие мировые практики [7].

3. Сравнительный анализ механизмов управления. Сравнение двух систем позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия в подходах к управлению (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнение основных показателей систем ВПО Китая и Беларуси (2024 г.)

Показатель	Китай (2024)	Беларусь (2024)
Количество учреждений ВПО	1 613	111
Численность студентов (тыс.)	1 805,34	112,5
Выпускники в год (тыс.)	547,43	33,0
Количество специальностей	744	158
Доля в высшем образовании (%)	~50 %	~30 %
Механизм интеграции	Интегрированные предприятия	РИЦ (48 центров)
Международная аккредитация	Программа «Двойной высоты»	WorldSkills (с 2014)

По субъекту управления в обеих странах государство играет доминирующую роль. Однако в Китае наблюдается более выраженная модель многоуровневого управления (центральное правительство – провинции – учебные заведения) с сильным акцентом на рыночные стимулы для предприятий. В Беларуси сохраняется более централизованная вертикаль управления, где государство выступает основным заказчиком и регулятором.

В механизмах взаимодействия с предприятиями китайская модель делает ставку на прямое стимулирование бизнеса через налоговые льготы и создание специальных «интегрированных» предприятий. Белорусская модель опирается на административно-правовые механизмы государственного заказа кадров и создание государственных ресурсных центров как точек сопряжения с производством.

В области управления качеством Китай использует конкурентный механизм проектного финансирования (программа «Двойной высоты»), стимулируя борьбу за ресурсы и статус. Беларусь применяет механизм стандартизации и международной аккредитации через движение WorldSkills, ориентируясь на внешние эталоны качества (таблица 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ механизмов управления системами ВПО Китая и Беларуси

Аспект управления	Китай	Беларусь
Субъект управления	Многоуровневая система: центр – провинции – учреждения	Централизованная вертикаль: Минобразования – области

Окончание таблицы 2

Роль государства	Макрорегулирование, стратегическое планирование	Прямое управление, государственный заказ кадров
Роль предприятий	Активное участие через налоговые стимулы	Участие как заказчиков кадров
Механизм интеграции	Интегрированные предприятия (чаньцзяо жунхэ)	Республиканские инновационные центры
Управление качеством	Конкурентное проектное финансирование	Стандартизация, WorldSkills
Финансирование	Многоканальное: государство + бизнес + плата	Преимущественно государственное
Трудоустройство	Рыночные механизмы	Государственное распределение

Следует отметить, что обе системы демонстрируют общую тенденцию к усилению связи образования с реальным сектором экономики, хотя и реализуют её различными инструментами. Китай делает акцент на создании экономических стимулов для бизнеса, тогда как Беларусь – на административном планировании и государственных инвестициях в инфраструктуру.

Заключение. Проведённый анализ показал, что Китай и Беларусь, несмотря на различия в масштабах систем, выработали эффективные, но разные по своей природе механизмы управления высшим профессиональным образованием. Китайская система демонстрирует гибкость и динамизм за счёт активного использования рыночных инструментов и конкурентных моделей. Белорусская система отличается стабильностью, предсказуемостью и тесной связью с государственным сектором экономики.

Для Китая может быть интересен белорусский опыт создания единой системы прогнозирования потребности в кадрах и гарантированного трудоустройства выпускников. Для Беларуси, в свою очередь, ценным является китайский опыт стимулирования частных инвестиций в профессиональное образование и создания конкурентной среды между учебными заведениями.

Углубление сотрудничества, основанное на взаимном изучении и адаптации лучших практик, позволит обеим странам повысить эффективность своих систем ВПО и совместно отвечать на вызовы глобальной экономики.

Литература

1. Беларусь и Китай подписали совместную декларацию об углублении сотрудничества в развитии высшего образования. – URL : https://belta.by/society/view/belarus-i-kitaj-podpisali-deklaratsiju-ob-uglublenii-sotrudnichestva-v-vysshem-obrazovanii-742869-2025/ (дата обращения: 26.12.2025).

2. 2024 年全国教育事业发展统计公报 = Статистический бюллетень о развитии национального образования в 2024 году / Министерство образования КНР. – URL : http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb/202506/t20250611_1193760.html (дата обращения: 26.12.2025).

3. 职业教育产教融合赋能提升行动实施方案（2023 –2025年）= План реализации действий по расширению прав и возможностей в области интеграции производства и образования в профессиональном образовании (2023–2025 гг.) / Национальная комиссия по развитию и реформам КНР. – URL : https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202306/P020230613309060086035.pdf (дата обращения: 26.12.2025).

4. 教育部财政部关于公布中国特色高水平高职学校和专业建设计划建设单位名单的通知 = Уведомление Министерства образования и Министерства финансов о публикации списка строительных единиц Плана строительства высокоуровневых профессиональных школ и специальностей с китайской спецификой. – URL : http://www.moe.gov.cn/srcsite/A07/moe_737/s3876_qt/201912/t20191213_411947.html (дата обращения: 26.12.2025).

5. Основные показатели образования / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/godovye-dannye_5/osnovnye-pokazateli-obrazovaniya/ (дата обращения: 26.12.2025).

6. Профессиональное образование. – URL : https://president.gov.by/ru/belarus/social/education/professional (дата обращения: 26.12.2025).

7. Концепция управления качеством профессионально-технического и среднего специального образования Республики Беларусь (2024–2030 годы). – URL : https://edu.gov.by/urovni-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-professionalnogo-obrazovaniya/prof-obr/normativno-pravovye-akty/ (дата обращения: 26.12.2025).

Белорусский национальный
технический университет

Поступила в редакцию 09.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 378:378.115 EDN: JWYKZK

The model of facilitation of international student adaptation to the university

O.P. MARINENKO[1], WU QIUXUAN[2]

This article explores the model of facilitation of international student adaptation to university education as a structured pedagogical process within the higher education environment. It conceptualizes facilitation as a system of pedagogical accompaniment that ensures continuous guidance of international students during their academic, psychological, sociocultural and daily life adjustment. The study outlines five stages of facilitation and discusses the roles of all participants involved in the accompaniment process.
Keywords: facilitation, international student, pedagogical accompaniment, pedagogical process, university education.

В статье рассматривается модель содействия адаптации иностранных студентов к университетскому обучению как структурированный педагогический процесс, реализуемый в условиях высшего образования. Фасилитация трактуется как система педагогического сопровождения процесса адаптации иностранных студентов в академическом, психологическом, социокультурном и повседневном контекстах. В исследовании описываются пять этапов педагогического сопровождения и рассматриваются роли участников данного процесса.
Ключевые слова: фасилитация, иностранный студент, педагогическое сопровождение, педагогический процесс, университетское образование.

Introduction. Over the past decades, higher education institutions have seen a steady increase of international students. These students enter universities with diverse linguistic, cultural, and academic backgrounds. Such diversity shapes their learning experiences and patterns of academic engagement. In this context, the issue of student adaptation has gained particular pedagogical significance, as it is closely connected with both the quality of university education and the effectiveness of institutional practices.

Within contemporary pedagogical research, international student adaptation is conceptualized as a complex and multidimensional process resulting from the interaction between individual characteristics and the educational environment [1]. Academic achievement and sociocultural participation, together with students' psychological well-being, are widely regarded as closely interconnected factors shaping success in higher education. Difficulties arising in any of these dimensions may negatively affect learning motivation, academic engagement, and persistence of international students.

Despite the growing emphasis on internationalization at the policy level, institutional support for international students in many universities remains fragmented. Support measures are often confined to administrative or consultative services and insufficiently integrated into teaching and learning processes. Such an approach limits the recognition of adaptation as an integral pedagogical phenomenon and reduces the overall effectiveness of support initiatives.

In this context, pedagogical facilitation is understood not as a set of isolated support measures, but as a system of pedagogical accompaniment [2]. This system ensures continuous guidance of international students throughout different phases of their academic experience and reflects the shared responsibility of the university for the adaptation process. In this study, pedagogical facilitation is considered as the core analytical concept and denotes the process-based organization of accompaniment within university education. An analysis of different works demonstrates that international student adaptation is commonly addressed either through fragmented support measures or through separate accompanying practices [3]–[5]. However, existing studies rarely conceptualize pedagogical accompaniment as a coherent, process-oriented system integrated into university education. The purpose of this article is to present a model of facilitation of international student adaptation and to analyze main stages and the roles of all participants.

Main body. Researchers conceptualize facilitation not merely as a communicative strategy, but as a pedagogical principle organizing interaction within the educational environment and creating conditions for self-development of all educational process participants and collaborative knowledge construction [2], [6]. Drawing on the analysis of studies devoted to international students, pedagogical facilitation is con-

ceptualized in this article as a system of pedagogical accompaniment that describes the processual organization of international student tracking, support, assistance, guidance and mentorship. This system integrates academic, psychological, sociocultural and daily life dimensions of adaptation and is developed as a continuous pedagogical process within the university. Its value lies in maintaining pedagogical interaction as a continuous and internally coordinated process across international students' academic trajectories.

The concept of facilitation of international student adaptation unites and integrates their accompaniment, tracking, support, assistance, guidance, and mentoring [2]–[7]. According to previous studies, assistance denotes targeted, situation-specific adaptation aimed at overcoming concrete difficulties [3], [6]. Support is the most comprehensive concept and refers to a systemic set of academic, social, psychological, and administrative measures ensuring student integration and retention. While these studies provide valuable insights, they often conceptualize both assistance and support as fragmented services rather than as an integrated pedagogical process.

The previous research rarely conceptualizes accompaniment of international student adaptation as a coherent, stage-based system of tracking students throughout their entire period of study. In our case, we consider the concepts of facilitation and accompaniment in the context of international student support as close and interchangeable terms. Besides, pedagogical accompaniment within our model includes four interrelated dimensions:

1. Psychophysiological accompaniment concerns emotional stability, stress regulation, and adaptation to new environmental conditions, aiming to ensure psychological safety and resilience.

2. Sociocultural accompaniment involves integration into communicative norms, institutional values, and cultural practices of the host academic community, fostering participation and a sense of belonging.

3. Academic accompaniment refers to guided mastery of disciplinary standards, learning strategies, assessment systems, and academic communication conventions, supported through diagnostics and systematic feedback.

4. Everyday accompaniment addresses practical aspects of housing, campus navigation, and administrative procedures that indirectly influence academic performance.

Within this theoretical model, accompaniment is defined as an institutionally regulated and pedagogically coordinated form of interaction between students and the educational environment. It is not confined to compensatory or remedial support mechanisms; rather, it represents a continuous and structured process of guided participation in the academic community. Academic accompaniment refers to the systematic mediation of disciplinary standards, epistemic norms, and instructional formats. Psychological accompaniment concerns the stabilization of personal identity, development of self-efficacy, and maintenance of emotional equilibrium under conditions of educational transition. Sociocultural accompaniment is directed toward structured integration into communicative practices, normative expectations, and value systems of the host academic community. These dimensions shouldn't be viewed as discrete categories; rather, they function in close interrelation within a broader pedagogical system.

In the proposed model, facilitation functions as the organizational principle governing accompaniment. In practical terms, facilitation influences the distribution of teaching responsibilities among the participants of the institutional structure, and how accompaniment processes unfold over time within everyday university practice. Consequently, the model transcends the description of isolated support activities and establishes a coordinated structure that links academic instruction, administrative regulation, and everyday institutional interaction.

A defining structural characteristic of the model is its staged organization. The differentiation into stages reflects the temporal dynamics inherent in accompaniment and the progressive transformation of students' institutional positioning. The stage-based configuration enables the systematic regulation of pedagogical interaction in accordance with varying degrees of vulnerability, institutional embeddedness, and emerging academic autonomy.

The model comprises five analytically substantiated stages: preventive facilitation, operational facilitation, adaptational facilitation, integrational facilitation and supportive facilitation. Each stage corresponds to a distinct phase in the student's trajectory within the higher education system and fulfills specific pedagogical functions within the overall structure of accompaniment.

Stage 1: Preventive Facilitation (Before arrival of international students). Preventive facilitation denotes the preparatory stage preceding students' physical entrance into the host university. It begins several months before students' physical arrival and usually lasts from three to six months. Its main task is to reduce uncertainty and form realistic academic expectations before students enter

the host educational environment. The theoretical rationale of this stage is grounded in research demonstrating that expectations, informational awareness, and psychological preparedness significantly influence subsequent accompaniment outcomes [8]. Therefore, the facilitation process must be initiated in advance in order to construct cognitive and motivational readiness.

At this stage, university managers design institutional admission strategies, coordinate interdepartmental cooperation, and ensure the availability of digital information platforms for international applicants. The International Relations Department accompanies students through visa procedures, enrollment documentation, and preliminary academic orientation, functioning as institutional mediators between students and the university system. Teachers prepare introductory academic materials, explain disciplinary standards, and clarify assessment expectations in advance, thereby reducing future academic shock. Dormitory staff provide detailed information on accommodation rules, living conditions, and campus infrastructure, which supports students' early psychological security. In practice, these preparatory measures create the conditions under which subsequent stages of accompaniment can unfold more smoothly.

Stage 2: Operational Facilitation (First month after arrival). Operational facilitation refers to the most intensive and sensitive phase of adaptation, covering approximately from the first four to six weeks of study abroad. The designation of this stage reflects its transitional nature, as students simultaneously encounter a new academic system, sociocultural norms, and living conditions. Empirical studies indicate that this period is associated with the highest levels of stress and disorientation [9].

At this stage, pedagogical accompaniment takes the form of continuous chaperone-based accompaniment. In this study, the term chaperone is used as a functional synonym for pedagogical accompaniment, emphasizing constant presence, guidance, and personal pedagogical support during the most vulnerable phase of accompaniment.

During this stage, university managers should organize institutional orientation programs, coordinate support services, and ensure rapid administrative response to emerging difficulties. The International Relations Department accompanies students in legal registration, academic integration procedures, and communication with university services, providing institutional continuity. Dormitory staff are to offer daily chaperone accompaniment in everyday matters, helping students navigate housing rules, campus facilities, and daily routines, thereby reducing everyday stressors. Teachers diagnose academic readiness, clarify learning expectations, and provide individualized guidance in the first learning encounters. Through these coordinated chaperone functions, operational facilitation contributes to the stabilization of students during the most vulnerable stage of transition. In some institutional contexts, however, elements of this stage may extend beyond the first month and overlap with subsequent phases.

Stage 3: Adaptational Facilitation (2–6 months after arrival). Adaptational facilitation designates the phase of functional stabilization during the 2–6 months after arrival. It primarily reflects the consolidation of adaptive processes within regular academic routines, while broader institutional integration typically develops at a later stage. The theoretical basis of this stage is supported by longitudinal research demonstrating that stable academic functioning develops gradually and requires sustained pedagogical interaction throughout the first year [1].

During this period, teachers assume the role of primary academic chaperones by monitoring learning progress, adapting instructional strategies, and providing systematic feedback that supports students' academic confidence and routine learning competence. The International Relations Department coordinates academic advising and institutional procedures, ensuring regulatory clarity. Dormitory staff maintain stable living conditions that support emotional balance and daily routine formation. University managers align academic policies and student services to ensure procedural consistency. Adaptational facilitation thus secures functional academic stability without yet presupposing full institutional embeddedness. In practice, the duration and intensity of this phase may vary depending on institutional context and students' prior educational experience.

Stage 4: Integrational Facilitation (7–12 months after arrival). Integrational facilitation characterizes the phase during which students move beyond functional stabilization toward institutional embeddedness and identity consolidation within the university community. Unlike the previous stage, which secures routine academic functioning, this phase emphasizes durable integration into institutional structures and communicative networks.

This stage typically covers months seven to twelve after arrival. Students refine academic strategies within broader academic communities and increasingly participate in institutional life. The primary objective of integrational facilitation is to strengthen structural belonging and long-term academic positioning. The boundaries between stages should be understood as analytical rather than strictly empirical.

In the later months of the first academic year, teachers gradually shift from stabilization-oriented guidance to developmental mentorship, encouraging independent participation in academic discourse and collective scholarly activities. The International Relations Department promotes engagement in intercultural and extracurricular initiatives that expand institutional involvement. Dormitory staff facilitate community-building practices that enhance social cohesion. University managers ensure inclusive governance and strategic coordination. In this phase, the emphasis gradually shifts from stabilization toward deeper institutional embeddedness.

Stage 5: Supportive Facilitation (Second year of study and beyond). Supportive facilitation characterizes the stage in which adaptation evolves into long-term academic and professional development. It begins in the second year and continues until graduation, when students gradually shift toward academic autonomy and professional self-determination. Studies show that deeper academic independence and professional identity formation typically develop from the second year onwards.

At this stage, teachers act as academic chaperones in research supervision, professional orientation, and career-related guidance, supporting students' transition to independent academic work. The International Relations Department facilitates participation in mobility programs, international projects, and professional networking, facilitating long-term academic integration. Dormitory staff encourage student self-governance, leadership development, and community engagement within campus life. University managers support strategic inclusion of international students in institutional development initiatives and alumni networks. At this stage, adaptation is no longer perceived as a problem to be resolved, but as a foundation for further academic and professional growth. Although the model is presented as analytically structured, its implementation inevitably depends on specific institutional resources and organizational culture.

Conclusion. The analysis presented in this article allows facilitation to be regarded as a systemic pedagogical model for accompanying the adaptation of international students in higher education. When facilitative teaching practices are combined with an accompaniment-oriented educational environment, universities are better able to address the academic and sociocultural challenges of international students, as well as difficulties related to their psychological well-being, at different stages of study. The proposed model develops and systematizes existing approaches to international student accompaniment described in different research by presenting facilitation as a coherent pedagogical process. It should be noted that the model offers a conceptual framework adaptable to diverse institutional environments.

The proposed model includes five stages: preventive, operational, adaptational, integrational, and supportive facilitation, each corresponding to distinct phases of international students' academic trajectories. These stages involve differentiated pedagogical tasks and clearly defined roles of university managers, teachers, dormitory staff, and the International Relations Department. Over time, students transition from recipients of pedagogical accompaniment to active and autonomous participants in the educational process.

This study underscores the strategic importance of pedagogical facilitation as an essential element of university practice, rather than an auxiliary set of fragmented practices. The model emphasizes facilitation as a coherent system of pedagogical accompaniment integrated into the core educational practices of the university. From this perspective, the practical significance of the proposed model lies not only in theoretical systematization but also in its applicability to everyday university teaching practice.

References

1. Marinenko, O. Challenges facing international students during study in Belarus / O. Marinenko, E. Snopkova // New Educational Review. – 2019. – Vol. 58, № 4. – P. 144–154.

2. Адонина, Л. В. Педагогическая фасилитация и ее составляющие / Л. В. Адонина, А. В. Вишнякова, Т. Б. Кузема // E-Scio. – 2020. – № 9 (48). – С. 309–316.

3. Horness, P. A case study on perspectives of chaperone roles in short-term study abroad / P. Horness // Research in Comparative and International Education. – 2024. – Vol. 20, № 1. – P. 9–26.

4. Thomson, C. Helping the transition : Mentorship to support international students in Canada / C. Thomson, V. M. Esses // Journal of International Students. – 2016. – Vol. 6, is. 4. – P. 873–886.

5. Andrade, M. S. Institutional policies and practices for admitting, assessing, and tracking international students / M. S. Andrade // Journal of International Students. – 2017. – Vol. 7, is. 1. – P. 1–6.

6. Максимчук, Е. Д. Применение программы социально-психологического сопровождения межкультурной адаптации иностранных студентов / Е. Д. Максимчук // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2016. – № 4. – С. 171–175.

7. Arredondo, J. L. A. Model of pedagogical accompaniment from a socio-critical reflective perspective for teaching performance in pre-professional practice / J. L. A. Arredondo, J. R. E. Vera, P. J. Mejia // Edelweiss Applied Science and Technology. – 2024. – Vol. 8, № 6. – P. 9128–9141.

8. Bilyk, O. Social-pedagogical accompaniment of foreign students' socialization in educational-cultural environment of a higher educational institution / O. Bilyk // ScienceRise : Pedagogical Education. – 2017. – № 4 (12). – P. 30–37.

9. Haverila, M. J. Variables affecting the retention intentions of students in higher education institutions : A comparison between international and domestic students / M. J. Haverila, K. Haverila, C. McLaughlin // Journal of International Students. – 2020. – Vol. 10, № 2. – P. 358–382.

[1]Белорусский государственный
медицинский университет

[2]Могилевский государственный
университет имени А. Кулешова

Поступила в редакцию 04.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 378.147:811-057.875 EDN: QSQLUS

Механизм формирования универсальных компетенций у будущих лингвистов-преподавателей

Т.В. Починок

В статье рассмотрена проблема формирования универсальных компетенций у будущих лингвистов-преподавателей в системе высшего языкового педагогического образования. На основе рассмотрения понятия «универсальные компетенции» в научных исследованиях автор представил свое определение данного понятия. В статье обоснован разработанный механизм формирования универсальных компетенций, который предполагает последовательное овладение обучаемыми знаниями, формирование умений и воспитание качеств личности, включает ориентировочный, исполнительский и контролирующий этапы и направлен на накопление опыта комплексного разрешения моделируемых в учебных условиях проблемных ситуаций.
Ключевые слова: высшее языковое педагогическое образование, универсальные компетенции, лингвисты-преподаватели, личность обучаемого.

This article examines the development of universal competencies of future linguist-teachers in higher language pedagogical education. On the basis of the examination of the concept of «universal competencies» in scientific research, the author presents her definition of this concept. The article substantiates the developed mechanism for the formation of universal competencies, which involves the consistent acquisition of knowledge, the development of skills, and the cultivation of personal qualities. It includes orientation, implementation, and control stages and is aimed at accumulating experience in comprehensively resolving problematic situations simulated in classroom settings.
Keywords: higher language pedagogical education, universal competencies, linguist-teachers, learner's personality.

Подготовка будущих лингвистов-преподавателей к успешной жизнедеятельности может быть реализована посредством формирования универсальных компетенций (далее – УК), которые обеспечивают эффективную деятельность человека в социальном пространстве, развитие личностного потенциала и приобретение личностного опыта. УК направлены на формирование способности обучаемого преобразовывать получаемые в процессе обучения объективные знания в личностные знания и деятельно использовать их для преобразования себя и окружающей действительности, накапливая личностный опыт. Сформированные УК позволят будущим лингвистам-преподавателям осуществлять эффективную деятельность в профессиональной педагогической деятельности, в сфере межкультурной коммуникации, в других сферах, предполагающих социальное взаимодействие. УК будут способствовать самообразованию личности на протяжении всей жизни, обеспечат возможность гибко адаптироваться к изменениям динамично меняющегося мира и решать реальные жизненные задачи. Более того, сформированность данных компетенций у будущих специалистов является предпосылкой социальной, экономической, политической и информационной безопасности общества и государства [1, с. 11]. Таким образом, овладение УК является одной из приоритетных ключевых задач современного образования, включая языковое педагогическое образование, одним из главных индикаторов качества подготовки будущих специалистов на современном этапе.

УК «проявляются не в содержании и объеме знаний, а в том, как человек воспринимает, оценивает, понимает мир за пределами своей профессии, как он ориентируется в многогранной общественной жизни, как адаптируется к стремительному научно-технологическому прогрессу, как участвует в преобразовании экономической, социальной, политической и культурной сферы жизни общества» [2, с. 42]. Они наделяют будущего специалиста способностью решать как профессиональные, так и жизненные задачи: ставить цель, определять проблему и пути ее решения, решать проблему, используя для этого внутренние личностные ресурсы. УК как система взаимосвязанных качеств личности обучаемого обеспечивают «системный эффект» – способность решения реальных практических задач, в том числе и некоторых пока непоставленных задач [3, с. 11], закладывая механизмы адаптации, развивая разные виды мышления, эмпатию, рефлек-

сию, укрепляя национальную идентичность и формируя гражданственность. Цель формирования УК у обучающихся заключается в приобретении способности к успешной жизнедеятельности посредством более глубокого понимания себя, в раскрытии своей индивидуальности и творческого потенциала, в развитии социально востребованных качеств личности.

В научных исследованиях используются разные названия данных компетенций. В российских исследованиях универсальные компетенции называются «ключевые компетенции». Данное понятие было введено в начале 1990-х гг. Международной организацией труда в квалификационные требования к специалистам в системе последипломного образования, повышения квалификации и переподготовки управленческих кадров [4, с. 264]. Универсальные компетенции также в российских исследованиях называются *основными, общими или базовыми*, которые позволяют решать специалисту профессиональные задачи в различных условиях (Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, М.В. Рыжаков, С.Е. Шишов), *навыками XXI века, общепрофессиональными, метапредметными, транспредметными, надпрофессиональными, ядерными, социально-личностными и др.*

В зарубежных публикациях в качестве понятий, синонимичных «универсальным компетенциям», используются термины *key skills, generic skills, key competences, core skills, transferable competences, meta-competences* [5, с. 104–105]. В американской традиции универсальные профессиональные навыки определяются как *soft skills* (мягкие навыки – надпрофессиональные компетенции и универсальные знания, которые можно применять во всех профессиях, социальных и личных ситуациях).

Принимая во внимание разные варианты названия понятия, мы принимаем в качестве основополагающего *понятие «универсальные компетенции»* [1], так как именно данное понятие, с нашей точки зрения, подчеркивает их общее предназначение и направленность для всех специалистов вне зависимости от квалификации и профессии, возможность применения в любой сфере жизнедеятельности.

Существуют разные трактовки понятия УК в научных исследованиях. В западных исследованиях УК рассматриваются как определяющие компетенции, соответствующие наиболее широкому спектру специфики, т. е. наиболее универсальные по своему характеру и степени применимости (определение по материалам симпозиума «Ключевые компетенции для Европы», проведенного Советом Европы в Берне в 1996 г.); как способствующие успешности специалиста в реальных областях жизни (личной, семейной, социальной, профессиональной, политической (Д. Ричен и Л. Салганик); как совокупность качеств, необходимых человеку в любой профессиональной деятельности: способность работать самостоятельно без постоянного руководства, брать на себя ответственность, проявлять инициативу, готовность замечать проблемы и искать пути их решения, умение анализировать новые ситуации и применять имеющиеся знания для такого анализа, способность уживаться с другими, осваивать какие-либо знания по собственной инициативе, умение принимать решения на основе здравых суждений, не располагая всем необходимым материалом и не имея возможности обработать информацию математически (Дж. Равен); как умение жить, умение работать, умение жить вместе, умение учиться (Жак Делор) и др.

В российских и отечественных исследованиях ученые трактуют УК как обобщенно представленные основные компетентности, которые обеспечивают универсальность специалиста и нормальную жизнедеятельность человека в социуме (например, здоровьесбережение, гражданственность, информационно-технологичную, социального взаимодействия, компетентность общения (А.В. Крупкин); как компетенции, связанные с общими знаниями, навыками, ценностно-смысловыми установками и личностными характеристиками, позволяющими человеку творчески самореализовываться, социально взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, эффективно решать проблемы вне зависимости от сферы и специфики деятельности (О.В. Зеленко, В.Ф. Русецкий, В.Г. Стуканов, А.В. Торхова и др.); как когнитивные, социальные и эмоциональные навыки, которые необходимы для успешного взаимодействия и саморегуляции в учебной и профессиональной деятельности (Д.Б. Эльконин); как наиболее общие (универсальные) способности и умения, позволяющие человеку понимать ситуацию и достигать результатов в личной и профессиональной жизни в условиях возрастающего динамизма современного общества (Д.А. Иванов); как возможности специалиста решать профессиональные задачи в различных условиях, организовывать собственную деятельность, принимать оптимальные решения, вести поиск путей и способов осуществления нестандартных задач (Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, М.В. Рыжаков, С.Е. Шишов); как способность, основанную на знаниях, опыте, ценностях, склонностях, которые приобретаются во всех типах образователь-

ной практики: формальной, неформальной, информальной (С.Е. Шишов); как осознанные человеком способности решать жизненно важные задачи в конкретных ситуациях, универсальные по своему характеру и области применения (Е.О. Иванова); как адекватное проявление социальной жизни человека в современном обществе; как обобщенно представленные основные компетентности, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность человека в социуме (например, здоровьесбережение, гражданственность, информационно-технологическую, социального взаимодействия, компетентность общения) (И.А. Зимняя); определяют возможности специалиста осуществлять свою познавательную и практическую деятельность в области национальной и общечеловеческой культуры, подчеркивается значение социального опыта (А.В. Хуторской); как способность и готовность субъекта качественно выполнять комплекс универсальных действий, входящих в состав любой предметной области (Е.В. Борзова); как способность обучаемого самостоятельно действовать в ситуации неопределенности при решении актуальных проблем как в учебной, так и профессиональной сферах (И.В. Чаплыгина); как «сквозные» знания и умения, способности личности, необходимые для работы повсюду и по любой профессии (А.М. Новиков) и другие.

Учитывая приведенные определения УК в исследованиях и принимая во внимание значимость выделения в их содержании тех или иных акцентов, определим *УК как систему общих знаний, умений, качеств личности и опыта деятельности, которые обеспечивают успешную жизнедеятельность обучаемого в обществе, позволяют адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей действительности и преобразовывать ее, эффективно решать проблемы вне зависимости от сферы и специфики деятельности.*

Основное внимание в формировании УК сосредоточено на человеке и его активной роли в изменении внешних условий жизнедеятельности посредством личностного развития, а именно посредством развития своего внутреннего личностного потенциала. Под внутренним личностным потенциалом имеется в виду интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе ее способности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. Это понятие обозначает «личностное в личности» и непосредственно связано с формированием УК, так как обеспечивает деятельностную связь при взаимодействии субъекта с миром в процессе жизнедеятельности [6, с. 10–11]. Внутренний личностный потенциал формируется посредством деятельности обучаемого. С.Л. Рубинштейн заключает, что «в деятельности человека, в его делах, практических и теоретических, психическое, духовное развитие человека не только проявляется, но и совершенствуется» [7, с. 683]. Внутренние личностные изменения будут способствовать внешним социальным преобразованиям. Следовательно, механизм формирования УК предполагает деятельностное развитие внутреннего личностного потенциала будущего специалиста.

В основе деятельностного развития личности в механизме формирования УК также лежит теория деятельности А.Н. Леонтьева – сознание формируется посредством взаимодействия человека с окружающей действительностью и отражения в сознании объективного предметного мира в виде субъективных образов. Внутренний личностный потенциал отражает окружающую действительность и объективизируется в ней через взаимодействие с миром. Деятельность как высший уровень активности порождает и образует субъектные преобразования личности, которые на основе интериоризации формируются как аналог внешней действительности [8]. Посредством процесса интериоризации, на основе взаимосвязи внешней и внутренней деятельности, происходит развитие внутреннего потенциала личности («формирование внутреннего «плана сознания» по А.Н. Леонтьеву). Следовательно, внутренний потенциал личности включает сочетание субъективного видения и объективного отражения окружающей действительности. В механизме формирования УК процесс развития внутреннего потенциала обучаемого представляет собой взаимообусловленное преобразование объективного в личностное, социального в индивидуальное и затем снова нового личностного и индивидуального в новое объективное и социальное.

В основе механизма формирования УК лежит принцип детерминизма С.Л. Рубинштейна «внешнее через внутреннее». Внутренние, субъективные, личностные условия изначально опосредуют все внешнее воздействие. Стадия «интер» (внешнее) не может возникнуть и существовать без стадии «интра» (внутреннее), так как любые отношения изначально преломляются через внутренние условия [9, с. 24–28] и затем снова уже в другом качестве переходят в стадию «интер». Личность развивается по мере взаимообусловленного взаимодействия с объектом – ок-

ружающей действительностью, другими людьми и в этой взаимосвязи есть источник развития обоих. Нигде и никогда мы не можем увидеть человеческого индивида до и вне его связи с другими, он всегда существует и развивается в со-обществе и через со-общество (В.И. Слободчиков).

Таким образом, механизм формирования УК предполагает деятельность обучаемого, способствующую развитию его личности, развитию его внутреннего личностного потенциала посредством связи обучаемого с окружающей действительностью. Рассмотрим содержание механизма формирования УК в процессе подготовки будущих лингвистов-преподавателей.

В основе выделения этапов механизма формирования УК лежит теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, которая рассматривает процесс обучения «как деятельность, поскольку в результате у ее исполнителя формируются новые знания и умения или прежние знания и умения приобретают новые качества» [10, с. 15]. В соответствии с теорией поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, действие обязательно включает три части: ориентировочную, исполнительскую и контрольную, без одновременного присутствия которых действие не может быть выполнено. Следовательно, выделим в механизме формирования УК ориентировочный, исполнительский и контролирующий этапы. Так как формирование УК непосредственно связано с формированием у обучаемого способности решать жизненные проблемы, целесообразным является включить этапы решения проблемных ситуаций в качестве обучающих элементов в механизм формирования УК. Вслед за Е.О. Ивановой выделим ключевые этапы решения проблемы [11, с. 64]:

1) осознание проблемы, формулирование ее;
2) анализ существующей ситуации;
3) постановка цели;
4) поиск недостающих средств;
5) выбор подходящих способов деятельности;
6) осуществление деятельности;
7) соотнесение результата с целью;
8) коррекция деятельности.

Рассмотрим содержание механизма формирования УК у будущих лингвистов-преподавателей с учетом последовательного накопления опыта разрешения проблемных ситуаций в рамках выделенных этапов механизма.

Ориентировочный этап формирования УК представляет собой этап ознакомления обучаемых с действием и условиями его выполнения. Характеризуя данный этап, П.Я. Гальперин отмечает: «Какой бы ни была по качеству ориентировочная основа действия и как бы она ни была дана – в виде представления или внешней схемы – она все-таки остается не более, чем системой указаний на то, как выполнить новое действие, и не является самим действием» [12, с. 449]. На ориентировочном этапе будущие лингвисты-преподаватели знакомятся условиями представленной проблемной ситуации и проделывают следующие этапы для ее последующего разрешения: 1) осознают проблему для разрешения как цель деятельности и формулируют ее; 2) анализируют условия проблемной ситуации; 3) осуществляют поиск недостающих средств для решения поставленной задачи; 4) выбирают наиболее приемлемый способ решения в соответствии с определенными условиями, тем самым планируя программу последующих действий. На данном этапе обучаемые осуществляет активную мыслительную деятельность по анализу имеющихся знаний, приобретению и осмыслению новых знаний на основе имеющихся, приобретению новых способов выполнения действий. Результаты деятельности обучаемых по приобретению и осмыслению имеющихся и новых знаний и выбора способа деятельности закладывает основу для последующих этапов решения проблемной ситуации.

Особенностью ориентировочного этапа формирования УК является преобразование обучаемыми объективного знания в «личностное знание» и придание ему своего личностного смысла. Личностный смысл (индивидуальная «семантика» (И.А. Якиманская) характеризует личностность сознания, то есть субъективность отражения в сознании объективной действительности, обусловленную влиянием прошлого опыта, актуальных мотивов, потребностей и установок субъекта [13, с. 19]. Осуществляя поиск новой информации, анализируя разные источники, сравнивая оценку проблемной ситуации в разных источниках, обучаемый сравнивает разные

значения на одну и ту же ситуацию и на основе выбранного значения формулирует свой собственный личностный смысл на представленную ситуацию. Таким образом, на ориентировочном этапе в процессе формирования УК обучаемый в качестве опоры для последующей деятельности анализирует систему условий представленной проблемной ситуации и выбирает способ ее решения.

Исполнительский этап является непосредственным этапом исполнения действия, этапом осуществления деятельности. На данном этапе обучаемый действует в соответствии с осмысленными условиями и выработанным способом решения представленной проблемной ситуации. На исполнительском этапе в ходе специально организованной учебной деятельности формируются *умения УК*, которые представляют собой осознанные способы реализации действий в форме сформированного поведения. Посредством осознанных действий по разрешению той или иной проблемной ситуации у будущих лингвистов-преподавателей накапливается *опыт деятельности* в конкретных жизненных ситуациях. Опыт как компонент компетенции является следствием и результатом реализации умений. Данный уникальный личностный опыт не передается, а может быть приобретен только в результате самостоятельной деятельности и быть представлен в виде вывода, который обучаемый самостоятельно сформулировал. Специфика личностного опыта состоит в том, что «этот опыт приобретается не в процессе предметной деятельности, а в процессе переживания какого-то события, и «откладывается» в сознании в виде вывода из пережитого, в виде «личностного» (М. Полани) или «живого знания» (В.П. Зинченко) [14, с. 7]. В.В. Сериков, отмечая роль личностного знания для формирования личностного опыта, заключает: «Нельзя выстроить личностно-смысловой опыт из объективного знания, подобно тому, как невозможно перевести знания в убеждения. Последнее может вырасти только из своего зародыша, клеточки, каковыми выступает не знание, а мнение, отношение, взгляд, т. е. знание в контексте личностной позиции» [15, с. 21].

На исполнительском этапе формирования УК в процессе накопления личностного опыта важным является не просто решение будущими лингвистами-преподавателями проблемной ситуации, а ее эмоциональное проживание. В данной связи, проблемная ситуация предстает как жизненное событие, требующее активной внутренней работы по ее преломлению на себя. В процессе активной внутренней эмоциональной деятельности воспитываются необходимые *качества личности*, способствующие эффективному решению представленных проблемных ситуаций. С.Л. Рубинштейн отмечает, что «выражающееся в мотивах отношение человека к окружающему, проявляясь в действии, в его делах и поступках, через них закрепляется и, становясь привычным, переходит в относительные черты и свойства характера» [16, с. 216]. Данные качества показывают отношение обучаемых к тем или иным объектам, ситуациям, событиям окружающей действительности, проявляются в социально ориентированном поведении, способствуют успешному решению жизненных проблем и позволяют эффективно функционировать в социуме. Таким образом, исполнительский этап процесса формирования УК направлен на осуществление деятельности будущих лингвистов-преподавателей по решению проблемной ситуации и включает формирование умений реализации действий, накопление личностного опыта и воспитание качеств личности, обусловливающих эффективность решения жизненных проблем.

На контролирующем этапе формирования УК осуществляется контроль обучаемого за реализацией своей деятельности и корректировка ее хода и результатов. «Контрольная часть действия направлена на слежение за ходом действия, на сопоставление полученных результатов с заданными образцами. С ее помощью производится необходимая коррекция как в ориентировочной, так и в исполнительной частях действия» [17, с. 59]. На данном этапе будущие лингвисты-преподаватели посредством рефлексии и внутреннего диалога осмысливают и корректируют свою деятельность: 1) соотносят полученный результат в виде выработанного решения проблемной ситуации с целью деятельности; 2) вносят коррективы в выбранный способ решения, если для достижения результата есть в этом необходимость. По мере приобретения опыта и самостоятельности обучаемого в деятельности внешний контроль постепенно заменяется внутренним контролем и предстает в виде внимания и самонаблюдения обучаемого.

Таким образом, на основе теории деятельности С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, принципа детерминизма С.Л. Рубинштейна и теории поэтапного формирования умственных

действий П.Я. Гальперина разработан механизм формирования УК для подготовки будущих лингвистов-преподавателей. Механизм формирования УК включает ориентировочный, исполнительский и контролирующий этапы, в рамках которых обучаемый овладевает знаниями, формирует умения, воспитывает качества личности и накапливает опыт по последовательному решению жизненных проблем.

Итак, в ходе исследования формирования УК, сделаны следующие выводы:

1. На основе рассмотрения определений УК в научных исследованиях, выработано определение УК как системы общих знаний, умений, качеств личности и опыта деятельности, которые обеспечивают успешную жизнедеятельность обучаемого в обществе, позволяют адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей действительности и преобразовывать ее, эффективно решать проблемы вне зависимости от сферы и специфики деятельности.

2. Разработан механизм формирования УК для будущих лингвистов-преподавателей, который включает ориентировочный, исполнительский и контролирующий этапы, направлен на поэтапное овладение обучаемыми знаниями, формирование умений, воспитание качеств личности и предполагает целенаправленное поэтапное накопление опыта обучаемых по решению моделируемых в учебных условиях жизненных проблем.

Литература

1. Зеленко, О. В. Универсальные компетенции обучающихся в фокусе научной разработки / О. В. Зеленко, В. Ф. Русецкий, В. Г. Стуканов [и др.] // Веснік адукацыі. – 2025. – № 6. – С. 5–13.

2. Починок, Т. В. Универсальные компетенции в подготовке будущих учителей иностранного языка / Т. В. Починок // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2025. – № 5 (152). – С. 51–58.

3. Боярский, Е. А. Компетенции : от дифференциации к интеграции / Е. А. Боярский, С. М. Коломиец // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 1. – С. 8–11.

4. Зеер, Э. Ф. Психологи я профессионального образования / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб. – М. : Изд-во МПСИВоронеж : МОДЭК, 2003. – 478 с.

5. Голуб, Г. Б. Стандарты третьего поколения : чему учить и что проверять на выходе / Г. Б. Голуб, И. С. Фишман, Л. И. Фишман // Вопросы образования. – 2010. – № 3. – С. 102–114.

6. Леонтьев, Д. А. Личностный потенциал как объект психодиагностики / Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, Е. Н. Осин // Психологическая диагностика. – 2007. – № 1. – С. 4–11.

7. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1946. – 704 с.

8. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М., 1977. – 304 с.

9. Брушлинский, А. В. Субъект : мышление, учение, воображение / А. В. Брушлинский // Акад. пед. и соц. наук, Московский псих.-соц. ин-т. – М. : ИПС ; Воронеж : НПО «МДДЭК», 1996. – 390 с.

10. Гальперин, П. Я. Основные результаты исследований по проблеме «Формирование умственных действий и понятий»» / П. Я. Гальперин. – М. : Изд-во МГУ, 1965. – 51 с.

11. Иванова, Е. О. Теория обучения в информационном обществе / Е. О. Иванова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2014. – 189 с.

12. Гальперин, П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий / П. Я. Гальперин // Психологическая наука в СССР. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1959. – Т. 1. – С. 441–469.

13. Леонтьев, Д. А. Личность : человек в мире и мир в человеке / Д. А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 11–21.

14. Сериков, В. В. Личностно развивающее образование : мифы и реальность / В. В. Сериков // Педагогика. – 2007. – № 10. – С. 3–12.

15. Сериков, В. В. Развитие личности в образовательном процессе / В. В. Сериков. – М., 2013. – 447 с.

16. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Наука, 1980. – 335 с.

17. Талызина, Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний / Н. Ф. Талызина. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 344 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 30.10.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 378.147:796.011:159.955 EDN: QSXQYA

Модель операционного алфавита физкультурной мыследеятельности

В.Н. Старченко

В статье рассмотрены вопросы, связанные со структурой, содержанием и функцией операционного алфавита физкультурной мыследеятельности. Дана структура мира идей, описание нульмерного, одномерного, двумерного миров. Декларирован принцип параллелизма структуры мира идей и структуры человеческой логики. Дано описание объектов (понятий и терминов) предметной области в нульмерной, одномерной и двумерной логиках. Предъявлена модель операционного алфавита. Перечислены и описаны функции логических операторов, допустимых в нульмерной, одномерной и двумерной логиках.
Ключевые слова: нейросемантический образ, предметная область, предметный алфавит, операционный алфавит, двигательный алфавит, мир идей, логика, логические операторы, нульмерная логика, одномерная логика, двумерная логика.

This article examines the issues related to the structure, content, and function of the operational alphabet of physical education thought processes. It presents the structure of the world of ideas and describes the zero-, one-, and two-dimensional worlds. It declares the principle of parallelism between the structure of the world of ideas and the structure of human logic. It describes the objects (concepts and terms) of the subject area in zero-, one-, and two-dimensional logic. A model of the operational alphabet is presented. The functions of logical operators admissible in zero-, one-, and two-dimensional logic are listed and described.
Keywords: neurosemantic image, subject area, subject alphabet, operational alphabet, motor alphabet, world of ideas, logic, logical operators, zero-dimensional logic, one-dimensional logic, two-dimensional logic.

Введение. Актуальность нашего исследования определяется тем, что формирование основ двигательного мышления (ДМ) предполагает формирование всех структурных элементов физкультурной мыследеятельности и мышления. Разработанная нами схема мыследеятельности и мышления среди прочего включает в себя предметный, операционный и двигательный алфавиты [1]−[3]. Основная функция предметного алфавита заключается в том, что с его помощью человек распознает и идентифицирует сигналы предметной области (ПО) и формирует ее нейросемантический образ (НСО). Основная функция двигательного алфавита заключается в том, что с его помощью человек проектирует адекватный двигательный ответ. Функция операционного алфавита состоит в том, что с помощью хранящихся в нем логических операторов человек осуществляет операции мыследействия, трансформирует НСО ПО и формирует НСО двигательного ответа. Однако в значительной мере остается открытым вопрос о структуре и содержании операционного алфавита.

Целью настоящего исследования была разработка модели операционного алфавита, определение его структуры и содержания.

В процессе исследования нами использовались следующие методы: теоретический анализ, моделирование и конструирование.

Основная часть. В последовательно деятельностном подходе человек является одним из агентов деятельности (деятелем, материализатором идей). Он не воспринимает объекты ПО непосредственно. Он имеет дело с информацией, поступающей через сенсоры из ПО. Эта информация воспринимается и интерпретируется им как существование материальных объектов. Деятельность заключается в изменении структуры материи (структуры информации), в результате чего появляется новая структурная организованность, воспринимаемая и интерпретируемая как новый материальный объект.

Мир идей имеет свою структуру. Выделяются нульмерный, одномерный, двумерный миры идей. Также существует становящийся трехмерный мир идей, называемый материальным миром. Становление трехмерного мира не завершено, оно продолжается. Это мир деятельности. В нем последовательно (по законам системного подхода) материализуются идеи двумерного мира. Деятельность порождает эффекты, интерпретируемые как время и пространство. Деятельность осуществляется неделимыми порциями (квантами). Вселенная по-

является и исчезает огромное число раз в секунду. Предполагаемая локальная частота обновления Вселенной $f \approx 1{,}85487 \cdot 10^{43}\ c^{-1}$. Пульсация порождает иллюзию движения, времени и пространства, при том, что каждый квант деятельности порождает стационарную Вселенную, но в результате следующего кванта (акта) деятельности она несколько иная. Поэтому деятельность воспринимается человеком как процесс во времени и пространстве.

Нульмерный мир состоит из идей (информационных структур) нулевого порядка. Это идеи бытия всего сущего. Множество идей этого мира может быть представлено как универсальное множество идей $U = \{a_1, a_2, \ldots a_n, \ldots\}$, объединенных свойством бытия $U = \{a|\text{есть}\}$. Причем элементы множества U представлены пустыми множествами $A = \{\emptyset\}$. Идеи различаются лишь именами (назовем эти различия так). Этот мир пульсирует (возникает и исчезает), но не изменяется. Он ставший, в нем нет времени и пространства (в нашем понимании), есть только структурные неоднородности информации.

Одномерный мир представляет собой эманацию мира нульмерного и состоит из идей (информационных структур) первого порядка. В процессе эманации действует фундаментальный фактор ошибки, в результате чего каждая идея нульмерного мира в одномерном мире представлена множеством своих эманаций различной степени вероятности. Волна вероятности наиболее плотная в области центральной тенденции, а в отдалении от нее ее плотность асимптотически приближается к нулю. Идеи одномерного мира – это идеи бытия всего сущего, квантованные идеей бытия, что порождает эмерджентное свойство «качество». Это мир идей существования существования. Множество идей этого мира может быть представлено как универсальное множество идей $U = \{a_1, a_2, \ldots a_n \ldots\}$, объединенных свойством бытия $U = \{a|\text{есть}\}$. Причем каждый элемент множества U представлен непустым множеством $A = \{\{a_1\}, \{a_2\}, \ldots \{a_n\}, \ldots\}$. Причем элементы множества A объединены свойством качества $A = \{a|\text{качество}\}$. В одномерном мире каждая идея (структурная неоднородность информации) представлена «линейкой» качественно нетождественных состояний различной степени вероятности. Идеи различаются не только именами, но качеством и вероятностью существования.

Двумерный мир представляет собой эманацию мира одномерного и состоит из идей (информационных структур) второго порядка. Это идеи одномерного мира, квантованные идеей бытия, что порождает ряд эмерджентных свойств, среди которых отметим эмерджентное свойство «количество». Это идеи бытия всего сущего, квантованные квадратом идеи бытия.

Множество идей двумерного мира может быть представлено как универсальное множество идей $U = \{a_1, a_2, \ldots a_n, \ldots\}$, объединенных свойством бытия $U = \{a|\text{есть}\}$. Причем каждый элемент множества U представлен непустым множеством $A = \{\{a_1\}, \{a_2\}, \ldots \{a_n\}\ldots\}$. В свою очередь, каждый элемент этого множества представлен непустым множеством $a_i = \{\{a_{i.1}\}, \{a_{i.2}\}, \ldots \{a_{i.n}\}, \ldots\}$. Причем элементы каждого множества a_i объединены свойством количества $a_i = \{a|\text{количество}\}$.

В двумерном мире каждая идея (структурная неоднородность информации) представлена двумерным пространством качественно и количественно различных состояний различной степени вероятности. Идеи различаются не только именами, но качеством, количеством и вероятностью существования.

Трехмерный мир состоит из идей (информационных структур) третьего порядка. Это идеи бытия всего сущего, квантованные кубом идеи бытия. Это мир вероятности. В нем каждая идея (структурная неоднородность информации) представлена кубическим пространством качественно и количественно различных состояний, изменяющихся во времени. Это мир деятельности, становящийся мир, его становление продолжается. Структурные информационные неоднородности этого мира мы воспринимаем сенсорами и интерпретируем как материальные объекты.

Исходя из принципа параллелизма мира идей и человеческой логики, можно выделить нульмерную, одномерную, двумерную логики. Все они устроены несколько по-разному и оперируют с нульмерными, одномерными и двумерными информационными сущностями также по-разному.

В нульмерной логике объекты предметной области (структурные неоднородности информации) представлены абстрактными ярлыками: «спортсмен вообще», «шаг вообще»,

«бросок вообще», «прыжок вообще», «время вообще», «пространство вообще»… В этой логике человек оперирует именами (понятиями и категориями) идей, принимающими только два состояния: «есть» или «нет» (1 или 0). В этой логике объект или есть, или его нет. Причем эти понятия лишены всякого конкретного содержания, они качественно и количественно не измеримы. Это ярлыки (имена) сущностей, которые рядоположены и несопоставимы. Они существуют как чистые абстракции. Это бинарная псевдокачественная логика. Она весьма неадекватна реалиям трехмерного становящегося мира, но вполне пригодна для описания и разработки искусственных технических и теоретических моделей. Например, в информатике и электронике успешно применяется двоичная булева алгебра.

В нульмерной логике возможны только весьма тривиальные суждения и умозаключения. Например. А есть. Если А есть, то следовательно А есть. Б нет. Если Б нет, то следовательно Б нет.

Операции нульмерной логики с сигналами, поступающими из предметной области (ПО), осуществляются операторами «ид», «и», «или», «не».

Оператор «ИД» − идентификатор. Оператор «ид» сравнивает сигналы, поступающие из ПО, с имеющимся предметным алфавитом и возвращает результат сравнения.

Оператор «И» формирует НСО ПО только в том случае, если выполнены все заданные условия.

Оператор «ИЛИ» формирует НСО ПО в том случае, если выполнено, хотя бы одно заданное условие.

Оператор «НЕ» инвертирует НСО ПО.

Из операторов «и», «или», «не» могут быть составлены более сложные составные логические операторы: «и-не», «или-не» и другие. Возможно составление цепочек из логических операторов.

В одномерной логике объекты предметной области (структурные неоднородности информации) представлены множеством эманаций идей нульмерного мира. Объекты предметной области представлены конкретными качественно определенными эманациями: «спортсмен Сидоров» – эманация идеи спортсмена, «шаг Иванова» – эманация идеи шага, «бросок одной рукой от головы» – эманация идеи броска, «прыжок в длину способом прогнувшись» – эманация идеи прыжка, «время между событиями А и Б» – эманация идеи времени, «расстояние между объектами А и Б» – эманация идеи расстояния… Это множество качественных состояний, не имеющих строгой количественной меры. Есть «линейка» качественных состояний (эманаций) каждого объекта ПО. Это логика качества без количества. Объекты ПО могут быть сравнены и ранжированы по критерию качества.

Объекты ПО принимают множество качественных состояний от «меньше» до «больше». При этом вероятность качественных эманаций объекта в целом подчиняется закону нормального распределения (чем дальше состояние от центральной тенденции, тем оно менее вероятно).

Применима ранговая шкала измерения качественных состояний объекта. Ранги объектов действуют только внутри совокупности, в которой происходило сравнение. Ранги могут быть представлены как словесными характеристиками, так и числами. Например, «неудовлетворительно», «почти удовлетворительно», «удовлетворительно», «почти хорошо», «хорошо», «почти отлично», «отлично», «превосходно», «великолепно», «божественно». Или качественные состояния представлены числами: 0, 1, 2, 3, …25…

Но следует помнить, что к числам не применимы арифметические операции (сложение, вычитание, умножение, деление). Однако к ним применимы логические операции «равно – не равно», «больше – меньше», «лучше – хуже»…

В одномерной логике возможны суждения: a имеет ранг n_a; $a > b$; $a < b$; $a = b$; $a \neq b$; $a \geq b$; $a \leq b$. Такие суждения в общем виде могут быть записаны так: $(a\mathrm{R}b)$, $(b\mathrm{R}c)$… Символ R обозначает, что объекты (переменные) находятся в некотором отношении (>; < ; = ; ≠ ; ≥ ; ≤) друг к другу. Возможны также умозаключения типа: $(a\mathrm{R}b)\wedge(b\mathrm{R}c)\rightarrow(a\mathrm{R}c)$ (если a так относится к b, а b так относится к c, то a так относится к c). Например, если, $(a > b)\wedge(b > c) \rightarrow (a > c)$.

В одномерной логике действуют операторы: «ид», «ра», «имп», «ан», «си», «кб», «аб», «ко», «кл», «ст», «об».

Оператор «ИД» (идентификатор) сравнивает сигналы от объектов ПО с предметным алфавитом и возвращает результат сравнения, идентифицируя их и формируя однородную либо не однородную совокупность НСО ПО.

Оператор «РА» (ранжировщик) ранжирует элементы совокупности по критерию качества и возвращает их ранги.

Оператор «ИМП» (импликатор) исследует суждения (aRb) ∧ (bRc) и возвращает умозаключение (aRc) (если (aRb) ∧ (bRc) → (aRc)).

Оператор «АН» (анализатор) анализирует НСО ПО и возвращает элементы НСО ПО.

Оператор «СИ» (синтезатор) синтезирует элементы НСО ПО и возвращает целостный НСО ПО.

Оператор «КБ» (комбинатор) комбинирует множество НСО ПО и возвращает новый НСО ПО. Комбинирует элементы НСО ПО и возвращает новый НСО ПО.

Оператор «АБ» (абстрактор) абстрагирует множество НСО ПО и возвращает НСО идеи, эманациями которой объекты ПО являются.

Оператор «КО» (конкретизатор) конкретизирует НСО идеи, эманациями которой объекты ПО являются, и возвращает НСО конкретного объекта ПО.

Оператор «КЛ» (классификатор) классифицирует множество НСО ПО, критериально распределяет их по совокупностям и возвращает классификационные группы НСО ПО.

Оператор «СТ» (систематизатор) систематизирует группы НСО ПО, устанавливает связи между ними и возвращает систему из групп НСО ПО.

Оператор «ОБ» (обобщение) выделяет в объектах ПО общее свойство и возвращает его.

В двумерной логике объекты предметной области (структурные неоднородности информации) представлены множеством эманаций идей одномерного мира. Предметная область представляет собой плоскость, заполненную «точечными» эманациями идей одномерного мира.

Объекты предметной области представлены конкретными качественно или качественно-количественно определенными эманациями: «20-летний спортсмен Сидоров» – эманация идеи спортсмена Сидорова, «длина шага Иванова» – эманация идеи шага Иванова, «бросок одной рукой от головы со штрафной линии» – эманация идеи броска, «прыжок на шесть метров в длину способом прогнувшись» – эманация идеи прыжка в длину, «время в минутах между событиями А и Б» – эманация идеи времени между событиями А и Б, «расстояние 10 метров между объектами А и Б» – эманация идеи расстояния между объектами А и Б… Эманации отличаются также вероятностью существования.

В двумерной логике возможны операции с двумерными (многомерными) производными понятиями: скорость (отношение расстояния ко времени), ускорение, частота, сила, энергия, мощность…

Объекты ПО имеют качественные и количественные характеристики, они качественно и количественно различимы. Они не только могут быть качественно *больше* или *меньше* друг друга, но их качества могут быть количественно измерены, соотнесены и сравнены. Объекты ПО могут быть ранжированы по критерию качества и количества.

В двумерной логике, кроме суждений, допустимых в нульмерной и одномерной логике, возможны суждения:

«Возможно, все *a* есть *b*» (Возможно, все спортсмены регулярно тренируются);

«Возможно, ни одно *a* не есть *b*» (Возможно, ни один спортсмен не курит);

«Возможно, некоторые *a* есть *b*» (Возможно, некоторые спортсмены – чемпионы мира);

«Возможно, некоторые *a* не есть *b*» (Возможно, некоторые спортсмены не чемпионы).

Умозаключения осуществляются с помощью таких операций, как индукция, дедукция, абдукция, аналогия, и носят вероятностный характер.

Индукция. Если все известные элементы множества A = $\{a_1, a_2, a_3 \ldots a_n\ldots\}$ имеют свойство *b*, то, возможно, все множество A имеет свойство *b*.

Дедукция. Если все известные элементы множества A = $\{a_1, a_2, a_3 \ldots a_n\ldots\}$ имеют свойство *b*, то, возможно, элемент a_i имеет свойство *b*.

Абдукция. Если все известные элементы множества A = $\{a_1, a_2, a_3 \ldots a_n\ldots\}$ имеют свойство *b*, а элемент a_i имеет свойство *b*, то, возможно, он принадлежит ко множеству A.

Аналогия. Если некоторые элементы множества A = $\{a_1, a_2, a_3 \ldots a_n\ldots\}$ имеют свойство *b*, то, возможно, что элемент a_i имеет свойство *b*.

И более конкретно.

Индукция. Этот лебедь белый, и тот лебедь белый, и другие лебеди белые. Возможно, все лебеди белые. Но это не точно.

Дедукция. Известно, что лебеди имеют длинную шею. Это лебедь. Возможно, у него длинная шея. Но это не точно.

Абдукция. Известно, что рыбы плавают. Это существо плавает. Возможно, это рыба. Но это не точно.

Аналогия. Небесные тела – Луна, Солнце, Марс, Венера – имеют круглую форму. Возможно, планета Земля круглая. Но это не точно.

В двумерной логике действуют операторы: «ид», «инд», «дед», «абд», «ана».

Оператор «ИНД» (индукция) устанавливает, что свойство b имеют все известные элементы множества А, и возвращает возможность того, что множество А имеет свойство b.

Оператор «ДЕД» (дедукция) устанавливает, что множество А имеет свойство b, и возвращает возможность того, что элемент этого множества a_i имеет свойство b.

Оператор «АБД» (абдукция) устанавливает, что элементы множества А имеют свойство b и элемент a_i имеет свойство b, тогда, возможно, a_i принадлежит множеству А.

Оператор «АНА» (аналогия) устанавливает, что некоторые элементы множества А имеют свойство b, и возвращает возможность того, что a_i имеет свойство b.

Подытоживая сказанное выше, можно предложить модель операционного алфавита физкультурной мыследеятельности (таблица). При этом следует заметить, что операционный алфавит имеет универсальный (метапредметный) характер и применим в любой мыследеятельности, а не только в физкультурной.

Таблица – Модель операционного алфавита физкультурной мыследеятельности

Логика	Предметная область	Логические операторы
2-мерная	Двумерные качественно-количественные эманации идей одномерного мира	«ид», «инд», «дед», «абд», «ана».
1-мерная	Одномерные качественные эманации идей нульмерного мира	«ид», «ра», «имп», «ан», «си», «кб», «аб», «ко», «кл», «ст», «об».
0-мерная	Имена идей нульмерного мира	«ид», «и», «или», «не».

При формировании операционного алфавита особое внимание следует уделять формированию у ученика способности определять в категориях, какой логики задача сформулирована. Наиболее адекватной реалиям трехмерного мира деятельности является логика двумерная, а наименее – нульмерная. Попытка решать логическую задачу из предметной области трехмерного мира в категориях нульмерной или одномерной логик может приводить к парадоксальным умозаключениям, не согласующимся с экспериментальными наблюдениями.

В качестве примера разберем известную апорию Зенона Элейского про Ахилла и черепаху с использованием категорий одномерной и двумерной логик.

Напомним, что в **одномерной** логике (логике качества) категории не имеют количественных характеристик, но могут сравниваться по критерию качества.

Итак, исходные обозначения:

S и H – объекты (Ахилл и Черепаха соответственно);

время (t), расстояние (l), быстрое, медленное – категории одномерной логики;

условие (w);

l_{0s} – начальное положение Ахилла, l_{0h} – начальное положение Черепахи.

Условия: $w_1(l_{0s} < l_{0h})$ (Черепаха находится впереди Ахилла, соответственно, существует некоторое расстояние между бегунами (g) – гандикап, причем $g > 0$);

w_2(S|быстрое, H|медленное) (Ахилл бегает быстро, а Черепаха – медленно).

За время ($t > 0$), за которое Ахилл перемещается на место расположения Черепахи, она уже переместилась вперед, и образовался новый гандикап. Величина гандикапа стремится к нулю ($g \downarrow 0$), но никогда его не достигает ($g > 0$). Следовательно, Ахилл никогда не догонит Черепаху.

Напомним, что в **двумерной** логике (логике качества и количества) категории имеют количественные характеристики и могут сравниваться по критерию количества.

Исходные обозначения:

S и H – объекты (Ахилл и Черепаха соответственно);

время (t), расстояние (l), скорость (v) – категории двумерной логики;
условие (w);
l_{0s} – начальное положение Ахилла, l_{0h} – начальное положение Черепахи.
Условия: $w_1(l_{0s} - l_{0h} = 10$ метров) (Черепаха находится впереди Ахилла на 10 метров);
$w_2(v_s = 10$ м/с, $v_h = 1$м/с) (скорость Ахилла 10 м/с, а Черепахи – 1 м/с);
$S|(t = 10'') \rightarrow l_s = 100$ м (за 10 секунд Ахилл преодолеет 100 метров дистанции);
$H|(t = 10'') \rightarrow l_h = 10$ м (за 10 секунд Черепаха преодолеет 10 метров дистанции).
Следовательно, через 10 секунд Ахилл обгонит Черепаху примерно на 80 метров.

В заключение нашего исследования сформулируем несколько тезисов.

Нульмерный мир состоит из идей (информационных структур) нулевого порядка. Это идеи бытия всего сущего.

Одномерный мир представляет собой эманацию мира нульмерного и состоит из идей первого порядка. В нем каждая идея нульмерного мира представлена множеством своих эманаций различной степени вероятности.

Двумерный мир представляет собой эманацию мира одномерного и состоит из идей второго порядка. Это идеи одномерного мира, квантованные идеей бытия, что порождает ряд эмерджентных свойств, среди которых эмерджентное свойство «количество». Это идеи бытия всего сущего, квантованные квадратом идеи бытия.

Трехмерный мир состоит из идей третьего порядка. Это идеи бытия всего сущего, квантованные кубом идеи бытия. Это мир вероятности. В нем каждая идея представлена кубическим пространством качественно и количественно различных состояний. Это мир деятельности, его становление продолжается. Структурные информационные неоднородности этого мира мы воспринимаем сенсорами и интерпретируем как материальные объекты.

Принцип глобальной калибровочной симметрии дает основания для декларирования принципа параллелизма строения мира идей и строения человеческой логики, что позволяет выделить нульмерную, одномерную, двумерную логики. Эти логики оперируют с нульмерными, одномерными и двумерными информационными сущностями (понятиями и категориями).

В нульмерной логике объекты предметной области представлены абстрактными ярлыками (именами идей). Операции нульмерной логики с сигналами, поступающими из предметной области, осуществляются операторами «ид», «и», «или», «не».

В одномерной логике объекты предметной области представлены множеством эманаций идей нульмерного мира. В ней действуют операторы: «ид», «ра», «имп», «ан», «си», «кб», «аб», «ко», «кл», «ст», «об».

В двумерной логике объекты предметной области представлены множеством эманаций идей одномерного мира. В ней действуют операторы: «ид», «инд», «дед», «абд», «ана».

Формирование операционного алфавита – важная педагогическая задача, без успешного решения которой формирование основ физкультурной мыследеятельности и мышления не представляется возможным. Для ее решения необходимо разработать систему интеллектуально-двигательных упражнений, предполагающих использование в процессе их выполнения логических операторов операционного алфавита.

Литература

1. Старченко, В. Н. Физкультурная мыследеятельность и мышление / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2024. – № 1. – С. 104–108.

2. Старченко, В. Н. Средства формирования основ физкультурного мышления / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2024. – № 2. – С. 83–88.

3. Старченко, В. Н. Теоретические и метрологические основания диагностики двигательного мышления и мыследеятельности человека / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2024. – № 4. – С. 46–52.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 27.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 378.147:796.034-05 EDN: RDOGUM

Современные отечественные тенденции развития оздоровительной физической культуры лиц среднего и пожилого возраста

В.Ю. Усович

В статье представлены результаты исследования, которое выполнено в формате аналитического обзора с включением эмпирических данных из научных работ, посвященных, в том числе, теории и методике оздоровительной физической культуры трудоспособного населения. Проведенное нами исследование показывает, что вопросы рациональной оздоровительной физической культуры населения Республики Беларусь среднего и пожилого возраста являются в настоящее время актуальными, имеют серьезную теоретико-методологическую основу, но в то же время в современных реалиях требуют уточнений и дополнений.
Ключевые слова: физкультурно-оздоровительные занятия, лица среднего и пожилого возраста, трудовая деятельность, двигательная активность, физические упражнения.

The article presents the results of a study conducted in the format of an analytical review with the inclusion of empirical data from scientific works devoted, among other things, to the theory and methodology of health-improving physical education of the working-age population. Our research shows that issues of rational health-improving physical culture of the middle-aged and elderly population of the Republic of Belarus are currently relevant and have a serious theoretical and methodological basis, but at the same time, in modern realities, they require clarification and additions.
Keywords: physical education and health classes, middle-aged and elderly people, work activities, physical activity, physical exercises.

Введение. Современное общество характеризуется чрезвычайно высоким темпом жизни, режимом многозадачности и повсеместной цифровизацией. В Республике Беларусь, как и в других высокоразвитых государствах, превалирует тенденция к увеличению продолжительности жизни, при этом значительная часть населения нашей страны, достигшая пенсионного возраста, продолжает жить в активном социуме и занята в экономике государства [1].

В этой связи остро обозначены вопросы поддержания такого уровня физического состояния лиц пожилого возраста, который бы обеспечивал их полноценное участие в профессиональной и социально-значимой деятельности.

С развитием возможностей сети интернет сегодня на многочисленных цифровых каналах и в различных социальных сетях можно встретить разнообразную, а зачастую и противоречивую информацию о сомнительных методиках оздоровительной тренировки для различных половозрастных групп.

В особенности это насущно для лиц среднего и пожилого возраста, где вопросы адекватности нагрузки и индивидуализации тренировочного процесса являются превентивными с учетом возрастных особенностей организма.

Таким образом, своевременным и актуальным нам представляется проведение аналитического обзора современной отечественной литературы по вопросам оздоровительной физической культуры лиц среднего и пожилого возраста.

Наш исследовательский интерес направлен на аспекты практической реализации уже существующих методик улучшения показателей физического состояния, которые могут быть использованы лицами среднего и пожилого возраста, занятыми в экономике государства, а также на возможность теоретико-методологических дополнений системы оздоровительной физической культуры трудоспособного населения Республики Беларусь с учетом современного тайминга перемещения, труда и отдыха.

Цель исследования – провести аналитический обзор современной отечественной научной литературы по вопросам оздоровительной физической культуры лиц среднего и пожилого возраста.

Материалы и методы исследования. Настоящее исследование выполнено в формате аналитического обзора с включением эмпирических данных из научных работ, посвященных, в том числе, теории и методике оздоровительной физической культуры трудоспособного населения.

В анализ включены учебные издания для студентов профильной специализации, материалы диссертационных исследований, а также научные публикации.

Результаты исследования. Безусловный научно-практический интерес представляет учебник А.Г. Фурманова и М.Б. Юспы «Оздоровительная физическая культура», ориентированный на подготовку профессиональных кадров [2].

Схема построения системы оздоровительной физической культуры, предложенная авторами, включает в себя два ключевых направления – две подсистемы: оздоровительно-рекреативная и производственная физическая культура.

Рассматривая задачи ОФК, авторы указывают на необходимость индивидуализации оптимальных тренировочных нагрузок в занятиях с оздоровительной направленностью на основе рекомендаций ВОЗ для различных половозрастных групп.

Особое внимание в учебнике уделяется такой актуальной и в наши дни проблеме, как формирование здорового образа жизни у различных групп населения.

Весьма важным и актуальным в данном вопросе представляется определение мотивации у лиц среднего и пожилого возраста к занятиям оздоровительной физической культурой с учетом половозрастных особенностей, а также наличие опыта занятий физической культурой и спортом [2, с. 97–109].

Необходимо подчеркнуть, что такие популярные сегодня среди мужчин среднего и пожилого возраста виды активного отдыха, как охота и рыбная ловля, авторами отнесены к отдельным формам самостоятельных занятий ОФК, при этом теоретико-методологические аспекты для данных видов активного досуга не указаны [2, с. 40].

Подходы к определению оптимума двигательной активности представлены в учебнике с изложением точек зрения авторитетных ученых второй половины 20 века.

Практикоориентированными являются изложенные в доступной форме методики составления комплексов разных форм производственной гимнастики и определения динамики физической работоспособности, а также предложения по содержанию, организации и методике проведения занятий ОФК [2, с. 183–209].

Предложения авторов по учету интенсивности физических нагрузок, а также самоконтролю физического состояния занимающихся в реалиях настоящего времени реализуются на практике с использованием различных мобильных приложений к смартфонам [3].

Авторами представлены комплексы упражнений с использованием тренажеров для здоровья, таких как беговая дорожка, «Педаль», «Упор», «Гребля», «Спектр», а также упражнений на многокомплектном пристенном тренажерном комплексе «Здоровье», в том числе с использованием упругого сопротивления (эспандеров).

Следует отметить, что сегодня на рынке фитнес-индустрии существует значительное разнообразие современных эластичных амортизаторов, весьма удобных как в использовании, так и транспортировке [4].

Огромной популярностью у специалистов пользуются тексты лекций, разработанные В.В. Храмовым, в которых представлены основы теории и методики оздоровительной физической культуры.

Автор отмечает, что более половины всех физкультурников, по данным социологических исследований, выбирают самостоятельную форму занятий упражнениями оздоровительной направленности. При этом подчеркивается, что основной недостаток самостоятельных оздоровительных тренировок заключается в отсутствии педагогического контроля и несоблюдения педагогических принципов дозирования адекватной физической нагрузки [5, с. 54–55].

Подробно рассматривая виды аэробных упражнений, которые могут быть использованы при проведении занятий физкультурно-оздоровительной направленности, автор отмечает необходимость разнообразия занятий с целью снижения их монотонности [5, с. 61].

В курсе лекций представлена методика проведения физкультурно-оздоровительных занятий с использованием игровых средств, рассмотрены особенности использования популярных у

населения игровых видов спорта в оздоровительном тренинге. Указано, что игры с высоким уровнем физической нагрузки, такие как баскетбол и футбол, лучше всего подходят для оздоровительной тренировки, которая призвана обеспечить развитие аэробных возможностей организма.

Рассматривая такой актуальный для современного фитнеса вопрос, как использование силовых упражнений в оздоровительной тренировке лиц среднего и пожилого возраста, автор обращает внимание на необходимость работы с отягощениями, не превышающими 50 % от максимального веса, и контроля фазы вдоха и выдоха.

В качестве наиболее доступных видов циклических физических упражнений отмечены ходьба и бег, поскольку основаны на естественных двигательных стереотипах человека. При этом подчеркивается, что при систематических занятиях бегом (более 40 километров в неделю) возможны риски травмирования суставов, сухожилий и связок. Автор констатирует, что при занятиях ходьбой риск травм практически отсутствует, а также весьма ограничен перечень противопоказаний [5, с. 62–64].

Несомненно, как вид двигательной активности оздоровительная ходьба имеет массу достоинств. Как отмечают Е.С. Григорович и др., это самая доступная мышечная нагрузка, при которой в работу включается более 50 % мускулатуры тела человека. При этом нужно отметить, что за счет увеличения интенсивности ходьбы можно получить тренировочный эффект не только для мышц, но и для всей сердечно-сосудистой системы, а это крайне необходимо лицам среднего и пожилого возраста.

Вместе с тем важно осуществлять постоянный контроль за нагрузкой, так как механизмы, способствующие укреплению и совершенствованию сердечно-сосудистой системы у лиц среднего и пожилого возраста, стабилизируются при выполнении упражнений умеренной интенсивности и продолжительности в строгом соответствии с функциональными возможностями организма [6].

Значительный вклад в теорию и методику оздоровительной физической культуры внес Н.Н. Филиппов (2005), представив организацию и содержание физкультурно-оздоровительной работы с населением Республики Беларусь по месту жительства в социально-экономических условиях переходного периода.

Автором разработана комплексная методика общефизической направленности для занимающихся оздоровительной физической культурой в оздоровительных группах по месту жительства, которая предусматривает 33 % бега в медленном темпе, по 20 % подвижных игр, плавания и общеразвивающих упражнений и 7 % лыжной подготовки. Следует отметить, что сегодня ВОЗ рекомендует взрослому населению уделять должное внимание силовым тренировкам на все крупные группы мышц.

Необходимо подчеркнуть, что в указанном исследовании физкультурная деятельность рассматривается в том числе, как средство развлечения и отдыха, а не только как средство, с помощью которого можно сознательно воздействовать на физическое развитие человека.

Отмечен высокий интерес взрослого населения Республики Беларусь к пешим прогулкам, а также тот факт, что наибольшее количество взрослого населения (мужчины и женщины) предпочитают заниматься физической культурой самостоятельно. При этом интерес к физкультурно-оздоровительным занятиям у женщин проявляется значительно ниже, нежели у мужчин.

Вместе с тем важно, что автор указывает на снижение физкультурной активности взрослого населения в период проведения исследования и связывает это как с различными социально-экономическими причинами, так и с отсутствием ценностных ориентаций на физическую культуру, что, по сути, является тем самым фактором, который порождает целый ряд иных причин субъективного характера [7].

В работах А.Р. Рафиковой представлены многолетние исследования формирования здорового образа жизни и валеологического сопровождения профессиональной деятельности руководящих работников разного возраста и ранга.

Значительный интерес представляет работа о влиянии двигательной активности руководителей на их биологический возраст и функциональное долголетие. Следует отметить, что для расчета биологического возраста автор использовал следующие объективные показатели: артериальное давление систолическое (для мужчин); артериальное давление пульсовое (для женщин); продолжительность задержки дыхания (на вдохе); масса тела и статическая балансировка.

Отмечается, что подавляющее большинство руководящих работников предпочли бы заниматься двигательной активностью не в группах, а самостоятельно. В тоже же время они не обладают достаточными знаниями и навыками для самостоятельных физкультурно-оздоровительных занятий: не знакомы с методами самоконтроля и ключевыми аспектами подбора оптимальной для них нагрузки.

Физическая нагрузка представляется полезной, когда она оптимальна для конкретного человека с учетом его уровня подготовленности, состояния здоровья, а также возраста, при этом необходимо четко определять критический индивидуальный минимум двигательной активности [8].

Особый интерес для специалистов представляют исследования А.А. Михеева в области теории и методики вибрационной тренировки, поскольку грамотно дозированный вибротренинг является одним из эффективных методов борьбы с гиподинамией и гипокинезией.

Автор отмечает, что использование в процессе оздоровительной тренировки метода стимуляции биологической активности может способствовать более активному проталкиванию крови по микрососудам, то есть более рациональному функционированию микроциркуляторной и мышечной систем организма.

Поддержание и улучшение с помощью метода стимуляции биологической активности непосредственно двигательной активности организма занимающегося можно считать, по мнению автора, источником зарядки «внутриклеточного аккумулятора».

Важно подчеркнуть, что значение двигательной активности пропорционально возрастает в период возрастного ослабления некоторых гормональных источников, когда необходимо компенсировать недостаток питания внутриклеточной энергетики [9].

Для выбора оптимальных средств при построении силовой тренировки в оздоровительной физической культуре целесообразно воспользоваться результатами многолетних исследований Н.Б. Сотского, который предложил классификацию технических средств физической культуры, а также возможность оценки их эффективности на основе биомеханических принципов построения двигательных действий занимающихся.

Автор указывает, что средство силовой тренировки будет весьма эффективным в том случае, если не только обеспечивается должное тренировочное сопротивление, но и при этом еще сохраняется такая структура суставных движений, которая характерна для реальных пространственных двигательных действий конкретного человека.

Таким образом, у специалистов сейчас имеется вариативность выбора средств оздоровительной силовой тренировки с учетом их биомеханической эффективности, что представляет значительный интерес для максимальной оптимизации индивидуально-персонифицированного подхода к проведению занятий с лицами среднего и пожилого возраста [10].

Заключение. Проведенное нами исследование показывает, что вопросы рациональной оздоровительной физической культуры населения Республики Беларусь среднего и пожилого возраста являются в настоящее время актуальными, имеют серьезную теоретико-методологическую основу, но в то же время в современных реалиях требуются определенные уточнения и дополнения в части активного досуга и самостоятельных занятий ОФК.

Важно отметить, что для увеличения степени физкультурно-оздоровительной активности лиц среднего и пожилого возраста, занятых трудовой и социально-значимой деятельностью, а также их привлечения к дополнительным занятиям физической культурой и спортом необходимо, в первую очередь, учитывать их личностные интересы и целевые установки.

Говоря о современном фитнесе, с учетом реального тайминга и активности перемещений лиц среднего и пожилого возраста, осуществляющих и продолжающих трудовую деятельность, необходимо предложить населению Республики Беларусь такую систему оздоровительной физической культуры, которая позволяла бы индивидууму выполнять весь спектр необходимого оптимума двигательной активности независимо от места проживания, наличия специализированных объектов для проведения занятий, а также времени, когда человек может заниматься своим оздоровлением.

Литература

1. О Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 года : постановление Совета Министров Республики Бела-

русь от 29 мая 2024 г. № 393 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL : https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22400393 (дата обращения: 12.01.2026).

2. Фурманов, А. Г. Оздоровительная физическая культура : учеб. для студентов вузов / А. Г. Фурманов, М. Б. Юспа. – Минск : Тесей, 2003. – 528 с.

3. Усович, В. Ю. Контроль двигательной активности ветеранов спорта с использованием приложений мобильных устройств / В. Ю. Усович, Г. И. Нарскин, С. В. Севдалев // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – № 2. – С. 59–63.

4. Усович, В. Ю. Эластичные амортизаторы в программе физкультурно-оздоровительных занятий с ветеранами спорта / В. Ю. Усович // Мир спорта. – 2022. – № 1. – С. 101–104.

5. Храмов, В. В. Теория и методика оздоровительной физической культуры : тексты лекций по одноимен. курсу для студ. спец. П 02.02.00 «Физическая культура и спорт» (специализация П 02.02.05 «Организация физкульт.-оздоровит. работы и туризма») / В. В. Храмов ; ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно, 2000. – 79 с.

6. Григорович, Е. С. Двигательная активность для людей зрелого и старшего возрастов : метод. рекоменд. / Е. С. Григорович, В. А. Переверзев, К. Ю. Романов. – Минск : БГМУ, 2006. – 22 с.

7. Филиппов, Н. Н. Организация и содержание физкультурно-оздоровительной работы с населением по месту жительства в современных социально-экономических условиях (на примере Республики Беларусь) : автореф. дис. ... д-ра. пед. наук : 13.00.04 / Филиппов Николай Николаевич. – М., 2005. – 53 с.

8. Рафикова, А. Влияние двигательной активности на биологический возраст и функциональное долголетие / А. Рафикова // Наука и инновации. – 2016. – № 12 (166). – С. 24–27.

9. Михеев, А. А. Теория и методика вибрационной тренировки в спорте / А. А. Михеев. – М. : Советский спорт, 2011. – 615 с.

10. Сотский, Н. Б. Классификации технических средств физической культуры и оценка их эффективности на основе биомеханических принципов построения двигательных действий / Н. Б. Сотский // Приборы и методы измерений. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 40–48.

Белорусский государственный
университет физической культуры

Поступила в редакцию 12.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 377.3 EDN: QAKKKA

Peculiarities of training students of vocational schools for innovative activities

HU ZIQI, E.E. KOSHMAN

This article analyzes the literature on innovation in China, as well as systemic innovations in higher vocational education from the perspective of developing highly qualified personnel in three main areas. Research on the innovation activities of students in vocational schools is systematized. It is found that the research is primarily divided into two independent areas, preventing a comprehensive and systematic approach. The role of educational institutions in preparing students for innovation is analyzed.
Keywords: student, vocational school, innovation, innovative activity, research, education.

В данной статье анализируются литературные источники по инновационной деятельности в Китае, а также системные инновации высшего профессионального образования с точки зрения воспитания высококвалифицированных кадров по трем основным направлениям. Проведена систематизация исследований по инновационной деятельности обучающихся в профессиональных училищах. Выявлено, что исследования, в основном, распределены по двум независимым направлениям, что не позволяет получить комплексного и систематического подхода в их изучении. Анализируется значение образовательных учреждений в подготовке обучающихся к инновационной деятельности.
Ключевые слова: обучающийся, профессиональное училище, инновация, инновационная деятельность, исследование, образование.

The Chinese Party and government place a high priority on the cultivation of highly skilled workers, and many higher vocational colleges focus on the cultivation and formation of personal and professional qualities of students. However, in the process of formation and development of various qualities in the educational process of the college, there are many unresolved theoretical problems that affect the quality of education and preparation of students for innovative activities. For example, there is no policy to support innovative activities; the evaluation system of higher vocational colleges is unreasonable; the policy for constructing dual qualifications for teachers is unclear; there is a lack of support for enterprises necessary for the training of highly qualified personnel; there are no conditions for the training of highly qualified personnel in higher vocational educational institutions; there is insufficient equipment and teachers necessary for the training of highly qualified personnel; the system of higher vocational education is inflexible; a unified academic education cannot meet the needs of society in the training of professional personnel [1]. On the one hand, these problems hinder the development of higher vocational education, on the other hand, they also hinder the training of highly qualified personnel.

Researcher Douglas K. North, having studied the course of economic growth in the United States, Great Britain, and other countries in depth, discovered that, assuming constant technology, institutional reforms can improve production efficiency, thereby achieving the goal of promoting economic growth [2]. Similarly, the education system is an extremely important educational resource, capable of reducing transaction costs in education and defining the scope of educational interests. Therefore, fundamental educational reform depends on the reform of the education system.

Institutional innovations are the source of higher education development, and the institutional environment is a critical environmental variable influencing behavioral decisions, resource allocation, and the management effectiveness of higher education institutions, and plays a role in facilitating or hindering the development of higher education. Educational system factors are increasingly recognized as a key factor in the development of modern higher education. To address the challenges facing the development of higher education and the training of highly qualified workers, it is necessary to begin with a systemic study and introduce innovations into the existing higher education system so that it can meet society's needs for the training of highly qualified employees.

Although innovations were initially used primarily in economics, some researchers have also applied them to higher education research. How can we understand systemic innovation in higher education? According to systemic innovation theory, the education system influences the effective-

ness of education and is a key factor in the development of higher education. An effective education system can facilitate the development of higher education, and a higher education system corresponds to the level of effectiveness of higher education development. It should be noted that the superiority of one higher education system over another is explained by its higher level of effectiveness. Since institutional innovations are the decisive force behind the development of higher education, innovation in higher education therefore involves replacing, transforming, and exchanging the existing higher education system with a more effective one.

In 1985, the Central Committee of the Communist Party of China adopted the Regulation on Education System Reform, marking the beginning of higher education reform in China. Since then, the higher vocational education system, as part of the overall higher education system, has continuously improved and developed. The connection between higher vocational education and the market economy is particularly close and rapid, and over more than 20 years, higher vocational education has achieved significant progress in research, but a market-oriented mechanism for independent governance of higher vocational colleges has not been truly established. Meeting the economic development need for highly qualified employees through institutional innovation is a lesson worth learning.

The study of innovation in higher education from the perspective of training highly qualified personnel is a relatively new topic. Although a number of studies on this issue currently exist, as well as numerous indirect findings that can be used as reference materials, these studies are primarily divided into two independent areas (research on innovation in higher education and research on training highly qualified personnel), which precludes a comprehensive and systematic approach to their study.

The development of higher professional education began with studies of the higher education system, and the results of this research were presented in various articles, research papers, scientific papers, and a number of dissertations. The main findings of these studies can be summarized as follows.

1. Research on innovations in the system of higher professional education from the point of view of management. In 2003, Mr. Pan Maoyuan noted that the development of higher vocational education in China was facing a «contradiction between correct strategic decisions and incompatible policies and measures», and that the higher vocational education system needed reform. In 2004, in the preface to the book «Research on the Development of Higher Vocational Educatio», Mr. Pan again emphasized that many problems related to understanding, orientation, technical aspects, and employment in higher vocational education needed to be analyzed, recognized, and resolved at the level of the education system [3]. This points to the direction of research in the field of higher vocational education, and it is necessary to focus the attention of specialists on the higher vocational education system itself.

In the article «Institutional Innovation of Higher Vocational Education in Undergraduate Colleges» (2002), Zhu Yue investigated the institutional innovation of higher vocational education in undergraduate colleges and suggested that higher vocational education in undergraduate colleges should be governed by the public and people. Researcher Huang Weijun and other authors of the work «System Analysis of Higher Vocational Education in China» (2005) analyzed the current situation of higher vocational education in China, noting that systemic inconsistency is the main obstacle to the development of higher vocational education, and the right of independent management of educational institutions is the key factor [4].

In his article «Analysis of Countermeasures to Improve the Governance System of Higher Vocational Education in China» (2006), author Sui Zhicheng noted that the governance system of higher vocational education in China is relatively inflexible compared to the conventional higher education system [4]. Among the numerous problems, he believed it was necessary to study various forms of school governance, implement autonomy of school governance, comprehensive monitoring, and establish a quality assessment system for higher vocational education.

Researcher Mr. Yang Jintu in his article «Education in China Lagging Behind in Its Endeavors» (2005) noted that, compared with the reform of the economic system in China, Chinese education is clearly lagging behind. This lag is mainly due to the country's major policies, the ideas expressed in the leaders' speeches and relevant documents, as well as the education system and educational policy [5]. The lagging system and policy in resource allocation leads to a lack of public welfare in the education sector, which hinders the diversification of educational types, while vocational education is fur-

ther neglected in the unbalanced system and political environment of resource allocation. The backward system and policy in student admission have damaged some types of education and some educational institutions, so vocational education is the first to bear the brunt of the negative impact.

2. Research from the political text point of view. In his work «Review and Reflections on the Reform and Development of Higher Vocational Education in China» (2005), Chen Yaling examined and assessed the content, achievements, and losses of four stages of higher vocational education development in China from the perspective of political text analysis [6]. It is noted that the policy of higher vocational education should be innovative, and higher vocational education should be more closely integrated with the market and the front line of production, construction, management, and service in terms of the management system, operation mechanism, teaching mode, teaching content, and curriculum system.

3. Research of systemic innovations from the perspective of professional education. In his article «Innovation in the Vocational Education System from the Parallel Vision of Education» (2003), Zhang Shezi considered innovation in the vocational education system from the perspective of educational equality and noted that, based on the general needs of individual and social development, vocational education should occupy an equal position with general education in terms of concept and conditions [7]. Based on the search for equivalence between vocational and general education and striving to solve practical problems, he proposed the basic concept of innovation in the vocational education system in the parallel vision of education. In his article «Solving Institutional Obstacles to Vocational Education Requires Systemic Innovation» (2005), Xing Hui fundamentally eliminated the institutional obstacles that have arisen in the development of vocational education and pointed out the need for a breakthrough in systemic innovation. Systemic innovation should conform to the principle of «overall government planning, departmental cooperation, market relations, resource integration, and cooperation between educational institutions and enterprises» to achieve systemic and mechanism innovation.

In his 2006 article «Some Policy Suggestions for Improving China's Vocational Education System», Wu Fusheng put forward a series of policy proposals for improving China's vocational education system, including strengthening the link between vocational education and general education, accelerating the reform of the personnel provision system, and strengthening cooperation between schools and enterprises. In his 2007 article «Construction of a Modern Vocational Education System», Zhuang Xizhen divided the evolution of China's vocational education system into three stages. In the first stage (from the mid-19th century to the 1940s), the vocational education system of Europe and America was mainly transposed. In the second stage (1949–1980), the vocational education system of the former Soviet Union was transposed. Since the 1980s, the vocational education system in Europe and America (including Germany, Australia, and other countries) has been transplanted [7]. The development of the vocational education system in China has a pronounced state character.

In his monograph «On the Development of Higher Vocational Education» (2004), Wang Minglun focused on the higher vocational education system and suggested that systemic innovation is the goal of higher vocational education development, state-owned and private enterprises are the chosen direction for higher vocational education development, sustainable development is the eternal theme of higher vocational education development, and the combination of industry, universities, and science is the only path to higher vocational education development.

4. Dissertations devoted to innovations in the system of higher professional education. Liu Jing's dissertation «A Study of China's Higher Vocational Education System» did not examine the problems of China's higher vocational education system in depth, and the analysis was somewhat one-sided. Wu Siwen's research paper «Economic Analysis of the Higher Vocational Education System», analyzes the higher vocational education system from the perspective of institutional economics, taking four perspectives: property rights theory, transaction cost theory, agency theory, and institutional change theory. However, this analysis is insufficiently relevant to China's national context.

There are doctoral dissertations on innovation in the educational system, such as «Generation and Transformation of Educational System – An Outline of New Institutional Pedagogy» (2001) by Dr. Kang Yongjiu, which studies the educational system using the method of new institutional economics. Some doctoral dissertations study institutional innovation in higher education from the perspective of educational economics, such as «Economic Analysis of Innovation in Higher Education

System» by Dr. Cui Yuping (2001) and «Economic Analysis of the Functioning of Higher Education System» by Dr. Wu Wenjun (2006). There are also doctoral dissertations that study institutional change from a cultural perspective, such as «Institutional Change in Chinese Higher Education and Cultural Perspectives» by Dr. Lei Xiaoyun (2006). There are doctoral dissertations devoted to the study of vocational education system, such as «Vocational Education System from the Perspective of the Great Vocational Education» by Dr. Dong Renzhong (2008) and «Analysis of Vocational Education System» by Dr. Sun Meilu (2008).

Our analysis revealed a current dearth of research (especially monographs) devoted to the development of highly qualified personnel in China. To date, only two monographs have been published on the subject. One, «Training Highly Qualified Personnel» (2001), edited by Li Zongyao et al., presents the first comprehensive study of highly qualified personnel and notes that the methods and mechanisms for developing highly qualified personnel within the higher vocational education system are insufficient to enable enterprises to play a role in their training. The other, «Developing Highly Qualified Personnel: Research and Practice» (2005), edited by Bi Jieli, examines the issue from the perspective of developing highly qualified personnel within enterprises.

The analysis of government legislation revealed the Action Plan for the Revival of Education for 2003–2007, developed by the Ministry of Education, which provides for the «active development of vocational education and the training of a large number of highly qualified personnel» [8]. Analyzing this document, one can conclude that higher professional education is designed to develop highly qualified personnel.

Thus, the existing research literature on the topic of our study can be roughly divided into three categories: studies devoted to the development of highly qualified personnel in higher vocational educational institutions; studies devoted to the development of high-tech personnel in enterprises; and studies devoted to the development of highly qualified personnel in technical schools, colleges, and other educational institutions. The results of scientific research are most often published as articles, and there is not a single scientific study focused on the specifics of preparing vocational school students for innovative activity.

References

1. Wang, Q. Paths of professional and innovative integration in the field of vocational education in China / Q. Wang // Pedagogy and education. – 2025. – № 1. – P. 12–16.

2. Liu, S. Comparison and integration: innovative approaches to reforming education in universities / S. Liu, I. Man // Pedagogical science. – 2024. – № 6. – P. 38.

3. Sun, L. Construction of a deep integration model of «double innovation» of education and vocational education in the new era / L. Sun, N. Wang, Sh. Wang // Journal of Anhui Agricultural Sciences. – 2024. – № 52. – P. 24.

4. Wang, J. Construction and reflection of the modernization of higher education in China / J. Wang. – Beijing : Intellectual Property Publishing House, 2017. – 88 p.

5. Yin, Da. Modernization of higher education : Basic connotation, time characteristics, and implementation paths / D. Yin, F. Xu // Shandong Higher Education. – 2015. – № 11. – P. 19–23.

6. Mao, R. Foundations of the modernization of higher education in China / R. Mao. – Kunming : Yunnan Educational Publishing House, 2015. – 126 p.

7. Sui, Y. Rational thinking on the modernization of higher education / Y. Sui // Chinese Higher Education. – 2014. – № 10. – P. 1–10.

8. Yang, T. Research on the modernization of the higher education management system within the framework of synergy theory / T. Yang // Shandong education. – 2021. – № 13. – P. 3.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 04.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 377.1:37.09:371.3 EDN: ONSNZW

Эволюция деловой игры в профессиональном образовании

Х.С. Числова

В статье проводится историко-педагогический анализ эволюции деловой игры в профессиональном образовании. Прослеживается смена парадигмы: от игры как технократического симулятора производительности (1930-е гг.) к методу развития системного мышления и рефлексии (школы Г.П. Щедровицкого, В.Я. Платова и И.М. Сыроежина в 1960-е и 1980-е гг.). Текущее состояние анализируется в контексте противостояния технологических и гуманистических трендов.
Ключевые слова: деловая игра, профессиональное образование, организационно-деятельностная игра, квазипрофессиональная деятельность, развитие мышления.

The article provides a historical and pedagogical analysis of the evolution of the business game in professional education. A paradigm shift is taking place: from the game as a performance trainer (the 1930s) to a method of developing system thinking and reflection (schools of G.P. Shchedrovitsky, V.Ya. Platov and I.M. Syroezhin in the 1960s and 1980s). The current state is analyzed in the context of the confrontation between technological and humanistic trends.
Keywords: business game, professional education, organizational and activity game, quasi-professional activity, development of thinking.

Деловая игра, будучи имитационным коллективным игровым методом активного обучения, прошла долгий путь из узкофункционального инструмента для овладения конкретным алгоритмом действий в комплексную педагогическую технологию, основной целью которой является развитие системного и управленческого мышления специалиста в условиях неопределенности [1]. Целью нашей статьи является анализ историко-педагогической трансформации деловой игры в профессиональном образовании XX–XXI вв.

В соответствии с устоявшейся в отечественной литературе точкой зрения, первая деловая игра была разработана в Советском Союзе на базе Ленинградского инженерно-экономического института в 30-х гг. XX в. Зарождение деловой игры не было случайным педагогическим открытием. Оно стало логичным продолжением идеологии научной организации труда (НОТ) – эпохи тотального планирования, стандартизации и оптимизации. В условиях такого социального запроса деловая игра выполняла функцию тренажера для отработки исполнения директив повышения производительности труда. Она была лишена творчества, неопределённости, рефлексии или развития мышления, которые в настоящий момент являются ключевыми атрибутами деловой игры. Будучи привязанной к определенному социально-экономическому заказу первой пятилетки, данная первичная форма деловой игры не получила дальнейшего развития, а исчерпала себя вслед за идеологией [2].

Развитие деловых игр в 1950-х гг. в Соединенных Штатах, которое происходило независимо от советских экспериментов, является не просто любопытным историческим совпадением, но и логическим следствием глобального «золотого века» технократии. Причиной этому становится послевоенный экономический подъем, рост крупных корпораций, стремительное усложнение управления, широкое распространение электронно-вычислительных машин. Все это создало экономический и социальный запрос на быструю подготовку специалистов нового поколения. Этот запрос был удовлетворен в соответствии с преобладавшими в то время научными тенденциями: кибернетикой (Н. Винер), исследованиями в области теории игр (Дж. фон Нейман). Возникла утопическая вера в то, что любую сложную систему – будь то военная стратегия, национальная экономика или корпоративное управление – можно описать с помощью формальной математической модели, рассчитанной на зарождающихся компьютерах, и таким образом найти для нее оптимальное, «научное» состояние.

Отличительной чертой американского подхода к деловой игре является принцип «черного ящика». Игроки не знают, как устроена игра изнутри. Они видят лишь «входящие данные» – свои действия и «выходящие данные» – т. е. результат своих действий. Задача игроков состоит не в том, чтобы выяснить, как работает игра, а методом проб и ошибок понять, какие их действия приводят к наилучшему результату. Такая модель не учила адаптироваться к изменениям, а эксплуатировать одну найденную закономерность [3], [4].

И советская игра-тренажер, и американская игра-симулятор выполняли одну и ту же социально-педагогическую функцию: они обучали системному, но не критическому или рефлексивному мышлению. Это фундаментальное ограничение ранних форм деловой игры обусловило необходимость методологического поворота в эволюции деловой игры, связанного с преодолением технократической парадигмы.

Истинное развитие деловой игры как метода развития мышления начнется десятилетие спустя. Внешними предпосылками к такому переходу стали становление постиндустриального общества, рост сложности социальных систем, кризис плановой экономики СССР, необходимость междисциплинарных связей для освоения космоса. Философским фундаментом развития нового типа деловой игры стала смена позитивизма на постпозитивизм и конструктивизм. Обучение перестало быть простой передачей информации и алгоритмов, а научное знание больше не является абсолютным. Оно развивается через смену парадигм – целостных систем взглядов, методов, ценностей. Цель игры теперь состоит не в том, чтобы научиться чему-то одному, а в том, чтобы научиться выявлять эти скрытые парадигмы, подвергать их сомнению и пересматривать. Игра становится испытательным полигоном для проблематизации существующих норм и поиска новых. С точки зрения конструктивизма знания не получают в готовом виде, а активно «конструируют» в процессе общения с внешним миром. В этом смысле игра – это специально сконструированное пространство для создания новых знаний и новых способов взаимодействия. Истина рождается в диалоге, столкновении позиций и совместном поиске [5]. В то же время в педагогике усилились идеи активного обучения, проблемного и развивающего обучения. Все это создало благоприятную интеллектуальную среду для восприятия игр не как развлекательного дополнения, а как ядра новой образовательной технологии, моделирующей целостную деятельность и способствующей личностному и профессиональному развитию.

В отечественной педагогике свою модель деловой игры предложил Г.П. Щедровицкий. Он разработал теорию организационно-деятельностной игры (ОДИ). Если раньше игра моделировала профессиональную ситуацию (как решить проблему), то ОДИ была разработана для моделирования самой деятельности по решению проблем, включая процессы мышления, коммуникации и нормотворчества.

Первой и фундаментальной целью ОДИ была проблематизация. Если традиционные методы предполагали, что проблема уже поставлена и понята, то ОДИ начиналась с обоснованных сомнений по этому поводу. Ее задачей было не найти ответ на поставленный вопрос, а выявить неочевидные, часто скрытые предпосылки самой проблемной ситуации, подвергнуть сомнению исходные условия и формулировки.Таким образом, игра запустила процесс критического анализа.

Вторая цель – рефлексия. По мере того, как проблема была «разобрана» до основания, участники неизбежно начали осознавать ограниченность своего собственного мышления. Организаторы игры целенаправленно создавали ситуации, в которых привычные схемы действий давали сбой, а специалисты из разных областей наталкивались на взаимное непонимание. Это заставляло игроков осознать профессиональные стереотипы, выявить используемые (и зачастую неэффективные) средства работы и увидеть барьеры в общении с коллегами. Рефлексия превратилась из спонтанного акта в организованный коллективный процесс самоанализа.

На основе проблематизации и рефлексии была поставлена третья, практико-ориентированная цель – нормотворчество. Убедившись, что старые нормы, принципы и модели работы не подходят для новой, сложной ситуации, группа не могла просто вернуться к ним. В ходе игры ей предстояло коллективно разработать новые принципы, методы и организационные формы решения подобных проблем.

Конечной целью игры было развитие мыслительной деятельности. ОДИ была направлена на качественное преобразование способности группы мыслить и действовать сообща. Игра выступила в качестве социально-педагогического «ускорителя» для формирования способности группы самоорганизовываться, справляться с уникальными, нестандартными задачами. В этом был ее главный педагогический смысл: она воспитала не просто умелого исполнителя, но и автора и соорганизатора сложной деятельности. Таким образом, ОДИ реализовала деятельностный подход в его наиболее радикальной форме, превратив образовательный процесс из усвоения готового материала в акт совместного творчества [6].

Параллельно с радикальным методологическим проектом Г.П. Щедровицкого в рамках советской школы деловых игр развивалось другое, не менее значимое направление, связанное с именами В.Я. Платова и И.М. Сыроежина (1970–1980-е). Их ключевым вкладом стала разработка и теоретическое обоснование концепции деловой игры как квазипрофессиональной деятельности. Эта концепция, оставаясь в рамках традиционной игровой формы, внесла важный сдвиг в понимании ее сути: от игры-симулятора к целостной модели проживания профессионального опыта. Их главная идея заключалась в том, что истинная ценность игры заключается в воспроизведении и проживании участниками полного цикла профессиональной деятельности со всеми ее атрибутами и противоречиями. Квазипрофессиональная деятельность – это специально сконструированная реальность, сохраняющая существенные черты и основные сложности реальной профессии: необходимость постановки целей, распределение ролей и ответственности, работа с неполными данными, межличностные конфликты и стресс при принятии решений [7], [8].

Таким образом, теория квазипрофессиональной деятельности, разработанная В.Я. Платовым и И.М. Сыроежиным, представляла собой гуманистическую альтернативу как технократическим симуляциям, так и чрезвычайно абстрактным методологическим играм. Она наполнила игровую форму ярким, лично пережитым профессиональным контентом, сделав ее мощным инструментом не только для формирования навыков, но и для развития профессионального самосознания.

Современный этап развития игровых методов в профессиональном образовании характеризуется их сложной интеграцией, технологической трансформацией и столкновением с новыми образовательными парадигмами. Есть несколько ключевых векторов, которые определяют текущую ситуацию.

Доминирование технологий. Наиболее заметной тенденцией стало массовое распространение геймификации – использования игровых элементов (баллов, уровней, рейтингов, значков) в неигровых образовательных контекстах. Это прямое наследие технократического подхода, но перенесенное на микроуровень и поставленное на службу мотивации и управления вовлеченностью.

Методы развития коллективного интеллекта. Идеи Г.П. Щедровицкого в новых условиях нашли отражение в стратегических и трансформационных сессиях, лабораторных и форсайт играх, где акцент делается на организации группового общения, рефлексии и совместном творчестве. Здесь игра – это, прежде всего, формат совместного мышления.

Иммерсивные ролевые игры являются продолжателями идей В.Я. Платова и И.М. Сыроежина. Главный принцип их теории – моделирование реального профессионального опыта в современных условиях – доведен до уровня полного вовлечения. Такой эффект достигается за счет пространственного и материального погружения (место игры, реквизит, документы и т. д.), эмоционального вовлечения (использование межличностных драматургических линий), непрерывности и длительности (игры могут длиться несколько часов или даже дней) [9].

Таким образом, текущее состояние проблемы использования игровых методов представляет собой поле напряжения между тремя полюсами: 1) полюс технологической эффективности (геймификация, симуляторы), отвечающий требованиям масштабируемости и измеримости; 2) полюс гуманистического развития (игропрактика, иммерсивные игры), отвечающий спросу на формирование комплексного мышления и гибких навыков; 3) полюс

методологической рефлексии (наследие ОДИ), который устанавливает высокие стандарты глубины работы с коллективными исследованиями.

Многообещающим направлением является не победа одного подхода, а их интеграция: использование цифровых инструментов для создания образовательной среды, использование геймифицированных элементов для поддержки вовлеченности в сложные проекты и обязательное сохранение рефлексивной фазы как основы, которая переводит игровой опыт в осознанную компетентность. Задача современного преподавателя состоит не просто в применении игровых методов, но и в проектировании их в соответствии с образовательной целью, избегая как технократического редукционизма, так и излишней абстрактности игры, оторванной от реальных профессиональных контекстов.

Литература

1. Бургат, В. В. Деловая игра как метод активного обучения / В. В. Бургат // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2014. – № 1(19). – С. 48–51.

2. Бельчиков, Я. М. Деловые игры / Я. М. Бельчиков, М. М. Бирштейн. – Рига : Авотс, 1989. – 304 с.

3. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – 2-е изд. – М. : Наука, 1983. – 343 с.

4. Neumann, J. Theory of games and economic behavior / J. Neumann, O. Morgenstern. – Princeton : Princeton University Press, 1944. – XVIII, 625 p.

5. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетов. – М. : Прогресс, 1975. – 288 с.

6. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Изд-во шк. культ. политики, 1995. – Ч. I : Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности. – URL : https://gtmarket.ru/library/basis/3961/3968 (дата обращения: 12.02.2026).

7. Платов, В. Я. Деловые игры : разработка, организация, проведение / В. Я. Платов. – М. : Профиздат, 1991. – 191 с.

8. Обучение в высшей и средней специальной школе : обзорная информация / М-во высшего и средн. спец. образования СССР, Отдел научной информации Науч.-исслед. ин-та проблем высшей школы. – М. : НИИВШ, 1979–1982. – Вып. 6 : Методика разработки и использования деловых игр как формы активного обучения студентов / сост. И. М. Сыроежин, А. А. Вербицкий. – 1981. – 36 с.

9. Ананин, Д. П. Иммерсивные технологии в образовательной практике российской высшей школы / Д. П. Ананин, А. Ю. Сувирова // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 5. – С. 112–135.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 10.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

Право

УДК 342.91 EDN: MGPYEZ

К понятию стратегического планирования в государственном управлении

А.А. Абрамчук

В статье рассматривается сущность стратегического планирования в государственном управлении. На основе анализа сущностных характеристик данного вида планирования дается собственное определение стратегического планирования. Делается обоснованный вывод об отсутствии нормативного закрепления данного вида планирования, а также отсутствии правовой основы стратегического планирования в законодательстве Республики Беларусь. Предлагается разработать и принять отдельный нормативно правовой акт, касающийся стратегического планирования, который стал бы правовой основой для дальнейшего развития документов стратегического планирования в стране.
Ключевые слова: государственное управление, функции государственного управления, планирование, стратегическое планирование, тактическое планирование.

The article examines the essence of strategic planning in public administration. Based on the analysis of the essential characteristics of this type of planning, our own definition of strategic planning is given. A substantiated conclusion is reached regarding the lack of regulatory framework for this type of planning, as well as the absence of a legal basis for strategic planning in the legislation of the Republic of Belarus. It is proposed to develop and adopt a separate regulatory legal act concerning strategic planning, which would serve as the legal basis for the further development of strategic planning documents in the country.
Keywords: public administration, functions of public administration, planning, strategic planning, tactical planning.

Стратегическое планирование играет значительную роль в государственной управленческой деятельности, так как позволяет выделить перспективные направления деятельности государства на долгосрочный период, вокруг которых в дальнейшем будут сосредоточены имеющиеся в наличии средства и которые, в конечном итоге, позволят сплотить различные слои общества ради достижения желаемого результата.

Первоначально, с возникновением государства, вопросам стратегического планирования не сразу было уделено должное внимание, данный вид планирования применялся преимущественно в военной сфере.

Применение стратегического планирования было использовано при разработке военных операций в определенных условиях ведения боевых действий. Позже, в связи с увеличением интенсивности малого, среднего и крупного предпринимательства, появления корпораций и мировых рынков сбыта, становлением рыночных отношений и конкуренции не только в экономической, но и в политической сфере, стратегическое планирование и инновационное развитие стало объектом научного анализа [1].

Применение научного анализа привело к тому, что «основным преимуществом стратегического планирования становится большая степень обоснованности плановых показателей, большая вероятность реализации планируемых сценариев развития событий» [2, с. 129].

В настоящее время вопросы, связанные со стратегическим планированием, рассмотрены в многочисленных научных публикациях. Данная тема изучена в работах А.Г. Поршнева, З.П. Румянцева, И.А. Соломатина, Э.А. Уткина, М.А. Эскиндарова, Ю.Б. Коложвари, О.С. Виханского, В.С. Ефремова, В.С. Просаловой, Р.А. Фатхутдинова, А.И. Ильина и других авторов.

Наличие большого количества публикаций показывает актуальность данной темы научного исследования, а отсутствие единого подхода к определению стратегического планирования указывает на то, что данная тема в настоящее время все еще остается перспективной.

В то же время, вызывает удивление тот факт, что несмотря на важную роль стратегического планирования в государственной управленческой деятельности, нормативное определение стратегического планирования в законодательстве Республики Беларусь отсутствует.

Целью написания статьи является формирование авторского определения стратегического планирования, а также разработка рекомендаций по формированию правовой базы стратегического планирования в нашей стране.

В настоящее время в научной литературе существует множество определений стратегического планирования, анализ которых позволяет говорить о том, что в целом авторы схожи во мнении относительно понятия данного вида планирования, однако при этом дискуссионным является вопрос, который касается момента формирования стратегической цели.

При рассмотрении данного вопроса одна группа авторов исходит из того, что стратегическая цель формируется непосредственно в процессе стратегического планирования. Данная группа авторов под стратегическим планированием понимает:

– процесс формулирования миссии и целей организации, выбора специфических стратегий для определения и получения необходимых ресурсов и их распределение с целью обеспечения эффективной работы организации в будущем [3, с. 144]–[4 с. 126];

– процесс моделирования эффективной деятельности предприятия на определенный период функционирования, с установлением его целей и их изменений в условиях неопределенности рыночной среды, а также определение способа реализации этих целей и задач в соответствии с его возможностями [5, с. 25].

Другие авторы исходят из того, что стратегическая цель предшествует стратегическому планированию. Стратегическое планирование здесь понимается как:

– набор процедур и решений, с помощью которых разрабатывается стратегия предприятия, обеспечивающая достижение целей функционирования предприятия [2, с. 118];

– набор действий и решений, предпринятых руководством, которые ведут к разработке специфических стратегий, предназначенных для того, чтобы помочь организации достичь своих целей [6, с. 282];

– качественно определенный процесс формирования стратегии, эффективно достигающего поставленных целей предприятия в будущем [7, с. 26].

На наш взгляд, правильное понимание момента формирования стратегической цели является важным критерием при определении данного вида планирования.

В научной литературе под стратегической целью понимаются желательные состояния или результаты функционирования соответствующего объекта планирования в определенный момент будущего [8, с. 37], при этом таким объектом в государственном управлении является, на наш взгляд, определенный уровень социально-экономического развития государства.

В.С. Ефремов выделяет характерные черты стратегической цели, среди которых он выделяет ясность, измеримость, достижимость, соотношение с миссией, а также существование временных рамок их достижения. В результате им сформирована таблица из пяти слов, которую он назвал SMART-характеристикой стратегических целей:

1. Specific – быть настолько ясными и точными, чтобы не оставалось места для их неправильного или множественного толкования;

2. Measuruble – выражать количественно все, что можно, и даже в первую очередь субъективные ожидания, фиксируя то, каким может быть результат, если цель достигнута;

3. Achievable – и начальник, и подчиненный должны быть уверены, что поставленная цель достижима;

4. Related – соотноситься со стратегией, хозяйственными целями организации, интересами исполнителя;

5. Time-bound – определены на шкале времени по срокам ее достижения [9, с. 8–9].

Характеристика стратегической цели позволяет утверждать, что она является тем ключевым элементом, вокруг которого выстраивается стратегия, которая является наряду со стратегической целью одним из составных элементов стратегического планирования.

Если проанализировать имеющиеся определения стратегии в научной литературе, то, как правильно отметила В.С. Просалова, «несмотря на множество научных разработок в об-

ласти теории стратегического управления, существования школ стратегий, единой концепции по определению понятия «стратегия» не существует» [10, с. 23].

К примеру, М.Х. Мексон, М. Альберт и Ф. Хедоури под стратегией понимают детальный всесторонний план, предназначенный для того, чтобы обеспечить осуществление миссии организации и обеспечение ее целей [6, с. 283].

Более емкое определение стратегии дает Р.А. Фатхутдинов, который под стратегией понимает не просто план, а как программу, план, генеральный курс субъекта управления по достижению им стратегических целей в любой области деятельности [11, с. 44].

В свою очередь О.С. Виханский придает стратегии еще более широкое понимание, рассматривая под стратегией долгосрочное качественно определенное направление развития организации, касающееся сферы, средств и формы ее деятельности, системы взаимоотношений внутри организации, а также позиции организации в окружающей среде, приводящее организацию к ее целям [12, с. 88].

Несмотря на различия в трактовке стратегии, общим для всех определений является то, что она направлена на достижение стратегической цели.

Другими словами, стратегия формируется на основе стратегической цели, то есть цель определяет стратегию. Отсюда закономерно вытекает вывод, что формирование стратегической цели является начальным этапом стратегического планирования.

В этой связи хотелось бы отметить позицию Э.А. Уткина и М.А. Эскиндарова, которые выделяют в процессе стратегического планирования пять последовательных этапов, при этом определение стратегической цели выступает в качестве начального этапа всего процесса планирования, а формирование стратегии выступает лишь в качестве третьего этапа:

1. Определение миссии и целей компании.
2. Сканирование окружающей среды.
3. Формирование стратегии.
4. Реализация стратегии.
5. Оценка и контроль [4, с. 128].

Наряду со стратегической целью и стратегией, одним из основных элементов при стратегическом планировании является собственно процесс планирования, результатом которого является принятие управленческого решения.

В этой связи заслуживает внимания позиция О.С. Виханского, который говорит о том, что «если установление целей отвечает на вопрос, к чему организация будет стремиться, если план действий по достижению цели отвечает на вопрос, что надо делать, чтобы достичь поставленной цели, то стратегия отвечает на вопрос, каким из возможных способов, как организация будет идти к достижению цели. Выбор стратегии означает выбор средств, с помощью которых организация будет решать стоящие перед ней задачи» [12, с. 87].

Стратегическое планирование, являясь одним из видов планирования, придерживается общих правил планирования. Л.В. Ткачук к данным принципам относит:

– *принцип комплексности,* который предполагает всесторонний подход к разработке системы планов;

– *принцип единства,* который предусматривает, что планирование должно носить системный, объединяющий характер;

– *принцип непрерывности,* который заключается в том, что планы должны приходить на смену друг другу. В силу того, что во внешней среде организации постоянно происходят изменения, процесс планирования должен осуществляться постоянно, то есть следует корректировать и уточнять планы с учетом этих изменений;

– *принцип гибкости,* который предполагает возможность внесения изменений в планы в связи с непредвиденными обстоятельствами;

– *принцип точности*, который означает, что любой план должен быть составлен с такой степенью точности, какая только возможна [13, с. 133].

По нашему мнению, целесообразно к данным принципам планирования добавить еще принцип научности и сценарности ввиду того, что в настоящее время планирование является, в том числе, объектом научного анализа.

Результатом стратегического планирования является принятие управленческого решения, которое может быть выражено в виде различных документов стратегического планирования.

Таким образом, под стратегическим планированием следует понимать деятельность по определению стратегической цели на определенный временной период, основанных на принципах комплексности, единства, непрерывности, гибкости, точности и научности с учетом вероятностных сценариев развития будущего, а также комплекса управленческих решений по достижению указанной цели.

Следует отметить, что если в научной литературе существует множество определений стратегического планирования, то в законодательстве Республики Беларусь оно отсутствует вовсе, хотя фразы к привязке «стратегический» встречаются достаточно часто.

В Законе Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [14] термин стратегический встречается лишь три раза и касается определения стратегических целей внутренней и внешней политики.

В Военной доктрине Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 6 (далее – Военная доктрина) [15], указанный термин встречается в двадцати случаях и преимущественно касается общих фраз, таких как стратегическое сдерживание, стратегическая стабильность, стратегические средства, стратегические отношения и другие.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5 [16], термин «стратегический» употребляется 19 раз и также без какой-либо конкретизации.

Основным документом, который касается государственного планирования Республики Беларусь, является Закон Республики Беларусь от 05 мая 1998 г. № 157-З «О государственном прогнозировании и государственном планировании» [17]. Однако в нем не упоминается термин «стратегическое планирование» вовсе, хоть и имеется определение государственного планирования.

Как результат, отсутствие нормативного закрепления определения стратегического планирования в государственном управлении для правильного его понимания заставляет нас обратиться к имеющимся подходам к определению стратегического планирования, данного в научной литературе, и значения стратегической цели в этом процессе.

Следует обратить внимание, что в научной литературе имеется распространенное мнение, что стратегическая цель формируется на основании общей цели организации, которую зачастую называют общей целью, генеральной целью или миссией организации. Это основная идея, ориентир развития всей организации, вокруг которой структурные подразделения организации формируют свои стратегические цели, которые направлены на достижение общей цели.

С данным суждением трудно не согласиться, так как все структурные элементы организации так или иначе направлены на достижение общей цели организации, преследуя при этом свою цель в рамках стоящих перед данным подразделением задач.

Ввиду того, что в законодательстве Республики Беларусь отсутствует определение стратегического планирования, мы вынуждены обратиться к поиску данной общей стратегической цели в уже принятых документах стратегического характера.

Как видится, основным документом в данном случае является Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5 (далее – Концепция). Причина, по которой общую цель следует искать именно в данном документе, обусловлена двумя факторами:

1. Концепция принята Всебелорусским народным собранием, которое согласно ст. 89^1 Конституции Республики Беларусь является высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь, определяющим стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающим незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Хочется отметить тот факт, что в Конституции Республики Беларусь положение применительно к термину «стратегический» применяется лишь один раз, и оно касается направления деятельности Всебелорусского народного собрания, что говорит о том, что стратегические цели и, соответственно, генеральную стратегическую цель определяет именно данный орган.

2. В ст. 2 Концепции, принятой, как уже было сказано ранее, Всебелорусским народным собранием, прямо указано, что государственным органам (организациям) и субъектам гражданского общества в практической деятельности следует руководствоваться положениями указанного документа.

В указанном документе также закреплено, что Концепция основана на взаимосвязи национальной безопасности и социально-экономического развития Республики Беларусь и определяет единые подходы к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности, составляет методологическую основу для разработки документов стратегического планирования и актов законодательства в данной сфере.

Таким образом, стратегическое планирование направлено на решение задач социально-экономического развития государства, что обеспечивает реализацию государственной политики обеспечения национальной безопасности, в связи с чем можно говорить о том, что решение указанных задач и является общей целью государства.

Следует отметить, что помимо общей стратегической цели каждому государственному органу в соответствующей сфере деятельности присущи свои стратегические цели, которые основываются на общей цели и в итоге способствуют ее достижению.

К примеру, деятельность Министерства внутренних дел как республиканского органа государственного управления (далее – МВД) регламентируется Положением «О Министерстве внутренних дел Республики Беларусь» [18], где под Министерством внутренних дел понимается республиканский орган государственного управления, возглавляющий систему органов внутренних дел и внутренние войска МВД, осуществляющий в пределах своих полномочий регулирование и управление в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и координацию деятельности в этой сфере других республиканских органов государственного управления.

Отсюда под стратегической целью Министерства внутренних дел можно понимать обеспечение надлежащего уровня общественной безопасности и охраны общественного порядка, которая согласуется с общей целью обеспечения национальной безопасности, закрепленной в Концепции – достижение и поддержание такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который гарантирует устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов.

Деятельность Министерства обороны Республики Беларусь регламентируется Положением «О Министерстве обороны Республики Беларусь» [19], где под Министерством обороны понимается республиканский орган государственного управления, проводящий в пределах своей компетенции государственную политику в области обороны, осуществляющий руководство Вооруженными Силами Республики Беларусь, их подготовкой по выполнению задач по обеспечению военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь.

Из данного определения логично следует вывод о том, что стратегической целью Министерства обороны Республики Беларусь является обеспечение военной безопасности и вооруженной защиты государства.

Таким образом, под стратегическим планированием в государственном управлении следует понимать деятельность органов государственного управления, наделенных государственно властными полномочиями, по достижению стратегических целей, обусловленных их функциональным предназначением, основанных на принципах комплексности, единства, непрерывности, гибкости, точности и научности с учетом вероятностных сценариев развития будущего, способствующих решению общих задач социально-экономического развития государства.

Следует отметить, что отсутствие нормативного закрепления стратегического планирования в законодательстве Республики Беларусь позволяет говорить об отсутствии правовой основы стратегического планирования в стране.

Вместе с тем, формирование правовой базы стратегического планирования … поможет создать сбалансированные условия для обеспечения достойного качества жизни и защищенности населения от противоправных посягательств [20, с. 174–177], что в свою очередь позволит эффективно решать задачи по достижению задач социально-экономического развития государства.

В этой связи видится целесообразным принятие отдельного нормативного правового акта, в котором закреплялось бы определение стратегического планирования, его цели и задачи, принципы, а также круг субъектов, участвующих в разработке документов стратегического характера.

Принятие такого нормативного правового акта позволило бы сформировать правовую базу стратегического планирования в Республике Беларусь и разработать общие подходы к разработке документов стратегического характера.

Анализ обозначенной в статье темы позволяет сделать следующие выводы и предложения:

1. Под стратегическим планированием следует понимать деятельность по определению стратегической цели на определенный временной период, основанную на принципах комплексности, единства, непрерывности, гибкости, точности и научности с учетом вероятностных сценариев развития будущего, а также комплекса управленческих решений по достижению указанной цели.

2. Под стратегическим планированием в государственном управлении следует понимать деятельность органов государственного управления, наделенных государственно властными полномочиями, по достижению стратегических целей, обусловленных их функциональным предназначением, способствующих решению общих задач социально-экономического развития государства.

3. В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь отсутствует правовая основа для разработки документов стратегического планирования государства. Существующий Закон Республики Беларусь от 05 мая 1998 г. № 157-З «О государственном прогнозировании и государственном планировании» не содержит в своем тексте термина «стратегическое планирование» и не отражает его суть.

4. С целью формирования правовой базы стратегического планирования в Республике Беларусь видится целесообразным разработать и принять отдельный нормативный правовой акт, например, Закон Республики Беларусь «Об основах стратегического планирования в Республике Беларусь», который закреплял бы юридическое определение стратегического планирования, его цели и задачи, принципы, а также который определял бы круг субъектов, участвующих в разработке документов стратегического характера, что позволило бы в итоге разработать общие подходы к разработке документов стратегического характера и повысить эффективность решение задачи по достижению определенного уровня социально-экономического развития государства.

Литература

1. Ефанова, Е. В. Принципы стратегического планирования / Е. В. Ефанова // Актуальные проблемы современности : наука и общество. – 2020. – № 3 – С. 3–5.

2. Ильин, А. И. Планирование на предприятии. Учеб. пособие : в 2 ч. / А. И. Ильин. – Минск : ООО «Миссанта», 1998. – Ч. 1 : Стратегическое планирование. – 296 с.

3. Управление организацией : Учеб. / под ред. А. П. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Соломатина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 1998. – 669 с.

4. Уткин, Э. А. Финансово-промышленные группы / Э. А. Уткин, М. А. Эскиндаров. – М. : Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ», изд-во ЭКМОС, 1998. – 256 с.

5. Любанова, Т. П. Стратегическое планирование на предприятии : Учеб. пособ. / Т. П. Любанова, Л. В. Мясоедова, Ю. А. Олейникова. – М. : «Изд-во ПРИОР», 2001. – 272 с.

6. Мексон, М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мексон, М. Альберт, Ф. Хедоури ; пер. с англ. – М. : Дело, 1998. – 800 с.

7. Коложвари, Ю. Б. Стратегическое планирование деятельности корпорации : дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Коложвари Юлия Борисовна. – Иркутск, 2002. – 194 с.

8. Стратегическое планирование / Под ред. Э. А. Уткина. – М. : Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ», изд-во ЭКМОС, 1998. – 440 с.

9. Ефремов, В. С. Стратегия бизнеса. Концепции и методы планирования : Учеб. пособ. / В. С. Ефремов. – М. : Изд-во «Финпресс», 1998. – 192 с.

10. Просалова, В. С. Теоретические основы понятия «стратегия» / В. С. Просалова // Современные тенденции в экономике и управлении : новый взгляд. – 2011. – № 7 – С. 19–23.

11. Фатхутдинов, Р. А. Стратегический менеджмент : учебник / Р. А. Фатхутдинов. – 7-е изд., испр. и доп. – М. : Дело, 2005. – 448 с.

12. Виханский, О. С. Стратегическое управление : Учебник / О. С. Виханский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Гардарика, 1998. – 296 с.

13. Ткачук, Л. Т. Менеджмент : учеб. пособие / Л. Т. Ткачук ; под ред. М. И. Щадова. – Ростов н/Д : Феникс, 2012. – 539 с.

14. Об утверждений основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 14 нояб. 2005 г. № 60-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.09.2025).

15. Военная доктрина Республики Беларусь : утв. решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 6 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.09.2025).

16. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.09.2025).

17. О государственном прогнозировании и государственном планировании : Закон Респ. Беларусь от 05 мая 1998 г. № 157-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.09.2025).

18. Положение о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь : утв. Указом Президента Республики Беларусь от 04 декабря 2007 г. № 611 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.10.2025).

19. Положение о Министерстве обороны Республики Беларусь : утв. Указом Президента Республики Беларусь от 07 декабря 2016 г. № 719 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.10.2025).

20. Еремин, Э. В. О правовом обеспечении стратегического планирования в сфере общественной безопасности правоохранительными органами зарубежных стран / Э. В. Еремин // Закон и порядок. – 2021. – № 7 – С. 174–177.

Академия Министерства внутренних
дел Республики Беларусь

Поступила в редакцию 17.10.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 343.1 EDN: MNBJDO

Ретроспективный анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регламентирующих применение заключения под стражу

Р.Р. Алекперов

В настоящей статье анализируется развитие норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регламентирующих применение заключения под стражу, с момента его принятия в 1999 г. по настоящее время. По результатам проведенного исследования выявлены тенденции уголовно-процессуальной политики нашего государства в части рассматриваемой меры пресечения.
Ключевые слова: заключение под стражу, мера пресечения, правовая норма, уголовно-процессуальная политика.

This article contains the analysis of the development of the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus, which regulate the use of detention from the moment of its adoption in 1999 to the present day. The study has revealed trends in the state's criminal procedural policy regarding the preventive measure under consideration.
Keywords: detention, preventive measure, legal norm, criminal procedure policy.

С момента приобретения независимости Республика Беларусь столкнулась с вопросом становления отечественного законодательства, в том числе и уголовно-процессуального. В первые годы независимости действовал Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики 1960 г. [1]. Впоследствии, с января 2001 г. введен в действие Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) [2], [3].

Нормы уголовно-процессуального закона не являются статичными, т. к. развитие общественных отношений перманентно требует их совершенствования. Так, в УПК с момента его принятия по настоящее время внесены многочисленные изменения.

Определенный научный интерес вызывает проведение ретроспективного анализа развития норм УПК, регламентирующих применение заключения под стражу. Актуальность проведения данного исследования также обусловлена необходимостью выявления тенденций развития общественных отношений, в том числе и перспективных, в связи с применением данной меры пресечения, которая является наиболее строгой.

В этих целях подвергнем анализу нормы УПК, регламентирующие применение рассматриваемой меры пресечения, в ретроспективной плоскости.

В ч. 2 ст. 119 УПК законодатель закрепил субъектов применения заключения под стражу. В первоначальной редакции данной нормы на стадии предварительного расследования рассматриваемая мера пресечения могла применяться прокурором, его заместителем, а также по постановлению органа дознания, следователя с санкции прокурора, его заместителя. На судебных стадиях рассматриваемая мера пресечения применялась судом. В дальнейшем полномочиями на применение заключения под стражу на стадии предварительного расследования были наделены Министр внутренних дел Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, заместитель Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь – Директор Департамента финансовых расследований или лица, исполняющие их обязанности [4]. В связи с данными новшествами введена в действие ст. 147-1 УПК «Судебная проверка законности и обоснованности применения меры пресечения или производства процессуальных действий по постановлениям Министра внутренних дел Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, заместителя Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь – директора Департамента финансовых расследований или лиц, исполняющих их обязанности». Кроме того, соответствующие изменения затронули ст. 38 УПК – введена в действие ч. 5-1, закрепившая случаи применения рассматриваемой меры

пресечения указанными должностными лицами. При этом процедура взятия под стражу в рассматриваемом случае не требовала санкционирования прокурором. Копия соответствующего постановления в течение 24 часов направлялась Генеральному прокурору Республики Беларусь или лицу, исполняющему его обязанности.

В связи с образованием Следственного комитета Республики Беларусь указанные полномочия Министра внутренних дел Республики Беларусь, заместителя Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь – директора Департамента финансовых расследований (лиц, исполняющих их обязанности) упразднены и переданы Председателю Следственного комитета Республики Беларусь (лицу, исполняющему его обязанности) [5]. Соответствующие изменения коснулись и иных норм права, регламентирующих применение заключения под стражу, в частности, ст. 38 УПК, ч. 3 и ч. 4 ст. 126 УПК (после вступления в силу Закона Республики Беларусь от 17.02.2025 № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» – ч. 5 и 6 соответственно [6]), ч. 2 и ч. 5 ст. 127 УПК, ч. 2 ст. 143 УПК, ст. 147-1 УПК.

Отметим, что в соответствии п. 3 ст. 9 Международного пакта ООН о гражданских и политических правах 1966 г. каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение [7]. Данные положения были восприняты в Модельном УПК для государств-участников СНГ. Согласно ч. 2 ст. 168 этого нормативного правового акта рассматриваемая мера пресечения может применяться только по решению суда [8]. В этой связи, до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о наделении полномочиями на санкционирование рассматриваемой меры пресечения прокурором (его заместителем), а также правом на ее применение у Председателей Следственного комитета Республики Беларусь и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (лиц, исполняющих их обязанности). Как отметил П.В. Мытник, наличие у вышеуказанных руководителей органов уголовного преследования возможности взятия под стражу подозреваемого, обвиняемого следует считать «сверхполномочиями».

Вместе с тем полагаем, что более эффективным является применение заключения под стражу в досудебном производстве по решению суда [9, с. 106–107].

Согласно п. 6 ч. 5 ст. 34 УПК в первоначальной редакции прокурор был вправе давать нижестоящему прокурору, следователю, органу дознания и дознавателю письменные указания о производстве следственных, иных процессуальных и оперативно-розыскных действий, а также о применении мер по обеспечению безопасности. Это полномочие предоставляло право указанному должностному лицу давать указания на применение заключения под стражу. Об этом свидетельствовало положение ч. 5 ст. 119 УПК, согласно которому отмена или изменение органом дознания или следователем меры пресечения, примененной с санкции или по указанию прокурора либо его заместителя, допускаются лишь с согласия прокурора или его заместителя. В дальнейшем рассматриваемое полномочие прокурора (его заместителя) – давать указание на применение вышеуказанной меры пресечения – было упразднено. В соответствии с ч. 5 ст. 119 УПК в действующей редакции отмена или изменение органом дознания или следователем меры пресечения, примененной с санкции прокурора либо его заместителя, допускаются лишь с согласия прокурора или его заместителя [5].

С момента введения в действие УПК в соответствии с ч. 1 ст. 126 УПК заключение под стражу применялось в отношении лица, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. При этом к лицам, подозреваемым либо обвиняемым в совершении тяжких либо особо тяжких преступлений, рассматриваемая мера пресечения могла быть применена по мотивам одной лишь тяжести преступления. В исключительных случаях заключение под стражу могло быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, если эти лица не имели постоянного места жительства на территории Республики Беларусь или не была установлена их личность либо они скрылись от органов уголовного преследования или суда.

В дальнейшем ч. 1 ст. 126 УПК подвергалась неоднократным изменениям. В частности, была установлена норма, согласно с которой подозреваемые либо обвиняемые, которые скрылись от органа уголовного преследования или суда, могут быть взяты под стражу вне зависимости от предусмотренного уголовным законом наказания за инкриминируемое преступление [10]. Следовательно, у органа, ведущего уголовный процесс, расширились возможности на применение заключения под стражу в отношении скрывшихся уголовно преследуемых лиц, так как упразднена «исключительность» в реализации данного полномочия. Считаем указанное изменение ч. 1 ст. 126 УПК положительным, содействующим успешному выполнению задач уголовного процесса, так как оно в полной мере соответствует разумному балансу между интересами государства в части обеспечения целей уголовного преследования и обеспечением прав и свобод подозреваемого, обвиняемого.

Директивой Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» закреплена норма, в соответствии с которой ограничена возможность применения заключения под стражу [11]. В частности, в п.п 5.4 указанного нормативного правового акта установлен запрет на применение названной меры пресечения к лицам, обвиняемым в совершении менее тяжких преступлений против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением изготовления, хранения либо сбыта поддельных денег или ценных бумаг, контрабанды и легализации («отмывания») материальных ценностей, полученных преступным путем), – при условии, что эти лица не скрываются от органов предварительного следствия и (или) суда. Со временем данные положения Директивы были восприняты в УПК – в ч. 1 ст. 126 закреплена норма, согласно которой заключение под стражу применяется лишь в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, кроме менее тяжкого преступления против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем). Одновременно законодатель предусмотрел, что лица, подозреваемые либо обвиняемые в данных преступлениях, могут быть взяты под стражу в исключительных случаях, если они не имеют постоянного места жительства на территории Республики Беларусь или не установлена их личность [12]. Наряду с вышеуказанными изменениями была ограничена возможность применения исследуемой меры пресечения по мотивам одной лишь тяжести преступления в отношении лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении тяжких либо особо тяжких преступлений. Так, установлена норма, согласно которой заключение под стражу может применяться по мотивам одной лишь тяжести преступления в отношении лиц, подозреваемых либо обвиняемых только в тяжких либо особо тяжких преступлениях против мира и безопасности человечества, государства, военного преступления, преступления, сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека.

Следующим изменением ч. 1 ст. 126 УПК стало ее дополнение нормой, согласно которой заключение под стражу применяется при условии, что цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением более мягкой меры пресечения [13]. Полагаем, указанной нормой законодатель стремился придать исследуемой мере уголовно-процессуального принуждения исключительный характер, что способствовало расширению процессуальных гарантий подозреваемого либо обвиняемого в части обеспечения их свободы и неприкосновенности.

Закон Республики Беларусь от 17.02.2025 № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» внес значительные изменения в структуру ст. 126 УПК [6]. Часть 1 (уже недействующей редакции) указанной статьи «разделена» на ч. 1 и ч. 2. При этом в ч. 2 ст. 126 УПК закреплены нормы, исключающие возможность применения рассматриваемой меры пресечения. Так, рассматриваемая мера пресечения, помимо подозрения (обвинения) в совершении менее тяжкого преступления против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем), не может применяться в отношении: 1) несовершеннолетнего,

женщины или одинокого мужчины, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет или детей-инвалидов, которые подозреваются или обвиняются в совершении менее тяжкого преступления, не сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека (за исключением лиц, совершивших преступления экстремистской направленности); 2) лица, страдающего тяжелым заболеванием, которое подозревается или обвиняется в совершении менее тяжкого либо тяжкого преступления, не сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека (за исключением лиц, совершивших преступления экстремистской направленности).

Наряду с наличием указанных норм, положения ч. 3 ст. 126 УПК закрепляют, что в исключительных случаях подозреваемые либо обвиняемые могут быть взяты под стражу и при наличии вышеперечисленных обстоятельств, если подозреваемый либо обвиняемый не имеют постоянного места жительства на территории Республики Беларусь или не установлена их личность, или они нарушили ранее избранную меру пресечения. Кроме того, установлена норма, согласно которой в отношении подозреваемого либо обвиняемого может быть применено заключение под стражу в случае сокрытия от органа уголовного преследования либо суда независимо от их возраста, наличия несовершеннолетних детей и характера заболевания, совершенного преступления и предусмотренного за него наказания.

В соответствии с ч. 4 ст. 126 первой редакции УПК (ч. 6 в действующей редакции) право давать санкцию на заключение под стражу принадлежало Генеральному прокурору Республики Беларусь, прокурорам областей, городов, районов, приравненным к ним прокурорам и их заместителям. В связи с изменением структуры органов прокуратуры Республики Беларусь право давать санкцию на применение названной меры пресечения закреплено за Генеральным прокурором Республики Беларусь, прокурорами областей, г. Минска, районов, районов в городах, городов, межрайонными и приравненными к ним транспортными прокурорами и их заместителями [14]. Аналогичные изменения коснулись ч. 3 ст. 127 УПК, ч. 3 ст. 513 УПК.

В соответствии с ч. 8 ст. 126 УПК в первоначальной редакции (в действующей редакции – ч. 10) о применении рассматриваемой меры пресечения орган, ведущий уголовный процесс, был обязан уведомить кого-либо из совершеннолетних членов его семьи или близких родственников, а также сообщить в Министерство иностранных дел Республики Беларусь при взятии под стражу гражданина иностранного государства для уведомления посольства или консульства этого государства. При применении анализируемой меры уголовно-процессуального принуждения в отношении пенсионера орган уголовного преследования либо суд обязаны были уведомить орган, выплачивающий ему пенсию. Данная норма была подвергнута значительным изменениям. В частности, при взятии лиц под стражу, дети которых остаются без попечения родителей, органу, ведущему уголовный процесс, вменено в обязанность уведомить управление (отдел) образования районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту жительства этих лиц не позднее следующего дня после применения рассматриваемой меры пресечения для обеспечения государственной защиты детей [15]. Также был усовершенствован порядок уведомления дипломатических учреждений и консульских учреждений при взятии под стражу подозреваемого либо обвиняемого, не являющихся гражданами Республики Беларусь. В частности, в ч. 8 ст. 126 УПК (ч. 10 в новой редакции УПК) установлено, что орган, ведущий уголовный процесс, при применении заключения под стражу в отношении подозреваемого либо обвиняемого, являющимся иностранным гражданином либо лицом без гражданства, обязан по требованию указанного лица сообщить об этом в Министерство иностранных дел Республики Беларусь не позднее суток для уведомления дипломатического представительства или консульского учреждения государства гражданской принадлежности либо обычного места жительства заключенных под стражу иностранного гражданина или лица без гражданства [16]. Внеся данные изменения, законодатель привел нормы УПК в соответствие с п. b ч. 1 ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., ратифицированной Республикой Беларусь [17]. В то же время в соответствии с указанным пунктом конвенции все сообщения иностранного гражданина, заключенного под стражу, должны быть безотлагательно переданы компетентными органами государства пребывания такого лица консульскому учреждению государства, чьим гражданином оно является. Данное положение не нашло своего отражения в нормах УПК.

С момента принятия УПК гл. 56 данного нормативного правового акта регламентировала порядок задержания или применения к лицу меры пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи. В соответствии с ч. 1 ст. 512 рассматриваемого нормативного правового акта к такому лицу применяется либо домашний арест, либо заключение под стражу. В 2015 г. глава 56 УПК была дополнена ст. 512-1, согласно которой основанием для содержания под стражей лица, транзитно перевозимого по территории Республики Беларусь, а также временно выданного нашему государству, является решение компетентного органа иностранного государства о применении рассматриваемой меры пресечения либо назначении ему наказания в виде лишения свободы [16].

Таким образом, ретроспективный анализ норм УПК, регламентирующих применение заключения под стражу, с момента его принятия по настоящее время позволяет сделать следующие выводы.

1. До настоящего времени остается дискуссионным вопрос наделения полномочиями в досудебном производстве на применение заключения под стражу Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (лиц, исполняющих их обязанности), а также на санкционирование указанной меры пресечения прокурором (его заместителем), так как в соответствии с международными договорами, ратифицированными нашим государством, полномочиями на ее применение должен обладать только суд.

2. Уголовно-процессуальная политика Республики Беларусь демонстрирует устойчивую тенденцию к совершенствованию порядка заключения лиц под стражу, характеризующуюся формированием более взвешенного подхода к применению рассматриваемой меры пресечения, выразившегося в постепенном сокращении случаев ее избрания и расширении практики применения иных предусмотренных законом мер уголовно-процессуального принуждения. При этом законодатель, внося изменения в соответствующие статьи УПК, стремится к сохранению разумного баланса между интересами государства в части обеспечения выполнения задач уголовного процесса, а также правами и законными интересами подозреваемого либо обвиняемого. Вышеизложенное определяет направленность правотворческой функции Республики Беларусь на соблюдение норм ст. 2 и ст. 25 Конституции согласно которым: 1) человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства; 2) государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности [18]. Полагаем, что в перспективе совершенствование норм, регламентирующих заключение под стражу, будет осуществляться с учетом вышеизложенных тенденций.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 года : принят Законом ВС БССР от 29 дек. 1960 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL : http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_BSSR_1960.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

2. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 16 октября 2000 г. № 430-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).

4. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с преступностью : Закон Респ. Беларусь, 04 января 2010 г. № 107-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 10.04.2026).

5. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 13 дек. 2011 г. № 325-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 15.04.2026).

6. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 15.04.2026).

7. Международный пакт о гражданских и политических правах : одобр. резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Асамблеи, 16 дек. 1966 г. // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 15.04.2026).

8. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств : принят постан. Межпарламент. Ассамбл. гос.-уч. СНГ от 17 фев. 1996 г. // ИС «Континет». – URL : https//continent-online.com/Document/?doc_id=30074238 (дата обращения: 15.04.2026).

9. Мытник, П. В. Следственные действия : смена парадигмы? / П. В. Мытник // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 104–110.

10. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 04 янв. 2003 г. № 173-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 15.04.2026).

11. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь : директива Президента Респ. Беларусь от 31 дек. 2010 г. № 4 // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 15.04.2026).

12. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Респ. Беларусь от 05 янв. 2015 г. № 241-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 16.04.2026).

13. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Респ. Беларусь от 06 янв. 2021 г. № 85-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 16.04.2026).

14. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 05 января 2016 г. № 356-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 16.04.2026).

15. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам государственной защиты детей в неблагополучных семьях : Закон Респ. Беларусь от 05 января 2008 г. № 356-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 16.04.2026).

16. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 04 янв. 2010 г. № 105-З // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 17.04.2026).

17. Венская конвенция о консульских сношениях : принята на Конференции ООН 24 апр. 1963 г. // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 23.04.2026).

18. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 23.04.2026).

Академия Министерства внутренних
дел Республики Беларусь

Поступила в редакцию 02.07.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 347.632(476)«17/18» EDN: NTLHKU

Правовое положение внебрачных детей на белорусских землях (конец XVIII–XIX вв.)

Н.В. Денисенко

В статье исследуется правовое положение внебрачных детей на белорусских землях в конце XVIII–XIX вв. Делается вывод о том, что правовое положение внебрачных и законных детей существенно различалось. Внебрачные дети не имели права наследования. Родители не несли по отношению к внебрачным детям никаких обязанностей. Лишь в 1891 г. дети от недействительного брака получили право на «пропитание, одежду и воспитание» от своих родителей. Одним из средств улучшения положения незаконнорожденных детей являлась процедура узаконения, в результате которой внебрачные дети получали права законных, что существенно улучшало их правовое положение.
Ключевые слова: внебрачные дети, правовое положение, узаконение, законодательство, белорусские земли, Российская империя.

The article examines the legal status of illegitimate children in Belarusian lands in the late 18th and 19th centuries. It is concluded that the legal status of illegitimate and legitimate children differed significantly. Illegitimate children had no right to inheritance. Parents had no obligations toward their illegitimate children. Only in 1891 children born of an invalid marriage received the right for «food, clothing, and education» from their parents. One means of improving the situation of illegitimate children was the process of legitimization, which granted illegitimate children the rights of legitimate children, significantly improving their legal status.
Keywords: illegitimate children, legal status, legitimization, legislation, Belarusian lands, Russian Empire.

Введение. Согласно ст. 50 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном порядке. Взаимные права и обязанности между матерью и ребенком возникают с момента рождения ребенка независимо от того, рожден ребенок в браке или вне брака. Взаимные права и обязанности между отцом и ребенком, если отец и мать ребенка не состоят в браке, возникают с момента внесения в установленном порядке сведений о нем как отце в запись акта о рождении ребенка либо с момента вступления в законную силу решения суда об установлении отцовства, если иное не предусмотрено КоБС. Дети, родители которых не состоят в браке, имеют те же права и обязанности по отношению к родителям и их родственникам, что и дети лиц, состоящих в браке между собой [1, ст. 50]. Таким образом, в соответствии с современным законодательством Республики Беларусь внебрачные дети не имеют особого правового статуса и обладают таким же набором прав, как и дети, рожденные в зарегистрированном браке. Тем не менее, законодательство, регулирующее правовое положение внебрачных детей, прошло долгий и противоречий путь становления и развития. Рассмотрение правового положения внебрачных детей в исторической ретроспективе поможет проследить эволюцию законодательства и выявить особенности его развития.

В Российской империи вопросы правового положения внебрачных детей становились предметом рассмотрения таких ученых, как К.А. Неволин [2], Г.Ф. Шершеневич [3], обсуждались на страницах журналов [4], [5]. А.И. Загоровский рассматривал данную проблематику в контексте семейного права [6]. Современные исследователи также изучают историю правового положения внебрачных детей. Так, И.Г. Войнилова в рамках диссертационного исследования изучала правовое положение незаконнорожденных лиц в России в XIX – начале XX вв. [7].

Целью данной работы является исследование правового положения внебрачных детей на белорусских землях в конце XVIII–XIX вв.

Основная часть. В результате трех разделов Речи Посполитой белорусские земли стали частью Российской империи. В документах, которые регламентировали присоединение территории Беларуси, говорилось о сохранении особенностей местного права, в связи с чем возникла необходимость систематизировать законодательство, действовавшее на белорусских землях. По

этой причине в 1838 г. был подготовлен проект Свода местных законов западных губерний. Данный Свод, в частности, регулировал вопросы, касающиеся процедуры оспаривания законности рождения детей. Тем не менее, Свод местных законов западных губерний так и не вступил в силу. Это связано с унификацией законодательства, вызванной восстанием 1830–1831 гг. Однако в Свод местных законов западных губерний были включены нормы Статута ВКЛ 1588 г., сохранившие свое действие после включения белорусских земель в состав Российской империи.

В Великом княжестве Литовском законным считался брак, заключенный в церковной форме. На основании этого в соответствии со Статутом ВКЛ 1588 г. дети, рожденные в браке, заключенном не в церковной форме, признавались незаконнорожденными. Незаконнорожденным считался также ребенок, от которого отец «при своей жизни отказался и не своим сыном считал бы». При этом ребенок не признавался незаконнорожденным, если отец отказался от него «из-за ссоры и в гневе против сына или жены своей», а также если отец «длительное время считал его своим ребенком». Кроме того, отец не мог отказаться от ребенка от первого брака при вступлении во второй брак [8, разд. III, арт. 28]. Указанные нормы Статута ВКЛ вошли в Свод местных законов западных губерний. Так, § 285 Свода закреплял, что родители не могли оспаривать законного рождения своих детей в следующих случаях: 1) по ссоре между собою, и в гневе на них; 2) если в продолжении немалого времени признавали их своими детьми, а себя супругами; 3) если вступят в новый брак [9, § 285]. Внебрачные дети не имели наследственных прав, поскольку наследниками могли быть только дети, рожденные в браке, заключенном в церковной форме [8, разд. III, арт. 28].

Кроме того, в арт. 32 разд. IV Статута ВКЛ предусматривалось освобождение от смертной казни лица, совершившего убийство незаконнорожденного. Если мать убитого незаконнорожденного была жива, ей уплачивалась компенсация как за убийство простого человека даже в том случае, если отцом ребенка был «знатный» человек [8]. В данном случае можно найти косвенное указание на то, что сословные права отца не передавались внебрачному ребенку. В соответствии с арт. 28 разд. III Статута ВКЛ, если кто-либо назвал лицо незаконнорожденным и не доказал этого, то он должен был уплатить ему «двойное бесчестие». Эта норма получила закрепление в § 487 Свода местных законов западных губерний [9].

Таким образом, в Статуте ВКЛ 1588 г. закреплялись условия отнесения детей к категории внебрачных. Такие дети не имели права наследования имущества родителей.

Российскому законодательству также было известно деление детей на законных и незаконнорожденных. Как указывает И.Г. Войнилова, «разделение детей на «законных» и «незаконных» было вызвано заботой о «чистоте рода» и сохранении наследуемого имущества» [7, с. 35]. При этом важно отметить, что в соответствии с постановлениями Православной Церкви внебрачные дети следовали состоянию матери и наследовали ее имущество, а также имели право требовать содержания и воспитания от отца сообразно с его средствами [6, с. 417–418]. С течением времени изменялись условия, при которых лицо считалось незаконнорожденным.

Так, в соответствии со ст. 89 «Свода законов гражданских» 1832 г. незаконнорожденными признавались дети, рожденные вне брака, даже если их родители впоследствии вступили в брак. Незаконнорожденными считались дети, которые родились в результате супружеской измены, а также в браке, признанном незаконным. Аналогичная норма содержалась в ст. 131 «Свода законов гражданских» 1842 г. [10, ст. 92], [11, ст. 131], [7, с. 39].

В «Своде законов гражданских» 1857 г. незаконными детьми считались: 1) лица, рожденные вне брака, даже если их родители впоследствии вступили в брак; 2) лица, родившиеся в результате «прелюбодеяния»; 3) лица, рожденные после смерти мужа матери или после расторжения брака, если со дня смерти мужа матери или расторжения брака до дня их рождения прошло более трехсот шести дней; 4) лица, рожденные в незаконном и недействительном браке [12, ст. 132]. Незаконнорожденными также считались дети от брака, расторгнутого в связи с «неспособностью» мужа к супружескому сожитию [7, с. 39–40].

Таким образом, в «Своде законов гражданских» 1857 г. были установлены конкретные основания для признания детей внебрачными, а также регламентировался срок, по истечении которого допускалось оспаривание законности рождения (если ребенок родился по истечении

306 дней после прекращения брака вследствие смерти мужа или после расторжения брачного союза). Подобный срок установлен и в современном белорусском законодательстве. Так, согласно ст. 50 КоБС взаимные права и обязанности между отцом и ребенком возникают с момента рождения ребенка, если отец и мать ребенка состоят в браке или ребенок рожден в течение десяти месяцев со дня прекращения брака или признания его недействительным [1, ст. 50].

При этом ст. 131 «Свода законов гражданских» издания 1857 и 1900 г. устанавливала, что «законность лица, рожденного по истечении 306 дней после прекращения брака смертью мужа или после расторжения сего брака установленным на то порядком, могут оспаривать все те, коих права личные или по имуществу были бы нарушены через признание его законнорожденным, но не позднее как через 6 месяцев после рождения младенца» [12, ст. 131], [13, ст. 131]. Как справедливо указывал Г.Ф. Шершеневич, «с этой точки зрения приходится признать законными детей, рожденных спустя два года после смерти мужа или после окончания развода» [3, с. 728–729].

Дети, рожденные от брака, расторгнутого по причине прелюбодеяния матери, признавались законными, если их рождение перед расторжением брака не было скрыто от мужа матери и если не было других доказательств их незаконности [12, ст. 135]. В соответствии со ст. 134 «Свода законов гражданских», если брак был расторгнут вследствие «неспособности к брачному сожитию», то дети, рожденные в этом браке, признавались незаконными [12, ст. 134].

В свою очередь, дети, которые родились «по естественному порядку» слишком рано после заключения брака, т. е. до истечения 180 дней после венчания, признавались законными, если отец не отрицал законности их рождения [12, ст. 119, 125], [3, с. 727].

Если же отец не желал признать ребенка своим, ему достаточно было сослаться на тот факт, что ребенок родился ранее законного срока, т. е. 180 дней после венчания, не приводя никаких иных доказательств в пользу того, что ребенок не мог быть от него зачат. Для опровержения спора о незаконности рождения необходимо было представить письма отца и другие доказательства того, что он обращался с ребенком, как с родным, заботился о его содержании и воспитании, разрешал носить его фамилию [12, ст. 125], [3, с. 728].

Следует особо отметить, что законодательство не признавало связи внебрачных детей с родителями. В соответствии со ст. 136 «Свода законов гражданских» 1857 г. незаконные дети не имели права на фамилию отца «и законное после него или после матери своей в имуществе наследство» [12, ст. 136].

«Свод законов гражданских» 1832, 1842 гг. не предоставлял внебрачному ребенку права на фамилию матери. Только в ст. 140 «Свода законов гражданских» издания 1857 г. содержалось положение, согласно которому незаконнорожденным детям «казачьих вдов, жен и девок» не назначались фамилии их отца или матери, а давалось «прозвание» по желанию их родителей или воспитателей [7, с. 127]. Если брак был заключен с применением насилия или обмана, то вопрос о правовом положении рожденного в таком брачном союзе ребенка мог передаваться судом на усмотрение императора [12, ст. 133]. Известны случаи предоставления решением императора детям, рожденным от незаконного брака, фамилии и прав состояния их матери, а также права наследования имущества матери, за исключением родового. Так, в 1860 г. детям дворянки Елизаветы Августинович, рожденным в незаконном браке, были предоставлены права потомственного дворянства [14, с. 183]. В 1863 г. сыну мещанки Пелагеи Масленниковой, рожденному в незаконном браке, была предоставлена фамилия, сословные права матери, а также право наследования имущества матери, не относящегося к родовому [15, с. 663].

Важно отметить, что обязанность отца по содержанию внебрачного ребенка была закреплена в уголовном законодательстве. В ст. 994 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. устанавливалась ответственность «за противозаконное сожитие неженатого с незамужнею, по взаимному их согласию». Санкция данной статьи предусматривала церковное покаяние, а также возлагала на отца ребенка обязанность «обеспечить приличным образом содержание младенца и матери» [16, ст. 994], [6, с. 436–437]. При этом возбуждение дела зависело от желания матери. В данном случае возбуждение дела матерью являлось одновременно и самообвинением в преступлении внебрачного сожительства. В связи с этим большое количество дел о содержании внебрачного ребенка не возбуждалось [6, с. 435].

Кроме того, незаконное сожитие неженатого с незамужней считалось преступлением только для лиц христианского вероисповедания. В связи с этим лица нехристианского исповедания не имели права получения содержания для внебрачных детей [6, с. 435]. Статья 994 предусматривала случай рождения ребенка только от связи неженатого мужчины с незамужней женщиной. Следовательно, дети, родившиеся в результате супружеской измены, также не имели права на получение содержания от отца [6, с. 439].

Кроме того, законодательство Российской империи закрепляло обязанность отца по обеспечению своих незаконных детей, рожденных в результате изнасилования, а также в брачном союзе, заключенном по принуждению или вследствие обмана [6, с. 439], [12, ст. 663, 666].

Важно отметить, что родители незаконнорожденного ребенка не были лишены права содержать и воспитывать его, однако это не являлось их обязанностью [4, с. 9]. 12 марта 1891 г. было принято высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных», в соответствии с которым на родителей незаконных детей, рожденных в недействительном браке, была возложена обязанность их содержания и воспитания [4, с. 51]. Так, в отношении детей, рожденных в браке, признанном недействительным, родители исполняли до их совершеннолетия обязанности, определенные в статье 172 «Свода законов гражданских», т. е. они были обязаны давать несовершеннолетним детям «пропитание, одежду и воспитание, доброе и честное, по своему состоянию» [13, ст. 133], [4, с. 52]. Другим категориям внебрачных детей такое право предоставлено не было.

Незаконнорожденные дети причислялись к податным сословиям. В «Законах о состояниях» содержалась следующая норма: «Незаконнорожденные, к какому бы званию ни принадлежали их матери, приписываются к податным обществам до совершеннолетия. По достижении совершеннолетия могут оставаться в том звании, в какое приписаны воспитателями, или же избрать по собственному усмотрению другое звание» [15, с. 854–855], [17, прим. к ст. 570]. Таким образом, внебрачный ребенок дворянки и дворянина к дворянам не причислялся. То есть внебрачное рождение влекло за собой умаление в правах состояния [6, с. 445]. Следовательно, законодательство Российской империи было направлено на то, чтобы не допустить передачу прав дворянского сословия внебрачным детям. Незаконнорожденные не приобретали сословных прав не только отца, но и матери [3, с. 744].

Улучшение положения внебрачных детей было возможно путем усыновления или узаконения. Право на усыновление своих внебрачных детей было законодательно закреплено лишь в 1902 г. [18, с. 261].

Институт узаконения внебрачных детей прошел долгий и противоречивый путь развития. По Статуту ВКЛ 1588 г. процедура узаконения не допускалась. Так, в арт. 28 разд. III Статута ВКЛ указывалось, что дети признавались незаконнорожденными даже в том случае, если отец заключал брак с матерью детей [8]. Это же было отражено в примечании к параграфу 288 Свода местных законов, в котором было сказано, что запрет узаконения детей основывался на нормах местного законодательства, которое не признавало узаконения [9, § 288].

В то же время в Российской империи 13 июня 1801 г. впервые на законодательном уровне была определена процедура узаконения: соответствующие прошения об узаконении могли подавать только отец или мать ребенка, а в случае их смерти – брат отца. Также правом обращения с ходатайствами об узаконении обладали опекуны незаконнорожденного, если они могли доказать, что его отец имел намерение просить об узаконении [7, с. 114], [2, с. 375].

В конце декабря 1828 г. вопрос об узаконении внебрачных детей рассматривался в Государственном Совете, где было принято решение о том, что продолжение практики удовлетворения подобных ходатайств не только «неудобно», но и противоречит церковному и светскому законодательству [19, с. 223]. В результате в 1829 г. Высочайшим указом Николая I «все приносимые Его Императорскому Величеству прошения об узаконении незаконнорожденных детей, или воспитанников, а также о сопричтении к законным детей, рожденных до брака, повелено оставлять без движения» [20, с. 528], [12, ст. 144, прим.], [21, с. 53].

Однако и после этого указа ходатайства об узаконении внебрачных детей подавались, вследствие чего в 1858 г. был издан секретный указ для руководства при рассмотрении просьб об узаконении незаконнорожденных. Согласно данному указу просьбы об узаконении

принимались от отца внебрачных детей. Рассмотрение этих ходатайств производилось с предварительного разрешения императора. При вынесении решения учитывались заслуги, «оказанные просителем или теми его детьми, коих он желает узаконить». Необходимо было удостовериться в том, что все дети были рождены не в результате супружеской измены и от той женщины, с которой отец детей впоследствии вступил в брак. Все указанные сведения вместе с заключением представлялись на усмотрение императора [22, с. 5].

Несмотря на то, что эти правила не были обнародованы, впоследствии было издано Высочайшее повеление от 18 июля 1858 г. [23, с. 33–34], которым был регламентирован порядок исполнения указов об узаконении детей, рожденных до брака. В данном документе говорилось, что подобные указы должны были вноситься в Сенат не для опубликования, а лишь «для хранения и объявления о них просителям» [6, с. 428–429].

В 1881 г. было издано высочайшее повеление о пересмотре правил секретного наставления 1858 г. об узаконении добрачных детей. Согласно этому повелению, министром юстиции был выработан проект об узаконении и усыновлении, который был внесен в Государственный Совет в 1890 г. и с небольшими изменениями получил силу закона в виде правил 12 марта 1891 г. [22, с. 6–7], [24, с. 111–114]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных» от 12 марта 1891 г. закрепило условия и процедуру узаконения [24, с. 111–114].

Процедура узаконения осуществлялась двумя способами: посредством брака родителей или по Высочайшему указу [3, с. 729]. Закон 12 марта 1891 г. содержал правила как материального, так и процессуального права. Первые вошли в ст. 144^1 «Свода законов гражданских», вторые – в Устав гражданского судопроизводства (ст. 1460^1–1460^7) [5, с. 92].

Статья 144^1 «Свода законов гражданских» издания 1900 г., введенная в 1891 г., устанавливала следующие правила узаконения: 1) данная процедура распространялась только на христиан; 2) дети узаконялись посредством брака родителей; 3) узаконение детей, рожденных в результате супружеской измены, не допускалось; 4) узаконение осуществлялось в судебном порядке, предусмотренном в Уставе гражданского судопроизводства; 5) узаконенные дети считались законными со дня вступления их родителей в брак и пользовались с этого момента всеми правами законных детей; 6) в случае признания брака родителей недействительным, а также в случае его расторжения права узаконенных детей определялись на том же основании, как и права детей, рожденных в браке [24, с. 112], [13, ст. 144^1].

Узаконение состояло в том, что вступление родителей внебрачного ребенка в брак после его рождения предоставляло ему права законных детей [3, с. 730].

Ходатайствовать об узаконении могли родители узаконяемого, а после смерти родителей – опекуны и сам узаконяемый [25, ст. 1460^{1-2}], [6, с. 477]. По разъяснению Сената, определение суда об узаконении лишь удостоверяло узаконение, но не производило его. Узаконение внебрачных детей было связано непосредственно с браком родителей, а суд только удостоверял факт узаконения [21, с. 16].

Таким образом, с 1891 г. институт узаконения получил четкую законодательную регламентацию. Были определены условия узаконения, а также детально урегулирована его процедура. В результате данной процедуры внебрачные дети получали права законных, что существенно улучшало их правовое положение.

Заключение. Законодательство, которое действовало на белорусских землях в конце XVIII–XIX вв., различало законных и незаконнорожденных детей. Статут ВКЛ 1588 г. закреплял, что дети признавались незаконнорожденными, если они родились не в церковном браке, а также если отец отказался от них. Кроме того, Статут 1588 г. устанавливал, что внебрачные дети не имели права наследования имущества родителей.

Законодательство Российской империи устанавливало конкретные основания для признания детей незаконнорожденными, а также срок, по истечении которого допускалось оспаривание законности рождения (если ребенок родился по истечении 306 дней после прекращения брака вследствие смерти мужа или после расторжения брачного союза). Законодательство Российской империи также лишало внебрачных детей права наследования имущества родителей. Родители, в свою очередь, не имели родительской власти над детьми и не несли по отно-

шению к ним никаких обязанностей. Лишь в 1891 г. дети от недействительного брака получили право на «пропитание, одежду и воспитание» от своих родителей. Одним из средств улучшения положения незаконнорожденных детей являлась процедура узаконения. По Статуту ВКЛ 1588 г. узаконение детей не допускалось. После отмены Статута 1588 г. на белорусских землях получило распространение общеимперское законодательство. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных» от 12 марта 1891 г. закрепило условия и процедуру узаконения. В результате узаконения внебрачные дети получали права законных, что существенно улучшало их правовое положение. При этом данная процедура распространяла свое действие только на лиц христианского вероисповедания. Узаконению не подлежали дети, родившиеся в результате супружеской измены.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.03.2026).

2. Неволин, К. А. Полное собрание сочинений / К. А. Неволин. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца и К°, 1857. – Т. 3 : История Российских гражданских законов. – Ч. 1 : Введение и книга первая о союзах семейственных. – 457 с.

3. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.) : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич, А. Л. Маковский, В. С. Ем. – М. : Статут, 2021. – Т. 2. – 896 с.

4. Вальтер, Н. Незаконнорожденные и закон 12 марта 1891 года об узаконении и усыновлении детей / Н. Вальтер // Журнал гражданского и уголовного права. – 1892. – Декабрь. – С. 1–56.

5. Ананьев, П. А. Право внебрачных детей на узаконение их по закону 12 марта 1891 года / П. А. Ананьев // Журнал Министерства юстиции. – 1900. – Декабрь. – С. 90–113.

6. Загоровский, А. И. Курс семейного права / А. И. Загоровский. – 2-е изд., доп. – Одесса : Тип. Акционерного Южно-Руского О-ва Печатного Дела, 1909. – 564 с.

7. Войнилова, И. Г. Правовое положение незаконнорожденных лиц в России в XIX – начале XX века : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Войнилова Ирина Геннадьевна ; Сарат. гос. юрид. акад. – Саратов, 2020. – 297 с.

8. Статут Великого княжества Литовского 1588 года // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL : https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_perevod_sovrem_rus_str.348-454.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

9. Свод местных законов западных губерний. Проект / ред. М. Я. Пергамент, А. Э. Нольде. – СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1910. – 550 с.

10. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1832. – Т. 10, ч. 1, 2 : Свод законов гражданских и межевых. – 1187 с.

11. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1842. – Т. 10, ч. 1, 2 : Свод законов гражданских и межевых. – 1123 с.

12. Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 10, ч. 1 : Законы гражданские. – 1857. – 604 с.

13. Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 10, ч. 1 : Законы гражданские. – 1900. – 385 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1825–1881. – Т. 35, ч. 2. – 1860. – 634 с.

15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1825–1881. – Т. 38, ч. 1. – 1863. – 940 с.

16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Соб. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 15. – 1885. – С. 1–202.

17. Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 9, ч. 1 : Законы о состояниях. – 1899. – 215 с.

18. Денисенко, Н. В. Правовое положение внебрачных детей в Российской империи в начале XX в. / Н. В. Денисенко // Проблемы социально ориентированного инновационного развития белорусского общества и профсоюзы : матер. XXVIII Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 15 марта 2024 г. / Гомельский филиал Международного университета «МИТСО» ; под общ. ред. С. Д. Колесникова. – Гомель, 2024. – С. 259–261.

19. Полянский, П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе : история формирования отрасли семейного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Полянский Павел Львович. – М., 2016. – 442 с.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1825–1881. – Т. 4. – 1829. – 968 с.

21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1825–1881. – Т. 10, ч. 1. – 1835. – 918 с.

22. Канторович, Я. А. (Орович Я.) Законы об узаконении и усыновлении детей (с объяснениями, извлеченными из мотивов закона 12 марта 1891 г., и с разъяснениями по определениям Правительствующего Сената) / Я.А. Канторович. – СПб. : изд. Я. Конторовича, 1899. – 120 с.

23. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1825–1881. – Т. 36, ч. 3, дополнение к тому 33. – 1861. – 49 с.

24. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III : в 33 т. – СПб. : тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1881–1913. – Т. 11. – 1891. – 685 с.

25. Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1914 года / авт. прил. Г. В. Бертгольдт. – М. : Изд. юрид. книж. магазина «Право» Ф.В. Бусыгина, 1915. – 742 с.

Гомельский государственный
университета имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 22.06.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 347.157.3 EDN: NKKBLL

Эмансипация и правосубъектность несовершеннолетних

Н.В. Копыткова

В статье автор освящает правовые проблемы, связанные с вопросом признания несовершеннолетнего эмансипированным. Дается оценка законодательству, определяющему порядок эмансипации. Рассматривается вопрос брачной дееспособности и возможности заключения брачного договора эмансипированным лицом. На основе анализа доктринальных источников, законодательства в различных сферах правоотношений и судебной практики автор приводит аргументы и делает вывод о влиянии эмансипации на общую правосубъектность несовершеннолетнего. Предлагает внесение изменений и дополнений в Гражданский кодекс и Кодекс Республики Беларусь о браке и семье.
Ключевые слова: эмансипация, дееспособность, опека, правосубъектность, несовершеннолетний, правоотношения, законные представители, брачный договор.

In this article, the author examines the legal issues surrounding the recognition of minors as emancipated. She evaluates the legislation governing the emancipation process. The author examines the issue of marital capacity and the possibility of an emancipated person entering into a marriage contract. Based on an analysis of doctrinal sources, legislation in various areas of legal relations, and judicial practice, the author presents arguments and draws conclusions regarding the impact of emancipation on the overall legal capacity of minors. She also proposes amendments and additions to the Civil Code and the Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family.
Keywords: emancipation, legal capacity, guardianship, legal personality, minor, legal relations, legal representatives, marriage contract.

В советский период развития нашего государства понятие «эмансипация» долгое время не имело правового значения и особого юридического смысла. Эмансипация воспринималась как элемент социального явления, под которой понимается «освобождение от зависимости» [1, с. 834]. Однако экономические и социальные преобразования, появление возможности заниматься предпринимательской деятельностью, защищать частную собственность постепенно привели к изменению образа мышления, ценностных установок, свойственных отдельному человеку. Человек несколько иначе стал воспринимать происходящее, реагировать на события и принимать решения с точки зрения юриспруденции, что способствовало восприятию эмансипации в качестве правовой категории и привело к зарождению соответствующего правового института. С развитием цифровых технологий, информационно-коммуникационных средств связи, интернет-торговли несовершеннолетние подростки стали самостоятельно решать ряд вопросов, которые в соответствии с законодательством они должны это делать либо с согласия родителей, либо сами родители должны принимать за них решение.

По общему правилу правовая самостоятельность человека наступает с момента достижения им совершеннолетия. Согласно Конвенции ООН «О правах ребенка» «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» [2]. В Республике Беларусь совершеннолетие и полная гражданская дееспособность наступает с достижением 18 лет (ст. 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)) [3]. С этого момента гражданин может своими действиями приобретать, осуществлять гражданские права, создавать для себя обязанности и нести гражданско-правовую ответственность.

Действующий ГК содержит ряд неизвестных советскому законодательству положений, в том числе и право приобретения полной гражданской дееспособности несовершеннолетними гражданами. Для предприимчивых детей, которые осваивают новые тренды, умеют критически мыслить и принимать правильные решения законодатель предусмотрел процедуру эмансипации.

Разрешение несовершеннолетнему человеку приобрести полную дееспособность в порядке эмансипации продиктовано с одной стороны необходимостью их защиты в трудовых

отношениях и в сфере предпринимательства, а с другой – необходимостью обеспечения их нанимателю и партнерам по бизнесу уверенности в том, что эмансипированный будет сам в полном объеме отвечать по принятым на себя обязательствам, в том числе и по обязательствам из причинения вреда.

Согласно ГК несовершеннолетний, достигший 16 лет может быть объявлен полностью дееспособным (эмансипированным) в двух случаях: 1 – если он работает по трудовому договору, 2 – если он занимается предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с согласия одного из законных представителей. Решение об эмансипации принимают органы опеки и попечительства с согласия обоих его законных представителей, а при отсутствии их согласия – по решению суда (ст. 26 ГК). При отсутствии согласия законных представителей, несовершеннолетний самостоятельно может обратиться в суд по месту своего жительства в соответствие со ст. 377 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [4].

Анализ ст. 26 ГК вызывает сомнения в корректности ее формулировки в части необходимости получения согласия *обоих* законных представителей несовершеннолетнего. При отсутствии родителей (либо они лишены родительских прав) у подростка может оказаться лишь один законный представитель. Так, согласно Кодеку Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) у ребенка может быть один усыновитель – мужчина или женщина, либо один попечитель [5]. У ребенка, находящегося в детском доме или интернате, законным представителем является само детское учреждение в лице его руководителя, при этом специального решения органов опеки о назначении конкретного лица-попечителя для этого не требуется. Приемная семья может заменять интернатное учреждение, при этом приемными родителями могут быть не только супруги, но и отдельные граждане. Исходя из действующей нормы о согласии обоих представителей, не представляется возможным принятие решения об эмансипации в отношении вышеуказанных детей, хотя действующее законодательство свидетельствует об обратном. Например, п. 24 Положения о приемной семье допускает принятие органами опеки и попечительства решения об эмансипации приемного ребенка [6].

В доктрине гражданского прав ведется дискуссия по вопросу влияния эмансипации на общую (универсальную) правосубъектность физического лица. Несомненно, универсальная правосубъектность дает возможность быть полноправным участником во всех сферах правоотношений. Речь идет не только о гражданской правоспособности и дееспособности, но и о других видах отраслевой правосубъектности – трудовой, семейной, административной и др.

Эмансипация, как институт гражданского права, предполагает приобретение несовершеннолетним всех прав и обязанностей только в гражданско-правовых отношениях. В частности, у несовершеннолетнего появляется полная сделкоспособность, т. е. он вправе самостоятельно заключать сделки по распоряжению своим имуществом и нести ответственность по своим гражданско-правовых обязательствам. В социальных, трудовых, семейно-правовых отношениях, в решении многих административных вопросов несовершеннолетний, как правило, остается ребенком. Так, согласно закону «О пенсионном обеспечении» право на пенсию по случаю потери кормильца имеют дети, не достигшие 18 лет (п. а ст. 35) [7]. Эмансипация не влияет на трудовую правоспособность несовершеннолетнего. На него продолжают распространятся все гарантии, предусмотренные Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее – ТК). Так, действующее трудовое законодательство устанавливает ограничения на условия труда, сокращенное рабочее время, порядок увольнения несовершеннолетнего и т. п. Так, согласно с. 114 ТК трудовая неделя несовершеннолетних от 16 до 18 лет должна составлять не более 35 часов, когда взрослые должны трудиться не более 40 часов; согласно ст. 276 ТК их нельзя привлекать к ночным работам, оплата труда при сокращенном рабочем дне должна быть в таком же размере как у работников с полной продолжительностью рабочего дня; при ряде обстоятельств уволить несовершеннолетнего можно только с согласия комиссии по делам несовершеннолетних и другие гарантии [8].

Если нормы гражданского права признают эмансипированное лицо полностью дееспособным, то это не означает, что это лицо обладает полной семейно-правовой правосубъектностью. В силу брачно-семейного законодательства, решение органов опеки и попечительст-

ва о признании несовершеннолетнего эмансипированным автоматически не дает ему права на вступление в брак до достижения 18 лет. Эмансипация – это лишь одно из оснований для принятия органами ЗАГСа решения о снижения брачного возраста. Когда решение об эмансипации принимают органы опеки и попечительства они руководствуются определенными критериями, главным из которых является способность несовершеннолетнего самостоятельно принимать решения по имущественным и иным гражданско-правовым вопросам, а у работников ЗАГСа другие критерии – они оценивают его готовность нести ответственность за семью и за воспитание детей. Тем более, что законодатель указал в ст. 16 КоБС, что в случае эмансипации орган, регистрирующий акты гражданского состояния *может* снизить брачный возраст, но *не обязан* этого делать. Полагаю, что законодатель обоснованно не признал эмансипацию безусловным основанием вступления в брак до достижения 18 лет. Вполне вероятно, что работники ЗАГСа не станут давать разрешение на снижение брачного возраста эмансипированному лицу в виду того, что посчитают его не готовым создавать семью и заниматься воспитанием детей. Это имеет практическое значение и правовые последствия, так как в случае отказа снижения брачного возраста родившегося ребенка у несовершеннолетнего лица можно будет передать под опеку более ответственным взрослым людям, например, родителям эмансипированного, с целью обеспечения и защиты интересов этого ребенка.

В научных кругах ведется дискуссия относительно семейно-правовой ответственности эмансипированных лиц. Так, согласно ст. 100–102 КоБС нетрудоспособные нуждающиеся в помощи родители вправе взыскать алименты со своих взрослых детей. В связи с этим, представляет интерес судебное дело, связанное с взысканием алиментов матерью со своей дочери. Истица М. заявила в суде, что хочет взыскать алименты с 17-летней дочери Н., в отношении которой с ее согласия органы опеки и попечительства приняли решение об эмансипации. С 14 лет Н. трудилась в качестве модели и к 17 годам уже имела приличные доходы, которые она решила потратить на образование и развитие бизнеса. Мать заявила в суде, что имеет двухлетнего ребенка, находится в декретном отпуске, алиментов от отца ребенка не получает и нуждается в деньгах. Суд отказал в удовлетворении требований М., так как согласно законодательству, алименты можно взыскать только с *совершеннолетних* трудоспособных детей (ст. 100 КоБС) [9]. Таким образом, решением об эмансипации дочь была признана полностью *дееспособной,* но это *не сделало ее совершеннолетней*, для чего требуется достижение восемнадцатилетнего возраста.

Несмотря на то, что на брачный договор распространяются многие нормы гражданского законодательства, тем не менее его нельзя назвать чисто гражданско-правовой сделкой, так как этот договор неразрывно связан с личностью его участников. Коме того, согласно белорусскому брачно-семейному законодательству, брачный договор может определять не только судьбу имущества супругов, но и вопросы личного характера, включая соглашение о воспитании и содержании детей (ст. 13 КоБС). В соответствии со ст. 23 КоБС сторонами брачного договора могут быть супруги или лица, вступающие в брак. Могут ли заключить брачный договор эмансипированные лица без согласия своих законных представителей? Ответ представляется не однозначным. Если эту проблему рассматривать с точки зрения гражданской правосубъектности, то ответ будет положительным. Однако этот договор не будет иметь никакого правового значения, если органы ЗАГСа не примут решение о снижении брачного возраста в связи с эмансипацией. Кроме того, в ст. 76 [1] КоБС указано, что соглашение о детях могут заключать только супруги. Надо полагать, что в такой ситуации условия брачного договора о воспитании детей, заключенного эмансипированным лицом до вступления в брак, будут недействительными. Соглашусь с мнением Е.А. Чефрановой, которая указывает на то, что «в случае снижения брачного возраста в установленном законом порядке жених или невеста приобретают право на заключение брачного договора только после регистрации заключения брака, произведенной в соответствии с принятым компетентным органом решением» [10].

Таким образом, для того, чтобы быть «лицом, вступающим в брак», как этого требует ст. 13 КоБС при заключении брачного договора, изначально необходимо разрешение органа, регистрирующего брак о снижении брачного возраста на основании признания лица эмансипированным. Однако определять в брачном договоре условия о воспитании детей могут только лица, уже вступившие в брак, т. е. супруги.

Представляется нелогичной норма ст. 120 КоБС, согласно которой не допускается усыновление детей, которые приобрели полную гражданскую дееспособность. Еще можно согласиться с тем, что несовершеннолетний приобрел полную дееспособность в связи с вступлением в брак (п. 2 ст. 20 КоБС), но почему нельзя усыновить эмансипированного несовершеннолетнего ребенка? Возможно, он вынужден был пойти на это, чтобы иметь материальные средства на самое необходимое для жизни, однако закон лишает его права быть под защитой усыновителей по многим другим вопросам, выходящим за пределы гражданско-правовых сделок. При усыновлении детей основной акцент должен быть сделан на тот факт, что дети остались без попечения родителей и им нужна поддержка взрослых, а не считать главным аргументом наличие у этого ребенка полной сделкоспособности. Более разумным путем пошел российский законодатель, указав в ст. 124 Семейного кодекса [11] на то, что усыновление допускается в отношении *несовершеннолетних детей*, а не только в отношении полностью или частично недееспособных, что является абсолютно разными правовыми категориями.

Для получения определенных прав и обязанностей в рамках публичных правоотношений законодательством устанавливается возрастной ценз и, как правило, это достижение совершеннолетия. Согласно Закону «О воинской обязанности и воинской службе» (ст.30) обязанность прохождения воинской службы возникает по достижении 18 лет [12]. Законом «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непищевой спиртосодержащей продукции и непищевого этилового спирта» установлен запрет на продажу алкогольных напитков лицам моложе 18 лет [13]. Обязательным условием ст. 25 Закона «О дорожном движении» является достижение 18-летнего возраста для получения водительских прав на вождение легковых и грузовых автомобилей, а также мотоциклов [14]. Можно еще много приводить примеров из сферы законодательства, где совершеннолетие является определяющим фактором для участия в тех или иных правоотношениях и эмансипация не имеет решающего значения.

Проведенный анализ белорусского законодательства позволил предложить изменения некоторых положений ГК и КоБС:

1. В силу определенных правовых ситуаций (например, ребенок усыновлен или находится под попечительством одного лица, либо находится в детском учреждении и т. п.) у несовершеннолетнего лица может быть лишь один законный представитель. Представляется разумным внести дополнение в ст. 26 ГК и сформулировать второй абзац 2 ч. 1 в следующей редакции: «Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органов опеки и попечительств с согласия обоих его законных представителей, а при наличии одного законного представителя в случаях, предусмотренных законом, с согласия этого представителя, а при отсутствии такого согласия – по решению суда».

2. В связи с тем, что в результате эмансипации несовершеннолетний не приобретает полной правосубъектности и во многих правоотношениях требуется защита его интересов законными представителями, а также с целью обеспечения правовой защиты детей, оставшихся без попечения родителей, представляется обоснованным внесение изменений в ст. 120 КоБС и предлагается первый абзац ч. 1 изложить в следующей редакции: «Усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей, оставшихся без попечения родителей».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что решение о признании несовершеннолетнего эмансипированным в наибольшей степени влияет на его гражданско-правовой статус, в меньшей степени это находит отражение в семейно-правовых отношениях, и практически не влияет на его правовой статус в трудовых и административных правоотношениях, где достижение совершеннолетия имеет определяющее юридическое значение. Для обладания полной правосубъектностью необходима социальная зрелость физического лица во всех ее проявлениях.

Следует признать, что в результате эмансипации изменяется правовой статус несовершеннолетнего, так как он становится полностью дееспособным и несет самостоятельную ответственность по своим гражданско-правовым обязательствам, но при этом в публично-правовой сфере, как правило, за ним сохраняется статус ребенка.

Литература

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1973. – 846 с.

2. Конвенция ООН о правах ребенка : Вступила в силу для Респ. Беларусь 31 окт. 1990 г. – URL : https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=i08900006 2 (дата обращения : 06.03.2026).

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 24 июня 1999 г. № 278-З (с изм. и доп. на 23.04.26 г.) // Консультант Плюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2026).

4. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь : 11 марта 2024 г. № 359-З: // Консультант Плюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2026).

5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 24 июня 1999 г. № 278-З: (с изм. и доп. на 09.12.2025 г.) // Консультант Плюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2026).

6. Об утверждении Положения о приемной семье : постановление Сов. Мин. Респ. Беларусь от 28.10.1999 № 1678 : в ред. пост. Сов. Мин. Респ. Беларусь от 17.07.2012 № 659 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL : http://www.pravo.by (дата обращения: 06.03.2026).

7. О пенсионном обеспечении : Закон от 28 октября 2008 г. № 433-З (с изм. и доп. от 09.12.2025 № 112-З) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL : http://www.pravo.by (дата обращения: 06.03.2026).

8. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 24 июня 1999 г., № 278-З (с изм. и доп. на 09.12.25) // Консультант Плюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2026).

9. Дела судебные с Еленой Кутьиной. Новые истории. Эфир от 24.12.25. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=mY84ENGgzFM&list=PLxIfg9LzJfGfn6pS_Bm_X0N8Pg4pGnfQb&index=2 (дата обращения: 06.03.2026).

10. Чефранова, Е. А. К вопросу о механизме правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве / Е. А. Чефранова // Российский судья. – 2006. – № 7. – С. 3

11. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026). – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (дата обращения: 06.03.2026).

12. О воинской обязанности и воинской службе : Закон от 5 ноября 1992 г. № 433-З (с изм. и доп. от 03.04. 2024 г. № 363-З) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL : http://www.pravo.by (дата обращения: 06.03.2026).

13. О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непищевой спиртосодержащей продукции и непищевого этилового спирта : Закон Респ. Беларусь от 27 авг. 2008 г. № 429-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (с изм. и доп. от 05. 01 2024 г. № 345-З) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL : http://www.pravo.by (дата обращения: 06.03.2026).

14. О дорожном движении : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2008 г. № 313-З (с изм. и доп. от 13.02.2025 г. № 59-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL : http://www.pravo.by (дата обращения: 06.03.2026).

Гомельский государственный
университета имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 06.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 343.9 EDN: TFOUCH

Убийство прошлых лет: понятийный и криминологический аспекты

О.Г. Малаха, А.Э. Набатова

В статье рассматриваются понятие убийства прошлых лет и криминологические аспекты данного преступления, связанные с количественными показателями и структурой личности преступника. Предлагается определение термина «убийство прошлых лет» на основе нормативного определения «преступление прошлых лет», закрепленного в совместном постановлении правоохранительных органов Республики Беларусь, и приведены количественные и качественные показатели исследуемого преступления.
Ключевые слова: убийство, убийство прошлых лет, преступление, приостановление, структура личности преступника.

This article examines the concept of past murder and the criminological aspects of this crime, related to quantitative indicators and the perpetrator's personality structure. A definition of the term «past murder» is proposed based on the regulatory definition of «past crime» established in a joint resolution of law enforcement agencies of the Republic of Belarus. Quantitative and qualitative indicators of the crime under study are presented.
Keywords: murder, past murder, crime, suspension, perpetrator's personality structure.

Убийство – особо тяжкое преступление против жизни. К противоправным посягательствам на жизнь другого человека всегда приковано внимание правоохранительных органов и научного сообщества в связи с тем, что, с одной стороны, убийства требуют незамедлительного реагирования по их раскрытию и расследованию, с другой, адекватного исследования для поиска эффективного инструментария по противодействию и предупреждению, минимизации трагических последствий. На наш взгляд, особое место среди различных видов убийств занимают убийства прошлых лет, так как на протяжении долгого времени они остаются нераскрытыми, а преступники находятся на свободе, что не исключает их дальнейшую противоправную деятельность, формирует чувство вседозволенности и безнаказанности. Указанные аргументы являются основанием для актуализации данной проблематики и изучения как с теоретических, так и прикладных аспектов.

Таким образом, *объектом* нашего исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в ходе определения понятия «убийство прошлых лет», и закономерности формирования криминологической информации о преступлении и личности преступника. *Цель* заключается в определении понятия «убийство прошлых лет» на современном этапе и демонстрировании количественных и качественных показателей о данном виде убийств и личности преступника. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи:* 1) проанализировать мнения ученых-криминалистов, касающиеся рассматриваемого вопроса, и определить понятие «убийство прошлых лет» на современном этапе; 2) определить количественные и качественные показатели и структуру личности преступника.

Говоря о *теоретической основе* исследования, отметим следующее. Проблематика убийств в научной литературе представлена весьма широко. В разное время исследовались вопросы квалификации убийств, организации и методики их раскрытия, расследования и предупреждения, криминологического изучения личности преступника, механизма преступного поведения и др. Среди ученых, обращавшихся к исследованию преступлений против жизни, можно отметить В.А. Ананича, О.В. Артюшину, М.В. Архипову, Т.О. Бозиева, В.С. Бурданова, П.В. Булгакову, В.А. Волынского, Е.А. Егорову, А.Г. Генушева, В.И. Иванова, В.Н. Карагодина, В.П. Колмакова, В.П. Лаврова, И.И. Лузгина, Г.Н. Мудьюгина, Г.Н. Мухина, В.Ю. Низамова, Е.А. Редькину, Д.В. Синькова, К.А. Трошину, В.М. Хомича, А.С. Часнока, И.А. Шулину, Я.М. Яковлева и др.

В *эмпирическую основу* исследования вошли статистические данные, размещенные на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь в разделе «Правосудие и правонарушения» [1], результаты анализа практики по расследованию преступлений прошлых лет

управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области (далее – УСК) [2], а также сводки из новостной ленты о расследовании преступлений прошлых лет, размещенные на официальном сайте Следственного комитета Республики Беларусь (sk.gov.by) [3].

Переходя к решению поставленных нами задач, следует указать на то, что отдельные аспекты, связанные с организацией деятельности следователя по уголовному делу об убийствах прошлых лет, рассматривались в криминалистической и уголовно-процессуальной науке. Однако до сих пор в литературе остается дискуссионным вопрос о понятии «убийство прошлых лет». Присоединяясь к существующей дискуссии, предпримем попытку по его определению на современном этапе. Следует отметить, что интерпретация термина «преступление прошлых лет», а равно и «убийство прошлых лет» изменялась в научных исследованиях на протяжении нескольких десятилетий. Например, по мнению В.П. Лаврова, «под преступлениями прошлых лет следует понимать совокупность преступлений, дела о которых были возбуждены ранее 1 января текущего года и затем по истечении срока расследования приостановлены за необнаружением виновных» [4, с. 12].

С точки зрения А.Г. Гнеушева, «преступлениями прошлых лет следует считать нераскрытые зарегистрированные за все истекшие годы преступления, дела по которым приостановлены производством, если по ним не истекли сроки давности привлечения виновных к уголовной ответственности, а также нераскрытые преступления, выявленные и зарегистрированные в конце прошлого года, производство по которым продолжалось в начале текущего года» [5, с. 68]. В.Ю. Низамов определяет убийство прошлых лет как убийства, не раскрытые по истечении года со дня возбуждения уголовного дела и (или) предварительное следствие по делам о которых приостановлено на срок более года, в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, или подозреваемый (обвиняемый) скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам [6, с. 14–15].

Существуют и другие определения данного понятия, однако единого взгляда на то, что же все-таки следует понимать под убийством прошлых лет до настоящего времени не выработано. Как видится, для сложившейся ситуации есть несколько причин. Во-первых, имеет место большое количество исследований, посвященных проблематике убийств, а ученые, формируя очередное определение, таким образом, стремятся внести свой вклад в науку. Во-вторых, убийство прошлых лет – это междисциплинарное понятие, в котором необходимо учесть подходы уголовного права, уголовного процесса, криминологии, криминалистики, что делает формализацию содержательной интерпретации весьма затруднительной. В-третьих, убийство прошлых лет по своему содержанию не правовое, а организационно-методическое понятие и имеет первостепенное значение для оптимизации деятельности по раскрытию и расследованию данных преступлений.

Разрешить сложившуюся ситуацию призвано постановление Следственного комитета Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 21 сентября 2018 г. № 197/272/8 «О некоторых вопросах взаимодействия подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, органов внутренних дел Республики Беларусь и экспертных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при расследовании преступлений прошлых лет и уголовных дел прошлых лет» (далее по тексту – Постановление) [6]. В нем дается определение преступления прошлых лет, под которым следует понимать преступление, предварительное расследование по уголовному делу о котором приостанавливалось по основаниям, предусмотренным п. 1–5 ч. 1 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (далее – УПК) или п. 1–3 ст. 194 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 29 декабря 1960 г., до начала текущего года. К таким основаниям относятся: 1) неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого; 2) когда обвиняемый скрылся от органа уголовного преследования либо когда по иным причинам не установлено его местонахождение; 3) когда местонахождение обвиняемого известно, однако отсутствует реальная возможность его участия в производстве по уголовному делу в связи с рассмотрением вопроса о выдаче иностранным государством, а также в связи с невозможностью по объективным причинам прибыть к месту производства предварительного след-

ствия в случае нахождения его за пределами Республики Беларусь; 4) временного психического расстройства (заболевания) или иного заболевания обвиняемого, препятствующих его участию в производстве процессуальных действий и удостоверенных врачом, работающим в государственной организации здравоохранения; 5) невозможности производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного следствия.

Данный алгоритм по отнесению уголовных дел к категории прошлых лет применяется на практике ко всем категориям противоправных деяний, включая убийства. В следственной деятельности довольно часто встречаются случаи, когда по факту убийства возбуждается уголовное дело в последние месяцы года, а предварительное расследование приостанавливается в последние недели года. По общему правилу с наступлением 1 января такое убийство можно считать «убийством прошлых лет».

Таким образом, взяв за основу критерии, упомянутые в Постановлении, определим, что *под убийством прошлых лет следует понимать убийство, вне зависимости от времени его совершения, выявления или регистрации, по уголовному делу о котором предварительное расследование приостанавливалось по основаниям, предусмотренным УПК до 1 января текущего года.*

Переходя к количественным и качественным показателям, структуре личности преступника по убийствам прошлых лет, констатируем следующее. На территории Республики Беларусь данные преступления регистрируются ежегодно. В подтверждение заявленному тезису приведем некоторые количественные показатели [1] (таблица 1).

Таблица 1 – Количественные показатели преступности за 2021–2025 г.

Количественные показатели	Годы				
	2021	2022	2023	2024	2025
Всего преступлений по Республике	87 696	88 555	85 374	73 270	63 929
Число несовершеннолетних, совершивших убийства	4	2	2	3	1
Число женщин, совершивших убийства	52	49	52	30	21
Число лиц, осужденных за убийство	317	227	238	174	138
Число лиц, потерпевших по делам об убийствах	321	273	251	202	169

Как видим из приведенных данных, количественные показатели по убийствам из общего числа зарегистрированных преступлений и лицам, осужденным за убийства, сохраняют определенную динамику с ежегодным снижением, что свидетельствует о положительной тенденции. Однако фиксируется определенный процент преступлений, за которые виновное лицо так и не было привлечено к уголовной ответственности. Согласно информационно-справочным материалам следственного управления УСК, можно отметить следующее: 1) общее количество преступлений прошлых лет (далее – ППЛ) по стране, предварительное следствие по которым приостановлено по различным основаниям, предусмотренным ст. 246 УПК, на 1 января 2026 г. составляет *74 680*; 2) из них: 798 по ст. 139 (убийство) Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК); 373 по ст. 100 (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах) УК 1960 г.; 278 по ст. 101 (умышленное убийство) УК 1960 г. [2].

Таким образом, можно констатировать, что от общего количества ППЛ процент убийств прошлых лет составляет 1,94 %. На первый взгляд такой показатель воспринимается как относительно небольшой. Однако в количественном выражении по *1 449* убийствам предварительное следствие и течение сроков давности приостановлено (ст. 83 УК). Приведенные данные свидетельствует о необходимости совершенствования организационно-тактических и методических подходов к расследованию преступлений данной категории в целях реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенное особо тяжкое преступление. Как видится, для достижения поставленной цели необходимо исследовать личность преступника, совершившего убийство прошлых лет. Итак, личность преступника – это совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе влияния внешней, виртуальной сред, многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми, которые определяют причины формирования криминальной мотивации и совершения преступления [8, с. 9].

В рамках исследования структуры личности преступника автором были изучены результаты анализа практики Следственного комитета Республики Беларусь по расследованию 31 уголовного дела об убийствах прошлых лет, содержащиеся в новостной ленте ведомства на сайте [3]. Так, были определены следующие критерии: 1) *возраст обвиняемого* (в отличие от традиционного криминологического подхода, где возраст фиксируется на момент совершения преступления, использование «фактора старения преступника» предполагает анализ возраста на момент раскрытия. Это обусловлено тем, что в промежутке между совершением и раскрытием преступления личность претерпевает психологические, физиологические и социальные изменения. Наличие и учет этого фактора оказывает значительное влияние на процесс раскрытия и расследования убийств прошлых лет, поскольку поиск преступника осуществляется в настоящем [9, с. 38]. Так, лица в возрасте 20–30 лет – 8 % (2 чел.), 30–40 лет – 28 % (7 чел.), 40–50 лет – 44 % (11 чел.), 50–60 лет – 4 % (1 чел.), 60 лет и более – 16 % (4 чел.); 2) *пол преступника* (убийства, совершенные мужчинами составили 94,6 %, женщинами – 5,4 %); 3) *состояние алкогольного опьянения* (в момент совершения противоправного лишения жизни в состоянии алкогольного опьянения находились 45,2 % обвиняемых); 4) *убийство, совершенное с особой жестокостью* – 61,3 %; 5) *совершенное группой лиц* – 29,0 %; 6) убийство двух и более лиц – 12,9 %; 7*) совершенное лицом, ранее судимым* – 71 % (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Качественные и количественные показатели структуры личности преступника

Критерий оценки	Количество, %
В состоянии алкогольного опьянения	45,2 %
Совершенные с особой жестокостью	61,3 %
Совершенные группой лиц	29,0 %
Убийство двух и более лиц	12,9 %
Совершенное лицом, ранее судимым	71,0 %
Пол обвиняемого	М – 94,6 % / Ж – 5,4 %

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что высокий процент рецидива свидетельствует о стойкой антисоциальной направленности личности, особая жестокость указывает на повышенную агрессивность и пренебрежение к социальным нормам, а нахождение в состоянии алкогольного опьянения выступает одним из ключевых факторов ситуационной детерминации преступного поведения.

Наличие перечисленных выше характеристик в структуре личности преступника можно продемонстрировать на следующем примере из практики. Так, в 2005 г. в д. Большая Мощаница Белыничского района произошло убийство шести человек. Жертвами явились 48-летняя женщина и ее сожитель 53 лет, 27-летняя дочь хозяйки дома, ее молодой человек и двое малолетних детей. Обвиняемыми оказались пять ранее судимых мужчин, которые в состоянии алкогольного опьянения с корыстной целью и особой жестокостью топором, кирпичом и другими предметами нанесли потерпевшим множество телесных повреждений. На телах жертв эксперты зафиксировали многочисленные колотые, резаные, рубленые и рваные раны. Отметим, что данное убийство было раскрыто спустя 15 лет благодаря ольфакторной экспертизе и новым доказательствам [3].

В завершении целесообразно сделать следующие выводы:

1. Под убийством прошлых лет следует понимать убийство, вне зависимости от времени его совершения, выявления или регистрации, по уголовному делу о котором предварительное расследование приостанавливалось по основаниям, предусмотренным УПК до 1 января текущего года.

2. Несмотря на тенденцию снижения количественных показателей по исследуемому деянию, проблема убийств прошлых лет не теряет своей актуальности для Республики Беларусь, о чем свидетельствуют статистические данные. Так, по 1 449 убийствам предварительное следствие приостановлено, а лица их совершившие не установлены.

3. В структуре личности преступника наблюдается высокий процент рецидива, что свидетельствует о стойкой антисоциальной направленности личности, особая жестокость указывает на повышенную агрессивность и пренебрежение к социальным нормам, а нахождение в

состоянии алкогольного опьянения выступает одним из ключевых факторов ситуационной детерминации преступного поведения. По полу – 94,6 % убийства прошлых лет совершены мужчинами, по возрасту – наибольшее число лиц прибывало в возрасте от 40 до 50 лет.

4. В целях реализации принципа неотвратимости ответственности за совершение убийств прошлых лет необходимо продолжить изучение данной проблематики на теоретическом и эмпирическом уровнях, разработку современных прикладных инструментов по совершенствованию организации и тактики расследования дел рассмотренной нами категории.

Литература

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL : https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000012 (дата обращения: 25.03.2026).

2. Информационно-справочные материалы УСК о результатах расследования преступлений прошлых лет за 2025 год.

3. О расследовании убийств прошлых лет. – URL : sk.gov.by (дата обращения: 25.03.2026).

4. Лавров, В. П. Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет / В. П. Лавров. – М. : Акад. МВД СССР, 1979. – 212 с.

5. Гнеушев, А. Г. О понятии преступлений прошлых лет / А. Г. Гнеушева // Науч. тр. Омской высш. шк. МВД СССР. – 1979. – Вып. 31. – С. 64–71.

6. Низамов, В. Ю. Вопросы теории и практики расследования и раскрытия убийств прошлых лет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Низамов Вячеслав Юрьевич ; Байк. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2005. – 24 с.

7. О некоторых вопросах взаимодействия подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, органов внутренних дел Республики Беларусь и экспертных подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при расследовании преступлений прошлых лет и уголовных дел прошлых лет : постановление Следств. ком. Респ. Беларусь, Мин-ва внутрен. дел Респ. Беларусь и Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь от 21 сент. 2018 г. № 197/272/8 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.03.2026).

8. Антонян, Ю. М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – М. : Норма : ИНФА-М, 2015. – 368 с.

9. Главницкий, К. Н. Организация расследования убийств прошлых лет : дис. … м-ра юрид. наук : 1-24 80 01/ Главницкий Константин Николаевич. – Минск : Академия МВД, 2020. – 102 л.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 10.04.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 342.4 EDN: SERQEL

Конституционное регулирование науки и инноваций: Республика Беларусь и зарубежный опыт

Т.С. Масловская

В статье рассматриваются подходы к конституционному регулированию науки и инноваций в зарубежных странах. Исследуется эволюция конституционного регулирования данной сферы в Республике Беларусь. Анализируются последние конституционные реформы в некоторых зарубежных странах. Делается вывод о целесообразности расширения конституционного регулирования науки, инноваций, признавая их развитие в качестве стратегического направления деятельности государства.
Ключевые слова: наука, инновации, конституция, конституционные реформы, Республика Беларусь, зарубежные страны.

This article examines the approaches to constitutional regulation of science and innovation in foreign countries. It examines the evolution of constitutional regulation in this area in the Republic of Belarus. Recent constitutional reforms in several foreign countries are analyzed. It concludes that expanding constitutional regulation of science and innovation is advisable, recognizing their development as a strategic direction for the state.
Keywords: science, innovation, constitution, constitutional reforms, Republic of Belarus, foreign countries.

На современном этапе перехода государства к новому технологическому укладу повышенное внимание уделяется вопросам науки и инноваций, их роль значительно возрастает. Развитие государства и общества опирается на фундаментальные и прикладные научные исследования. В связи с тем, что наука оказывает огромное влияние на современный этап научно-технологического развития государства, во многом обеспечивая эффективность функционирования экономики и государства в целом, необходимость конституционного регулирования науки и инноваций не вызывает сомнений. Учитывая различные подходы к такому регулированию в зарубежных странах, а также последние проведенные конституционные реформы в отдельных зарубежных странах, обращение к данному вопросу представляет определенный научный интерес.

Конституция государства регулирует наиболее важные и существенные общественные отношения, имеющие в конкретный исторический период принципиальное и приоритетное значение. Действующие учредительные акты различных государств мира демонстрируют разные подходы к нормативному закреплению отношений в области науки и инноваций. Отметим, что многие действующие «старые» конституции (например, Конституция США 1787 г.) не содержат подобных положений. Вместе с тем, чем современнее конституции, тем более новые положения включаются в их тексты, отражающие не только общие положения, относящиеся к сфере науки, но и специальные нормы, направленные на решение новых конкретных технологических задач (биотехнологии, цифровые технологии и др.).

Подавляющее большинство действующих зарубежных конституций закрепляет свободу науки, научного и иного творчества (например, ч. 3 ст. 5 Основного Закона ФРГ 1949 г. провозглашает свободу науки и исследований; ст. 23 Конституции Японии 1946 г. – свободу научной деятельности; ч. 1 ст. 43 Конституции Словакии 1992 г., ст. 20 Конституции Швейцарии 1999 г. – свободу научных исследований, ч. 1 ст. 42 Конституции Португалии 1976 г. – свободу интеллектуального, научного творчества и др.), признание и охрану права на техническое, научное творчество (ч. 1 ст. 20 Конституции Испании 1978 г.) либо положение о поощрении государством научных и технических исследований (ч. 1 ст. 9 Конституции Италии 1947 г.), стимулировании и поддержке государством научного творчества и открытий, технологических инноваций (ч. 4 ст. 73 Конституции Португалии 1976 г.). Интерес представляет ст. 20 Конституции КНР 1982 г., которая детализирует политику государства в сфере науки: государство развивает естественные и общественные науки, популяризует научно-технические знания, поощряет достижения в научно-исследовательской работе, изобретения и открытия в области техники.

Таким образом, анализ некоторых зарубежных конституций показывает, что конституционная регламентация науки связана с правовым статусом личности, определяя его как субъективное право (право на занятие научной деятельностью), либо провозглашая принци-

пы занятия научной деятельностью (свобода научной деятельности) либо с направлением государственной политики, а в некоторых случаях объединяет два указанных подхода в конституционном регулировании данной сферы.

Необходимо отметить, что помимо *общих положений, связанных с научными исследованиями*, современные конституции обогащаются *специальными положениями*, которые можно назвать «конституционной реакцией», конституционным ответом на новшества, появившиеся в результате развития науки и технологий (например, положения об уважении достоинства человеческой личности в контексте биоэтики, об уважении личных данных в цифровом контексте, в том числе защите персональных данных). И наоборот, определенные конституционные положения могут быть вызваны научно доказанными открытиями (например, вредный характер различных форм загрязнения как для здоровья, так и для окружающей среды). Так, в конституции вносятся различные положения, вытекающие из научных открытий и учитывающие риски, которые влекут за собой некоторые из них. В этой связи можно упомянуть положения об экономичном и рациональном потреблении энергии, в частности ископаемого топлива, развитии исследований в области возобновляемых источников энергии, генной инженерии. В частности, Конституция Швейцарии 1999 г. содержит нормы о запрете клонирования или любого вмешательства в генотип человеческих гамет и эмбрионов, о защите от злоупотреблений в области генной инженерии (ст. 119), Конституция Армении 1995 г. в ред. 2015 г. закрепляет, что в областях медицины и биологии в частности запрещаются евгенические опыты, превращение органов и тканей человека в источник прибыли, репродуктивное клонирование человека (ч. 3 ст. 25).

Таким образом, данные конституционные положения стараются идти в ногу с ходом исследований и предотвращать, насколько это возможно, определенные последствия, которые могут возникнуть в результате новых открытий. В целом, проблемы, связанные с новыми технологиями, все чаще прямо прописываются в конституциях. Однако технологии искусственного интеллекта на сегодняшний день не отражены в конституционных текстах.

Современные постсоветские конституции, принятые за последние три десятилетия и относящиеся к четвертому этапу конституционного развития, лаконично или более детализировано *определяют роль науки в государстве*, закрепляя содействие развитию или поддержку науки со стороны государства.

В первую очередь речь идет *о государственной поддержке науки, содействии или поощрении ее развития*. Так, в Конституции Республики Армения 1995 г. в ред. 2015 г. закреплено, что содействие развитию науки и культуры – одна из основных задач государства в экономической, социальной и культурной сферах. В Конституции Азербайджанской Республики 1995 г. с изм. и доп. 2016 г. установлено, что государство оказывает содействие развитию науки. Согласно Конституции Республики Беларусь 1994 г. с изм. и доп. 2022 г. государство содействует развитию культуры, научных и технических исследований на благо общих интересов (ч. 4 ст. 51). Государство поощряет научное, техническое и художественное творчество, распространение его позитивных результатов (ч. 2 ст. 15 Конституции Туркменистана в ред. 2023 г.). Государство содействует развитию науки, техники и технологий, а также поддерживает международное сотрудничество в этих направлениях. Научно-техническая политика государства проводится в интересах общества и каждого человека. Государство содействует внедрению в производство достижений науки и техники (ст. 16 Конституции Туркменистана). В Конституции Таджикистана в ред. 2016 г. закреплено, что каждый имеет право на свободное участие в …научном и техническом творчестве и пользоваться их достижениями (ч. 1 ст. 40). Следует отметить, что в учредительном акте Туркменистана определены цели проведения научно-технической политики государства – интересы общества и каждого человека, в Беларуси государство содействует развитию научных, технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов.

В конституциях, принятых или обновленных за последние пять лет, конституционный законодатель более пристальное внимание уделяет регулированию отношений в области науки и инноваций. Так, В Конституции РФ 1993 г. с изм. 2020 г. определена роль науки в технологическом развитии государства. Как отмечается в литературе, «включение в Конституцию новых норм в части регулирования научно-технологического развития позволит усилить его правовую основу, восстановить преемственность с советским опытом, где наука была подлинным «локомотивом» экономического и социального развития, приблизить ее к лучшим зарубежным практикам» [1, с. 58–59].

Включение в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации в ст. 71 положения, развивающего норму о свободе научного и технического творчества (ст. 44) и вводящего корреспондирующую обязанность государства создавать условия для ее реализации, посредством отнесения к предметам ведения Российской Федерации, установление основ федеральной политики и федеральные программы в области научно-технологического развития, выступает в качестве конституционной гарантии. С этим также связано расширение полномочий Правительства Российской Федерации, в данной сфере: отныне оно обеспечивает государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала (п. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации). Таким образом, задачи Правительства Российской Федерации расширяются: помимо поддержки научно-технологического развития важным выступает *сохранение и развитие научного потенциала государства.* Данное новое направление государственной политики в сфере науки является перспективным для всего постсоветского пространства в условиях перехода к новому технологическому укладу.

Так, в ч. 1 ст. 21 Конституции Кыргызстана 2021 г. закреплена основополагающая норма о том, что *развитие общества и государства опирается на научные исследования, современные технологии и инновации.* Тем самым признается их фундаментальная роль, приоритет. Помимо этого, Конституция содержит положение о том, что *государство содействует развитию науки, научно-творческому развитию, научно-технологическим достижениям, открытиям, инновациям и изобретениям.* Особый интерес вызывают положения о государственном финансировании и поддержке научных учреждений и организаций, реализации стратегии их развития, обеспечении государством аттестации научных и научно-педагогических кадров, способствующих научно-техническому прогрессу, а также о Национальной академии наук Кыргызской Республики, которая основывается на принципах преемственности и научного прогресса, координирует направления в сфере фундаментальных и прикладных наук. Отметим, что помимо этих положений в целях самореализации, личностного развития каждому гарантируется свобода научного, технического, художественного и иных видов творчества, преподавания и обучения. Каждый имеет право на осуществление творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями (ч. 1 ст. 48 Конституции Кыргызстана). Как справедливо отмечается в литературе, «наблюдается определенное перенасыщение текста Основного закона отдельными положениями, касающимися некоторых субъектов науки» [2, с. 151]. По нашему мнению, конституционный текст несколько перегружен чрезмерной детализацией отдельных вопросов (например, в отношении аттестации кадров).

Конституция Узбекистана в ред. 2023 г. гарантирует свободу научного, технического и художественного творчества. *Государство заботится о* культурном, *научном и техническом развитии общества* (ст. 53). Отметим, что учредительный акт закрепляет *обязанность граждан оберегать научное наследие народа* Узбекистана; научное наследие охраняется государством (ст. 61). Следует обратить внимание, что в данном учредительном акте уделяется внимание молодежи: ч. 2 ст. 79 закрепляет положение о том, что государство создает условия для *интеллектуального*, творческого, физического и нравственного формирования и *развития молодежи.*

Особый интерес с точки зрения конституционного регулирования науки и инноваций представляет собой новая Конституция Республики Казахстан, принятая 15 марта 2026 г. (вступает в силу с 1 июля 2026 г.). Учредительный акт четко определяет современный приоритет Казахстана на развитие человеческого капитала, образования, науки и инноваций. *Наука, инновации* наряду с культурой и образованием провозглашаются в Преамбуле Конституции в качестве *ценностей*, на которые ориентируется народ и государство. Впервые на постсоветском пространстве закрепляется *ценностный подход в отношении науки и инноваций.* К основополагающим принципам деятельности Республики Казахстан наряду с иными относится утверждение ценностей трудолюбия, прогресса, знаний (ч. 1 ст. 3 Конституции).

Принципиально новое конституционное положение ч. 2 ст. 3 прямо определяет, что Республика Казахстан *признает развитие человеческого капитала, образования, науки, инноваций в качестве стратегического направления деятельности государства.* Одновременно в новой Конституции сохраняется положение о том, что свобода научного, технического, художественного творчества гарантируется (ч. 1 ст. 23). Таким образом, смысловым стержнем, центральной идеей выступает *конституционная ориентация государства на образование, науку, инновации, человеческий капитал,* признается, что *будущее государства определяется достижениями граждан, в том числе в области науки и инноваций.*

Наука и инновации выступают важнейшими конституционными приоритетами Республики Беларусь. Отметим, что в первоначальной редакции Конституции Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 г., было закреплено положение, сохраненное в действующей редакции Конституции, согласно которому свобода научного, технического творчества гарантируется. Таким образом, вопросы научного творчества были связаны исключительно с правовым статусом личности, они не рассматривались как направление государственной политики.

Впервые закрепление на конституционном уровне в белорусском Основном Законе положения о том, что государство содействует развитию научных и технических исследований на благо общих интересов (ч. 4 ст. 51) было реализовано в 1996 г. Безусловно, включение указанного положения акцентировало значимость научных и технических исследований для государства. Более того, конституционно было провозглашено полномочие Правительства обеспечивать проведение единой государственной политики в области науки. В результате конституционных преобразований 2022 г. содержание ст. 51 Конституции было скорректировано посредством расширения сферы содействия государством внедрению инноваций, а также были уточнены полномочия Правительства в данной сфере (ст. 107 Конституции). Отныне Правительство обеспечивает проведение единой государственной политики в области не только науки, но и инноваций. Таким образом, термин инновации получил конституционное закрепление в 2022 г., в то время как нормы о науке (точнее – о научных и технических исследованиях) вошли в белорусскую Конституцию в 1996 г. Бесспорно, установление в Конституции соответствующих положений (о науке, инновациях) способствует усилению данного направления государственной политики.

Следует обратить внимание на содержание действующей конституционной формулы ч. 4 ст. 51 Конституции: «Государство содействует развитию культуры, научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов», которая предполагает различные формы такого содействия, в том числе государственную поддержку и стимулирование проведения таких исследований, обеспечение деятельности государственных научных учреждений. Определяется цель такого развития – общее благо.

Включение в конституционный текст научных исследований и инноваций является отражением современных приоритетов как конституционного развития, так и в целом государственного и общественного развития. Оно демонстрирует определенное смещение акцентов в государственной политике: повышение роли науки и инноваций, которые выступают «локомотивом» научно-технического прогресса. А машинистом этого «локомотива» является человек – человек творческий. Это важный элемент концептуального видения развития государства на основе интеллектуального фактора. Белорусская Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» определяет модель развития государства – «Беларусь интеллектуальная», в соответствии с которой высокоинтеллектуальный человек – это творец, постоянно повышающий свои компетенции. То есть это человек работающий, проявляющий творческую активность. Вместе с этим, он должен быть ответственным. Введенная в 2022 г. конституционная норма о социальной ответственности подтверждает данный тезис.

В результате конституционных преобразований 2022 г. усилен акцент на интеллектуальное развитие человека как важнейший приоритет государственной политики, о чем свидетельствует новая ст. 32^1, посвященная молодежи. Учитывая, что дальнейшее развитие научно-технического прогресса основывается, в первую очередь, на высоком уровне интеллекта, новая ст. 32^1 Конституции возлагает на государство обязанность способствовать не только духовному и физическому, но и интеллектуальному развитию молодежи, создавать необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества.

Использование достижений науки, внедрение инноваций выступает необходимым фактором дальнейшего социально-экономического развития государства. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утв. решением ВНС от 25 апреля 2024 г. № 5, обращается внимание на то, что «продвижение цифровых технологий, биотехнологий и искусственного интеллекта формирует предпосылки для изменения структуры экономики, трансформации традиционных направлений внедрения производительных сил и финансовых потоков. Опережающее развитие знаний и технологий обеспечивает эволюцию имеющихся и возникновение новых профессиональных компетенций» (п. 5). Концепция относит к стратегическим национальным интересам совершенствование научно-технологического и образовательного потенциалов (п. 8).

В Концепции определены основные национальные интересы в научно-технологической сфере: дальнейшее развитие экономики и других сфер, основанное на современных знаниях и научно-технологическом потенциале; создание инновационных технологий, интенсивное обновление на их основе реального сектора экономики и внедрение во все сферы жизнедеятельности общества и государства; расширение присутствия Беларуси на мировом рынке наукоемкой и высокотехнологичной продукции, взаимовыгодное международное научно-технологическое сотрудничество и привлечение в экономику страны передовых технологий; обеспеченность различных сфер деятельности общества и государства научными кадрами (п. 11).

На сегодняшний день в Республике Беларусь имеется соответствующая правовая база в сфере науки и инноваций, в частности, действует Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-XII с изм. и доп. «Об основах государственной научно-технической политики», Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-XIII с изм. и доп. «О научной деятельности»; Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. №425-З с изм. и доп. «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь»; Указ Президента Республики Беларусь от 27 мая 2019 г. № 197 с изм. и доп. «О научной, научно-технической и инновационной деятельности». Отметим, что в 2020 г. автор высказывал предложение о возможной кодификации законодательства в сфере науки [3].

Подводя итог, отметим, что для обеспечения дальнейшего развития государства в условиях перехода к новому технологическому укладу следует продолжить работу по совершенствованию правовой базы в сфере науки и инноваций. Помимо разработки и принятия специальных законов (например, закона о технологиях искусственного интеллекта) целесообразно расширение конституционного регулирования данной сферы.

Дальнейшая конституционализация отношений в сфере науки и инноваций выступает на сегодняшний день объективной необходимостью. Век технологического ускорения предопределяет потребность в уточнении целей, стратегии дальнейшего развития государства, базовые положения которой целесообразно отражать в учредительном акте государства. Важно не только определить роль и значимость науки на конституционном уровне, обязательства государства по ее развитию, но и по сохранению научного потенциала. Развитие общества и государства должно опираться на научные исследования, это должно стать конституционным императивом.

Специфика конституционного регулирования отношений в области науки и инноваций в период нового технологического уклада заключается в повышенном внимании не только к самой науке, инновациям, к новым технологиям, но в первую очередь *к роли человека в этих процессах.* В связи с этим, уточнение человекоцентричной модели конституции в сторону интеллектуализации человека, повышения его роли как творца, созидателя, генератора идей, развития его творческого потенциала, в целом обозначает новый поворот к модели интеллектуального государства, вершиной и основанием которого выступает человек-творец.

Таким образом, представляется целесообразным расширение конституционного регулирования науки, инноваций, признавая их развитие в качестве стратегического направления деятельности государства.

Литература

1. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – М. : Норма : Инфра-М, 2020. – 240 с.

2. Атабекова, Н. К. О вопросах конституционно-правовой регламентации сферы науки / Н. К. Атамбекова // Lex russica – 2022. – № 4 (185). – С. 143–152.

3. Андриченко, Л. В. Тенденции правового регулирования научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации и Республике Беларусь» / Л. В. Андриченко, И. В. Плюгина, Ж. А. Гаунова, Т. С. Масловская // Журнал БГУ. – 2020. – № 1. – С. 11–22.

Белорусский государственный университет Поступила в редакцию 02.04.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 342.843.2 EDN: SHZRBO

Сроки аккредитации национальных наблюдателей: опыт Республики Беларусь и зарубежных стран

Т.В. Сенькова

Наблюдение за выборами – необходимая процедура, сопровождающая любую избирательную кампанию. В период выборов организуется международное и национальное наблюдение. Задачей исследования является анализ законодательства Республики Беларусь и зарубежных государств о порядке организации национального наблюдения. В статье анализируются сходства и отличия правового регулирования порядка направления и сроков аккредитации национальных наблюдателей в Республике Беларусь, Российской Федерации, Кыргызской Республике, Казахстане, Армении. Отмечено, что правовое регулирование аккредитации национальных наблюдателей определяется особенностями избирательной системы и устоявшейся практикой организации и проведения электоральных кампаний.
Ключевые слова: наблюдение за выборами, национальные наблюдатели, направление наблюдателей, аккредитация наблюдателей, срок аккредитации, срок полномочий наблюдателей.

Election observation is a necessary procedure accompanying any election campaign. During the election period, international and national observation is organized. The objective of this study is to analyze the legislation of the Republic of Belarus and foreign countries regarding the procedures for organizing national observation. The article analyzes the similarities and differences in the legal regulation of the procedure for deploying and accrediting national observers in the Republic of Belarus, the Russian Federation, the Kyrgyz Republic, Kazakhstan, and Armenia. It is noted that the legal regulation of national observer accreditation is determined by the specifics of the electoral system and established practices for organizing and conducting electoral campaigns.
Keywords: election observation, national observers, dispatching observers, observer accreditation, accreditation period, observer mandate.

Наблюдение является одним из механизмов обеспечения гласности и открытости при подготовке и проведении выборов и референдумов. Кроме того, наблюдатели осуществляют контроль за соблюдением избирательного законодательства и прав граждан, выполняют иные функции. Правовое регулирование порядка осуществления внутреннего наблюдения за выборами всегда определяется избирательным законодательством как на уровне кодифицированных актов и законов, так и на уровне актов, принимаемых избирательными органами. Анализ законодательства Республики Беларусь и некоторых зарубежных стран свидетельствует о том, что государства по-разному определяют субъектов национального наблюдения, порядок, сроки их аккредитации и сроки полномочий.

В Республике Беларусь наблюдение за выборами осуществляется в соответствии с Избирательным кодексом Республики Беларусь (далее – Избирательный кодекс), а также в порядке, устанавливаемом Центральной избирательной комиссией. Статья 13 Избирательного кодекса закрепляет один из основных принципов избирательной системы – гласность при подготовке и проведении выборов, референдума, отзыва депутата Палаты представителей, члена Совета Республики, депутата местного Совета депутатов. В ней установлены полномочия наблюдателей и порядок их аккредитации при избирательных комиссиях. Наблюдатели имеют право присутствовать при проведении выборов Президента Республики Беларусь, депутатов, референдума, отзыва депутата. В качестве наблюдателей ст. 13, ст. 155 Кодекса определяют представителей политических партий, других общественных объединений, трудовых коллективов, граждан, обладающих избирательным правом, иностранных (международных) наблюдателей, а также представителей средств массовой информации.

В обязательном порядке наблюдатели должны пройти аккредитацию при соответствующих комиссиях путем предъявления документа о направлении наблюдателем. Документы о направлении наблюдателя могут быть представлены в соответствующую комиссию с начала ее работы. В соответствии с Избирательным кодексом установлены следующие сроки аккредитации наблюдателей в Республике Беларусь:

– не позднее дня, предшествующего дню начала досрочного голосования – при проведении выборов Президента Республики Беларусь, депутатов, референдума;

– не позднее дня, предшествующего дню голосования об отзыве депутата – при проведении отзыва депутата.

Срок полномочий наблюдателя начинается со дня его аккредитации и заканчивается в день установления соответствующей комиссией результатов подсчета голосов, результатов или итогов выборов, референдума, отзыва депутата [1].

В Российской Федерации порядок организации и проведения выборов регулируется различными нормативными актами. Законодательством определены субъекты, имеющие право направлять наблюдателей, порядок направления и удостоверения полномочий наблюдателя, сроки направления списков наблюдателей в избирательные комиссии, порядок и сроки предоставления направления наблюдателем в соответствующую избирательную комиссию, также указаны требования к наблюдателям и ограничения, их полномочия.

Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает, что наблюдатели могут присутствовать на избирательных участках, участках референдума с момента начала работы участковой комиссии в день голосования, а также в дни досрочного голосования и до получения сообщения о принятии вышестоящей комиссией протокола об итогах голосования, а равно при повторном подсчете голосов избирателей, участников референдума [2, ч. 3 ст. 30]. В соответствии с ч. 4 ст. 30 указанного Закона наблюдателя может назначить зарегистрированный кандидат, избирательное объединение, выдвинувшее зарегистрированного кандидата, зарегистрировавшее список кандидатов.

Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» также указывает на субъектов, которые имеют право назначить наблюдателя: каждая политическая партия, зарегистрировавшая федеральный список кандидатов, каждый кандидат, зарегистрированный по соответствующему одномандатному избирательному округу, а также субъекты общественного контроля [3, ч. 1 ст. 33]. К таким субъектам относятся:

1) Общественная палата Российской Федерации;

2) общественные палаты субъектов Российской Федерации;

3) общественные палаты (советы) муниципальных образований;

4) общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации [4, ст. 9].

Полномочия наблюдателя должны быть удостоверены в письменной форме в направлении, выданном субъектом, назначившим наблюдателя. Субъекты, назначившие наблюдателей в участковые комиссии и территориальные комиссии, не позднее чем за три дня до дня (первого дня) голосования (досрочного голосования) должны представить список назначенных наблюдателей в соответствующую территориальную комиссию. В свою очередь, наблюдатель обязан предоставить направление в комиссию, в которую он назначен, в день, предшествующий дню голосования (досрочного голосования), либо непосредственно в день голосования (досрочного голосования) [2, ст. 30], [3, ст. 33]. Аналогичный порядок установлен Избирательным кодексом города Москвы [5, ст. 23].

Некоторые особенности в сроках допуска наблюдателей установлены Федеральным законом от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Так, направление, удостоверяющее полномочия наблюдателя на выборах Президента Российской Федерации, может быть предъявлено в участковую избирательную комиссию с момента начала работы участковой избирательной комиссии в день голосования, а также в дни досрочного голосования и до получения сообщения о принятии вышестоящей избирательной комиссией протокола об итогах голосования, а также при повторном подсчете голосов избирателей. А в иную избирательную комиссию – с момента начала голосования на избирательных участках и до окончания работы по составлению протокола об итогах голосования, о результатах выборов, в том числе о результатах повторного подсчета голосов избирателей [6, пп. 5, 9, 10 ст. 23].

Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 2 июля 2011 г. № 68 в

ст. 1 предусматривает наблюдение за выборами международных наблюдателей, общественных наблюдателей и наблюдателей. Наблюдателем вправе быть гражданин Кыргызской Республики, обладающий активным избирательным правом.

Наблюдателем в Кыргызстане является лицо, назначенное кандидатом вести наблюдение за подготовкой выборов, проведением голосования, подсчетом голосов, установлением итогов голосования и определением результатов выборов. В соответствии со ст. 9 указанного Конституционного закона кандидат на выборную должность может назначить не более двух наблюдателей в каждую участковую избирательную комиссию.

Наблюдатель приобретает права и обязанности наблюдателя после поступления в соответствующую избирательную комиссию направления от назначившего его кандидата. В направлении указываются фамилия, имя и отчество, постоянное место жительства наблюдателя, номера избирательных участков, наименования избирательных комиссий, в которые он направляется, а также производится запись об отсутствии у него ограничений, предусмотренных законом. Направление считается действительным при наличии подписи кандидата и предъявлении паспорта или заменяющего его документа. Предварительное уведомление о направлении наблюдателя не требуется [7].

В соответствии с Положением от 28 июля 2025 г. № 39 «О порядке регистрации общественных наблюдателей при проведении выборов и референдума» некоммерческие организации, специализирующиеся по вопросам избирательного законодательства и выборов, а также в области защиты прав человека, вправе принять решение об участии в наблюдении за выборами или за референдумом и направлении своих общественных наблюдателей [8, п. 4]. При этом, некоммерческая организация может зарегистрировать не более трех общественных наблюдателей в каждой избирательной комиссии. Срок полномочий общественного наблюдателя начинается со дня его регистрации соответствующей избирательной комиссией и заканчивается в день официального опубликования результатов выборов [8, п. 7]. В таком же порядке осуществляется допуск наблюдателей за подготовкой и проведением референдума в соответствии с Конституционным законом Кыргызской Республики «О референдуме Кыргызской Республики» от 31 октября 2016 г. № 173 [9, ст. 2, ст. 18]. Конкретные сроки направления наблюдателей законодательством Кыргызстана четко не определены.

В соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» национальных наблюдателей может направить политическая партия, иное аккредитованное общественное объединение, некоммерческая организация Республики Казахстан, к уставной деятельности которых относится осуществление деятельности по наблюдению за выборами. Наблюдатель вправе присутствовать на избирательном участке в день голосования с момента открытия избирательного участка для голосования и до установления результатов голосования при подсчете голосов избирателей [10, п. 8 ст. 20].

Порядок аккредитации наблюдателей от общественных объединений и некоммерческих организации определяется Центральной избирательной комиссией. Срок действия аккредитации составляет один год. Наблюдателей от политических партий, иных аккредитованных общественных объединений, некоммерческих организаций Республики Казахстан регистрирует председатель избирательной комиссии либо лицо, его замещающее на основании документа, заверенного печатью организации, направившей наблюдателя [10, ст. 20-1]. Конкретный период регистрации национальных наблюдателей в законодательстве Казахстана не определен. В тоже время проведение аккредитации наблюдателей иностранных государств и международных организаций заканчивается в восемнадцать часов по местному времени за пять дней до дня голосования [10, ст. 20-2].

В соответствии с ч. 1 ст. 30 Избирательного кодекса Армении право на наблюдательную миссию во время выборов имеют международные организации и зарубежные общественные организации, уставные цели которых включают вопросы демократии и защиты прав человека, а также неправительственные организации и фонды, зарегистрированные в Республике Армения [11].

Порядок аккредитации наблюдателей устанавливаются Центральной избирательной комиссией. Заявления об аккредитации и необходимые документы, определяемые решением Центральной Избирательной комиссии, подаются в Центральную Избирательную комиссию после даты объявления выборов, но не позднее последнего дня установленного Избирательным кодек-

сом срока регистрации избирательных списков кандидатов, партий (альянсов партий), участвующих в выборах. Полномочия наблюдателей прекращаются на 8-й день после официальной публикации результатов выборов, если только результаты выборов не были обжалованы в суд [11, ст. 31]. Детально порядок аккредитации наблюдателей установлен Решением Центральной Избирательной комиссии Армении от 21 января 2022 г. № 3-Н «О порядке аккредитации наблюдателей и посетителей и представлении документов, необходимых для аккредитации, об установлении электронных форм документов, необходимых для аккредитации» [12].

Таким образом, в законодательстве любого из приведенных выше государств, предусмотрены положения о внутреннем национальном наблюдении в период электоральных кампаний, путем направления наблюдателей с соответствующим документальным оформлением и последующей их регистрацией избирательными комиссиями. В тоже время, государства по-разному определяют субъектов, направляющих наблюдателей, сроки их аккредитации и осуществления полномочий.

Как правило, наблюдателей направляют кандидаты на избираемые должности, политические партии и общественные объединения. В Российской Федерации такое право предоставлено также субъектам общественного контроля, а в Республике Беларусь еще трудовым коллективам и гражданам. Предварительное уведомление о направлении наблюдателя не требуется.

Сроки аккредитации наблюдателей и их полномочий также разняться. Так, сроки направления национальных наблюдателей четко не определены законодательством Кыргызстана, Казахстана. В Армении – не позднее последнего дня установленного Избирательным кодексом срока регистрации избирательных списков кандидатов. В Республике Беларусь и Российской Федерации сроки аккредитации схожи и связаны с началом досрочного голосования (голосования). Исключение составляют выборы Президента Российской Федерации, когда наблюдатель может представить направление, удостоверяющее его полномочия в период с начала работы участковой избирательной комиссии и до подведения итогов голосования, выборов.

Срок действия аккредитации от общественных объединений и некоммерческих в Казахстане составляет один год, а в Армении четко определено, что полномочия наблюдателей прекращаются на 8-й день после официальной публикации результатов выборов. Однако отметим, что в государствах, как правило, сформировалась общая практика определения срока полномочий наблюдателей: с момента аккредитации до подведения итогов голосования, выборов.

Таким образом, порядок аккредитации национальных наблюдателей в государствах имеет как сходства, так и некоторые отличия, что определяется особенностями избирательной системы и устоявшейся практикой организации и проведения электоральных кампаний.

Литература

1. Избирательный кодекс Республики Беларусь : 11 февр. 2000 г. № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : с изм. от 16 февраля 2023 г. № 252-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ : с изм. от 25 дек. 2025 г. № 50-П // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 12.03.2026).

3. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февр. 2014 г. № 20-ФЗ : с изм. от 23 мая 2025 г. № 115-ФЗ// КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 12.03.2026).

4. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ : в ред. от 25 дек. 2023 г. № 683-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 12.03.2026).

5. Избирательный кодекс города Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 : с изм. 24 сент. 2025 г. № 37 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов (дата обращения: 12.03.2026).

6. О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ : с изм. от 08 авг. 2024 г. № 232-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 12.03.2026).

7. О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики : Конституционный закон Кыргызской Республики от 2 июля 2011 г. № 68 : с изм. от 16

окт. 2025 г. № 220. – URL : https://shailoo.gov.kg/ru/konstitucionnye-zakony-kr/konstitucionnye-zakony-kr/O_vyborah_Pr-1913/ (дата обращения: 12.03.2026).

8. О порядке регистрации общественных наблюдателей при проведении выборов и референдума : постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики от 28 июля 2025 г. № 39. – URL : https://shailoo.gov.kg/ru/npacik/polozheniya-cik-kr/polozhenie-o-poryadke-registracii-obshes/ (дата обращения: 12.03.2026).

9. О референдуме Кыргызской Республики : Конституционный законом Кыргызской Республики от 31 окт. 2016 г. № 173 : в ред. от 8 августа 2019 г. № 116. – URL : https://shailoo.gov.kg/ru/konstitucionnye-zakony-kr/konstitucionnye-zakony-kr/o-referendume-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения: 12.03.2026).

10. О выборах в Республике Казахстан : Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сент. 1995 г. № 2464 : с изм. от 1 янв. 2025 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан (дата обращения: 12.03.2026).

11. Избирательный кодекс Республики Армения от 25 мая 2016 г. HO-54-N // ARLIS : Правовая информационная система Армении (дата обращения: 12.03.2026).

12. О порядке аккредитации наблюдателей и посетителей и представлении документов, необходимых для аккредитации, об установлении электронных форм документов, необходимых для аккредитации : Решение Центральной Избирательной комиссии Армении от 21 янв. 2022 г. № 3-Н // ARLIS : Правовая информационная система Армении (дата обращения: 12.03.2026).

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 03.04.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 342.92(476) EDN: UUPSEG

Деятельность Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел при ведении административного процесса

Е.И. Усова

Охрана общественного порядка в области обеспечения безопасности дорожного движения осуществляется, наряду с другими государственными органами, Государственной автомобильной инспекцией Министерства внутренних дел. Автор статьи, проведя анализ сложившейся практики и нормативных правовых актов, сформулировал предложения, связанные с расширением полномочий инспекторов государственной автомобильной инспекции, ускоренным порядком ведения административного процесса, привлечением к ответственности лиц, управляющих средствами персональной мобильности.
Ключевые слова: Государственная автомобильная инспекция, задачи и функции, административный процесс, средства персональной мобильности, административная ответственность, правила безопасности дорожного движения.

Public order protection in the field of road safety is carried out, along with other state bodies, by the State Automobile Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs. After analyzing the established practice and regulatory legal acts, the author has formulated proposals regarding the expansion of the powers of the State Automobile Inspectorate officers, the use of expedited administrative procedures, and the prosecution of individuals riding means of personal mobility.
Keywords: State Automobile Inspectorate, tasks and functions, administrative process, means of personal mobility, administrative responsibility, road safety rules.

Введение. Для выполнения функций по охране общественного порядка в Республике Беларусь успешно функционирует разветвленная система государственных органов. В рамках деятельности, направленной на обеспечение безопасности дорожного движения, образована Государственная автомобильная инспекция Министерства внутренних дел (далее – ГАИ МВД), которая реализует широкий спектр задач, обеспечивая тем самым порядок в обществе.

С учётом того, что в 2023 г. была разработана Концепция обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь, видится актуальным провести анализ правового регулирования некоторых вопросов, затрагивающих деятельность ГАИ МВД.

Основной целью Концепции является создание предпосылок для достижения в будущем в Республике Беларусь такого состояния дорожного движения, при котором исключаются травматизм и гибель людей в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) [1, п. 9].

Целевыми показателями Концепции являются:

– снижение числа погибших в ДТП до уровня не более 450 в год к 2025 г., не более 400 в год – к 2030 г.;

– восстановление тенденции, имевшей место в 2011–2016 гг., по снижению показателей аварийности (сокращение количества ДТП с погибшими не менее чем на 15 % в год);

– снижение других видов потерь в дорожном движении (экономических, экологических, социальных) по сравнению с 2022 г. не менее чем на 15 % в 2025 г., не менее чем на 25 % в 2030 г. [1, п. 10].

По информации Управления внутренних дел Брестского облисполкома за январь–ноябрь 2025 г. состояние дорожно-транспортной обстановки характеризуется снижением зарегистрированных дорожно-транспортных происшествий на 17 % и раненых на 25 %, но при этом отмечается рост погибших на 7,6 %.

Что касается ситуации по г. Гомелю и Гомельской области за период январь–декабрь 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., то частыми причинами ДТП выступают несоблюдение дистанции (20 случаев), выезд на полосу встречного движения (16 случаев) [2, с. 4].

Основная часть. 1. Считается, что обеспечение безопасности дорожного движения возникло еще до появления автомобиля, но только с его повсеместным использованием проблема приобрела особо острый характер.

Изучая исторический путь становления и развития системы органов Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, можно отметить, что каждый временной этап являлся неотъемлемой частью истории белорусского народа и государства.

В настоящий момент ГАИ МВД образует сложная система органов, наделенная общей и специальной компетенцией. Всего насчитывается свыше десяти функциональных подразделений, выполняющих контроль, организацию и регулирование дорожного движения в Республике Беларусь.

Следует отметить, что на современном этапе развития Республики Беларусь возникает необходимость модернизации системы государственного управления. В частности, вопрос о реорганизации ГАИ в самостоятельный орган поднимался уже неоднократно и результатом планомерного реформирования явилось образование межрайоных отделов ГАИ УВД областных исполнительных комитетов.

С точки зрения наличия разветвленной системы, разнообразных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность подразделений ГАИ, возложенных на них задач и функций, видится вполне целесообразным реорганизовать Государственную автомобильную инспекцию МВД в Департамент безопасности дорожного движения МВД, сохранив за ним определенные задачи, функции, внутреннюю структуру.

2. В п. 9.12 Правил дорожного движения Республики Беларусь (далее – ПДД) закреплена обязанность водителя предоставлять транспортное средство для освобождения проезжей части дороги от транспортных средств, поврежденных при дорожно-транспортном происшествии, а также доставлять на управляемом транспортном средстве лиц, нуждающихся в срочной медицинской помощи, в ближайшую организацию здравоохранения по требованию работников правоохранительных органов и организаций здравоохранения [3].

В то время как Государственная инспекция безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации имеет право самостоятельно использовать для доставления в медицинские организации граждан, нуждающихся в оказании медицинской помощи в экстренной или неотложной форме, для транспортировки поврежденных при авариях транспортных средств, а также в других предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях транспортные средства предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений и граждан, кроме транспортных средств, принадлежащих дипломатическим, консульским и иным представительствам иностранных государств, международным организациям, и транспортных средств специального назначения.

С учетом того обстоятельства, что безопасность дорожного движения всегда связана с риском и возможной гибелью людей, видится обоснованным использовать опыт Российской Федерации.

По этой причине считаем целесообразным применить опыт Российской Федерации и дополнить Главу 3 Положения о «О Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел» пунктом 11.20-1 следующего содержания:

«…11.20-1 использовать для доставления в медицинские организации граждан, нуждающихся в оказании медицинской помощи в экстренной или неотложной форме, транспортные средства предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений и физических лиц, кроме транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам, консульским учреждениям, международным организациям и гражданам иностранных государств, пользующимся в соответствии с международными договорами Республики Беларусь дипломатическим иммунитетом».

3. Государственная автомобильная инспекция ведет административный процесс от имени органов внутренних дел. Это определено ч. 3, 4 ст. 3.6 Процессуально-исполнительного Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) [4].

Сотрудники подразделений Госавтоинспекции достаточно часто применяют в своей деятельности ускоренный порядок ведения административного процесса.

Согласно ч. 1 ст. 10.3 ПИКоАП Республики Беларусь, если физическое лицо признало себя виновным в совершении административного правонарушения и согласилось на назначение административного взыскания без оформления протокола, уполномоченное на составление протокола лицо должно вынести постановление о наложении административного взыскания в виде штрафа или депортации (в соответствии с санкцией КоАП), которое вступает в законную силу с момента вынесения. Кроме того, сведения об отказе лица, признавшего свою вину, от привлечения к ответственности в ускоренном порядке и о последствиях такого отказа помещаются в материалы дела об административном правонарушении и заверяются таким лицом собственноручно во избежание дальнейших способов отказа от своих первоначальных намерений.

При этом ПИКоАП Республики Беларусь не связывает возможность применения такого порядка с очевидностью факта правонарушения. В то же время признание вины может являться следствием заблуждения относительно наличия в деянии состава правонарушения либо самооговора. В качестве примера можно привести следующую ситуацию, когда осуществляется преследование транспортного средства. При остановке доподлинно не известно, кто конкретно из нескольких лиц, обнаруженных в автомобиле, находился за рулем в момент совершения правонарушения (превышения скорости движения, нарушение правил проезда перекрёстков и т. д.), поскольку транспортное средство некоторое время было вне зоны видимости экипажа. Налицо неочевидность установления виновного субъекта, так как одно лицо могло признаться в совершении деликта для выгораживания другого, поскольку это выгодно для последнего. В результате отхождение от соблюдения принципа виновной ответственности физического лица и принципа законности.

Кроме того, в уголовно-деликтном законодательстве зарубежных государств (Болгария, Литва, Молдова, Норвегия, Польша, Финляндия, Франция) возможность упрощения процесса также зачастую связывается с очевидностью факта правонарушения.

С.И. Гирько, изучая ускоренное досудебное производство в зарубежных странах, выделяет критерии, помимо незначительной общественной опасности и простоты состава преступления, включающие очевидность совершения преступления конкретным лицом [5].

Таким образом, по мнению С.И. Гирько, если характеристиками преступления являются низкая общественная опасность, простая структура состава преступления и очевидность его совершения конкретным лицом, такое преступление может быть рассмотрено в рамках ускоренного досудебного производства.

Считаем, что аналогичные принципы применимы и к административному процессу в Республике Беларусь: признание вины может служить основанием для привлечения к ответственности в ускоренном порядке, при условии, что, исходя из обстоятельств дела, у должностного лица, ведущего административный процесс, отсутствуют сомнения относительно факта правонарушения, субъекта его совершившего, юридической квалификации и других важнейших обстоятельств. В противном случае процедура должна проходить в общем порядке для предотвращения возможности привлечения невиновного к ответственности.

В связи с этим предлагаем ч. 1 ст. 10.3 ПИКоАП Республики Беларусь изложить в следующей редакции:

1. В случае, когда физическое лицо признало себя виновным в совершении административного правонарушения и выразило согласие на наложение административного взыскания без составления протокола об административном правонарушении, а также, если факт административного правонарушения очевиден, лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, выносится постановление о наложении административного взыскания в виде штрафа или депортации (в соответствии с санкцией КоАП). При этом может выноситься одно постановление о наложении административного взыскания за совершение нескольких административных правонарушений, образующих повторность, в котором указываются время, место и обстоятельства совершения каждого административного правонарушения. Постановление о наложении административного взыскания вступает в законную силу с момента его вынесения. Штраф может быть уплачен на месте. Сведения об отказе лица, признавшего свою вину, от привлечения к ответственности в ускоренном порядке и о последствиях такого отказа (неприменение положений ч. 6 ст. 6.4 КоАП) помещаются в материалы дела об административном правонарушении и заверяются таким лицом собственноручно.

4. Под средством персональной мобильности (далее – СПМ) следует понимать устройство или приспособление, не являющееся транспортным средствам, приводимое в движение двигателем и предназначенное для индивидуального или совместного (в случае наличия специально оборудованных мест для сидения) использования пешеходами (электросамокат, гироскутер, сигвей, моноколесо и прочее). Некоторые из этих средств могут развивать скорость до 60 км/час. При этом Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) не предусмотрена административная ответственность за управление СПМ в состоянии опьянения. В этом случае действуют общие правила наложения административного взыскания при совершении правонарушения с учётом обстоятельств, отягчающих административную ответственность, предусмотренных ст. 7.3 ч. 1 п. 9. То есть возникает ситуация, когда физическое лицо может в состоянии опьянения пользоваться СПМ, создавать угрозу жизни и безопасности, но в случае невыявления этого деяния он ответственности не несет.

Кажется, вполне обоснованным установить административную ответственность за нарушение Правил дорожного движения лицом, управляющем СПМ в состоянии опьянения. В связи с чем предлагаем внести изменения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, дополнив его ст. 18.15^1 следующего содержания:

Статья 18.15^1. Управление средством персональной мобильности лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления средством персональной мобильности такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)

1. Управление средством персональной мобильности лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, при наличии абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации до 0,8 промилле включительно или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации до 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха включительно – влечет наложение штрафа в размере ста базовых величин.

2. Управление средством персональной мобильности лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения при наличии абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации свыше 0,8 промилле или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации свыше 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения или состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, – влекут наложение штрафа в размере двухсот базовых величин.

3. Передача управления средством персонально мобильности лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения или состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, – влечет наложение штрафа в размере от пятидесяти до ста базовых величин.

4. Употребление лицом алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ после подачи сотрудником органов внутренних дел сигнала об остановке транспортного средства либо после совершения дорожно-транспортного происшествия, участником которого он является, до прохождения проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения или состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, – влечет наложение штрафа в размере двухсот базовых величин.

5. Наряды дорожно-патрульной службы ГАИ обеспечивают безопасности дорожного движения преимущественно на проезжей части, практически не пересекаясь с пользователями СПМ. Для выявления ряда административных правонарушений, совершаемых в том числе несовершеннолетними на СПМ, а именно пресечения поездок вдвоем на одном самокате, управления одной рукой, предлагаем делегировать патрульно-постовой службе часть функций ДПС, разграничив их полномочия.

Заключение. Таким образом, анализ правового регулирования отдельных полномочий Государственной автомобильной инспекции, показывает, что деятельность подразделений ГАИ МВД трудно переоценить. На них возложены важные функции и задачи по обеспечению безопасности дорожного движения, выявлению правонарушителей, ведению административного процесса как в общем, так и в укоренном порядке.

Литература

1. О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2023 г. № 329 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 01.12.2025).

2. Сведения о состоянии дорожно-транспортной аварийности в Гомельской области за период с 01.01.2025 по 31.12.2025 г. // Бюллетень Управления Госавтоинспекции Гом. обл-ти. – Гомель, 2026. – 41 с.

3. Правила дорожного движения :Указ Президента Республики Беларусь от 28 нояб. 2005 г. № 551 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 04 авг. 2025 г. № 295 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 01.12.2025).

4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 января 2021 г. № 91-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 01.12.2025).

5. Гирько, С. И. Стандарты ускоренного досудебного производства в полицейской практике за рубежом и возможности их имплементации в Российской Федерации / С. И. Гирько // Colloguium-journal. – 2019. – № 18 (42). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/standarty-uskorennogo-dosudebnogo-proizvodstva-v-politsei-skoi-praktike-za-rubezhom-i-vozmozhnosti-ih-implementatsii-v-rossii-skoi/viewer/ (дата обращения 01.12.2025).

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 01.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 343.337.5 EDN: VBBBZA

Исторические и правовые предпосылки криминализации геноцида: национальный и международный аспекты

А.М. Шинкарев

В статье рассмотрены исторические и юридические предпосылки криминализации геноцида. Проведен анализ исторических и юридических документов, соотношение норм ответственности за преступление геноцид с национальным законодательством, в том числе, с учетом результатов расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа.
Ключевые слова: Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, международное право, геноцид белорусского народа, Уголовный кодекс, отрицание геноцида, расследование уголовного дела.

The article examines the historical and legal prerequisites for the criminalization of genocide. It analyzes historical and legal documents and the relationship between liability provisions for the crime of genocide and national legislation, taking into account, among other things, the findings of the criminal investigation into the genocide of the Belarusian people.
Keywords: United Nations General Assembly, Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, international law, genocide of the Belarusian people, Criminal Code, denial of genocide, criminal investigation.

В условиях усиления политического и экономического давления западных стран на Беларусь разработка уголовно-правовой характеристики геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период должна способствовать научной верификации фактов рассматриваемого преступления, обоснованию его надлежащей правовой и исторической оценки, что позволит не допустить фактов искажения исторической памяти, обеспечить реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности за совершение наиболее тяжкого международного преступления, а также укрепить позиции нашего государства в международных отношениях.

В контексте рассматриваемой темы нельзя не упомянуть геноцид армян в Османской империи, первым международным откликом на который стало Совместное Заявление, сделанное в мае 1915 г. Францией, Россией, Великобританией, в котором совершенное в отношении армянского народа насилие определялось как «преступление против человечности и цивилизации».

Было указано, что геноцид является организованным истреблением людей с основной целью – положить конец их коллективному существованию. Следовательно, для осуществления геноцида необходимо централизованное планирование и внутренний механизм его осуществления, что и превращает геноцид в государственное преступление, потому что только государство наделено всеми теми ресурсами, которые можно использовать для реализации этой политики.

Закрепление понятия «геноцид» в международном праве произошло благодаря принятию Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. Это стало прямым ответом на трагедию Второй мировой войны и Холокоста.

Путь к юридическому закреплению понятия был долгим, и значительную роль в этом процессе сыграл польский юрист еврейского происхождения, уроженец Беларуси, Рафаэль Лемкин, семья которого погибла в Холокосте, который впервые ввел этот термин (от греч. Genos – род, племя и лат. caedere – убивать) в своей книге «Правление стран Оси в оккупированной Европе».

11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает Резолюцию 96 (I), которая впервые признала геноцид преступлением по международному праву, «противоречащим духу и целям Объединенных Наций».

В развитие указанной резолюции 9 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея единогласно принимает Резолюцию 260 (III), которая и утвердила текст самой Конвенции, 12 января 1951 г. Конвенция официально вступила в силу после ее ратификации необходимым числом государств.

Исходя из текста статьи II Конвенции, был определен сам юридический термин «геноцид», который дошел до нашего времени.

Под признаки геноцида подпали следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

a) Убийство членов такой группы;

b) Причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) Предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

d) Меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

e) Насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую [1].

Причем ключевым элементом явилось специфическое намерение уничтожить защищаемую группу. Именно направленность умысла отличает геноцид от других преступлений.

Необходимость выделения геноцида в отдельное преступление и его криминализации была обоснована рядом фундаментальных причин.

Прежде всего, это закономерная реакция на Холокост, поскольку Конвенция стала прямым ответом на систематическое уничтожение евреев нацистским режимом. Целью было создать международный инструмент для предотвращения подобных злодеяний в будущем.

Немаловажным механизмом стало установление универсальной юрисдикции. В Конвенции была предпринята попытка закрепить принцип, позволяющий преследовать виновных в любом государстве, независимо от места совершения преступления и гражданства преступника.

Одним из важных нововведений стало признание того факта, что геноцид является преступлением независимо от того, совершен ли он в военное или в мирное время.

Самим фактом признания геноцида «преступлением против человечности» Конвенция закрепила статус геноцида как тягчайшего преступления против человечности, подрывающего сами основы международного мира и безопасности.

Само принятие Конвенции о геноциде стало историческим водоразделом. Оно не просто дало название одному из самых страшных преступлений, но и создало постоянную правовую основу для борьбы с безнаказанностью. После «периода застоя», длившегося несколько десятилетий, Конвенция впервые была применена на практике в 1990-х гг. На ее основе были созданы Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, а в 1998 г. ее определение легло в основу Римского статута Международного уголовного суда.

Юридическая дефиниция геноцида: «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» нашла свое закрепление в ст. II упомянутой ранее Конвенции ООН.

При этом объективным элементом выступили 5 альтернативных деяний приведенных выше.

Субъективным элементом стало специальное намерение (dolusspecialis) уничтожить группу полностью или частично. Значение данного признака стало ключевым критерием отграничения геноцида от иных международных преступлений, поскольку, в отличие от обычного умысла (dolusgeneralis), когда преступник осознает последствия своих действий, преступление геноцид определяло наличие у лица особой, специфической цели при совершении преступления.

В закрытом перечне Конвенции были определены защищенные группы: национальная; этническая; расовая и религиозная.

Вместе с тем, как показало расследование уголовного дела о геноциде белорусского народа, данные принципы не в полной мере соответствуют современным реалиям и нормам уголовного законодательства.

В частности, принятый в Конвенции 1948 г. подход не в полной мере учитывал юридическую природу данного преступления, все формы его проявления, в связи с чем не позволяет реализовать охранительный и превентивный потенциал международно-правового запрета геноцида [2, с. 19].

Наличие ограниченности такого международно-правового запрета стало следствием расширения рядом европейских стран норм национального законодательства по обеспечению уголовно-правовой защиты иных групп при определении противоправности преступления геноцид.

Именно по такому пути и пошло в дальнейшем белорусское законодательство.

Участие Республики Беларусь в Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 г. является логичным продолжением международной политики БССР, которая подписала этот документ 16 декабря 1949 г.

Как государство-правопреемник Беларусь официально подтвердила свои обязательства по данному соглашению.

Официальная ратификация состоялась 5 июня 1954 г.Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР с рядом оговорок. После чего Конвенция вступила в силу для республики 9 ноября 1954 г.

Изначально были приняты две оговорки: ст. IX (обязательная юрисдикция Международного Суда ООН) и ст. XII (распространение на несамоуправляющиеся территории). Позднее, 11 апреля 1989 г., оговорка по . X была снята указом Президиума Верховного Совета, что подтвердило признание юрисдикции Суда по спорам о толковании и применении Конвенции.

Реализуя основное конвенционное обязательство – обеспечение наказания за совершение геноцида, Беларусь имплементировала (в форме трансформации) в национальный уголовный закон международно-правовое определение названного преступления.

При этом в содержании Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрены и иные нормы, которые могут служить целям предупреждения рассматриваемого преступления посредством установления запрета на совершение деяний, могущих стать предпосылкой (фоновым явлением) для развития геноцидной практики поведения. Речь идет об отрицании геноцида белорусского народа (ст. 130-2) [3, с. 18, 23].

Таким образом, ключевым событием имплементации Конвенции на национальном уровне стало включение в УК ст. 127, которая криминализирует такое деяние, как геноцид, принятие Закона от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа», который дает юридическую оценку событиям Великой Отечественной войны и вводит уголовную ответственность за отрицание геноцида.

Участие Беларуси в Конвенции 1948 г. прошло путь от подписания БССР до снятия ключевых оговорок и привело к значительному укреплению национального законодательства в данной сфере.

В соответствии со ст. 127 (Геноцид) УК определено, что указанным преступлением являются действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия, путем убийства членов такой группы или причинения им тяжких телесных повреждений, либо умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы, либо насильственной передачи детей из одной этнической группы в другую, либо принятия мер по воспрепятствованию деторождения в среде такой группы (геноцид).

Такие действия наказываются лишением свободы на срок от 12 до 25 лет со штрафом или без штрафа, или пожизненным лишением свободы, или смертной казнью [4].

Комментируя данный состав преступления, белорусские ученые указывают, что объектом преступного посягательства выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность существования расовых, национальных, этнических или иных групп людей [5, с. 276–277].

Следует отметить, что Конвенция ООН 1948 г. стала базисом для формирования признаков геноцида на национальном уровне. В итоге закрытый перечень для определения круга потерпевших, не имеющий под собой социального обоснования, появился в уголовных законах ряда европейских стран. Действительно, криминализация геноцида, исходя из факта его совершения только в отношении лиц, которые могут быть определены по признаку принадлежности к национальной, этнической, расовой или религиозной группы, не даёт возможности для зарубежных и некоторых постсоветских стран квалифицировать случаи массового уничтожения мирного населения, не по принципу принадлежности к той или иной защищаемой группе, а, к примеру, в связи с их проживанием на территории, подлежащей оккупации.

Указанные обстоятельства подтверждаются и в ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Один из таких примеров – состав потерпевших в месте массового уничтожения в д. Залипье Гомельского района Гомельской области [6, с. 18–19].

Прокуратурой Гомельского района в 2025 г. в ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа проводились процессуальные действия на приусадебном участке вблизи домовладения № 5 по ул. Партизанской в д. Залипье Урицкого сельского совета Гомельского района, где полевыми-поисковыми работами установлено массовое, ранее не известное место уничтожения и захоронения мирных граждан.

В ходе осмотра места происшествия, анализа архивных документов, изъятия вещественных доказательств и получения медико-криминалистических и баллистических, а также генотипоскопических экспертиз были добыты бесспорные доказательства, подтверждающие факт уничтожения групп населения, не подпадающих под указанный закрытый перечень. Результаты медико-криминалистических экспертиз свидетельствовали о причинении смерти в результате огнестрельного ранения головы, при этом поза погибшего была стоя на коленях с опущенной вниз головой либо лежа на земле лицом вниз, при этом стрелявший на момент производства выстрела находился сзади по отношению к потерпевшему. Из показаний допрошенных свидетелей следует, что ряд убитых являлись партизанами и партийными активистами [7].

Проведенный в работе анализ исторических документов, соотношение норм ответственности за преступление геноцид с национальным законодательством позволяет прийти к выводу о наиболее детальной проработке признаков состава указанного преступления именно в УК.

Базируясь на доказательствах, добытых в ходе расследования (в том числе с учетом факта уничтожения населения в д. Залипье), следует, что состав потерпевших от геноцида в годы Великой Отечественной войны гораздо шире, чем предполагалось ранее. К числу потерпевших правомерно относить, в том числе, партизан, партийных активистов, а в ряде случаев и военнослужащих, погибших не в ходе боевых действий, о чем свидетельствуют результаты медико-криминалистических экспертиз.

В этой связи неслучайно, что диспозиция ст. 127 УК, закрепляющая признаки геноцида, определяет круг потенциальных потерпевших, исходя из их принадлежности не только к национальной, расовой, этнической или религиозной группе, но и к иной группе, определенной на основе любого другого произвольного критерия. Во многих случаях ими, действительно, становились не только представители защищаемых по смыслу международного права групп, но и такие лица, как коммунисты, политические деятели, лица, заподозренные в связи с бандами (то есть с партизанами) и др. [8, с. 22].

В контексте отмеченного представленный факт уничтожения белорусского населения в д. Залипье является одним из прямых подтверждений социальной обоснованности отечественного законодательного подхода в части описания признаков потерпевшего в составе геноцида, соответственно, и юридической рациональности использования принципа трансформации (а не инкорпорации) международно-правовой нормы, определяющей содержание противоправности геноцида, при криминализации данного деяния в белорусском национальном законодательстве.

Литература

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него : принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1948 г. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 26.05.2026).

2. Коротич, Е. А. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него : недостатки международно-правового акта / Е. А. Коротич // Законность и правопорядок. – 2024. – № 2. – С. 18–23.

3. Коротич, Е. А. Имплементация международных обязательств в сфере борьбы с геноцидом в уголовное законодательство Республики Беларусь / Е. А. Коротич // Законность и правопорядок. – 2024. – № 4. – С. 20–25.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент./ Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : НЦПИ РБ, 2019. – 1000 с.

6. Сожжённые деревни Гомельщины. «Вецер часу не развее памяць нашу». Каталог выставки / сост. Ю. В. Панков, А. М. Шинкарев ; под ред. Ю. В. Булынко. – Гомель, 2026. – 65 с.

7. Архив прокуратуры Гомельского района. – Уголовное дело № 21028030022.

8. Геноцид белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Историко-правовое исследование. Ч. I : науч. электр. изд. / под общ. ред. А. И. Шведа ; Ген. прокуратура РБ, ГУ «Научно-практический центр проблем законности и правопорядка Ген. прокуратуры РБ». – Минск, 2025. – 225 с.

Прокуратура Гомельской области

Поступила в редакцию 01.04.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 342.92 EDN: VBFPRR

Особенности правового регулирования административной ответственности за административные таможенные правонарушения

А.Г. Шушкевич

В статье раскрываются особенности правового регулирования административной ответственности за административные таможенные правонарушения. Выстроена иерархия нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в сфере привлечения к административной ответственности за таможенные правонарушения. Установлена связь актов Евразийской экономической комиссии с нормами административного законодательства. Предложен механизм реализации в административном процессе результатов таможенного контроля.
Ключевые слова: административная ответственность, нормативный правовой акт, решение.

This article explores the legal framework governing administrative liability for administrative customs violations. It establishes a hierarchy of regulatory legal acts governing administrative liability for customs violations. The relationship between the Eurasian Economic Commission's acts and administrative law is established. A mechanism for implementing customs control results in administrative proceedings is proposed.
Keywords: administrative responsibility, normative legal act, decision.

Введение. В отечественных научных трудах не в полной мере исследованы особенности правового регулирования административной ответственности за правонарушения в таможенной сфере, в том числе связь актов органа Евразийский экономического союза (далее – ЕАЭС) – Евразийской экономической комиссии (решений Коллегии ЕЭК и решений Совета ЕЭК) с нормами национального административного законодательства. Исходя из буквального прочтения Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) можно сделать вывод о том, что доказательства в административном процессе могут быть получены только в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, к которым не могут быть отнесены правовые акты Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК). В то же время место решений ЕЭК в правовой системе Республики Беларусь учеными не определено.

Теоретическую основу научной статьи составили труды таких ученых как Г.А. Василевич, Т.Н. Михалева, И.И. Пляхимович, А.Г. Тиковенко, О.И. Чуприс и др. При написании статьи использованы общелогические и теоретические методы научного познания.

Целью исследования является развитие научно обоснованных положений об административной ответственности за правонарушения против порядка таможенного регулирования, а также разработка на их основе практических и теоретических рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства и практики его применения.

Данная цель достигается в ходе решения следующих задач:

1) выстроить иерархию нормативных правовых актов, регулирующих отношения в рассматриваемой сфере;

2) выделить основные группы правовых актов по их функциональной роли в механизме административно-правового регулирования обеспечения привлечения к административной ответственности за таможенные правонарушения;

3) определить связь актов ЕЭК с нормами национального административного законодательства;

4) предложить механизм реализации в административном процессе результатов таможенного контроля.

Объект исследования – урегулированные нормами права общественные отношения, складывающиеся в связи с привлечением лиц к административной ответственности за совершение административных правонарушений против порядка таможенного регулирования. Предмет исследования – совокупность правовых норм административного и таможенного законодательства, научные разработки и теоретические положения.

Научная новизна исследования заключается в формулировании аргументированных положений о системе иерархически соподчиненых, взаимосвязанных и согласованных между собой норм права, определяющих организацию и порядок привлечения лиц к административной ответственности за нарушение порядка таможенного регулирования, содержащихся в Конституции, международно-правовых актах, законах Республики Беларусь, указах Президента Республики Беларусь, нормативных правовых актах Правительства Республики Беларусь и республиканских органов государственного управления.

Особенностью указанной системы является непосредственное действие международно-правовых актов ЕАЭС (решений ЕЭК) в качестве источников, в соответствии с которыми осуществляется правовое регулирование отношений в сфере таможенного дела в Республике Беларусь. Необходимость непосредственного применения решений ЕЭК, которыми могут определяться срок и порядок уплаты таможенных платежей, круг обязанных лиц, порядок внесения сведений в декларацию на товары, формы таможенных документов и иные условия (как элементы состава административного правонарушения), обусловливает их приоритет и обязывает таможенные органы осуществлять постоянный мониторинг решений ЕЭК и руководствоваться ими в случае коллизий с нормами национального права.

Основная часть. Порядок таможенного регулирования, полномочия должностных лиц таможенных органов по ведению административного процесса, а также основания и способы взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС установлены как нормативными правовыми актами Республики Беларусь, так и международными договорами Республики Беларусь и актами, составляющими право ЕАЭС.

Согласно ст. 6 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. право ЕАЭС составляют: Договор; международные договоры в рамках ЕАЭС; международные договоры ЕАЭС с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках ЕАЭС [1]. Таким образом, правовое регулирование таможенных правоотношений осуществляется на двух уровнях – наднациональном, образованном таможенным законодательством ЕАЭС, и национальном, представленном законодательством о таможенном регулировании каждого из государств-членов. При этом таможенное законодательство ЕАЭС обладает по отношению к национальному таможенному законодательству приоритетной юридической силой и распространяет свое действие на все пространство единой таможенной территории ЕАЭС.

Подчеркивая тесную экономическую и правовую интеграцию, осуществляемую в рамках ЕАЭС, на двухуровневый порядок установления административной ответственности обращает внимание С.М. Зырянов [2, с. 105–109]. Рассматривая функциональные основания правовой интеграции, А.В. Егоров констатирует отсутствие в отечественной науке междисциплинарных исследований, посвященных вопросам правового интегрирования с позиций современных социальных процессов общественного развития. По мнению ученого, наднациональные правовые регуляторы представляют собой исключительно систему нормативного воздействия на общественные отношения [3, с. 99–107].

На национальном уровне иерархию нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере установления и реализации административной ответственности за правонарушения против порядка таможенного регулирования, исходя из их юридической силы, можно выстроить следующим образом:

1) Конституция, которой принадлежит главенствующее место среди нормативных правовых актов, поскольку именно на Конституции базируется иерархическая система любой отрасли, института права или части законодательства, регулирующего правовые отношения в отдельной сфере. В этой связи И.И. Пляхимович отмечает, что с защитой конституционного строя тесно связана задача государства по обеспечению законности и правопорядка [4, с. 63]. По справедливому утверждению Г.А. Василевича, «Конституция является таким Основным Законом государства, который регулирует главные стороны государственной, общественной жизни, допуская и прямо предполагая процесс правового, в том числе законодательного регулирования, стимулируя и направляя его» [5, с. 8]. А.Г. Тиковенко предлагает понимать конституцию как особый

юридический документ, который устанавливает правовые основы статуса человека и гражданина, жизнедеятельности общества, конституционные принципы организации государственного строя, взаимоотношений личности, общества и государства [6, с. 100–116].

Конституция устанавливает общие правила правового регулирования. Такой подход предопределил следующую особенность источников правового регулирования административной ответственности: основная нагрузка по непосредственному регулированию данных вопросов возложена на Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), а Конституция регламентирует создание организационно-правовой системы общественных отношений и содержит нормы, являющиеся основой формирования полномочий субъектов административно-правового обеспечения деятельности, связанной с таможенным регулированием и внешнеэкономической деятельностью, в том числе таможенных органов (ст. 21, 23, 26, 27, 63, 109, 125 и др.) [7]. Указанные положения являются основными для принятия иных актов законодательства, возникновения, изменения и прекращения правоотношений в рассматриваемой сфере;

2) международно-правовые акты, оказывающие существенное влияние на порядок применения административной ответственности за правонарушения против порядка таможенного регулирования.

Выделение международно-правовых актов в отдельную группу объясняется конституционными положениями о том, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие своих законов этим принципам [7]. В связи с этим учеными отмечается, что международно-правовые принципы и нормы, не утрачивая свойств международных норм и актов, приобретают новое юридическое качество в связи с конституционными и законодательными гарантиями их реализации [8, с. 150–155].

Нормы КоАП формировались с учетом важнейших международно-правовых актов: Всеобщей декларации прав человека [9]; Международного пакта о гражданских и политических правах [10]; Конвенции ООН от 10 декабря 1984 г. «Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» [11]; Конвенции Совета Европы от 4 ноября 1950 г. № ETS № 5 «О защите прав человека и основных свобод» [12] и др., которые получили в нем определенное воплощение.

В рассматриваемой категории правовых актов важнейшее значение для обеспечения таможенного регулирования на территории ЕАЭС, в том числе на территории Республики Беларусь, имеет Таможенный кодекс ЕАЭС. В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 351 указанного кодекса одной из задач, возложенных на таможенные органы, является предупреждение, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений [13].

В качестве примера международно-правовых актов, принятых в рамках СНГ, можно назвать Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 15 апреля 1994 г., которым установлен порядок обмена информацией по делам об административных правонарушениях между таможенными органами [14];

3) кодексы и законы, иные нормативные правовые акты Республики Беларусь, на основании которых в рассматриваемой сфере выполняются задачи по защите прав и свобод физических и юридических лиц, осуществляется порядок таможенного регулирования, а также устанавливается порядок ведения административного процесса и др. Особое место среди нормативных правовых актов данной группы помимо КоАП и ПИКоАП занимает Закон о таможенном регулировании, определяющий права и обязанности таможенных органов при осуществлении правоохранительной деятельности [15].

В числе иных нормативных правовых актов можно назвать:

– указы Президента Республики Беларусь, направленные на совершенствование организации деятельности таможенных органов Республики Беларусь и определяющие их правовое положение, общие направления деятельности (например, Указ Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 228 «О некоторых вопросах таможенных органов» [16];

– нормативные правовые акты Правительства Республики Беларусь, которые принимаются на основе и во исполнение Конституции, законов Республики Беларусь и актов Президента Республики Беларусь. К таким актам относится постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 мая 2021 г. № 509 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»» [17];

4) локальные правовые акты Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (далее – ГТК), определяющие порядок ведения административного процесса. К ним можно отнести, например, приказ Председателя ГТК, которым утверждены примерные формы процессуальных документов, применяемых при ведении административного процесса должностными лицами таможенных органов [18];

5) в особую группу можно выделить имеющие отношение к рассматриваемой проблематике решения Конституционного Суда Республики Беларусь, принятые в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов, принятых Парламентом Республики Беларусь, до их подписания Президентом Республики Беларусь, и в порядке последующего контроля конституционности нормативных правовых актов. В качестве примеров можно привести решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 27 апреля 2011 г. № Р-571/2011 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О ратификации договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств-членов Таможенного союза”», а также решение Конституционного суда Республики Беларусь от 28 декабря 2017 г. № Р-1112/2017 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях”» [19], [20];

6) решения Коллегии Евразийской экономической комиссии и Совета Евразийской экономической комиссии (решения ЕЭК).

Следует отметить, что отличительной особенностью правового регулирования административной ответственности в исследуемой сфере является тесная связь административного законодательства Республики Беларусь с таможенным законодательством ЕАЭС. Регулирование нормами административного права общественных отношений, связанных с проведением таможенного контроля, отмечено О.И. Чуприс и А.К. Герасимович [21, с. 264–270]. Решения, принятые ЕЭК, могут определять предмет административного правонарушения, срок и порядок уплаты таможенных платежей, порядок внесения сведений в декларацию на товары, т.е. имеют прямую связь с административным законодательством. В числе таких актов можно назвать, например, решения Совета ЕЭК от 16 июля 2012 № 54 «Об утверждении единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза»; от 08 июля 2025 № 48 «Об утверждении перечня объектов отслеживания, перевозимых автомобильным видом транспорта, в отношении которых применяются навигационные пломбы» [22], [23], решение Коллегии ЕЭК от 07 октября 2025 «О внесении изменений в структуру и формат декларации на товары и корректировки декларации на товары» [24].

Вместе с тем решения ЕЭК, имея юридическую силу на территории Республики Беларусь и воздействуя на применение административного законодательства, не являются в Республике Беларусь нормативными правовыми актами. Актуальность рассматриваемого вопроса для нашего исследования определяет то обстоятельство, что в соответствии со ст. 6.3 ПИКоАП к источникам доказательств относятся объяснения лица, в отношении которого ведется административный процесс, потерпевшего, свидетеля, заключение эксперта, вещественное доказательство, протокол об административном правонарушении, протокол процессуального действия, документ и другой носитель информации, полученные в порядке, установленном этим Кодексом и иными законодательными актами. Таким образом, из буквального прочтения ПИКоАП можно сделать вывод о том, что, поскольку исследуемые решения ЕЭК к законодательным актам не относятся, то результаты таможенного контроля не могут использоваться в административном процессе.

Т.Н. Михалева отмечает, что нормы права ЕАЭС содержат в себе общеобязательные правила поведения для широкого круга субъектов: государств и их уполномоченных органов, органов ЕАЭС и его должностных лиц и сотрудников, в ряде случаев – для частных лиц. Рассуждая о приоритете права ЕАЭС, Т.Н. Михалева полагает, что в случае противоречия национальной нормы и нормы интеграционного правопорядка в конкретном правоотношении применению

подлежит последняя. Данный автор занимает позицию непосредственного применения таких норм и подчеркивает, что такое свойство состоит в том, что оно автоматически становится частью национального правопорядка и должно применяться в государствах-членах единообразно, как если бы это был источник национального права [25, с. 101–102, 106–107]. Соглашаясь с такой позицией, полагаем, что вытекающее из положений Договора о ЕАЭС непосредственное действие решений ЕЭК (отсутствие специальных обязательных процедур для их имплементации в национальное законодательство), подкрепленное признанием Республикой Беларусь приоритета общепризнанных принципов международного права, в том числе принципа «договоры должны соблюдаться» (pacta sunt servanda), и обеспечением соответствия им законодательства (ст. 8 Конституции), обусловливает необходимость комплексного подхода к применению административно-правовых предписаний в сфере таможенного дела, учитывающего многоуровневый характер правового регулирования таможенных правоотношений и обязывающего таможенные органы непосредственно применять решения ЕЭК, осуществлять постоянный мониторинг и руководствоваться данными решениями в случае коллизии с нормами национального права.

Заключение. Исследование показало, что административно-правовое регулирование порядка привлечения к административной ответственности за таможенные правонарушения основывается на иерархической системе норм права, содержащихся в Конституции, международно-правовых актах, законах Республики Беларусь, указах Президента Республики Беларусь, нормативных правовых актах Правительства Республики Беларусь и республиканских органов государственного управления. По функциональной роли в механизме правового обеспечения привлечения к административной ответственности за таможенные правонарушения правовые акты предлагается разделить на две группы.

К первой группе относятся общеустановительные нормативные правовые акты, содержащие исходные нормы, определяющие основы административно-правовой регламентации отношений, складывающихся в сфере таможенного регулирования. К их числу можно отнести Конституцию, законы Республики Беларусь и указы Президента Республики Беларусь. К данной группе можно отнести и решения ЕЭК. Во вторую группу входят обеспечительные (исполнительные) нормативные и ненормативные правовые акты, которые принимаются на основе и во исполнение Конституции, законов, а также актов Президента Республики Беларусь. К этой группе можно отнести нормативные и локальные правовые акты, принимаемые органами исполнительной власти, в том числе приказы Председателя ГТК.

Такая классификация правовых актов показывает, что они направлены на обеспечение соблюдения порядка таможенного регулирования, закрепляют основу государственного управления в данной сфере, определяют организацию и порядок таможенного регулирования и привлечения к административной ответственности за его нарушение.

Решениями ЕЭК могут быть определены элементы состава административных таможенных правонарушений, субъекты привлечения к административной ответственности, порядок получения информации при производстве по делам об административных правонарушениях против порядка таможенного регулирования. В связи с тем, что факультативным источником доказательств в административном процессе являются результаты примененного таможенного контроля в контексте ст. 6.11 ПИКоАП, полагаем возможным дополнить гл. 6 ПИКоАП результатами контроля, осуществляемого государственными органами (к которым относится и таможенный контроль), в качестве источника доказательств. Например, результаты контроля, осуществляемого государственными органами, могут быть добавлены в перечень источников доказательств, названных в ч. 2 ст. 6.3 ПИКоАП.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. : в ред. от 21 нояб. 2023 г. : с изм. и доп. от 24 июня 2024 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 10.11.2025).

2. Зырянов, С. М. Проблемы конструирования составов административных правонарушений в статьях Особенной части КоАП РФ / С. М. Зырянов // Журнал рос. права. – 2020. – № 8. – С. 105–109.

3. Егоров, А. В. Правовая интеграция и ее функциональные основания / А. В. Егоров // Право.by. – 2022. – № 5. – С. 99–107.

4. Пляхимович, И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. / И. И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – Т. 1. – 1221 с.

5. Василевич, Г. А. Нормативные правовые акты государственных органов Республики Беларусь / Г. А. Василевич. – Изд. 2-е, доп. – Минск : Право и экономика. 2001. – 231 с.

6. Тиковенко, А. Г. Конституция Беларуси как основа национальной правовой системы / А. Г. Тиковенко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. ; редкол.: Н. А. Карпович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 100–116.

7. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 окт. 2021 № 124-З // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 10.11.2025).

8. Международное публичное право : учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекяшев, Е. Г. Моисеев [и др.] ; отв. ред. К.А. Бекяшев. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 997 с.

9. Всеобщая декларация Организации Объединенных Наций «Прав человека» : принята в г. Нью-Йорке 10 дек. 1948 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 18.11.2025).

10. Международный пакт Организации Объединенных Наций «О гражданских и политических правах» : принят в г.Нью-Йорке 16 дек. 1966 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 18.02.2025).

11. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : заключена 10 дек. 1984 г. : с изм. от 8 сент. 1992 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 18.02.2025).

12. Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) : заключена в г.Риме 4 нояб. 1950 г. : в ред. от 19 марта 1985 г. № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 18.02.2025).

13. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза : прил. № 1 к Договору о Тамож. кодексе Евраз. экон. союза : в ред. Протокола от 29 мая 2019 г. : с изм., внес. Решением Совета ЕЭК от 29 апр. 2020 г. № 47 : в ред. от 5 апр. 2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 12.11.2025).

14. Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах : заключено в г. Москве 15 апр. 1994 г. : в ред. от 1 июня 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 18.02.2025).

15. О таможенном регулировании в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2014 г. № 129-З : в ред. от 22 апр. 2024 г. № 366-З // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 12.11.2025).

16. Вопросы таможенных органов : Указ Президента Респ. Беларусь : 21 апр. 2008 г. № 228 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 4 июля 2022 г. № 228// КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 18.02.2025).

17. О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 27 мая 2014 г. № 509 : в ред. от 27 янв. 2025 г. № 48// КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 18.02.2025).

18. О примерных формах процессуальных документов, применяемых должностными лицами таможенных органов при ведении административного процесса по делам об административных правонарушениях : приказ Пред. Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь от 10 апреля 2023 г. № 246-ОД // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 18.02.2025).

19. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О ратификации Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств-членов таможенного союза» : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 27 апр. 2011 г. № Р-571/2011 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 19.02.2025).

20. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 28 дек. 2017 г. № Р-1112/2017 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 19.02.2025).

21. Чуприс, О. И. Отдельные направления совершенствования административно-правового регулирования таможенного контроля в условиях интеграционных процессов ЕАЭС / О. И. Чуприс,

А. К. Герасимович // Таможенные чтения – 2019. Наука и образование в условиях становления инновационной экономики : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 т. / С.-Петерб. фил. Рос. тамож. акад.; под общ. ред. С. Н. Гамидуллаева ; редкол.: Ю. А. Максимов [и др.]. – СПб., 2019. – Т. 1. – С. 264–270.

22. Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза : решение Совета Евраз. экон. комис. от 16 июля 2012 г. № 54 : в ред. от 14 июля 2021 г. № 77 : с изм. и доп. от 21 сент. 2021 г. № 129 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 12.11.2025).

23. Об утверждении перечня объектов отслеживания, перевозимых автомобильным видом транспорта, в отношении которых применяются навигационные пломбы : решение Совета Евраз. экон. комис. от 08 июля 2025 г. № 48 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 12.11.2025).

24. О внесении изменений в структуру и формат декларации на товары и корректировки декларации на товары : решение Коллегии Евраз. экон. комис. от 07 октября 2025 г. № 90 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 12.11.2025).

25. Михалева, Т. Н. Право Евразийского экономического союза : учеб.-метод. пособ. / Т. Н. Михалева. – Минск : БГУ, 2022. – 191 с.

Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники

Поступила в редакцию 12.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 347.9 EDN: ZEHZHK

Понятие и предпосылки формирования профессиональной судебной этики

Е.Н. Ярмоц

В статье предпринята попытка раскрыть понятие «профессиональная судебная этика». Для этого проанализировано понятие этики, прикладной этики и профессиональной этики. В структуре последней выделена судебная этика. Осуществлено отграничение двух категорий – «судебная этика» и «судейская этика». Обосновано, что судейская этика выступает как часть судебной этики. Рассмотрена структура судебной этики.
Ключевые слова: этика, юридическая этика, профессиональная этика, судебная этика, общественное доверие, судебная власть, судья, судейская этика.

This article attempts to elucidate the concept of “professional judicial ethics”. For this purpose, the concepts of ethics, applied ethics, and professional ethics are analyzed. Judicial ethics is distinguished within the structure of the latter. A distinction has been drawn between two categories «judicial ethics» and «ethics of judges». It is substantiated that ethics of judges constitutes a part of court ethics. The structure of judicial ethics is examined.
Keywords: ethics, legal ethics, professional ethics, judicial ethics, public trust, judiciary, judge, judicial ethics.

Введение. Этические (морально-нравственные) аспекты человеческой деятельности являются объектом исследования такой науки, как этика. В структуре этического знания принято выделять несколько обособленных блоков: дескриптивная этика, метаэтика, нормативная этика и прикладная этика. Актуальность последней была обусловлена общественной потребностью в разработке и институционализации конкретных (прикладных) регулятивов, практических рекомендаций для разрешения конкретных нравственных задач в определенных сферах жизнедеятельности человека (потитика, бизнес, образование, медицина и т. п.).

Разновидностью прикладной этики является профессиональная этика как совокупность моральных принципов, норм и правил поведения специалиста на основе общечеловеческих моральных ценностей с учетом особенностей его профессиональной деятельности. Профессиональная этика «возникает там, где складываются неравновесные, ассиметричные отношения между представителями данной профессии и другими людьми, когда люди (их жизни, свободы, судьбы) находятся в зависимости от действий и морального облика профессионала» [1, с. 325]. Значение и значимость профессиональной этики обусловлены рядом обстоятельств: во-первых, необходимостью установления рамок дозволенного поведения и урегулирования нравственно-этических проблем и спорных ситуаций; во-вторых, необходимостью осуществления социального контроля за представителями некоторых профессиональных сообществ и предотвращения злоупотреблений с их стороны в отдельных сферах профессиональной деятельности; в-третьих, в силу особой социальной значимости некоторых профессий, налагающих на их представителей повышенную ответственность перед обществом [2, с. 40].

Основная часть. Профессиональная этика как явление обладает некоторыми особенностями, характеризующими следующий поступательный процесс – в результате объединения людей по профессиональному признаку происходит формирование специальных профессиональных моральных норм и ценностей, что обусловливает выработку профессиональных деонтологий, закрепленных в форме этических правил (кодексов) поведения. В данном профессиональном сообществе формируется корпоративный дух, имеющий как внутреннюю, так и внешнюю (символичную) сторону (традиции, обычаи, одежда, внешний вид) [1, с. 326].

В советской период развития белорусского государства и права был период, когда в специальной литературе велись дискуссии относительно целесообразности выделения профессиональной этики в качестве самостоятельного раздела этики. В частности, высказывалось мнение, что наличие концепции профессиональной этики означало бы в практическом плане допущение нарушений нравственности под предлогом специфики той или иной профессии, государствен-

ной или общественной деятельности: «Правовая культура судебного процесса не знает деления на существенные и несущественные нарушения, а складывается из скрупулезного выполнения всех процессуальных и нравственных норм» [3, с. 71]. Лишь в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в., в связи с исследованиями в области судебной психологии, научно-практический интерес к проблемам юридической (судебной) этики вернулся [4, с. 8]. В современном обществе, где право, наряду с моралью и религией, играет важнейшую роль в регулировании отношений между индивидом, обществом и государством, этические правила и стандарты становятся важнейшей составляющей профессиональной деятельности юристов. Их необходимость и значимость не только не ставятся под сомнение, но и признается на высшем государственном уровне. Так, В.Л. Калинкович отмечает, что в учебных программах по подготовке кандидатов в судьи в УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ» особое внимание уделяется изучению психологических основ судебной деятельности, общих и специальных этических норм [5, с. 7].

Нормы профессиональной этики основываются на общепринятых этических нормах, однако, в целях идентификации, закрепляются в форме документа (кодекса, правил). Данные правила (кодексы) имеют два аспекта: внутренний, т. е. регламентация этических правил поведения работников той или иной профессии, и внешний, выражающий имиджевую составляющую. В этой связи «задача этических кодексов заключается в том, чтобы привести все представления членов профессионального сообщества по тем или иным вопросам к единому социально полезному значению» [6, с. 59].

Лица, «которым доверено в соответствии с законом разрешение социальных и межличностных конфликтов, несут повышенную нравственную ответственность за свои действия и решения» [7, с. 341]. Общество, по понятным причинам, предъявляет к юристам (а особенно, к судьям) более высокие стандарты поведения, чем к обычным людям. Исключительные стандарты поведения судей должны действовать как в зале судебного заседания, так и вне его «и распространяться не только на фактические неподобающие действия, но и на те действия, которые могут создать даже видимость неподобающего поведения» [8, p. 82]. Общественное доверие и уважение к судебной власти являются гарантиями эффективной работы судебной системы, а «поведение судей и работников аппарата судов в профессиональной сфере и во внеслужебной деятельности рассматривается гражданами как неотъемлемая часть такого доверия» [9, с. 74].

Эволюционный путь развития института судебной этики довольно длительный. А.А. Шафалович выделяет три основных этапа на данном пути: зарождение коренных начал правосудия (V в. до н. э. – VI в. н. э.); сер. XVII – сер. XX вв. – развитие морально-этических начал в судебной деятельности; с сер. XX в. по настоящее время – современный этап [6, с. 144].

И.Д. Назаров выделяет четыре концепции, характеризующие соответствующие этапы эволюции нравственных представлений о правосудии в западноевропейских государствах: 1) античная концепция – «auctoritas» (лат. «достоинство») характеризуется усилением роли нравственной оценки в процессе осуществления правосудия: «Традиционные нравственные ценности: справедливость, чувство долга, стремление к достижению правды (истины) возводятся сознанием античного общества в разряд приоритетных» [10, с. 14]; 2) средневековая христианская концепция «intra ecclesiam» (лат. «в лоне церкви») направляла правосудие по пути постижения смысла данных Богом правовых норм в соответствии с нормами церковного права; 3) концепция Нового времени – «ex officio» (лат. «от должности») – суд превращается в инструмент достижения целей государственной власти, что нашло отражение в этической «концепции позора», согласно которой явление «позора» имело непосредственное отношение к процессу отправления правосудия в качестве нравственного фактора признания деяния неправомерным; 4) современная концепция «jus cogens» (лат. «неоспоримое право»), которая характеризуется укреплением связи между юридическими и нравственными критериями в процессе отправления правосудия [10, с. 14–15].

На постсоветском пространстве основоположником судебной этики считается А.Ф. Кони. Именно ему принадлежит работа «Этические начала в уголовном судопроизводстве» [11, с. 27–61]. В данной работе А.Ф. Кони прямо указывает на взаимосвязь морали и

права в деятельности судьи на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе при назначении наказания и исполнении приговора: «В деятельности судьи, однако, должны сливаться правовые и нравственные требования. <…>. Чтобы не быть простым орудием внешних правил, действующим с безучастной регулярностью часового механизма, судья должен вносить в творимое им дело свою душу и наряду с предписаниями положительного закона руководиться безусловными и вечными требованиями человеческого духа…» [11, с. 45].

Как область исследования судебная этика (judicial ethics) обычно рассматривается как часть юридической этики [12]. Необходимо различать, таким образом, категории «судебная этика» и «судейская этика». Судебную этику А.Ф. Кони определяет как «учение о приложении общих понятий о нравственности к той или другой отрасли специальной судебной деятельности» [11, с. 50]. Следует отметить, что такое понимание судебной этики является устоявшимся в современной юридической этической науке [6, с. 75].

Если судебная этика регулирует морально-этическую составляющую поведения всех участников судебного процесса, в том числе и судей, то судейская этика – лишь последних. Предмет судейской этики включает повышенные моральные ограничения и нормативы, предъявляемые к представителям судейского сообщества, в то время как предмет судебной этики гораздо шире и богаче, поскольку является «не просто сводом этических норм, заповедей, установок, выработанных различными юридическими профессиями, имеется, очевидно, общая их основа в виде этических идеалов и принципов правосудия» [13, с. 79].

Заключение. Таким образом, судебная этика как разновидность прикладной этики занимается общезначимыми проблемами этики судопроизводства и рассматривает конкретные этико-правовые ситуации, возникающие в судебной деятельности. Судейская этика, являясь разновидностью профессиональной этики, изучает и регулирует поведение судей как в процессе осуществления ими профессиональной деятельности, так и в личной жизни [6, с. 143].

Д.П. Котов в системе судебной этики выделял общую (изучаются предмет, метод, система, междисциплинарные связи и задачи судебной этики, специфика культуры судопроизводства и исправительно-трудовой деятельности, общие положения о служебном нравственном долге лиц, занимающихся судебной и связанной с ней деятельностью) и особенную (изучает нравственные начала предварительного расследования, судебного процесса, адвокатской, прокурорской деятельности и т. п.) части [14, с. 11]. А.А. Шафалович, в свою очередь, выделяет три составляющие предмета судебной этики: нормативную часть, морально-этические правила и нравственное сознание участников судопроизводства [6, с. 144]. Ч.Г. Гейх выделяет три элемента «архитектуры судебной этики»: «всеобъемлющие принципы судейской этики, которые являются основополагающими» (честность, беспристрастность, независимость и компетентность судьи) – макроэтика; «конкретные правила судебной этики», которые законодатель включил в свои кодексы поведения – микроэтика и «пределы судебной этики по отношению к конкурирующим ценностям и целям» – реляционная этика [12, p. 2295]. Как видим, все три позиции имеют право на существование и отражают тот или иной взгляд на структуру судебной этики.

Литература

1. Мишаткина, Т. В. Этика : учеб. пособ. / Т. В. Мишаткина, Я. С. Яскевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 334 с.

2. Малиновский, А. А. Кодекс профессиональной этики : понятие и юридическое значение / А. А. Малиновский // Журнал российского права. – 2008. – № 4. – С. 39–44.

3. Ликас, А. Л. Культура правосудия / А. Л. Ликас. – М. : Юрид. лит., 1990. – 176 с.

4. Порубов, Н. И. Юридическая этика : Учеб. пособ. / Н. И. Порубов, А. Н. Порубов. – Минск : Вышэйшая школа, 2003. – 352 с.

5. Калинкович, В. О подготовке кандидатов на должность судьи / В. Калинкович // Судовы веснік. – 2022. – № 3. – С. 4–9.

6. Шафалович, А. А. Юридическая этика : учеб. пособ. / А. А. Шафалович, О. В. Бодакова. – Минск : РИВШ, 2024. – 192 с.

7. Скрипник, А. П. Этика : учебник / А. П. Скрипник. – М. : Проект, 2004. – 352 с.

8. Cronin, Keeley O. Judicial ethics – judicial words may speak softer than actions, but they do still speak : The Code of Judicial conduct / O. Cronin Keeley // Wyoming Law Review. – 2018. – Vol. 18,№ 1, Art. 5. – P. 81–111.

9. Ляскова, Ю. Кадровая политика Верховного Суда – важнейшее направление повышения авторитета судебной власти в обществе / Ю. Ляскова // Судовы веснік. – 2023. – № 2. – С. 74–76.

10. Назаров, И. Д. Категория правосудие в истории общественной мысли : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.05 / Назаров Илья Дмитриевич ; ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». – Иваново, 2016. – 29 с.

11. Кони, А. Ф. Этические начала в уголовном судопроизводстве /А. Ф. Кони // Избранные произведения. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – Т. 1 : Статьи и заметки. Судебные речи. – 628 с.

12. Geyh, Ch. Gardner. The architecture of Judicial ethics / Ch. Gardner Geyh // Journal of Constitutional Law. – 2021. – Vol. 23. – P. 2290–2340.

13. Алексеев, В. Б. Настольная книга судьи / В. Б. Алексеев, Л. Е. Ароцкер. – М. : Юридическая литература, 1972. – 428 с.

14. Котов, Д. П. Вопросы судебной этики / Д. П. Котов. – М. : Знание, 1976. – 64 с.

Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина

Поступила в редакцию 14.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

Экономика

УДК 338.48-6:502(470) EDN: ZPJBKI

Экологический туризм: анализ проводимых научных исследований по его организации и развитию в Российской Федерации

И.В. Ермонина

В статье рассмотрены основные задачи, количественные показатели по развитию сферы туризма на 2026–2030 гг., утвержденные правительством с целью повышения международного туристического имиджа Республики Беларусь, наращивания экспорта туристических услуг, развития внутреннего туризма. Показывается перспективное направление развития экологического туризма за счет использования в туристических маршрутах и турах объектов природного и историко-культурного наследия, находящихся на территории лесного фонда лесхозов. Проведен анализ результатов научных исследований по экологическому туризму, полученных российскими учеными-экономистами, которые могут быть использованы и для Республики Беларусь.
Ключевые слова: туризм, экологический туризм, организация, устойчивое развитие, количественные показатели, научные исследования.

The article discusses the main tasks and quantitative indicators for the development of the tourism sector for 2026–2030, approved by the government in order to enhance the international tourism image of the Republic of Belarus, increase exports of tourist services, and develop domestic tourism. The article shows a promising direction for the development of ecological tourism through the use of natural and historical and cultural heritage sites located on the territory of the forestry fund in tourist routes and tours. The analysis of the results of scientific research on ecological tourism, obtained by Russian scientists and economists, can be used for the Republic of Belarus.
Keywords: tourism, ecological tourism, organization, sustainable development, quantitative indicators, scientific research.

Введение. Современное состояние экономики в мире ориентировано прежде всего на развитие сферы услуг. В связи с этим наиболее перспективной и важной отраслью является туризм, особенностью которого служит отсутствие прямого внешнеторгового обмена, когда продаются и покупаются не только товары и услуги, но и природные и историко-культурные рекреационные ресурсы.

Необходимо отметить, что большое внимание в Республике Беларусь оказывается вопросам повышения международного туристического имиджа страны, наращивания экспорта туристических услуг, развития внутреннего туризма и рекреации. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на церемонии инаугурации 25 марта 2025 г. во Дворце Независимости поставил задачу сделать туризм в стране национальным проектом. «Задача пятилетки – сделать туризм национальным проектом. Открыть миру наши историю, культуру и язык. Эта индустрия по значимости и экономическому потенциалу не уступает, например, машиностроению», – сказал глава государства» [1]. Указом Президента Республики Беларусь от 10.09.2025 г. № 329 «О совершенствовании государственного управления в сфере туризма» [2] определены главные задачи на ближайшую пятилетку – «повышение вклада туризма в экономику страны почти в 2 раза, достижение его доли в ВВП не менее 4,5 % в 2030 году» [3] за счет продвижения туристического потенциала Республики Беларусь на внешнем и внутреннем туристических рынках и ориентации на развитие туризма как приоритетного вида экономической деятельности. В утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.12.2025 г. № 797 Государственной программе «Туризм» на 2026–2030 гг. определены количественные показатели, которых необходимо достичь к 2030 г.: увеличение доли туризма в ВВП с 1,9 % (2022 г.) до 4,5 %, рост турпотока от внутренних поездок с 19,7 млн (2024 г.) до 31 млн человек, а въездных – с 6,6 млн до 12,5 млн человек [4].

Особое место в сфере туризма занимает экологический туризм, под которым подразумевается отдых в рекреационно-привлекательных регионах, мало нарушенных человеческой деятельностью. На территории лесного фонда республики находятся уникальные достопримечательности: валуны, ледниковые конгломераты, озера, реки, водохранилища, родники, болота, вековые деревья, каменные кресты, городища, места стоянок первобытного человека; другие памятники, связанные с историей страны, богатый растительный и животный мир, которые открывают широкие возможности для создания туристических маршрутов и многодневных экологических туров с разнообразной программой на основе использования охотничьих комплексов лесхозов для комфортного проживания туристов. И в этом направлении работа в лесном хозяйстве ведется: в лесничествах создаются экологические тропы, в охотничьих комплексах расширяется перечень туристических услуг, положительный опыт организации экологического туризма перенимается лесхозами в национальных парках, заповедниках, заказниках, находящихся на особо охраняемых природных территориях Республики Беларусь.

В Государственной программе «Туризм» на 2026–2030 гг. запланировано комплексное формирование национального туристического бренда. Одной из ее ключевых позиций является «зеленая страна» (экология). Дальнейшее развитие экологического туризма в республике будет способствовать повышению узнаваемости страны на международном рынке, а «реализация Государственной программы будет способствовать достижению на национальном уровне Целей устойчивого развития на период до 2030 г., содержащихся в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» [5, с. 1].

В Российской Федерации накоплен большой опыт по вопросам организации и развития экологического туризма, проводятся научные исследования по этому направлению с целью обеспечения его устойчивого развития. Этот опыт будет полезен и для Республики Беларусь. Анализ полученных российскими учеными-экономистами результатов научных исследований по экологическому туризму приведен в этой статье.

Основная часть. В Российской Федерации датой рождения экологического туризма можно считать 1995–1996 гг., когда в двух ее регионах (на Северо-Западе и на Дальнем Востоке) начали реализовываться проекты по экологическому туризму. На Северо-Западе был разработан план развития экологического туризма в Водлозерском национальном парке и на Дальнем Востоке, в рамках проекта Всемирного Фонда Дикой Природы и Агентства США по международному развитию, началось внедрение экологического туризма в заповедниках Приморского края [6, с. 9].

За последние 20 лет экономические исследования по организации и развитию экологического туризма в Российской Федерации проводились учеными-экономистами преимущественно в ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет» (г. Сочи), Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Санкт-Петербургская государственная академия сервиса и экономики», Институте проблем региональной экономики РАН и ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (г. Санкт-Петербург), ГОУ ВПО «Государственный университет управления» (г. Москва). Рассмотрим результаты научных исследований российских ученых в хронологическом порядке.

В 1998–2002 гг. в Сочинском государственном университете туризма и курортного дела Т.В. Шмелевой [7] проведено научное исследование по разработке механизма управления развитием экологического туризма на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Выдвинута гипотеза о том, что экологический туризм является наиболее эффективным видом экономической деятельности на ООПТ. Проведена систематизация понятийного аппарата экологического туризма. Предложен новый классификационный признак – зависимость видов туризма от возможностей целевой туристской территории. На основе новой классификации определены принципы и функции экологического туризма. Обоснована методика анализа ресурсного потенциала и оценки пропускной способности ООПТ с точки зрения развития экологического туризма, при этом учитывалась методология устойчивого развития туризма при отборе природных и этнокультурных объектов экотуризма, а также технологии предоставления услуг экотуризма. В рамках проведенных научных исследований Т.В. Шмелевой разработаны основы формирования механизма управления развитием экоту-

ризма, основанные на взаимодействии двух вертикальных и одного горизонтального уровней координации действий агентов рынка экотуризма, разработаны методы управления туристскими потоками на объектах экотуризма с помощью системы туристских сборов.

Научные исследования З.А. Семеновой [8], проведенные в период 2002–2005 гг. в ГОУ ВПО «Санкт-Петербургская государственная академия сервиса и экономики» были направлены на формирование стратегии развития экологического туризма в Российской Федерации. Ею было сформулировано определение, предложены классификации видов и форм, определены основные базовые принципы развития экологического туризма. З.А. Семеновой предложены и обоснованы пять блоков федерально-стратегического развития экологического туризма в регионе: аналитический, прогнозный, целевой, организационный и ресурсный. Разработана математическая модель создания зоны экотуризма, обеспечивающая сохранение экологического состояния региона и предложены три экономико-математические модели стратегического развития экологического туризма в Российской Федерации.

Исследование по управлению организацией экологического туризма в Российской Федерации проведено в период 2002–2006 гг. Ю.М. Белозеровой в ГОУ ВПО «Государственный университет управления» (г. Москва) [9]. Ею предложена расширенная классификация видов экологического туризма, выделены основные участники рынка экологического туризма, определены их цели, потребности, функции, предложен механизм взаимодействия, а также критерии оценки эффективности развития экологического туризма для каждой группы участников. Ю.М. Белозеровой разработаны методические подходы по формированию стратегии развития экологического туризма и предложена модель организации туристской деятельности в соответствии с принципами экологического туризма.

В период 2006–2009 гг. Л.Ю. Никифоровой [10] проводилось научное исследование в Институте проблем региональной экономики РАН (г. Санкт-Петербург) по разработке концептуальных основ региональной политики развития экологического туризма при создании туристско-рекреационных особых экономических зон. На примере туристических ресурсов Республики Бурятия предложен методический подход оценки туристско-рекреационного потенциала региона в условиях устойчивого развития, в основе которого используются интегральные показатели уровня привлекательности территории. Ею разработана методика оценки туристских рисков и предложена система управления, включающая разработку программы управления рисками. Обосновано использование кластерного подхода при формировании туристско-рекреационного комплекса региона и разработаны предложения по использованию механизма государственно-частного партнерства при развитии экологического туризма и организации туристско-рекреационной особой экономической зоны.

А.А. Гусановым [11] в 2004–2010 гг. в ГОУ ВПО «Государственный университет управления» (г. Москва) было проведено научное исследование по разработке теоретико-методологического обеспечения для совершенствования управления экологическим туризмом в Российской Федерации. Им было уточнено определение экологического туризма и разработана классификация его видов; разработана программа деятельности по развитию в регионах Российской Федерации экологического туризма, предложена методика разработки стратегии развития экологического туризма в регионах Российской Федерации без нанесения вреда их экологии и социально-культурной среде; даны методические рекомендации по управлению экологическим туризмом в регионе на основе постоянного мониторинга и контроля региональной среды и определены методы эффективного управления экологическим туризмом на региональном уровне.

В период 2005–2012 гг. Л.Б. Байсултановой [6] в Сочинском государственном университете выполнялось научное исследование по разработке организационно-экономического механизма управления развитием экологического туризма на примере Кабардино-Балкарской Республики (КБР). В рамках проведения научного исследования было уточнено понятие экологического туризма на основе выделения критериев его формирования, связанных с управлением и устойчивым развитием туристско-рекреационного комплекса, выделены ресурсно-воспроизводственный и эколого-экономический признаки экологического туризма, проведено организационно-экономическое и рекреационное районирование территории КБР, разработан организационно-экономический механизм управления экологическим

туризмом на примере КБР; обосновано создание инфраструктурной поддержки в составе органов управления ООПТ – «Центр экотуризма», централизованно управляющей всеми дестинациями экологического туризма на территории ООПТ.

О.В. Конаныхина [12] в период 2010–2017 гг. в ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет» разрабатывала теоретические и практические положения и рекомендации, связанные с устойчивым развитием природно-ориентированного туризма на примере Астраханской области. Ею предложено методическое обоснование уровней туристской привлекательности территорий, раскрыта содержательная характеристика, дана классификация и определены основные формы природно-ориентированного туризма, предложена структурная модель устойчивого развития природно-ориентированного туризма, разработан алгоритм формирования объединенного турпродукта природно-ориентированного туризма; разработана концепция брендинга природно-ориентированного туризма как инновационной составляющей его устойчивого развития.

В период 2014–2017 гг. Е.С. Виноградов [13] в ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» проводил научные исследования по организационно-экономическим аспектам развития экологического туризма. Им были предложены уточненные понятия «экологический туризм» и «ресурсы экологического туризма», выявлены экономические и организационные проблемы развития экологического туризма на ООПТ и сформирован перечень мероприятий по его развитию, разработан методический подход к оценке приоритетности развития экологического туризма в регионе, предложен методический подход к оценке бюджетной эффективности и социального эффекта от развития экологического туризма на основе учета динамики рабочих мест в регионе в результате реализации инвестиционных проектов развития экологического туризма.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, приходим к следующим выводам.

1. Научные экономические исследования в Российской Федерации по вопросам организации и развития экологического туризма начали проводиться с 1998 г. на базе нескольких организаций, расположенных в трех городах: г. Сочи, г. Санкт-Петербург и г. Москва. Наиболее активными организациями в этом направлении научных исследований явились ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургская государственная академия сервиса и экономики», Институт проблем региональной экономики РАН, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», ГОУ ВПО «Государственный университет управления», которые проводили параллельно и независимо от друг друга свои научные исследования.

2. Практически все ученые-экономисты предложили свое определение экологического туризма, определили его принципы и функции, классификацию его видов и форм.

3. Учеными-экономистами Т.В. Шмелевой (2002), Л.Б. Байсултановой (2012) и Е.С. Виноградовым (2017) рассматривались вопросы развития экологического туризма на ООПТ. Для них был разработан механизм управления развитием экологического туризма на ООПТ, обоснована методика анализа ресурсного потенциала и оценки пропускной способности ООПТ, сформирован перечень мероприятий по развитию экологического туризма на ООПТ.

4. Научные исследования З.А. Семеновой (2005), Ю.М. Белозеровой (2006), А.А. Гусанова (2010) были направлены на формирование стратегии развития экологического туризма в Российской Федерации и его регионах, разработку моделей его стратегического развития и методов эффективного управления экологическим туризмом на региональном уровне.

5. Некоторые ученые-экономисты предложили методические подходы к оценке эффективности развития экологического туризма в регионе (Е.С. Виноградов (2017)), оценке туристских рисков (Л.Ю. Никифорова (2009)), классификацию, основные формы и модель устойчивого развития природно-ориентированного туризма (О.В. Конаныхина (2017)).

Литература

1. Лукашенко поставил задачу сделать туризм в Беларуси национальным проектом // БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL : https://belta.by/president/view/lukashenko-postavil-zadachu-sdelat-turizm-v-belarusi-natsionalnym-proektom-704747-2025/ (дата обращения: 20.05.2025).

2. О совершенствовании государственного управления в сфере туризма : Указ от 10 сент. 2025 г. № 329 // Президент Республики Беларусь. – URL : https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-329-ot-10-sentabra-2025-g (дата обращения: 12.09.2025).

3. Национальное агентство по туризму Минспорта будет напрямую подчиняться правительству // БЕЛТА – Новости Беларуси. – URL : https://belta.by/president/view/natsionalnoe-agentstvo-po-turizmu-minsporta-budet-naprjamuju-podchinjatsja-pravitelstvu-736580-2025/ (дата обращения: 12.09.2025).

4. Амбициозный план : как Беларусь намерена удвоить вклад туризма в ВВП к 2030 году // РСТИ (Республиканский союз туристической индустрии). – URL : https://rsti.by/o-nas/novosti/ambitsioznyy-plan-kak-belarus-namerena-udvoit-vklad-turizma-v-vvp-k-2030-godu/ (дата обращения: 25.01.2026).

5. О Государственной программе «Туризм» на 2026–2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 797 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.01.2026).

6. Байсултанова, Л. Б. Формирование организационно-экономического механизма управления развитием экологического туризма : (на примере Кабардино-Балкарской Республики) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Байсултанова Лейла Борисовна. – Сочи, 2012. – 26 с.

7. Шмелева, Т. В. Разработка механизма управления развитием экологического туризма на особо охраняемых природных территориях : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Шмелева Татьяна Владимировна. – Сочи, 2002. – 21 с.

8. Семенова, З. А. Формирование стратегии развития экологического туризма в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Семенова Зоя Анатольевна. – СПб., 2005. – 19 с.

9. Белозерова, Ю. М. Управление организацией экологического туризма в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Белозерова Юлия Михайловна. – М., 2006. – 20 с.

10. Никифорова, Л. Ю. Роль экологического туризма при создании туристско-рекреационной особой экономической зоны : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Никифорова Лина Юрьевна. – СПб., 2009. – 20 с.

11. Гусанов, А. А. Управление экологическим туризмом в регионах России : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Гусанов Александр Анатольевич. – М., 2010. – 25 с.

12. Конаныхина, О. В. Природно-ориентированный туризм как фактор развития территорий без выраженной туристской привлекательности : (на примере Астраханской области) : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Конаныхина Ольга Владимировна. – Сочи, 2017. – 23 с.

13. Виноградов, Е. С. Организационно-экономические аспекты развития экологического туризма : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Виноградов Егор Сергеевич. – СПб., 2017. – 18 с.

Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого

Поступила в редакцию 09.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 338.001.36 EDN: ZWODUI

Устойчивость системы в турбулентной среде

С.Г. Захарова

В статье поставлена задача раскрыть понятие «устойчивость системы» как ключевой характеристики системы, способной выживать и развиваться в условиях турбулентности. Показать связь понятий «устойчивость системы» и её «жизнестойкость». Рассмотреть связь устойчивости социально-экономической системы с жизнестойкостью микро- и макроуровней. Используя статистический материал, оценить проблему нарушения классических экономико-математических методов анализа и экстраполяции выявленных трендов и закономерностей на перспективу. Введено и определено понятие «резильентность социально-экономической системы».
Ключевые слова: резильентность социально-экономической системы, устойчивость системы, турбулентная среда, экономическая безопасность, социальная безопасность, нестабильность.

The article sets the task of revealing the concept of «system stability» as a key characteristic of a system capable of surviving and developing in conditions of turbulence. The aim is to demonstrate the connection with the concepts of «stability of the system» and its «resilience», to consider linking the resilience of the socio-economic system to the resilience of the micro and macro levels. Using statistical material, to evaluate the problem of violation of classical economic and mathematical methods of analysis and extrapolation of identified trends and patterns for the future. The concept of «resilience of the socio-economic system» has been introduced and defined.
Keywords: resilience of the socio-economic system, stability of the system, turbulent environment, economic security, social security, instability.

Введение. Развитие системы предполагает планомерное движение к поставленной цели. Для этого нужно предпринять определённые действия уже сейчас, чтобы в перспективе всё сложилось в соответствии с поставленными целями и задачами. В классической теории на основе числового ряда выявляются закономерности и строятся трендовые линии, по которым можно определить прогнозные показатели. В условиях турбулентности к экстраполяции нужно относиться с осторожностью, поскольку при нарушении стабильности среды меняются и её свойства. Так, значимыми свойствами турбулентной среды являются рандомность, отсутствие заранее установленных правил и планов, нарушение ранее установленных трендов и закономерностей, периодичность и интервальность событий. Экстраполяция становится невозможной и требуется определить, насколько устойчива сама система в этих условиях. Турбулентность среды в мировой современной практике касается не только физических законов природы, термодинамики и инженерных систем, она наталкивает учёных на изучение этих новых условий и в социально-экономических системах.

Основная часть. Вопрос фундаментальный и требует чёткого анализа, поскольку в русскоязычном научном дискурсе термины часто смешиваются из-за особенностей перевода англоязычного понятия *resilience*. Путаница возникает потому, что английское *resilience* в разных науках переводится и как «упругость», и как «жизнестойкость», и как «устойчивость» (в значении устойчивости к шокам).

Понятие «устойчивость» социально-экономической системы тоже имеет разные интерпретации. Синергетический подход рассматривает сложные системы, их нелинейность, точки бифуркации в условиях хаоса. Понятие устойчивости системы весьма часто связывают с теорией «черных лебедей» и со способностью выдержать удар неизвестной природы, в основе которых лежат события с низкой вероятностью, но катастрофическими последствиями [1].

Следует отметить уровни устойчивости, изучаемые авторами:

– *Макроуровень (национальная экономика).* Индикаторы устойчивости: диверсификация, резервы, «подушки безопасности». Здесь применимы выводы Плакандараса и др. о персистентности шоков: устойчивая система должна «гасить» долгую память кризисов [2].

– *Мезоуровень (регионы, отрасли).* Рассматриваются проблемы монопрофильных городов и монокультурной экономики как зон повышенной хрупкости.

– *Микроуровень (домохозяйства, личности).* Опора на работы Бейли и соавторов, показывающих, как домохозяйства формируют собственную устойчивость через превентивные сбережения, инвестиции в образование, мобильность, тем самым, обеспечивая «устойчивость снизу» [3].

Таблица 1 – Структура устойчивости социально-экономической системы

Уровень системы	Направления исследования	Индикаторы устойчивости	Опора на авторов
Макроуровень (национальная экономика)	Способность экономики гасить шоки и возвращаться к траектории роста	Диверсификация, запасы (резервы), «подушки безопасности», низкая персистентность кризисов	Плакандарас и др. (персистентность), Талеб (избыточность) [1], [2]
Мезоуровень (регионы, отрасли)	Устойчивость территорий и секторов к внешним шокам	Степень диверсификации, монопрофильность, критический импорт	Классический отраслевой анализ
Микроуровень (домохозяйства, личность)	Способность людей противостоять турбулентности на рынке труда и в жизни	Превентивные сбережения, уровень образования и навыков (человеческий капитал), профессиональная мобильность	Бейли и соавторы (precautionary savings, occupational mobility) [3]

Многоуровневый подход, представленный в таблице 1, показывает, что устойчивость не монолитна.

Мартин Шнайдер (Стэнфордский университет) и Роберт С. Пиндайк (MIT) отказываются от стандартного предположения о том, что неопределенность управляется нормально распределенными шоками (броуновское движение). Вместо этого они вводят возможность скачков (jumps) и катастроф (disasters) и предлагают конкретные способы распределения ограниченных ресурсов общества для снижения рисков от различных типов потенциальных катастроф, определяя тем самым направления методологии социально-экономической безопасности в условиях неопределенности и турбулентности [4]. Разработка инструментов для принятия решений, когда будущие угрозы разнородны и неизвестны, весьма актуальна.

С классической точки зрения Р. Солоу (экономика), Г. Дейли (экологическая экономика) понимается как сохранение состояния равновесия, способность системы сопротивляться отклонениям при сохранении структуры, адаптироваться и находить новое равновесие [5], [6]. Устойчивость многими авторами рассматривается как главная цель политики социально-экономической безопасности в турбулентной среде. Одной из важнейших характеристик устойчивости является «упругость» как возможность и быстрота возврата системы в исходное состояние после снятия нагрузки, способность держать удар и восстанавливаться.

Кроуфорд Холлинг впервые развёл понятия Engineering Resilience (Упругость) и Ecological Resilience (Социальная жизнестойкость). При этом упругость измеряется временем, необходимым для возврата в равновесие, а социальная жизнестойкость измеряется величиной ущерба, который система может пережить, сохраняя способность функционировать даже в новом режиме прежде, чем перейти в другое состояние [7]. Основными характеристиками жизнестойкости системы являются способность пережить шок, сохраняя ключевые функции, структуру и идентичность, а также способность к адаптации и трансформации.

При формировании методологии социальной и экономической безопасности в условиях турбулентности, опираясь на труды Бондаря, Князева и коллег [8], можно выделить следующие инструменты:

1. Плакандарас, Гупта, Вохар дают метрики для диагностики самой турбулентности (персистентность, хаос) [3].

2. Бейли и соавторы показывают, как турбулентность влияет на домохозяйства и какие механизмы самострахования (социальной безопасности «снизу») возникают [3].

3. Шнайдер и Пиндайк предлагают нормативный аппарат для распределения ресурсов между разными катастрофическими рисками, что необходимо для экономической политики государства [4].

Каждое из отмеченных взаимодополняющих исследовательских направлений, вносит свой вклад в построение методологии социально-экономической безопасности в турбулентной среде, включая инструменты стресс-тестов (симуляция кризисов), оценки «запасов прочности» (резервы, дублеры, избыточность), а также учет социального капитала и доверия как амортизаторов шоков.

Однако следует заметить, что устойчивая система старается избежать структурной трансформации, сопротивляется ей. В то же время способность к трансформируемости позволяет системе перейти в новое качество, избежав коллапса, хотя и ломает параметры прежней структуры.

Трансформируемость требует принятия риска необратимости и утраты старого ради обретения нового качества.

Весьма интересна концепция Г. Нассима Талеба, который разделяет понятие устойчивости как свойства неизменности системы и понятие «антихрупкости» как свойства системы становиться лучше под воздействием внешних шоков [1].

В современном регионоведении и экономической науке российских учёных А.Г. Гранберг, В.В. Ивантер [9], [10], а также зарубежные Р. Мартин по Regional Economic Resilience [11] выделяют устойчивость-стабильность и устойчивость-адаптивность.

Таким образом, учитывая многозначность подходов и терминов, устойчивость социально-экономической системы можно определить как способность системы сохранять воспроизводственный процесс, обеспечивать расширенное воспроизводство человеческого капитала и поддерживать уровень благосостояния, не допуская необратимой деградации экономических, социальных и экологических подсистем в условиях внешних шоков (кризисов, санкций, климатических изменений) и внутренней нестабильности. Основные характеристики устойчивости – это упругость и жизнестойкость.

Однако турбулентная среда требует более радикальных изменений, понятие «резильентный» является более точным понятием для социально-экономических систем и имеет три ключевых свойства резильентности: абсорбция, адаптация, трансформация. «Устойчивость» в традиционном понимании, это стремление сохранить статус-кво, а резильентность – способность меняться, сохраняя идентичность. На рисунке 1 представлены основные характеристики «резильентности» социально-экономической системы.

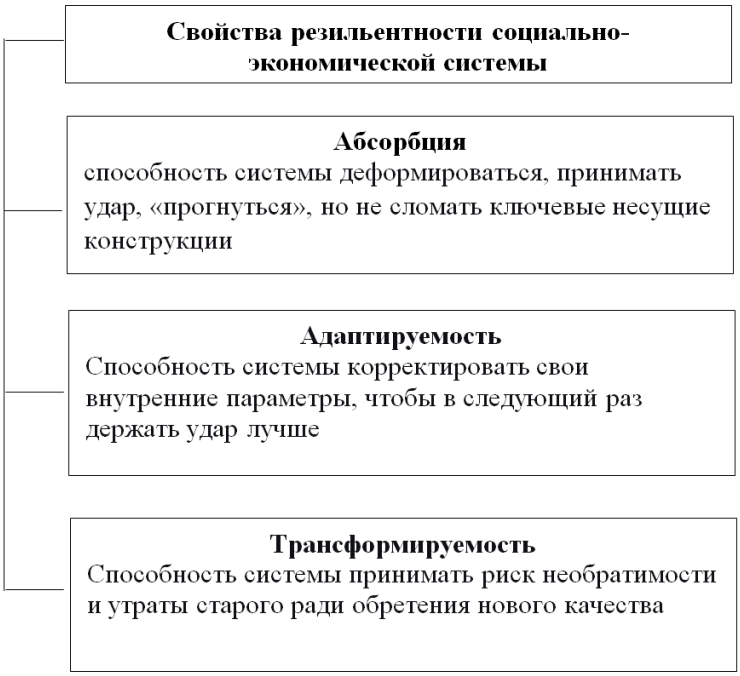

Рисунок 1 – Свойства резильентности социально-экономической системы

Одним из ярких примеров действия шока на социально-экономическую систему является изменение доли нефтегазовых доходов в структуре доходов федерального бюджета России под воздействием первых пакетов санкций. Это прямой индикатор зависимости бюджета

от нефтегазовой ренты и чувствительности к шокам при падении цен или введении ограничений. Бюджет мгновенно реагирует на внешние ограничения (например, 2014 г. – санкции и падение цен на нефть, 2022 г. – санкции и ограничения на экспорт).

Таблица 2 – Доля нефтегазовых доходов в доходах федерального бюджета РФ, 2006–2024 [12]

Год	Доходы федерального бюджета (млрд руб.)	Нефтегазовые доходы (млрд руб.)	Доля нефтегазовых доходов, %
2006	6 278,9	2 543,0	40,5
2007	7 781,1	2 653,2	34,1
2008	9 275,9	4 388,1	47,3
2009	7 337,8	2 954,0	40,2
2010	8 305,4	3 819,6	46,0
2011	11 367,7	5 379,3	47,3
2012	12 855,5	6 453,3	50,2
2013	13 019,9	6 384,0	49,0
2014	14 496,9	7 433,8	51,3
2015	13 659,2	5 862,7	42,9
2016	13 460,0	4 844,0	36,0
2017	15 088,9	5 971,9	39,6
2018	19 454,4	9 017,8	46,3
2019	20 188,8	7 924,3	39,2
2020	18 719,0	5 235,2	28,0
2020	18 719,0	5 235,2	28,0
2021	25 286,6	9 056,5	35,8
2022	27 825,2	11 586,2	41,6
2023	29 124,2	8 822,0	30,3
2024	36 707,0*	11 131,0*	30,3*

Примечание: 2024 г. – предварительные данные по исполнению (оперативный доклад Счётной палаты, январь–декабрь 2024). Данные за 2006–2023 гг. – казначейское исполнение, подтверждённое Минфином [12].

Как видно из таблицы 2, доля нефтегазовых доходов в общих доходах федерального бюджета за 2006–2024 гг. заметно менялась: в 2011–2014 гг. она колебалась около 50 %, в 2015–2020 гг. снизилась до 40 % и ниже, в 2021–2022 гг. вновь подросла из-за ценовой конъюнктуры, а в 2023–2024 гг. снова упала вследствие санкций и ценовых дисконтов. Эта динамика иллюстрирует не только шоковое воздействие, но и постепенную адаптацию (снижение зависимости).

На основе этих данных построен график, который показывает тренд доли нефтегазовых доходов до шока, шоковое падение и затем трансформационное снижение зависимости (структурный сдвиг). Это соответствует концепции резильентности: абсорбция (использование резервов, временное замещение выпадающих доходов), адаптация (налоговый манёвр, рост ненефтегазовых доходов), трансформация (структурная перестройка экономики, снижение роли нефтегазового сектора).

Выделенные жирным годы – классические «шоковые точки»:

– 2014: доля взлетает до 51,3 % – одновременно введение первых секторальных санкций и начало падения нефтяных цен создают предпосылки для будущего обвала. Бюджет пока абсорбирует шок за счёт высокой ренты.

– 2015–2016: резкое сжатие до 42,9 % и 36,0 % – прямое следствие нефтяного шока. Система демонстрирует абсорбцию через резервные фонды и адаптацию (бюджетное правило, сокращение расходов).

– 2020: падение до 28,0 % – пандемический шок, обвал спроса на энергоносители. Доля минимальна за весь ряд.

– 2022: восстановление до 41,6 % за счёт высоких цен, но одновременно – беспрецедентные санкции, ограничения на экспорт г аза и нефти.

– 2023–2024: доля падает до ~30%, несмотря на рост номинальных доходов. Это и есть трансформационный сигнал: бюджет всё больше опирается на ненефтегазовые поступления, экономика адаптировалась к санкционному давлению, структура доходов изменилась качественно.

Именно эта динамика опровергает наивный прогноз, который мог бы экстраполировать долю 40–50 % в будущее. Вместо возврата к прежнему уровню зависимости система демонстрирует скачок в новое качество с меньшей уязвимостью к нефтяным шокам.

Понятие «резильентный» описывает динамическую траекторию, фиксируя не состояние системы, а её способ действия в нелинейной среде. В таблице 3 предложена понятийная замена термина «устойчивость».

Таблица 3 – Сравнительная характеристика понятий «устойчивость» и «резильентность»

Контекст	Заменяемый термин («устойчивый» в старом смысле)	Новый термин («резильентный»)
Реакция на шок	Устойчивая система – та, что устояла (осталась неизменной)	Резильентная система – та, что прошла сквозь шок, возможно, деформировавшись, но сохранив функциональность и способность к развитию
Целевая функция	Возврат на прежнюю траекторию (восстановление)	Нахождение новой траектории, часто более эффективной (эволюция)
Отношение к нестабильности	Угроза, которую нужно минимизировать	Источник обновления и инноваций (в рамках безопасного коридора)

Таким образом, если социально-экономическая система должна выживать, не меняясь, – она устойчива в традиционном понимании. Если она должна выживать, умнея и обновляясь в процессе, – она резильентна**,** что описывает не жёсткое противостояние воздействующим факторам, а элементы мягкой силы.

Резильентность социально-экономической системы следует рассматривать как способность системы абсорбировать экзогенные шоки, адаптивно изменять внутренние связи и, при достижении критических порогов проходить структурную трансформацию без потери базовой идентичности и воспроизводственного потенциала.

Литература

1. Талеб, Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Н. Н. Талеб ; пер. с англ. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 768 с.

2. Plakandaras, V. Persistence of economic policy uncertainty: A multi-country analysis / V. Plakandaras, R. Gupta, M. E. Wohar // Applied Economics. – 2019. – Vol. 51, № 22. – P. 2404–2419.

3. Bailey, M. House price beliefs and mortgage leverage choice / M. Bailey, E. Davila, T. Kuchler, J. Stroebel // Review of Economic Studies. – 2019. – Vol. 86, № 6. – P. 2404–2452.

4. Schneider, M. Dealing with disasters : A framework for assessing and managing catastrophic risk / M. Schneider, R. S. Pindyck // NBER Working Paper. – 2021. – № 28565.

5. Solow, R. M. A contribution to the theory of economic growth / R. M. Solow // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70, № 1. – P. 65–94.

6. Daly, H. E. Steady-state economics / H. E. Daly. – Washington, DC: Island Press, 1991. – 318 p.

7. Holling, C. S. Resilience and stability of ecological systems / C. S. Holling // Annual Review of Ecology and Systematics. – 1973. – Vol. 4. – P. 1–23.

8. Бондарь, А. В. Социально-экономическая безопасность : методология и практика / А. В. Бондарь, С. Н. Князев [и др.] ; под ред. А. В. Бондаря. – М. : ИНФРА-М, 2022. – 352 с.

9. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

10. Ивантер, В. В. Структурная и инвестиционная политика в условиях экономического роста / В. В. Ивантер. – М. : Наука, 2019. – 302 с.

11. Martin, R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks / R. Martin // Journal of Economic Geography. – 2012. – Vol. 12, № 1. – P. 1–32.

12. Министерство финансов Российской Федерации. Исполнение федерального бюджета (годовые отчёты). – URL : https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/ (дата обращения: 02.03.2026).

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского Поступила в редакцию 02.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 330:338 EDN: ZYKDUD

Турбулентность экономической среды: уровни, критерии, оценка

Л.П. Зенькова[1], С.Г. Захарова[2]

В статье критически исследуются различные подходы экономистов-исследователей к понятию «турбулентность», «турбулентная среда». Излагается авторская позиция к определению допустимой, критической и оптимальной степени турбулентности экономической среды, выдвигаются гипотезы оценки уровней, показателей измерения степени турбулентности.
Ключевые слова: турбулентность, неопределенность, экономический парадокс, степень турбулентности экономической среды, признаки турбулентности, показатели уровня турбулентной среды.

The article critically examines various approaches taken by researchers in economics regarding the concepts of «turbulence» and «turbulent environment». It outlines the authors' position on defining permissible, critical, and optimal levels of economic environment turbulence and proposes hypotheses for assessing these levels and the metrics used to measure the degree of turbulence.
Keywords: turbulence, uncertainty, economic paradox, degree of economic environment turbulence, signs of turbulence, indicators of the level of a turbulent environment.

Введение. Мировая экономика испытывает сегодня резкие структурные сдвиги. Они обусловлены не только ускорением действия научно-технического прогресса, в том числе тотальной информатизацией и цифровизацией экономических связей, но и усилением экологического давления, изменением социальных институтов, привычек, культуры, образа жизни, интенсификацией глобальных процессов. Таким образом, можно констатировать факт турбулентности экономической среды. Однако очень мало исследований посвящено собственно турбулентной экономической среде, абсолютное большинство научных публикаций используют турбулетность как довесок к названию публикации и ее содержательной направленности: «в условиях турбулентной среды», «в турбулентной экономике». Отсюда до сих пор нет четкости в выделении признаков, степени и критериев турбулетности.

Турбулентность как понятие. Не существует однозначного подхода к понятию «турбулентная среда» в научной среде среди экономистов. На наш взгляд, это связано с тем, что авторы рассматривают, во-первых, различные уровни экономической среды (макро-, мезо-, микроуровни), во-вторых, различные формы ее проявления, разные ее сферы, включая отраслевые аспекты. Рассмотрим некоторые из этих определений. Ученый Т.В. Казакова указывает, что турбулентность – это «бурные, непредсказуемые и беспорядочные процессы современного бизнеса» [1, с. 32–34]. Однако такое определение больше напоминает понятие «хаос», чем «турбулентность». Беспорядочность экономических процессов возникает в хаосе из-за потери связи между элементами системы. В турбулентной же среде связи сохраняются и даже предсказуемы, но искажены. В данном определении, тем не менее, отмечен четко признак интенсивности процессов в турбулентной среде.

Другое, более подробное определение дает Г.Л. Куприяшин: «Турбулентность означает кратное увеличение темпов и масштабов неблагоприятных изменений, а также резкий рост многообразия факторов, влияющих на государственное управление, что приводит к шоковым воздействиям как на систему принятия решений, так и на практику их реализации» [2, с. 240]. Автор однозначно указывает на интенсивность действия и множество факторов, однако, почему-то считает их влияние на экономику только *неблагоприятным*. Но есть и примеры благоприятного влияния. Так, сложившиеся инерционное недоверие населения Беларуси к новому рыночному институту «ценные бумаги» фактически смягчило последствия мирового финансового кризиса 2007–2011 гг., привело лишь к рецессии, но не к абсолютному падению ВВП в 2009 г. В то же время как в самих США «мыльные пузыри» по отношению к реальному сектору экономики 40:1 привели к банкротству крупных банков, кризису кредитной системы.

В данном определении верно, на наш взгляд, указаны последствия воздействия на принятие решений государством и их реализацию, но почему-то турбулентность обязательно

проявляется только как «*шоковое*» воздействие. С этим трудно согласиться, поскольку турбулентность может проявлять свои признаки в нелогичности, парадоксальности экономических процессов, но в *долгосрочном* периоде как некие тенденции, которые можно отследить и частично предсказать, но не обязательно в «*шоковом»* режиме. Например, парадокс эффекта «храповика», вылившийся в доминирование инфляции издержек и характерный для транзитивных экономик в целом, а не только для Беларуси [3, с. 72–73], наблюдается уже несколько десятилетий и не может характеризоваться как «*шок*».

Наиболее точное и развернутое определение дает О.А. Яковлев: «Турбулентность – это … VUCA, где каждая буква скрывает термины, отражающие вышеупомянутые характеристики среды: V – Volatility (изменчивость); U – Uncertainty (неопределенность); C – Complexity (сложность); A – Ambiguity (двусмысленность / неоднозначность)» [4, с. 559], [5, с. 559–560]. Такой подход, основанный на позиции Уорррена Бенниса, отражает многие признаки турбулентности экономической среды, но не все. В частности, устойчивость неоднозначности, парадоксальности явлений не указана, как и не указана институциональная инертность, особенно социально-психологического типа, характерная для транзитивных экономик [3, с. 64].

Причинами турбулентности экономической среды экономисты видят множество явлений, в основе которых лежит действие научно-технического прогресса (НТП) не только на экономику, но и на социум, демографию, экологию. В частности, М.В. Медведева отмечает среди них «…увеличение скорости изменений в быту и профессиональной деятельности в потоке бессистемной огромной информации, быстрое освоение социального опыта, накопленного предыдущими поколениями, стремительное развитие процессов интеграции и глобализации, углубление социальных противоречий из-за развития современных технологий» [6, с. 107–108]. Мы можем добавить к этому перечню распространение удаленных форм занятости и социального взаимодействия, активную трудовую эмиграцию, экологизацию и цифровизацию общественного производства.

Можно частично согласиться с научной позицией О.А. Яковлева по ключевым признакам турбулентности [5, с. 559]. Однако следует добавить и расширить его подход к турбулентности экономической среды, по нашему мнению, такими чертами:

– апериодичность – непериодическое течение экономических процессов, характеризующееся нерегулярными колебаниями экономических параметров;

– рассеянность – нечеткость, расплывчатость протекания экономических процессов, из-за влияния множества факторов, резкого расширения масштабов информационных потоков, необычных откликов макродинамики на влияющие факторы. Формой проявления рассеянности отдельные экономисты верно считают разрыв между показателями создания знаний и влияния знаний на экономику (этот разрыв, по мнению А.А. Никоновой составляет около 40 позиций) [7, с. 25];

– изменчивость, неопределенность – турбулентная среда здесь является открытой системой, получающей постоянную подпитку «энергии» извне (внешние валютно-финансовые, геополитические шоки), «рассеивающие», изменяющие обычный ход экономических процессов;

– непрерывность изменений – масштабы нелогично протекающих, парадоксальных событий намного сильнее «шоковых» явлений, то есть появляются долгосрочные экономические парадоксы.

Однако следует учитывать, что для транзитивных экономик (экономик с развивающимися рынками) этих признаков недостаточно. Для последних характерна высокая степень макроэкономической нестабильности, неопределенность сценариев развития системы, инертность институциональной подсистемы. Поэтому к вышеуказанным признакам следует отнести и пятый – институциональная инертность.

Факторы и уровни турбулентности. Среди *факторов* турбулентной среды различные исследователи выделяют:

– неопределенность экономической ситуации, высокий уровень налогообложения, снижающийся спрос на внутреннем рынке [8, с. 424];

– гибкость реагирования экономики на периодически возникающие глобальные кризисы, способность государства верно прогнозировать кризисные периоды и сглаживать их [9, с. 50];

– непредсказуемость геополитической ситуации, технологические изменения, макроэкономическая стабильность (нестабильность) [10, с. 62];

– технологическая безопасность в условиях растущих внешних угроз [7, с. 27].

Такое разнообразие мнений вытекает из-за того, что авторы рассматривают разные уровни турбулентной среды. В связи с этим следует, на наш взгляд, упорядочить и распределить эти факторы-признаки по уровням:

– макроэкономический уровень: гибкость реагирования экономики на шоки мировой конъюнктуры, включая мировые кризисы; неопределенность и непредсказуемость геополитической ситуации; качество механизма госрегулирования экономики; технологическая безопасность; отслеживаемые появившиеся стандарты массового поведения субъектов экономики; сальдо и интенсивность внешней трудовой миграции; парадоксальное поведение механизма ценообразования; усиливающаяся разбежка между количеством изобретений и степенью их внедрения в экономику;

– региональный уровень: поляризация экономик регионов в противовес интеграции; нарушение баланса инвестиционных вливаний и госбюджетного финансирования в пользу отдельных регионов; неравномерная межрегиональная миграция населения; неадекватная дифференциация доходов населением разных регионов; усиление расслоения;

– микроуровень: неадекватное опережение темпов роста зарплаты над темпами роста производительности труда; рост рентабельности продаж над рентабельностью производства; низкая доля инвестиций от валовой продукции; рост удельного веса логистических расходов в составе себестоимости по мере расширения масштаба производства; удельный вес интенсивного пути роста валовой выручки.

Данный перечень далеко не полон, является лишь предварительным на основе эмпирических наблюдений авторами форм проявления неопределенности, парадоксальности, нестабильности, отслеженных на протяжении более 10 лет.

Оценка. Каким образом оценить турбулентность экономической среды? Ответ на этот вопрос косвенно поднимает проблему измерения *степени* турбулентности. Логично выделить допустимую, критическую и оптимальную степени турбулентности. На наш взгляд, допустимой можно считать такую степень, при которой экономика не сбавляет свои темпы развития ниже 2–3 % прироста ВВП, сопровождаемого ростом производительности общественного труда. Оптимальной степенью можно считать такое состояние экономической среды, которое обеспечивает прирост ВВП на уровне не менее 4–5 % при соотношении инвестиций к ВВП не менее 1:4 (в данном случае обеспечивается за 4 года полное материально-техническое перевооружение согласно изменения спроса потребительского рынка).

Критической степенью турбулентности экономической среды можно считать такую неопределенность и нечеткость взаимосвязей между элементами системы, которая создает разбалансировку экономики, выливающуюся или к рецессию, или в резкое замедление темпов экономического роста.

Однако даже такая теоретическая постановка не снимает вопрос, какими показателями измерить *степень* турбулентности экономической среды. В практике Беларуси имеющийся официальный статистический учет слабо позволяет отследить такие аспекты, как качество госрегулирования, гибкость реагирования экономики на внешние шоки. Среди ученых на сегодняшний день имеются лишь поверхностные общие подходы. Так, О.А. Яковлев отмечает необходимость использования всесторонней оценки: «первый уровень оценки в последующей оценке изменчивости / турбулентности среды… с использованием интегральных показателей, формируемых по группам факторов внешнего влияния» [5, с. 560]. Однако автор предлагает в качестве показателей турбулентности макроуровня степень государственного вмешательства в экономические процессы, регулирование ключевой ставки, наличие и реализация государственной политики в сфере занятости и безработицы, уровень денежно-кредитной и налоговой политики, темпы и характеристика экономического роста, но не оговаривает конкретный перечень показателей, способных измерить большинство из предлагаемых аспектов турбулентности, за исключением уровня инфляции. Однако даже здесь более иллюстративен не сам уровень инфляции, а степень разбалансировки инфляции в разных секторах экономики (разбежка в темпах ее роста).

В группе политических факторов О.А. Яковлевым предлагаются сила и интенсивность политических процессов, наличие трендов на усложнение политической среды. В группе социальных показателей автор считает целесообразным рассматривать степень влияния моды и общественного мнения на ведение бизнеса компании, зависимость бизнеса от аспектов рели-

гии и демографии, наличие и характер социальных процессов и общей напряженности социальной среды [5, с. 560–561]. В этом перечне наиболее реалистична в статистическом измерении социальная напряженность, которую сегодня можно измерить с помощью индекса Джини, децильного и квинтильного коэффициентов. Что же касается степени влияния общественного мнения, то специалистами Нацбанка ведется эмпирическая оценка ИПУ (индекса предпринимательской уверенности). Демографический процесс имеет очень обширный перечень показателей статистического учета, здесь требуется скрупулезный анализ отклика турбулентной среды на отдельные его многолетние динамики, на сегодня – это слабоизученная и перспективная тема экономических исследований турбулентности.

Что делать? Выявление и оценка степени турбулентности сами по себе не являются конечной целью исследования. Допустим, в результате углубленного исследования будет получена система интегральных показателей турбулентности. Но она необходима для использования в государственном регулировании экономической системы, минимизации последствий турбулентности и устранения факторов, доводящих ее до критического уровня.

Ряд экономистов предлагают разрозненные, вне оценки степени турбулентности, и различные меры правительства. Например, А.А. Никонова рекомендует: «…поддерживать радикальные инновации и приоритеты НТП, фокусироваться НИР на передовых и поисковых направлениях технического прогресса,… организовать надежную систему сбора статистики и обеспечить ее достоверность, … формировать платежеспособный спрос на инновации со стороны бизнеса и населения» [7, с. 29, 31]. Но этот аспект касается только неопределенности поведения системы в инновационном развитии.

Другой ученый – О.А. Яковлев – предлагает в качестве «антитурбулентных» мер «…полный отход от метода экстраполяции при разработке долгосрочных планов, расширение числа факторов среды для выявления их роли для компании, углубление развития сценарного подхода» [4, с. 555], что определяет только качество госрегулирования, и то косвенно.

Таким образом, третьим шагом в данных научных разработках должна стать дорожная карта с перечнем конкретных пакетов мер госрегулирования при различных степенях турбулентности экономической среды.

Заключение. Обобщая критический анализ исследований, можно, тем не менее, с достаточной уверенностью констатировать факт нарастания турбулентности и формирования необычных, наблюдаемых в долгосрочной перспективе, экономических явлений и парадоксов, необъяснимых с точки зрения формальной логики. К таковым относятся эффект храповика в ценообразовании при снижении потребительского спроса, эффект «ликвидной» ловушки при снижении ставки рефинансирования. К проявлениям турбулентности можно отнести и «нарушение» обнаруженной еще в конце XX в. зависимости, получившей название «кривой Филлипса» (рисунок 1).

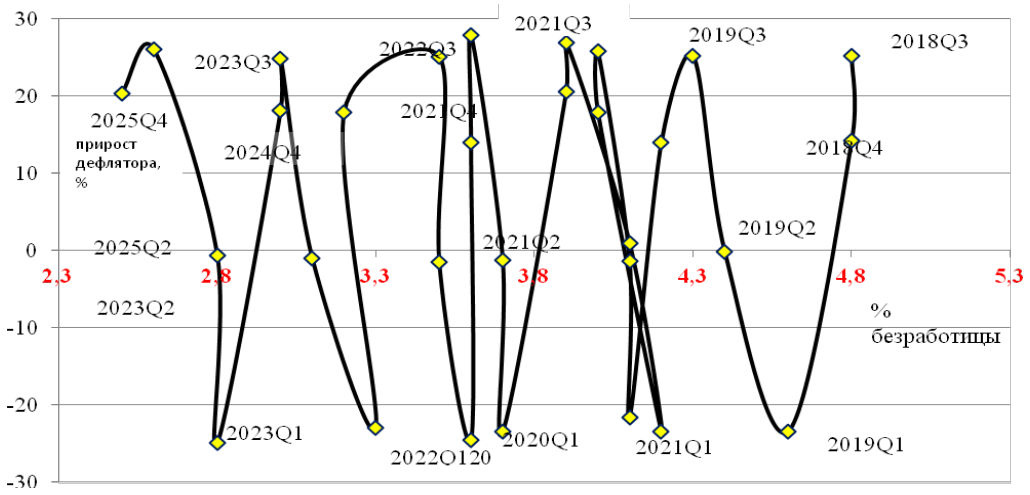

Рисунок 1 – Кривая соотношения инфляция-безработица (кривая Филлипса) по фактическим данным экономики Республики Беларусь за 22018–2025 гг. [11]

Кривая Филлипса в краткосрочном периоде иллюстрирует обратную зависимость между темпами умеренной инфляции и уровнем безработицы. Однако, как показывает рисунок 1, в Беларуси данная зависимость не наблюдается. Более того, проскальзывает тенденция: чем выше темп инфляции (дефлятора), тем выше уровень безработицы. И еще: резкие колебания в уровне безработицы обусловлены спецификой отраслевой структуры с большой долей аграрного сектора, где сезонность проявляется достаточно резко. Таким образом, научные исследования характеристик турбулентности в Беларуси находятся в начальной стадии, предстоит трудоемкая работа как по подбору статистической базы и ее анализу, так и разработке перечня показателей, шкалы дифференцированной оценки уровня турбулентности экономической среды.

Литература

1. Казакова, Т. В. Теория жизненного цикла компании на практике : в условиях пандемии (турбулентности бизнеса) и цифровизации экономики / Т. В. Казакова // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 8. – С. 3229–3248.

2. Куприяшин, Г. Л. О робастности системы государственного управления в турбулентной среде / Г. Л. Куприяшин // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023. – № 4 (61). – С. 236–240.

3. Зенькова, Л. П. Трансформационные экономики : кратко- и среднесрочные экономические циклы : моногр. / Л. П. Зенькова. – Минск : ИВЦ Минфина, 2015. – 236 с.

4. Яковлев, О. А. Теоретические предпосылки развития концепции стратегического управления в турбулентной экономической среде / О. А. Яковлев, Ю. В. Панько // Экономика : вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 8-1. – С. 550–557.

5. Яковлев, О. А. Подходы к интегрированной оценке турбулентного состояния макроэкономической среды / О. А. Яковлев // Экономика : вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 8-1. – С. 558–566.

6. Медведева, М. В. Причины турбулентности информационной среды образовательного процесса / М. В. Медведева, Т. Б. Толстихина // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2019. – № 3 (71). – С. 105–109.

7. Никонова, А. А. Модификация механизма передачи знаний в экономику в условиях турбулентности / А. А. Никонова // Экономика науки. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 21–35.

8. Баранова, И. В. Факторы развития малого и среднего предпринимательства в условиях турбулентной среды / И. В. Баранова, М. А. Власенко // Устойчивое развитие цифровой экономики, промышленности и инновационных систем : сб. тр. науч.-практ. конф. с зарубежным участием / под ред. Д. Г. Родионова, А. В. Бабкина. – СПб., 2020. – С. 424–426.

9. Дрыночкин, А. Малые страны в эпоху турбулентности : пример Венгрии / А. Дрыночкин // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. – 2025. – № 5. – С. 43–53.

10. Абрамова, Т. П. Факторы финансовой устойчивости кредитных организаций в условиях современной экономической турбулентности / Т. П. Абрамова, Х. М. Мусаева, Д. А. Борисова // Деловой вестник предпринимателя. – 2025. – № 4 (22). – С. 60–62.

11. Сайт Национального статистического комитета. – URL : belstat.gov.by/ (дата обращения: 02.03.2026).

[1]Белорусский государственный
экономический университет

[2]Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Поступила в редакцию 02.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 330.34:004.9(476) EDN: XDQSRS

Институциональная трансформация цифровой экономики Республики Беларусь

Н.И. Исайчикова

В статье рассматриваются основные этапы и современное состояние цифровой трансформации экономики Республики Беларусь. Анализируются стратегические документы, определяющие развитие цифровой сферы на период до 2030 г., включая новую государственную программу «Цифровая Беларусь». Исследуются институциональные изменения, связанные с деятельностью Парка высоких технологий, и новации в регулировании криптоэкономики. Особое внимание уделяется анализу статистических показателей развития ИКТ-сектора, инфраструктурным проектам и перспективным направлениям международного сотрудничества.
Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, Парк высоких технологий, экономика данных, цифровой суверенитет, искусственный интеллект.

The article examines the main stages and current state of the digital transformation of the economy in the Republic of Belarus. It analyzes the strategic documents that define the development of the digital sector until 2030, including the new state program «Digital Belarus». The article also explores institutional changes related to the activities of the High-Tech Park and innovations in the regulation of the crypto-economy. Special attention is given to the analysis of statistical indicators of the development of the ICT sector, infrastructure projects, and promising areas of international cooperation.
Keywords: digital economy, digital transformation, High-Tech Park, data economy, digital sovereignty, artificial intelligence.

Введение. Актуальность цифровой экономики для любой страны сегодня определяется её решающей ролью в росте ВВП и производительности труда, мировой конкурентоспособности, развитии человеческого капитала, эффективности госуправления, устойчивости к кризисам и обеспечению национальной безопасности. Цифровизация позволяет автоматизировать процессы, снижать издержки, повышать прозрачность и создавать новые рабочие места, тогда как отставание в этой сфере грозит технологической зависимостью, потерей инвестиционной привлекательности и снижением качества жизни. Именно поэтому развитие цифровой экономики – не просто тренд, а стратегическая необходимость для сохранения суверенитета и долгосрочного роста любой страны.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий следующие методы:

1. Нормативно-правовой анализ – изучение положений Указа Президента Республики Беларусь № 381 «О цифровом развитии», государственной программы «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 г., Декрета № 8 и новых нормативных актов в сфере регулирования криптоэкономики.

2. Статистический анализ – обработка данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, информации Международного союза электросвязи (ITU), аналитических отчетов Парка высоких технологий и международных исследований (Digital Watch Observatory, DataReportal).

3. Сравнительно-сопоставительный метод – сопоставление показателей цифрового развития Беларуси с общемировыми тенденциями и оценка позиций страны в международных рейтингах (UN E-Government Survey, Government AI Readiness Index).

4. Системный анализ – рассмотрение цифровой экономики как многоуровневой системы, включающей инфраструктурный, институциональный, отраслевой и человеческий компоненты.

Основная часть. Формирование институциональной среды цифровой экономики Беларуси прошло несколько этапов. Ключевым событием стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» (2017 г.), который создал беспрецедентный правовой режим для резидентов Парка высоких технологий (ПВТ), включая нормы, легализующие деятельность с использованием технологии блокчейн и криптовалют.

Новый этап институционального развития связан с Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии», который определил основные направления цифрового развития до 2030 г. [1]. Документ устанавливает стратегические приоритеты: развитие отечественных программно-технических средств, внедрение передовых технологий, организацию обмена данными в рамках ЕАЭС, региональное цифровое развитие и совершенствование оказания электронных услуг. Важным целевым показателем определен перевод не менее 75 % административных процедур в электронную форму [1].

Указ № 381 также вводит механизмы мониторинга и оценки: республиканские органы государственного управления обязаны ежегодно представлять планы по достижению показателей уровня цифрового развития и отчеты об их выполнении. Министерство связи и информатизации проводит оценку уровня цифрового развития с размещением результатов в государственной информационной системе «Витрина цифровых проектов» [1].

30 декабря 2025 г. Правительство утвердило государственную программу «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 гг. (постановление Совета Министров № 793), которая призвана сформировать отечественную экосистему цифровых решений для населения, бизнеса и государства [2]. Программа включает три ключевые подпрограммы.

Подпрограмма «Экономика данных» рассматривается как фундамент всей цифровой трансформации. Заместитель министра связи и информатизации Республики Беларусь подчеркивает: «Сегодня данные стали стратегическим ресурсом, сопоставимым по значимости с энергией или инфраструктурой» [3]. Задача подпрограммы – преодоление фрагментарности государственных информационных систем, создание единого пространства государственных данных и внедрение принципа «однократный ввод информации – многократное использование» [3].

В рамках подпрограммы планируется развитие телекоммуникационной инфраструктуры с конкретными целевыми показателями: к 2030 г. средняя скорость мобильного интернета в Минске должна достигнуть 135 Мбит/с, в районных центрах – 110 Мбит/с, а три четверти абонентов стационарного интернета будут пользоваться скоростью 100 Мбит/с и выше [4].

Подпрограмма «Цифровое государство» ориентирована на переход от разрозненных электронных услуг к комплексному решению вопросов граждан в рамках жизненных ситуаций, включая проактивный формат оказания услуг. Как отмечается в официальных материалах, предусматривается реализация сквозных проектов по принципу «государство в кармане» – превентивное электронное обслуживание гражданина исходя из его текущего статуса и потребностей [5]. В числе приоритетных жизненных ситуаций – регистрация рождения ребенка, поступление в учреждения образования, заключение договоров обслуживания жилых помещений, аренда недвижимости и покупка-продажа транспортных средств [5].

Подпрограмма «Цифровой суверенитет» направлена на формирование импортонезависимой экосистемы программного обеспечения. Юлия Шапкина подчеркивает: «Цифровой суверенитет сегодня – это не абстрактное понятие, а практическая необходимость. Он означает способность государства независимо и устойчиво развивать цифровую инфраструктуру, не попадая в критическую зависимость от внешних поставщиков» [3].

На реализацию 21 мероприятия государственной программы планируется направить 1,08 млрд белорусских рублей [2], [5].

Парк высоких технологий остается основным драйвером развития цифровой экономики. По состоянию на начало 2025 г. в ПВТ насчитывается около 1000 компаний-резидентов с общей численностью занятых примерно 59 тысяч человек [6]. Экспортные показатели сохраняют положительную динамику: экспорт услуг резидентов ПВТ достиг 459 млн долларов (рост 7 % к предыдущему году), а внутренние продажи превысили 2 млрд белорусских рублей (рост 24 %) [6].

Доля ИКТ-сектора в ВВП страны, достигнув пика в 7,4 % в 2021 г., в последние годы стабилизировалась на уровне 4–5 %, что связано как с общеэкономическими факторами, так и с изменением структуры сектора [6]. При этом сохраняется высокий уровень проникновения интернета: 91,5 % населения пользуются интернетом, медианная скорость фиксированного широкополосного доступа составляет около 75 Мбит/с [6].

Международные рейтинги фиксируют умеренные позиции страны в сфере цифрового развития. В индексе развития электронного правительства ООН (EGDI) Беларусь занимает

77-е место с показателем 0,74, при этом наиболее сильным компонентом является индекс телекоммуникационной инфраструктуры (0,91), а наиболее слабым – индекс онлайн-услуг (0,57) [7]. Индекс готовности к искусственному интеллекту (Government AI Readiness Index) оценивает позицию Беларуси как 113-ю в мире [7].

В январе 2026 г. принят Указ Президента Республики Беларусь № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере токенов», который вступает в силу с 18 июля 2026 г. [8]. Документ знаменует качественно новый этап развития цифровой финансовой инфраструктуры.

Ключевым нововведением является разрешение использования токенов как средства платежа. Указ позволяет использовать токены для исполнения обязательств по внешнеэкономическим контрактам между резидентами и нерезидентами (в порядке, устанавливаемом Советом Министров и Национальным банком), а также при расчетах физических лиц, осуществляющих ремесленную деятельность, агроэкотуризм или самостоятельную профессиональную деятельность, с нерезидентами [8].

Указ № 19 вводит понятие криптобанка – специализированной организации, создаваемой в форме акционерного общества и обязательно являющейся резидентом ПВТ. Установлены повышенные требования к капитализации: формирование уставного фонда в размере не менее 20 млн белорусских рублей и размещение 10 млн рублей в Национальном банке в виде условного безотзывного банковского вклада. Национальному банку предоставлено право устанавливать предельное количество криптобанков для обеспечения финансовой стабильности [9].

Эти новации, по оценке экспертов, направлены на «расширение спектра финансовых услуг в процессе построения современной цифровой экономики» и сочетание деятельности с использованием токенов с банковскими, платежными и иными финансовыми операциями [9].

Цифровая повестка развивается в тесной координации с Российской Федерацией в рамках Союзного государства. В ноябре 2025 г. Президенту Беларуси были представлены перспективные направления сотрудничества, включающие развитие беспилотных авиационных систем, платформенную экономику, введение цифровых валют, промышленных роботов и углубленную подготовку инженерных кадров [10].

Особый интерес представляет проект строительства в Беларуси завода по производству беспилотных авиационных систем мощностью до 100 тысяч единиц ежегодно. По оценкам российских специалистов, использование дронов в различных секторах может внести в ВВП страны несколько миллиардов долларов. Только 2 тысячи агродронов на первом этапе могут дать до 1 млрд долларов прироста ВВП за счет повышения урожайности, сокращения потерь и экономии средств защиты растений [10].

В сфере здравоохранения Беларусь обладает конкурентными преимуществами – в стране уже реализован проект «одна больница», объединяющий медицинские учреждения всех уровней. Как отметил Президент А.Г. Лукашенко, «связать докторов – центр и региональные центры, больницы – не проблема. Мы это уже сделали» [10].

В рамках Союзного государства развиваются также проекты в сфере туризма (интеграция цифровых сервисов, развитие технических решений для автотуристов), транспортной инфраструктуры (проекты высокоскоростного железнодорожного сообщения между Минском и Москвой) и совместных исследовательских центров в области искусственного интеллекта [10].

Цифровые изменения имеют комплексный характер и охватывают не только производственную, но и организационно-управленческую деятельность организаций. При этом для обеспечения эффективных коммуникаций с внешней средой (в т. ч. с поставщиками и потребителями как субъектами формирующейся цифровой экономики и информационного общества) наиболее быстро цифровая трансформация должна осуществляться в сфере снабженческо-сбытовой и маркетинговой деятельности.

Проведенные исследования позволили выявить ряд ключевых изменений, обусловленных активным внедрением информационно-коммуникационных технологий, способствующих повышению эффективности реализации деятельности в отечественных организациях. Их суть заключается в следующем [11]:

– снижение торговых издержек на основе использования цифровых способов торговли. Развитие электронной коммерции и интернет-магазинов снимает ограничения по площади

складских помещений и торговых площадок, а также устраняет необходимость аренды и дорогостоящего оформления торгового зала, витрин, стеллажей и прочих средств демонстрации продуктов и привлечения внимания потенциальных покупателей. Их заменяют электронные площадки, сайты, страницы в социальных сетях, создание, оформление и поддержка в надлежащем состоянии которых гораздо дешевле. Кроме снижения расходов на содержание торговых залов и складских помещений уменьшаются и выплаты заработной платы работникам, занимающимся их обслуживанием;

– повышение гибкости ассортиментной политики проявляется в двух направлениях: 1) за счет снятия ограничений по торговым площадям появляется возможность расширения ассортимента, увеличения закупок и продаж продукции. При этом на продажу можно выставлять даже те товары, которых на данный момент нет в наличии, но которые можно оперативно заказать у крупного дистрибьютора. Также полученный заказ на отсутствующий товар можно оперативно переадресовать дистрибьютору через дропшиппинг; 2) смещение вектора внимания пользователей на те товары, которые являются модными и востребованными в определенный период, обуславливает необходимость ускорения обновления ассортимента, сокращения времени на разработку и увеличения частоты вывода на рынок новых товаров [11]. Однако ускорение процессов создания и сокращение жизненного цикла товаров может привести к снижению их качества. Отчасти это компенсируется изменениями в поведении современных покупателей, которые, приобретая новые товары, не всегда рассчитывают на длительные сроки их эксплуатации;

– изменение процесса принятия решения о покупке покупателем и формирование новых способов продвижения продукции. Новыми источниками знаний о том, как потребители собирают информацию о продуктах и как в дальнейшем используют ее в процессе принятия решения о покупке, становятся интернет-блоги, отзывы о товарах, форумы, рейтинги. Результаты международных исследований показывают, что более 90 % пользователей интернета читают онлайн-отзывы о продукте или услуге перед совершением покупки. Порядка 67 % решений о покупке потребительских товаров основаны на информации, предоставленной пользователями, а не компаниями. В среднем перед совершением покупки пользователи читают как минимум четыре отзыва. У фирм-производителей появляется возможность отслеживать все этапы покупательского поведения и адаптировать свою деятельность в соответствии с ними. Возрастает важность PR-мероприятий в социальных сетях. Прямое общение с потребителями через электронные площадки позволяет лучше узнать потребности клиентов, их реальное мнение и впечатления от использования продукции фирмы и принять необходимые меры по изменению структуры рекламных бюджетов в пользу интернет-рекламы;

– удешевление процесса коммуникации и информатизации коммерческого продукта. С развитием интернета потребители получили возможность изучать предложения не только локального, но и регионального и даже мирового рынков; а также сравнивать стоимость, показатели качества и сервиса продукции интересующей их фирмы с аналогичной продукцией ее конкурентов. Вместе с тем, у компаний, производящих однотипную продукцию, но отличающихся по уровню сервисного обслуживания, появилась возможность дифференцировать цены на продукцию в зависимости от имеющего у потребителей опыта использования товаров и сопутствующих услуг фирмы.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно развития и перспектив цифровой экономики Республики Беларусь.

Во-первых, сформирована комплексная нормативно-правовая база, определяющая стратегические приоритеты цифровой трансформации до 2030 г. Принятие государственной программы «Цифровая Беларусь» и Указа № 381 свидетельствует о переходе от фрагментарных мер к системной политике, основанной на триединстве развития экономики данных, цифрового государства и обеспечения цифрового суверенитета.

Во-вторых, сохраняется высокая роль Парка высоких технологий как института развития, обеспечивающего устойчивый экспортный потенциал и занятость в высокотехнологичном секторе. Новации в регулировании криптоэкономики (Указ № 19) создают предпосылки для формирования нового сегмента цифровых финансовых услуг и расширения инструментов международных расчетов.

В-третьих, инфраструктурные показатели (охват населения интернетом, качество связи, развитие сетей 4G и планы внедрения 5G) создают технологическую базу для дальнейшей цифровизации. Однако сохраняется разрыв между инфраструктурной готовностью и качеством электронных услуг, что подтверждается международными рейтингами.

В-четвертых, интеграционные проекты с Российской Федерацией открывают новые возможности для масштабирования цифровых решений, совместного развития перспективных технологий (беспилотные системы, искусственный интеллект, платформенные решения) и формирования общего цифрового пространства Союзного государства.

Основными вызовами на перспективу остаются: обеспечение гибкости правового регулирования в условиях быстро меняющихся технологий; подготовка кадров, обладающих компетенциями для работы с новыми технологиями; достижение целевых показателей перевода административных процедур в электронную форму; обеспечение баланса между технологической независимостью и интеграцией в глобальные цифровые процессы.

Достижение заявленных в государственной программе «Цифровая Беларусь» показателей будет зависеть от эффективности координации деятельности всех участников цифровой трансформации, а также от способности адаптировать институциональную среду к стремительным технологическим изменениям.

Литература

1. О цифровом развитии : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 нояб. 2023 г. № 381. – URL : https://etalonline.by/document/?regnum=p32300381 (дата обращения: 18.03.2026).

2. О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 793. – URL : https://government.gov.by/index.php/news/cifrovaya-belarus-kakie-zadachi-planiruetsya-reshit-za-sleduyuschie-pyat-let (дата обращения: 18.03.2026).

3. Экономика – эффективнее, жизнь – проще : Минсвязи о цели госпрограммы «Цифровая Беларусь»] // Звязда. – 07.02.2026. – URL : https://zviazda.by/ru/news/ekonomika-effektivnee-zhizn-proshche-minsvyazi-o-tseli-gosprogrammy-tsifrovaya-b (дата обращения: 18.03.2026).

4. О развитии цифровых технологий в Беларуси // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – URL : https://xn--b1akbcqh2a7i.xn--90ais/ru/ (дата обращения: 18.03.2026).

5. Госпрограмма «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы. Как будет формироваться экосистема цифровых решений для населения, бизнеса и государства? // М-во связи и информ. Респ. Беларусь. – URL : https://www.mpt.gov.by/be/node/11060 (дата обращения: 18.03.2026).

6. Национальные статистические показатели развития цифровой экономики в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL : https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 18.03.2026).

7. Belarus // Digital Watch Observatory. – Updated: January 2026. – URL : https://dig.watch/countries/belarus (date of access: 18.03.2026).

8.О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов) : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2026 г., № 19 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 17.01.2026. – URL : https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P32600019. – (дата обращения: 18.03.2026).

9. On cryptobanks and certain issues of control in the sphere of tokens : Presidential Edict of the Republic of Belarus, January 16, 2026 № 19 // Arzinger Law Offices. – URL : https://arzinger.by/legislative-news-en/no-name-2 (date of access: 18.03.2026).

10. Belarus bets on digital sector development // Belarus Today. – 11.03.2025. – URL : https://www.sb.by/en/belarus-bets-on-digital-sector-development.html (date of access: 18.03.2026).

11. Исайчикова, Н. И. Цифровой формат экономической деятельности организаций на основе маркетинга / Н. И. Исайчикова// Актуальные вопросы экономической науки в XXI веке : матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. – чтения, посвящ. памяти известного бел. и рос. ученого-экон. М.В. Научителя, Гомель, 15 окт. 2020 г. / М-во обр. Республики Беларусь, ГГУ им. Ф. Скорины ; редкол. : А. К. Костенко (гл. ред.), А. М. Баранов (зам. гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2020. – С. 281–283.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 25.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 338.46 EDN: XLUXGA

Рынок услуг по зарядке электромобилей в Республике Беларусь: состояние, тенденции и перспективы развития

С.С. Каморников

В данной работе обсуждается состояние рынка услуг по зарядке электромобилей в Республике Беларусь (структура рынка, концентрация продавцов и покупателей, особенности спроса и предложения), анализируются основные процессы, протекающие на нем, обосновываются тенденции рынка и прогнозируются перспективы его развития в современных условиях с учетом мирового опыта и внутренних возможностей страны.
Ключевые слова: рынок услуг по зарядке электромобилей в Республике Беларусь, структура рынка, концентрация рынка, конкуренция на рынке, государственное регулирование рынка, перспективы развития рынка.

This paper discusses the current state of the electric vehicle charging services market in the Republic of Belarus, including its structure, the concentration of sellers and buyers, and the specific features of supply and demand. Key market processes are identified, prevailing trends are substantiated, and future development prospects are forecasted amid contemporary challenges, incorporating international benchmarks and domestic capacities.
Keywords: electric vehicle charging services market in the Republic of Belarus, market structure, concentration, competition, state regulation of the market, development prospects.

Введение. Отечественный рынок услуг по зарядке электромобилей является одним из наиболее динамичных сегментов рынка сферы услуг. Поддерживаемый ростом числа электрокаров, которое достигло почти 50 тыс. к началу 2026 г., рынок привлекает к себе острое внимание со стороны населения и корпоративного сектора. С другой стороны, рассматриваемый как сегмент рынка потребления электроэнергии и стимулируемый ростом производства в стране атомной электроэнергии (БелАЭС генерирует порядка 40 % электрической энергии, которая потребляется в энергосистеме страны), он находится под пристальным вниманием государства и его энергетической отрасли.

Отмеченное подталкивает к системной актуализации и углублению знаний о состоянии и потенциальных возможностях рынка услуг по зарядке электромобилей в Беларуси. Такая актуализация на основе эмпирического анализа с использованием статистического анализа проводится в данной работе.

Анализ состояния и тенденций развития рынка услуг по зарядке электромобилей в Беларуси в данной работе осуществляется на основе данных, которые имеются в официальной статистике. При описании рынка услуг по зарядке электромобилей мы будем придерживаться схемы, которая реализована в [1] для характеристики рынка нефти и нефтепродуктов Республики Беларусь.

1. Общая характеристика рынка. Исследуемый рынок является монопродуктовым: рассматриваемый как компонент рынка потребления электроэнергии, он обеспечивает реализацию единственной услуги, которая связана с зарядкой электромобилей. Его географические границы определяются государственной границей Республики Беларусь. При этом традиционно выделяются семь экономических регионов страны, в которые входят город Минск и шесть областей.

Ввиду особой специфики рассматриваются некоторые локальные рынки (городские и трассовые), функционирующие в условиях специальных факторов. В частности, выделяются локальные рынки «примагистральности», обеспечивающие удобный доступ к зарядке на трассах с высоким трафиком (таких, например, как М-1, М-5, М-10, Е-95 и др.). К локальным рынкам, отличающимся повышенной емкостью потребления, следует отнести и рынки крупных городов (Минска и областных центров). Особо выделяется в последнее время активно развивающийся в республике локальный рынок электрозарядки корпоративных парков (в первую очередь, парков крупных торговых центров, обеспечивающих быструю доставку товаров).

Потребителями услуг на рассматриваемом рынке являются владельцы электромобилей. При этом выделяются две группы: физические лица и юридические лица. Динамика парка электромобилей в Республике Беларусь с 2022 по 2025 гг. представлена в таблице 1 (данные взяты из источника [2]; информация о парке электромобилей в разрезе физических и юридических лиц за 2025 г. отсутствует).

По информации Государственной автомобильной инспекции МВД Республики Беларусь по состоянию на 31.12.2025 в Республике Беларусь на учете состояло 49557 транспортных средств, приводимых в движение электродвигателем (на 88 % больше по сравнению с началом 2024 г.). Всего в Беларуси на 01.01.2025 было зарегистрировано 3222436 легковых автомобилей, электромобилей – 26356, а объем всего транспортного парка страны приблизился к показателю в 4,4 млн транспортных единиц.

По сравнению с 2024 г. темп роста значительно сократился (если в 2024 г. парк электромобилей в Республике Беларусь увеличился в 3,4 раза, то в 2025 г. – только в 1,88 раза). Отметим, что темп роста автопарка электромобилей, принадлежащих юридически лицам, несколько выше: в 2024 г. парк корпоративных электромобилей увеличился в 4,33 раза.

Таблица 1 – Динамика парка легковых электромобилей в Республике Беларусь в 2022–2025 гг., шт.

Территория	Собственник транспортных средств	2022	2023	2024	2025
Республика Беларусь	юр. лица	166	1297	5611	
	физ. лица	3469	6413	20745	
	всего	3635	7710	26356	49557
Брестская область	юр. лица	8	104	480	
	физ. лица	345	503	1791	
	всего	353	607	2271	4320
Витебская область	юр. лица	5	32	239	
	физ. лица	140	303	1062	
	всего	145	335	1301	3053
Гомельская область	юр. лица	9	52	210	
	физ. лица	251	408	1404	
	всего	260	460	1614	3619
Гродненская область	юр. лица	2	63	326	
	физ. лица	250	488	1373	
	всего	252	551	1699	3561
г. Минск	юр. лица	108	755	2987	
	физ. лица	1615	2963	9584	
	всего	1723	3718	12571	21320
Минская область	юр. лица	32	262	1200	
	физ. лица	744	1488	4558	
	всего	776	1750	5758	11055
Могилевская область	юр. лица	2	29	241	
	физ. лица	124	260	973	
	всего	126	289	1214	2629

Отметим, что парк всех легковых автомобилей в Беларуси, принадлежащих физическим лицам, практически достиг насыщения (в 2022 г. он составил 2974303, в 2023 г. – 3023002, в 2024 г. – 3085116): в последние годы темп роста составляет 1,5–2 % [3].

При этом доля сегмента электромобилей в автотранспортном парке страны с каждым годом растет: если в 2024 г. она составляла 0,8 %, то в 2025 г. – 1,5 %.

Структура парка электромобилей в Республике Беларусь, сложившаяся в 2024 и 2025 гг., приведена в таблице 2. Эта структура достаточно стабильна. В 2025 г. лидером в электрификации транспорта по-прежнему являлся Минск: почти половина (43,0 %) от всех электромобилей в личной собственности граждан приходилась на столицу. Вторым по величине парком легковых электромобилей (22,3 %) обладала Минская область. Доли остальных областей были примерно сопоставимы и составляли от 5,3 % (Могилевская область) до 8,7 % (Брестская область).

Таблица 2 – Региональная структура парка электромобилей в Республике Беларусь в 2024–2025 гг., %

Территория	2024	2025
Республика Беларусь	100,0	100,0
Брестская область	8,6	8,7
Витебская область	4,9	6,2
Гомельская область	6,1	7,3
Гродненская область	6,4	7,2
г. Минск	47,7	43,0
Минская область	21,8	22,3
Могилевская область	4,6	5,3

Сегодня можно говорить также о том, что за последние 5 лет сформировалась институциональная структура рынка зарядки электромобилей, т. е. определена совокупность правил, норм, прав собственности, а также организаций, регулирующих взаимодействие между субъектами рынка и обеспечивающих его функционирование.

2. Концентрация продавцов и конкуренция. Первая зарядная станция для электромобилей в Беларуси появилась в 2013 г., когда компания «А-100» приобрела электромобиль и установила зарядную станцию возле своего головного офиса. Весной 2014 г. для опытной эксплуатации и изучения спроса электромобиль приобрела компания «Белоруснефть», которая до конца 2014 г. установила 3 зарядных станции на своих АЗС. Указом Президента Республики Беларусь № 92 от 12.03.2020 [4] РУП «Производственное объединение “Белоруснефть”» было определено основным государственным оператором, осуществляющим функции по созданию и развитию государственной зарядной сети для зарядки электромобилей. С того момента в стране началось активное строительство зарядок для электромобилей согласно утвержденной программе создания государственной зарядной сети для зарядки электромобилей [5], действующей сегодня в обновленной редакции.

В качестве продавцов услуг на рассматриваемом рынке выступают сети электрозаправочных станций (ЭЗС). В настоящее время на белорусском рынке ЭЗС представлены более 50 операторов. Большинство из них функционируют и развиваются как частные и ведомственные миниоператоры, имеющие в своих сетях не более десятка ЭЗС.

Таблица 3 – Количество ЭЗС и мощность основных операторов зарядных сетей Республики Беларусь на конец 2025 г.

Наименование сети, оператор (брендовое название)	Количество ЭЗС (Y), шт	Мощность зарядной сети (X), МВт
РУП «Белоруснефть» (Malanka)	975	61,9
РУП «Белтелеком» (Evika)	250	9,25
ООО «ЧоппперПлюс», А-100 (forEVo)	202	14,78
ООО «Электрохиз» (Batteryfly)	197	16,45
ОАО «Белсельэлектросетьстрой» (Scat)	76	3,31
ООО «Зарядка» (Zaryadka)	46	4,7
СООО «Юнайтед компани» (United Company)	10	1,14
Всего	1756	111,53

Как следует из таблицы 3, к основным сетям зарядных станций в Беларуси относятся: Malanka (крупнейшая государственная сеть в структуре ПО «Белоруснефть», предоставляющая как быстрые, так и медленные станции по всей стране); Evika (вторая государственная сеть, функционирующая в структуре РУП «Белтелеком» и фокусирующаяся на развитии сети медленных зарядных станций в жилых районах и местах длительной парковки региональных локальных рынков); forEVo (сеть, активно развивающая быстрые зарядные станции); Batteryfly (сеть, развивающая инфраструктуру преимущественно в Минске и Минском районе и осуществляющая проектирование и установку зарядных станций для бизнеса и частных лиц); Scat (государственная сеть в структуре ГПО «Белэнерго»); Zaryadka (частная сеть быстрых зарядных станций, включающая локации у магазинов «Евроопт»); United Company (сеть АЗС с собственными зарядными точками). Из перечисленных компаний четыре являются частными (ООО «ЧоппперПлюс», ООО «Электрохиз», СООО «Юнайтед компани», ООО «Зарядка»), но основная доля ЭЗС (около 75 %) принадлежит государственным сетям.

Анализ тенденций любого рынка неминуемо требует исследования основных количественных показателей концентрации. Напомним, что при анализе конкуренции на розничном рынке нефтепродуктов рыночная доля оператора определяется количеством принадлежащих ему автозаправочных станций (АЗС) и объемом реализации нефтепродуктов. Но, учитывая то, что количество АЗС у оператора тесно коррелирует с показателями объемов реализации топлива, при анализе достаточно ограничиться показателем количества АЗС (см., например, работу [1]).

Схожая ситуация имеет место и на рынке услуг по зарядке легковых электромобилей. Здесь ключевыми показателями, характеризующими сеть, являются количество принадлежащих ей ЭЗС и мощность зарядной сети. Соответствующие показатели для основных сетей ЭЗС представлены в таблице 3 (составлена на основании [6]).

Оценим тесноту связи между количеством зарядных станций в сети *Y* и их мощностью *X*. Учитывая, что объем статистических данных, используемых для оценки тесноты такой связи, является небольшим, воспользуемся непараметрическими показателями корреляции: ранговым коэффициентом Спирмена

$$r_S = 1 - 6\frac{\sum_{i=1}^{n} d_i^2}{n(n^2-1)},$$

где n – число наблюдений, d_i – разность рангов *i*-ой пары сопоставляемых значений и ранговым коэффициентом Кендалла

$$r_K = 1 - \frac{4I}{n(n-1)},$$

где n – число наблюдений, I – число инверсий (см., например, [7]). Расчеты показывают, что $r_S = 0,82$ и $r_K = 0,71$. Таким образом, по шкале Чеддока связь между количеством зарядных станций в сети *Y* и их мощностью *X* является сильной, а потому рыночную долю оператора на рынке услуг по зарядке электромобилей можно оценивать количеством принадлежащих ему ЭЗС и опираться на статистику, рассчитанную по показателям таблицы 3 и представленную в таблице 4.

Таблица 4 – Доля рынка основных операторов зарядных сетей Республики Беларусь по показателю количества ЭЗС на конец 2026 года, %

Наименование сети, оператор (брендовое название)	Доля рынка оператора
РУП «Белоруснефть» (Malanka)	55,5
РУП «Белтелеком» (Evika)	14,2
ООО «ЧопперПлюс», A-100 (forEVo)	11,5
ООО «Электрохиз» (Batteryfly)	11,2
ОАО «Белсельэлектросетьстрой» (Scat)	4,3
ООО «Зарядка» (Zaryadka)	2,6
СООО «Юнайтед компани» (United Company)	0,6

Белорусский рынок услуг по зарядке легковых электромобилей является олигопольным с заметным доминированием государственного оператора Malanka. Хотя на нем осуществляет экономическую деятельность значительное число игроков, степень концентрации на рынке является высокой: коэффициент концентрации CR(3) трех крупнейших продавцов услуг (Malanka, Evika, forEVo) составляет 81,2 %, а коэффициент концентрации CR(3) трех крупнейших государственных операторов – 74,0 %. О высокой степени концентрации на рынке говорит и коэффициент Херфиндаля-Хиршмана, рассчитываемый по формуле

$$HHI = d_1^2 + d_2^2 + ... + d_n^2,$$

где d_i – доля на рынке *i*-го оператора. Отметим, что на некоторых локальных рынках (в частности, в Минске) степень концентрации несколько ниже за счет более широкой представленности здесь частных операторов.

Степень концентрации, отражая структуру рынка, служит, как известно, определенным индикатором уровня конкуренции на рынке. В рассматриваемом случае показатели концентрации говорят о том, что рынок зарядки электромобилей в Республике Беларусь является слабо конкурентным, а конкуренция на нем – это конкуренция между немногими.

В условиях жесткого государственного регулирования тарифов на электроэнергию на рынке практически отсутствуют инструменты ценовой конкуренции, которая смещена в сторону борьбы за места размещения ЭЗС, специализации станций зарядки электромобилей (станций типа Mode 3 со временем зарядки от 4 до 8 часов, станций типа Mode 4 со временем быстрой зарядки от 30 минут до 2 часов или станций со временем супербыстрой зарядки от 10 до 20 минут) и привлечения покупателей дополнительными услугами (например, ремонтом или заменной электрооборудования) и различными программами лояльности.

Часто на товарных рынках и рынках услуг высокая концентрация сочетается с сильными барьерами входа – экономическими, юридическими и стратегическими препятствиями, ограничивающими появление новых игроков. Такие барьеры частично присутствуют и на рассматриваемом рынке. Хотя ГПО «Белэнерго» всем операторам отпускает электроэнергию, используемую ЭЗС для зарядки электромобилей, по одинаковым тарифам, вход для новых игроков сопряжен с рядом других препятствий. В частности, это касается высоких капитальных затрат по быстрым ЭЗС; сложностей с поиском локаций; бюрократических процедур; сложностей с разработкой проекта и существования целого ряда технических ограничений.

3. Особенности спроса и предложения на рынке. К основным особенностям спроса на рынке зарядки относятся:

1) *взрывной рост спроса на зарядку*, вызванный существенным ежегодным приростом парка электромобилей в стране (см. таблицу 1); общереспубликанская цель – 300 тысяч электромобилей к 2030 г.; достижение этой цели при линейной модели роста требует прироста около 50 тысяч электромобилей в год;

2) *многокомпонентность спроса*, которая заключается в том, что при явном доминировании быстрой зарядки значительная (и слабо прогнозируемая) часть спроса удовлетворяется в частных домах или в местах паркинга, а потому требует развития сети медленной заправки;

3) *сезонность и неравномерность распределения спроса по регионам*, связанная с тем, что спрос на зарядку выше в крупных городах (Минск, областные центры) и вдоль основных магистралей, меньше в регионах и, кроме того, имеет место сезонное снижение спроса на быструю зарядку зимой из-за погодных условий и значительного уменьшения запаса хода;

4) *влияние на спрос фактора «destination charging»* (зарядка в пункте назначения), связанного с формированием повышенного спроса на зарядку возле торговых центров, бизнес-центров и жилых комплексов;

5) *крайне низкая эластичность спроса по цене зарядки*, которая на общественных зарядных станциях зависит от тарифов на электроэнергию; в ответ даже на значительное повышение цен на электроэнергию владельцы электромобилей незначительно сокращают потребление.

Кроме доминирования национального оператора Malanka, обеспечивающего широкое покрытие страны зарядными станциями, к основным особенностям предложения на рынке зарядки относятся:

1) *стабильная обеспеченность поставок электроэнергии для нужд операторов*, которая заключается в том, что сегодня Беларусь обладает устойчивым энергетическим балансом, позволяющим обеспечивать внутренние нужды и рассматривать возможности экспорта электроэнергии; мощность белорусской энергосистемы превышает 13 ГВт (по данным Министерства энергетики Республики Беларусь), что достаточно для покрытия пиковых нагрузок;

2) *диверсификация провайдеров*, связанная с появлением новых государственных и частных операторов;

3) *активный рост инфраструктуры рынка*, определяемый существенным увеличением числа зарядных станций и их мощности;

4) *привлекательность рынка зарядки*, определяемая упрощенными входами в бизнес, его высокой рентабельностью и быстрой окупаемостью;

5) *упрощение установки ЭЗС*, ускоряющее процесс монтажа и эксплуатации зарядных станций для бизнеса и частных лиц; для решения таких проблем в настоящее время функционирует разработанный Министерством экономики совместно с государственным оператором зарядной инфраструктуры государственный портал установки зарядных станций [8].

По информации источника [8] на начало 2025 г. на одно зарядное устройство в Республике Беларусь приходилось 16,8 электромобиля. По данному показателю страна не отставала от лидеров и входила в число 15 первых в мире. Согласно информации Международного энергетического агентства, в среднем на одно зарядное устройство приходилось 11 электромобилей, в частности, в странах ЕС – 14, в Японии – 18, а в США – 26.

На основании данных таблиц 1 и 3 на начало 2026 года в стране на одну зарядную станцию приходилось 28,2 электромобилей, т. е. нагрузка на зарядные сети значительно увеличилась, существенно увеличивая при этом доходность бизнеса по зарядке электромобилей. Удержание показателя концентрации покупателей на уровне 28–30 потребует к 2030 г. около 10 тысяч зарядных станций для комфортного их использования.

Рынок зарядки электромобилей в любой стране привлекателен своей высокой доходностью и быстрой окупаемостью инвестиционных вложений. Рентабельность ЭЗС составляет 18–25 %, со сроком окупаемости до 3 лет для быстрых станций и 3–5 лет для медленных. Ключевыми факторами прибыли являются локация, высокая загрузка, использование быстрых зарядок и тарифы на электроэнергию. Средний доход с одной быстрой зарядной станции может приносить около 8–12 тыс. рублей в месяц при высоком трафике.

Основные расходы – покупка оборудования, его установка, подключение к сети и техническое обслуживание. Значительную часть затрат составляет электроэнергия. Рентабельность бизнеса напрямую зависит от того, насколько часто станция используется в течение дня. Рыночные модели удельных затрат на реализацию по быстрым и медленным станциям представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Удельные затраты на реализацию услуг по зарядке электромобилей

Тип станции	Вид затрат	Объем затрат, тыс. руб.	Суммарные затраты, тыс. руб.	Простой срок окупаемости
Быстрая Mode 4	Оборудование	178	390	3,8 года (зависит от региона)
	Проектные работы	12		
	Возведение и ввод в эксплуатацию	200		
Медленная Mode 3	Оборудование	5,5–7	19,5–23	5 лет (при загрузке от 8 часов в сутки)
	Проектные работы	4–6		
	Возведение и ввод в эксплуатацию	10		

Таблица 5 демонстрирует достаточно простой вход на рынок зарядки электромобилей для частного бизнеса по станциям медленной зарядки.

4. Программы развития. Планируется, что зарядная сеть в Республике Беларусь будет функционировать на базе двух моделей – городской и трассовой, объединенных общим программным обеспечением [5].

Городская модель предполагает установку двух типов ЭЗС (Mode 3 и Mode 4), а также строительство супербыстрых электрозарядных комплексов. Установка ЭЗС типа Mode 3 предусматривается в общественных местах, где физические лица проводят значительный промежуток времени. Установка ЭЗС типа Mode 4 планируется в общественных местах, где пребывание физических лиц не превышает одного часа и при этом позволит владельцу обеспечить полную зарядку аккумуляторной батареи электромобиля.

Развитие трассовой модели предполагает установку ЭЗС типа Mode 4 на АЗС РУП «Белоруснефть», расположенных вдоль основных автомагистралей Республики Беларусь. При этом расстояние между ЭЗС должно составлять не более 50–70 километров для обеспечения комфортного, беспрепятственного передвижения электромобилей по территории Республики Беларусь.

Отмеченные выше особенности спроса и предложения на рынке зарядки формируют систему специфических рисков его развития. Как следует из [5], к наиболее существенным из них относятся недостаточный уровень роста количества электромобилей в стране и риск снижения цен на светлые нефтепродукты на фоне увеличения тарифа на электроэнергию.

Литература

1. Каморников, С. С. Государственное регулирование рынка нефти и нефтепродуктов Республики Беларусь : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / Каморников Сергей Сергеевич ; БГУ. – Минск, 2021. – 27 с.

2. Количество электромобилей в Беларуси за 2024 год увеличилось в 3 раза. – URL : https://evon.by/kolichestvo-elektromobilej-v-belarusi-za-god-uvelichilos-v-3-raza/ (дата обращения: 27.01.2026).

3. Наличие транспортных средств (на конец года) по территории Республики Беларусь. – URL : https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10209000005? viewType=TABLE (дата обращения: 27.01.2026).

4. О стимулировании использования электромобилей : Указ Президента Респ. Беларусь от 12 марта 2020 г. № 92. – URL : https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-92-ot-12-marta-2020-g-23228 (дата обращения: 27.01.2026).

5. Программа создания государственной зарядной сети для зарядки электромобилей : постановление Сов. Мин. Респ. Беларусь от 10 окт. 2018 № 731. – URL : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21800731 (дата обращения: 27.01.2026).

6. В ПО «Белоруснефть» спрогнозировали существенный рост числа электрозаправочных станций к 2030 году. – URL : https://www.sb.by/articles/eshche-bolshe-bystrykh-i-superbystrykh-zaryadnykh-stantsiy.html (дата обращения: 27.01.2026).

7. Каморников, С. Ф. Эконометрика: учеб. пособ. / С. Ф. Каморников, С. С. Каморников. – М. : Интеграция, 2012. – 262 с.

8. Экспансия электромобилей – реальность! Готовы ли белорусы к росту числа зеленых номеров на дорогах? – URL : https://belta.by/economics/view/ekspansija-elektromobilej-realnost-gotovy-li-belorusy-k-rostu-chisla-zelenyh-nomerov-na-dorogah-712260-2025/ (дата обращения: 27.01.2026).

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 17.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 331.5; 378.4 EDN: XSXUMG

Методические подходы к оценке и анализу эффективности предпринимательской деятельности, в т. ч. молодежного инновационного предпринимательства

В.В. Климук, Е.В. Климук

В данной статье авторами проведен литературный обзор по тематике исследований в области методического инструментария оценки и анализа в сфере предпринимательской деятельности, в т.ч. молодежного инновационного предпринимательства. На основе литературного обзора сделан вывод о необходимости разработки методического подхода к оценке и анализу эффективности развития молодежного инновационного предпринимательства в сфере высшего образования. Авторами представлен поэтапный алгоритм процесса разработки методического инструментария оценки и эффективности молодежного инновационного предпринимательства в системе высшего образования. Авторами предложена система показателей для оценки и анализа развития молодежного инновационного предпринимательства в системе высшего образования Республики Беларусь.
Ключевые слова: молодежное инновационное предпринимательство, система высшего образования, методика оценки и анализа, система показателей, эффективность развития.

In this article, the authors conduct a literature review on the subject of research in the field of methodological tools for assessment and analysis in the area of entrepreneurial activity, including youth innovative entrepreneurship. Based on the literature review, the authors conclude that it is necessary to develop a methodological approach to assessing and analyzing the effectiveness of the development of youth innovative entrepreneurship in the field of higher education. The authors present a step-by-step algorithm for developing methodological tools for assessing and evaluating the effectiveness of youth innovative entrepreneurship in the higher education system. The authors propose a system of indicators for assessing and analyzing the development of youth innovative entrepreneurship within the higher education system of the Republic of Belarus.
Keywords: youth innovative entrepreneurship, higher education system, assessment and analysis methodology, indicator system, development efficiency.

Введение. Разработка методического инструментария оценки и анализа уровня развития молодежного инновационного предпринимательства (далее – МИП) обеспечит возможность осуществления оперативного мониторинга направления развития МИП на республиканском (макроуровне), региональном (мезоуровне) и локальном (микроуровне) уровнях, оценки эффективности реализации мер поддержки и инструментов стимулирования инновационного предпринимательства среди молодежи с целью оперативного реагирования и адаптации к изменяющимся условиям внутренней и внешней среды, разработки новых, совершенствования действующих инструментов и механизмов и их внедрения в практику реализации инновационных молодежных предпринимательских инициатив.

Целью настоящего исследования является анализ существующих методических подходов и разработка авторского методического инструментария оценки и анализа МИП в сфере высшего образования Республики Беларусь.

Методологической основой данного исследования выступили методы анализа, синтеза, обобщения, систематизации, структуризации, контентный анализ, индексный метод. Информационной базой исследования послужили наукометрические базы eLibrary, Cyberleninka, Google Scholar, сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь, репозитории учреждений высшего образования Республики Беларусь.

Проведенный анализ литературных источников позволил выделить ряд методических подходов к проведению оценки и анализа эффективности молодежной инновационной предпринимательской деятельности.

В работе [1] авторами предложена система индикаторов для оценки развития МИП с учетом трендов и факторов цифровой трансформации экономики и государственного управления, включающая 17 количественных индикаторов (объем средств, направленных государством на поддержку субъектов МИП; объем кредитных средств, привлеченных субъектами МИП; доля субъектов МИП от общего числа МСП и другие индикаторы) и 10 качественных

индикаторов (количество субъектов МИП, осуществляющих НИОКР в области цифровой экономики; уровень информированности молодежи о мероприятиях и программах по развитию и поддержке МИП и другие).

В работе [2] авторам выделено 3 подхода к оценке развития молодежного предпринимательства: аналитический (связан с проведением регулярных исследований аналитическими агентствами); ценностный (основан на теоретических концепциях ряда российских и зарубежных ученых, рассматривающих предпринимательскую культуру в университете); экосистемный (согласно данному подходу на развитие предпринимательства в университетской среде также оказывают влияние и модели коммерциализации технологий, и научные результаты, и инновационная деятельность в целом). Авторами сделан вывод о необходимости комплексного анализа развития молодежного предпринимательства в университете, включающего и оценку деятельности самого учебного заведения, и оценку региональной активности в области развития предпринимательства в целом и молодежного предпринимательства в частности. На основании опроса экспертов для выбранных показателей (количество образовательных программ ВПО (бакалавриат, магистратура) и ДПО в области развития предпринимательских компетенций (в том числе реализуемых совместно с партнерами); наличие технопарка / бизнес-инкубатора на территории университета; количество студентов на 10 000 человек населения региона; объем инновационных товаров, работ и услуг в регионе; и другие) были определены весовые коэффициенты.

Авторами работы [3] выделены блоки факторов (и их весомость) для проведения оценки уровня коммерциализуемости студенческих стартап-проектов и выбора тех из них для последующей поддержки, которые обладают выраженной инновационностью и рыночной привлекательностью. Данные факторы представлены тремя блоками: организационные (инициативность участников стартап-проекта; уровень готовности инфраструктур организации, на базе которой будет реализован стартап-проектов и другие), процессные (работоспособность концепции стартап-проекта; бесперебойная работа всех систем коммуникации, необходимых для создания и реализации стартап-проекта и другие) и кадровые (уровень квалификации участников стартап-проекта; корпоративная культура коллектива стартап-проекта и другие).

В работе [4] автором предложена методика построения критерия эффективности формирования и реализации инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства в соответствии с подходом, обоснованным в рамках теории хозяйственных систем, включающая 5 этапов.

В работе [5] автором выделено 2 группы показателей, которые характеризуют инновационное предпринимательство: показатели, характеризующие факторы деятельности инновационного предпринимательства, и показатели результативности деятельности инновационного предпринимательства.

В работе [6] авторами выполнено сравнение различных методов исследования предпринимательского потенциала, что дает общее представление о том, какие методы наиболее подходят для дальнейшего анализа предпринимательского потенциала в контексте современных технологических вызовов и изменений, происходящих на рынке. Авторами сделан вывод, что использование многомерного сравнительного анализа для комплексной оценки является целесообразным подходом. Для комплексной оценки авторами предполагается использовать следующие группы показателей: человеческий потенциал, производственный потенциал, информационный потенциал, экономический потенциал, инновационный потенциал.

Результаты и их обсуждение. Таким образом, проведенный анализ литературных источников позволил сделать вывод о необходимости разработки методического инструментария оценки и анализа эффективности развития МИП в системе высшего образования с целью оперативного учета, мониторинга достижения плановых показателей направлений развития МИП, эффективности принимаемых мер и инструментов его развития, разработки и внедрения усовершенствованных механизмов дальнейшего развития МИП в системе высшего образования Республики Беларусь.

Разработку методического инструментария оценки и эффективности МИП в системе высшего образования представим тремя этапами (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Поэтапный процесс разработки методического инструментария оценки и эффективности МИП в системе высшего образования

На первом этапе будет сформирована система показателей для оценки и анализа эффективности МИП на трёх территориальных уровнях: республиканском, региональном и локальном (на базе одного учреждения высшего образования).

В предложенной системе показатели будут распределены на две функциональные компоненты: результативная (показатели, отражающие полученный результат, уровень эффективности мероприятий), ресурсная (показатели, отражающие затраты, используемые ресурсы и инвестиции в сфере МИП).

Система показателей будет формироваться на основе отбора показателей, представленных в открытых статистических источниках Национального статистического комитета Республики Беларусь, а также введении новых, дополнительных показателей, необходимых для оценки и анализа МИП в системе высшего образования.

На втором этапе будут рассчитаны субиндексы на основе территориальных уровней и функциональных компонент.

Для расчета субиндексов будут применяться относительные величины темпов изменения показателей и среднего квадратического отклонения показателей из сформированной системы.

На третьем этапе будет рассчитан интегральный индекс развития МИП. Данный индекс будем рассчитывать как среднюю арифметическую величину из полученных значений субиндексов на основе территориальных уровней и функциональных компонент.

Система показателей для оценки и анализа развития МИП будет включать статистические показатели согласно методикам по формированию и расчету статистических показателей Национального статистического комитета Республики Беларусь и ряд новых – производных показателей, предложенных авторами. В систему показателей для оценки и анализа развития МИП предлагается включить 13 показателей на территориальном уровне и по функциональным компонентам (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Система показателей для оценки и анализа развития МИП в системе высшего образования Республики Беларусь

№ п/п	Наименование показателя	Характеристика	Уровень применения
1. Результативная компонента			
1.1	Количество зарегистрированных субъектов МИП	Используется для анализа динамики количества новых субъектов и структуры МИП	Республиканский, региональный
1.2	Количество представленных молодежных инновационных бизнес-проектов на конкурсах	Используется для оценки уровня эффективности организации информационной работы, образовательной деятельности в области генерации молодежных инновационных предпринимательских инициатив, их апробации и практического внедрения	Республиканский, региональный, локальный
1.3	Количество участников образовательных программ, обучающих мероприятий	Используется для оценки уровня эффективности информационного сопровождения о реализуемых программах, проводимых мероприятиях для заинтересованных	Республиканский, региональный, локальный

Окончание таблицы 1

1.4	Объем выручки от реализации молодежных стартап-проектов	Используется для анализа результативности реализуемых стартапов, анализа динамики и прогнозирования потенциала дальнейшего развития	Республиканский, региональный, локальный
1.5	Средний уровень рентабельности в сфере МИП	Используется для оценки и анализа экономической эффективности реализуемых молодежных стартапов	Республиканский, региональный, локальный
1.6	Отдача на 1 руб. затрат в сфере МИП	Используется для оценки анализа уровня эффективности затрат на финансирование молодежных стартапов	Республиканский, региональный, локальный
1.7	Доля экспорта в сфере МИП в общем объеме экспорта МСП	Используется для оценки экспортного потенциала и анализа уровня конкурентоспособности молодежных стартапов, степени диверсификации рынков	Республиканский, региональный
1.8	Отношение количества открытых (созданных) субъектов в сфере МИП к ликвидированным	Используется для оценки и анализа уровня развития МИП, уровня активности молодежи в направлении реализации собственных бизнес-идей и степени конкурентоспособности молодежных стартапов	Республиканский, региональный
		2. Ресурсная компонента	
2.1	Объем финансирования затрат на реализацию молодежных стартап-проектов в сфере высшего образования	Используется для анализа динамики объемов и структуры затрат на реализацию молодежных стартапов, эффективного планирования объемов данного вида затрат	Республиканский, региональный, локальный
2.2	Доля внебюджетного финансирования затрат на реализацию молодежных стартап-проектов в сфере высшего образования в общем объеме финансирования затрат на выполнение научных исследований, реализацию инновационных проектов	Используется для оценки и анализа динамики уровня и структуры внебюджетного финансирования в структуре затрат на реализацию молодежных стратапов, планирования объемов финансирования затрат в сфере МИП	Республиканский, региональный, локальный
2.3	Количество субъектов инновационно-предпринимательской инфраструктуры	Используется для оценки и анализа эффективности функционирования системы инфраструктуры поддержки и развития МИП	Республиканский, региональный, локальный
2.4	Объем инвестиций в сфере МИП	Используется для оценки и анализа динамики объемов и структуры инвестиций в сфере МИП, оценки инвестиционного потенциала, прогнозирования направлений инвестирования средств в сфере МИП	Республиканский, региональный, локальный
2.5	Численность занятых в сфере МИП	Используется для оценки и анализа уровня занятости в сфере МИП, оценки кадрового потенциала, прогнозирования уровня потребности в соответствующих категориях трудовых ресурсов	Республиканский, региональный, локальный

С целью визуализации полученных результатов оценки и анализа развития МИП в сфере высшего образования предлагается использовать матричный метод. Данный метод представляет собой распределение уровня развития учреждений высшего образования, субъектов МИП, регионов на основе выбранных показателей по квадрантам. Каждый квадрант матрицы отражает текущее состояние уровня развития субъектов МИП, учреждений высшего образования, регионов Республики Беларусь, а также по каждому квадранту предлагается стратегия дальнейшего развития с комплексом механизмов, набором инструментов и пошаговой «дорожной картой» мероприятий в области МИП.

Заключение. Таким образом, анализ литературных источников по тематике методологического аппарата оценки и анализа уровня развития МИП в сфере высшего образования позволил обобщить теоретико-методологические подходы исследователей, основанные на введении системы показателей и пошаговом алгоритме оценки и анализа и разработать авторскую методику, базирующуюся на системе показателей, распределенных по двум компонентам (результативная и ресурсная) для трех уровней (республиканского, регионального и

локального) и использовании индексного метода для оценки и анализа уровня развития МИП в сфере высшего образования Республики Беларусь. Применение данной методики позволит оценить уровень развития МИП в сфере высшего образования Республики Беларусь, выявить факторы и детерминанты эффективного функционирования экосистемы МИП, определить сильные стороны и «узкие места» ее дальнейшего развития и разработать комплекс мер и инструментов в рамках «дорожной карты» развития МИП в сфере высшего образования на уровне анализируемого объекта.

Литература

1. Соколов, М. С. Формирование системы индикаторов для оценки развития молодежного инновационного предпринимательства в условиях цифровизации российской экономики / М. С. Соколов, И. В. Морозов, Е. Ю. Перегудова // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 133–148.

2. Ерошенко, Е. П. Методика оценки развития молодежного предпринимательства в университете / Е. П. Ерошенко, С. В. Дорошенко // Университетское управление : практика и анализ. – 2020. – Т. 24, № 1. – С. 82–95.

3. Ташенова, Л. В. Разработка инструментария оценки студенческих стартап-проектов : блоки показателей и критерии / Л. В. Ташенова, Д. Г. Мамраева // ЕГИ. – 2023. – № 5 (49). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-instrumentariya-otsenki-studencheskih-startap-proektov-bloki-pokazateley-i-kriterii (дата обращения: 20.08.2026).

4. Клюня, В. Оценка эффективности инновационной деятельности в системе научно технического предпринимательства организаций промышленности / В. Клюня, А. Короткевич, Ф. Юй // Наука и инновации. – 2019. – № 11. – С. 30–35.

5. Иванов, С. Л. Разработка методики оценки влияния инновационного предпринимательства на развитие экономики региона / С. Л. Иванов, А. И. Метляхин // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 136–154.

6. Худякова, Т. А. Сравнительный анализ методов оценки предпринимательского потенциала и их применимость к инновационному технологическому предпринимательству / Т. А. Худякова, В. Ю. Липина // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 163–172.

Барановичский государственный университет Поступила в редакцию 31.08.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 330.3:331.5 EDN: XTLKML

Трансформация взаимодействия экономических циклов и рынка труда: общемировые тренды и институциональные особенности транзитивных экономик Казахстана, Узбекистана и Болгарии

Н.В. Крицкая

В статье исследуется трансформация механизмов взаимодействия экономических циклов и рынка труда под влиянием промышленной революции 4.0, геополитической фрагментации и структурных сдвигов, анализируется эволюция глобальных трендов, таких как процессы решоринга и френдшоринга, структурные изменения в цифровом офшоринге, а также проявления «новой монопсонии». Особое внимание уделено компаративному анализу транзитивных экономик, для которых выявлена общая закономерность: высокая эластичность реальной заработной платы при относительной жесткости занятости и значительном объеме неформального сектора. На примере Казахстана, Узбекистана и Болгарии раскрыты разносторонние институциональные модели антициклической адаптации, доказывается, что в современных условиях классические кейнсианские меры стимулирования совокупного спроса теряют эффективность, уступая место необходимости преодоления структурных диспропорций.
Ключевые слова: экономические циклы, рынок труда, транзитивная экономика, цифровой офшоринг, новая монопсония, решоринг.

This article explores the transformation of the interactions between economic cycles and the labor market under the influence of Industrial Revolution 4.0, geopolitical fragmentation, and structural shifts. It analyzes the evolution of global trends such as reshoring and friendshoring, structural changes in digital offshoring, and manifestations of the “new monopsony”. Particular attention is paid to a comparative analysis of transition economies, which have identified a common pattern: high elasticity of real wages alongside relative employment rigidity and a significant informal sector. Using the examples of Kazakhstan, Uzbekistan, and Bulgaria, the article reveals diverse institutional models of countercyclical adjustment, demonstrating that, in today's environment, classical Keynesian measures to stimulate aggregate demand are losing their effectiveness, giving way to the need to overcome structural imbalances.
Keywords: economic cycles, labor market, transition economy, offshoring, new monopsony, reshoring.

Введение. В последние десятилетия в мировой экономике происходят беспрецедентные наложения технологических, эпидемиологических и геополитических шоков. И в этой связи ключевыми индикаторами смены фаз экономических циклов становятся не только макроэкономические агрегаты, но и рассмотренные автором ранее когнитивные ограничения экономических агентов, информационные потоки [1], а также скорость технологического замещения рутинных операций, реконфигурация глобальных цепочек стоимости (ГЦС). В условиях промышленной революции 4.0 рынок труда необратимо трансформируется из системы линейного распределения ресурсов в сложную адаптивную сеть. Автоматизация активно вытесняет рутинные профессии, расширяет границы производственных возможностей, создавая принципиально новые рабочие места [2, с. 178]. При этом наблюдается экспоненциальный рост спроса на цифровые компетенции, а дефицит квалифицированных кадров становится ограничителем антициклической политики во многих странах мира. Возникающая разнополярность трендов на рынке труда в транзитивных и развитых экономиках формирует разный тип взаимодействия с экономическими циклами. Целью данного исследования является выявление современных общих глобальных трендов этого взаимодействия, а также их частного проявления в транзитивных экономиках Казахстана, Узбекистана и Болгарии.

Особенности секторальных и технологических сдвигов: аграрный сектор, ГЦС и цифровой офшоринг. Глобальная экономика в 2016–2026 гг. демонстрирует умеренный рост около 3 % при значительной неоднородности по регионам. В странах с низкими и средними доходами населения рост ВВП происходит более высокими темпами от 5 % и выше с одновременным увеличением занятости населения, тогда как развитые страны прибавляют менее 2 % в год [3, с. 19]. В то же время нарастает социальное неравенство, сохраняется большая доля неформальной занятости, а демографические и миграционные факторы всё сильнее влияют на рынки труда. Значительная часть рабочих мест создаётся в сфере услуг, и доля такой занятости в мире

превысила 50 %. Одновременно доля занятых в сельском хозяйстве стремительно снижается. Согласно статистическим данным Международной организации труда (МОТ), глобальный уровень занятого населения в сельском хозяйстве за период с 2000 г. снизился на 13,1 %, в промышленности – на 2,5 %, а в сфере услуг вырос на 11,4 % и составил 50,3 % [4]. Данный процесс отражает структурную трансформацию рынка труда, когда глобальная экономика переориентируется в сторону знаний и услуг, в то время как индустриальные и аграрные профессии сокращаются.

Аграрный сектор традиционно считается менее чувствительным к внешним макроэкономическим шокам ввиду неэластичности спроса на продовольствие, но он подвержен ценовым колебаниям на глобальных сырьевых рынках. Влияние экономических циклов смягчается за счёт технического прогресса и структурных изменений, в том числе таких, как рост доли услуг и технологических отраслей. Проникновение технологий, таких как системы точного земледелия и агродроны, делает возрастающую безработицу в сельском хозяйстве структурной, являясь невозвратным трендом и не зависящим от фазы экономического подъема. В период общего экономического кризиса сектор АПК часто выполняет роль «буфера занятости», особенно в развивающихся и транзитивных экономиках, и с началом экономического роста сталкивается с жесткой конкуренцией за трудовые ресурсы со стороны промышленности и сферы услуг. Современный глобальный аграрный рынок труда находится под влиянием структурных трендов, которые часто перекрывают чисто циклические колебания. Во-первых, в развитых странах происходит вымывание профессий средней квалификации, таких как механизатор или агроном, и резкий рост спроса на высококвалифицированные кадры, такие как операторы дронов, агроинформатики, специалисты по точному земледелию, биоинженеры. Во-вторых, базовый ручной труд в АПК, особенно в растениеводстве, выполняется сезонными мигрантами [5, с. 2], что делает аграрный рынок труда крайне уязвимым к логистическим и геополитическим шокам. Необходимо отметить, что урбанизация приводит к постоянному кадровому голоду в отрасли, независимо от того, находится ли экономика в фазе спада или подъема.

В период после кризиса пандемии COVID-19 и в условиях нарастающей геополитической фрагментации мировая экономика перешла от парадигмы «эффективности затрат» («точно-в-срок») к парадигме «устойчивости и безопасности» («Just-in-Case»), что породило два значимых направления: 1) решоринг или релокализация, т. е. возврат производств в страну происхождения; 2) френдшоринг, означающий перенос цепочек поставок в страны с дружественными политическими режимами.

Касательно экономических циклов решоринг и френдшоринг выступают как антициклические инструменты в долгосрочной перспективе, так как они сокращают плечо поставок в ГЦС и минимизируют риски «импортируемой рецессии». Однако в краткосрочном периоде процесс переноса мощностей создает структурные изменения на рынке труда, требуя резкого перераспределения ресурсов, а также развития автоматизации производственных процессов, чтобы компенсировать высокую стоимость или ограниченность локальной рабочей силы, в связи с чем меняется структура спроса на труд, формируя поляризацию.

Несмотря на кажущуюся пользу для национальной безопасности, данные процессы имеют серьезные экономические издержки. Эксперты ОЭСР (К. Арриола и др.), проведя анализ в 2020 г., пришли к выводу, что «… релокализация глобальных цепочек создания стоимости приведет к тому, что экономика большинства стран станет как менее эффективной, так и менее стабильной» [6, с. 2]. Эксперты подчеркнули, что фрагментация торговли ведет к росту себестоимости продукции, что для рынка труда означает риск снижения реальных заработных плат при номинальном росте занятости. Необходимо также учитывать, что решоринг ограничивается демографическими факторами, в том числе проблемой стареющего населения.

Цифровизация позволяет фрагментировать не только промышленное производство, но и сферу высококвалифицированных услуг. В таком случае локальный рынок труда сталкивается с «невидимой» конкуренцией, где цена труда за конкретную цифровую задачу определяется глобальным балансом спроса и предложения. Можно выделить следующие структурные изменения цифрового оффшоринга, которые делают его реакцию на макроэкономические шоки специфичной. Во-первых, он перестал быть просто делегированием рутинных задач сторонним вендорам. Компании массово создают собственные Глобальные центры компетенций (ГЦК) в низкозатратных регионах, таких как Индия, Восточная Европа (особенно Польша, Румыния) и Латинская Америка, которые становятся кластерами инноваций, и инвестиции в них менее чувствительны к краткосрочным рецессиям. Во-вторых, искусствен-

ный интеллект меняет бизнес-модель оффшоринга. В фазе экономического спада для снижения издержек компании базовые задачи, такие как написание простого кода или первая линия техподдержки, сегодня автоматизируются, а ранее массово передавались на аутсорсинг. Спрос на рынке труда в секторе информационных технологий смещается в сторону сложного инжиниринга и архитектуры облачных решений. В-третьих, происходят изменения в оплате труда. В условиях макроэкономической нестабильности в фазе кризиса заказчики отказываются от традиционной системы оплаты за отработанное время программистов в пользу контрактов, где оплата привязана к бизнес-результатам.

В отличие от традиционных макроэкономических подходов, которые долгое время опирались на допущение о совершенной конкуренции на рынке труда, современные исследования показывают, что большинство рынков труда являются высококонцентрированными, что в свою очередь порождает феномен «новой монопсонии», когда наниматель обладает властью диктовать условия оплаты труда ниже предельной производительности. Исследования, возглавляемые Х. Азаром, И. Маринеску и М. Стейнбаумом (2022), показали, что в условиях ограниченного числа нанимателей или из-за институциональных барьеров эластичность предложения труда для конкретной фирмы становится конечной. Согласно Азару и соавторам, рост концентрации рынка труда (индекс Херфиндаля-Хиршмана) для вакансий ведет к снижению предлагаемых зарплат на 5–17 % [7, с. 187]. Подтверждение данного исследования описано в работе экономистов Б. Бардочи и Г. Борнштейна «Монопсоническая власть и передача монетарной политики», в которой доказывают, что «…фирмы с долей рынка ниже 10 процентов реагируют на экономические шоки примерно на 46 процентов сильнее, чем фирмы выше этого порога, как с точки зрения фонда заработной платы, так и занятости» [8, с. 31]. Следовательно, компании с высокой монопсонической властью слабее реагируют на макроэкономические изменения и в результате создается «жесткость» зарплат при росте экономики и их замедленное снижение в фазе спада, и у работников сужаются альтернативные варианты занятости. Американские экономисты С. Наиду, Э. Познер и Г. Вейл в работе «Антимонопольные меры по управлению властью на рынке труда» [9, с. 546] утверждают, что в сложившейся ситуации рычаги власти должны возвращаться работнику. И тот факт, что зарплаты при этом не растут пропорционально дефициту кадров в некоторых секторах, указывает на наличие «институциональных ловушек», а не только рыночной власти.

В транзитивных экономиках существуют общие глобальные тенденции, такие как быстрый переход от аграрно-индустриального к сервисному укладу, также характеризуются спецификой институтов и уязвимостями, обладая такими особенностями, как высокая доля государственного сектора и зависимость от сырьевого экспорта. С конца 1990-х и начала 2000-х в этих странах произошло формирование рыночных институтов занятости с помощью усиления трудового законодательства, роста роли частного сектора и профсоюзов, внедрения практик социальной защиты. В настоящее время в странах с транзитивной экономикой взаимодействие экономических циклов и рынка труда проявляется более остро вследствие высокой зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, структурных диспропорций и ограниченности механизмов адаптации занятости. Существенное значение приобретают демографические риски, миграционные процессы, несоответствие профессионально-квалификационной структуры рабочей силы требованиям экономики, а также неравномерность цифровой трансформации отраслей.

Общей закономерностью транзитивных экономик является высокая эластичность реальной заработной платы при относительной жесткости занятости как особый тип реакции рынка труда на циклические колебания, которая отличается от развитых стран, где рецессия ведет к резкому росту безработицы. Такая институциональная инерция, выраженная в сохранении налоговых льгот, субсидий и прочее для крупных работодателей, позволяет им удерживать избыточную рабочую силу в фазе экономического спада. Еще одним ключевым элементом взаимодействия циклов и рынка труда является неформальный сектор. В периоды кризиса значительная часть трудовых ресурсов перемещается в неформальную экономику, что создает иллюзию стабильности официальных статистических показателей. «Проявлением неравновесия на рынке труда, вызванным институциональными факторами, является теневая (скрытая) безработица. В период трансформации плановой экономики в рыночную такая форма безработицы распространяется особенно широко» [10, с. 127]. Необходимо выделить возникающий эффект «запаздывающей» трансформации, когда циклические кризисы в

этих странах часто сопровождаются структурной перестройкой, и устаревающие отрасли, такие как тяжелая промышленность, регрессируют и деградируют, а новые, например, сервисная экономика и ИКТ, не успевают привлечь высвобождаемые ресурсы.

Автором проведен сравнительный анализ по Казахстану, Узбекистану и Болгарии с целью выявления различных вариантов взаимодействия цикличности экономики и рынка труда в странах с транзитивными экономиками.

Экономический цикл Казахстана жестко детерминирован конъюнктурой мировых сырьевых рынков, и взаимодействие носит выраженный экзогенный характер. Благодаря Национальному фонду республики Казахстан, государственные институты в фазе циклического спада (например, 2014–2016 гг., 2020 г.) осуществляют масштабные вливания в программы занятости населения. Начиная с 2017 г. была внедрена Дорожная карта занятости, включающая в себя программу «Енбек», как часть цифровой экосистемы занятости Электронной биржи труда. В том числе внедрен специализированный сервис для управления процессами внутренней миграции, переселения и помощи этническим казахам (кандасам). Таким образом, государством применен своеобразный механизм «сглаживания» влияния фазы кризиса пандемии 2019–2020 гг., который купировал социальные риски, превращая рынок труда из механизма взаимодействия спроса и предложения в объект социальной политики. И в результате уровень безработицы снизился с 5 % в 2016 г. до 4,7 % в 2024 г. Однако особенностью Казахстана является огромный сектор «самостоятельно занятых работников», более 2 млн человек или 23 % занятого населения [11]. В фазе экономического роста их число сокращается медленно, а в фазе спада – резко возрастает, выступая социальным демпфером. Также циклические колебания поразному воздействуют на западные, специализирующиеся на добычи нефти, и южные аграрные регионы, что требует дифференцированного государственного регулирования.

В Узбекистане ежегодно на рынок труда выходит 500–600 тыс. молодых людей, что создает ситуацию «вечного избыточного предложения», при которой даже в фазе экономического роста безработица остается значимой. Рынок труда Узбекистана в том числе тесно связан с экономикой России и Казахстана, и если эти страны находятся в фазе спада, то происходит массовый возврат мигрантов из Узбекистана, что накладывает «вторичный» шок на внутренний рынок труда.

Современный период развития Узбекистана характеризуется активными реформами вывода занятости из тени. Либерализация налоговой системы изменила реакцию на циклические колебания, и работодатели стали чувствительнее к стоимости труда, и при спаде в экономике проводится оптимизация штата, закрываются нерентабельные направления или автоматизируются процессы. Так уровень безработицы в 2017 г. составлял 5,8 %, а в период кризиса 2019–2022 гг. колебался от 8,9 % до 10,5 % [12]. В фазе роста экономики безработица снизилась с 6,8 % в 2023 г., до 4,8 % на конец 2025 г. Однако уровень безработицы среди молодежи (в возрасте 15–24 лет), по оценкам МОТ, остается стабильно высоким, около 11 % [13, с. 4].

Также нами проанализировано взаимодействие экономических циклов и рынка труда в Болгарии. После вступления в Европейский союз экономический цикл Болгарии синхронизировался с еврозоной, однако рынок труда отреагировал на это путем значительной эмиграции, или «утечкой мозгов». Максимальная эмиграция населения пришлась на период начала 1990-х гг., когда происходил переход от плановой к рыночной экономике, и за 5 лет с 1989 по 1993 гг. чистая миграция составила 471 тыс. человек или 5,2 % населения страны относительно 1988 г. Крупнейшим экономическим кризисом в истории Болгарии считается банковский и валютный кризис 1996–1997 гг., сопровождавшийся крахом банковской системы и массовыми протестами, который характеризовался резким падением ВВП и гиперинфляцией. В последующий период выхода из кризиса в 2001 г. была зафиксирована максимальная безработица на уровне 19,92 % и увеличение эмиграции до 30726 человек за год. Глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг., совпавший со вступлением Болгарии в Европейский союз, также привел к росту безработицы с 5,6 % до 12,9 %, а за последующий период с 2008 до 2013 гг. рост эмиграции составил от 17 до 26 тыс. человек. Наступившая фаза роста экономики в 2019 г. сократила безработицу до 4,1 % и «утечку умов» до 2 тыс. человек. Кризис пандемии 2020 г. незначительно повлиял на уровень безработицы, который вырос до 5,1 %. Следует от-

метить, что начиная с 2020 г. сформировалась положительная тенденция чистой миграции, и количество иммигрантов за 5 лет составило 74 тыс. человек. В 2026 г. в период фазы экономического роста зафиксировано минимальное количество безработных с уровнем 3,2 % [14].

Из-за массовой эмиграции и депопуляции Болгария столкнулась с уникальной ситуацией, когда в фазе экономического подъема рост ВВП сдерживается отсутствием предложения труда, что ведет к необоснованно резкому росту зарплат, отвязанному от реальной производительности. Возник структурный диссонанс, выраженный высоким уровнем долгосрочной безработицы среди лиц с низкой квалификацией и острой нехваткой инженеров и IT-специалистов, что делает антициклическое регулирование путем классических кейнсианских мер стимулирования спроса малоэффективными.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Глобальный рынок труда перестал линейно реагировать на макроэкономические циклы. Традиционные циклические колебания нивелируются или искажаются структурными шоками, в том числе цифровым офшорингом, перестройкой ГЦС с акцентом на решоринг и френдшоринг, а также эффектом «новой монопсонии», который формирует жесткость заработных плат. Сокращение занятости в традиционных отраслях, особенно в АПК, носит невозвратный структурный характер и не компенсируется в фазах экономического подъема. Параллельно формируется дефицит высококвалифицированных работников, который ограничивает потенциал посткризисного восстановления экономик.

2. В отличие от развитых стран, рынки труда транзитивных стран реагируют на рецессию высокой эластичностью реальных заработных плат при сохранении жесткости занятости. Субсидирование предприятий и масштабный неформальный сектор выступают демпферами, однако приводит к эффекту «запаздывающей трансформации».

3. Анализ транзитивных экономик подтвердил неэффективность применения универсальных макроэкономических шаблонов. В Казахстане циклические шоки сглаживаются за счет государственных интервенций и самозанятости, в Узбекистане – через экспорт труда и формализацию институтов, а в Болгарии столкнулись с «утечкой умов» и экономический рост сдерживается физическим отсутствием человеческого капитала.

Таким образом, в странах с транзитивной экономикой вектор государственной антициклической политики должен быть смещен с традиционного управления совокупным спросом на ликвидацию «институциональных ловушек», снижение доли теневого сектора, ограничение монопсонической власти крупных работодателей и адаптацию квалификационной структуры к требованиям новых технологических укладов.

Литература

1. Зенькова, Л. П. Макрофакторы социальной среды : влияние на экономические циклы в Беларуси / Л. П. Зенькова, Н. В. Крицкая // Белорусский экономический журнал. – 2025. – №3. – С. 83–96.

2. Крицкая, Н. В. Поляризация рынка труда в условиях экономических циклов : теоретическая модель и особенности Беларуси / Н. В. Крицкая // Экономическая наука : современное состояние и перспективы : матер. Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси ; редкол.: Д. В. Муха (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2026. – С. 177–179.

3. World employment and social outlook : Trends 2024. – URL : https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40dgreports/%40inst/documents/publication/wcms_908142.pdf (date of access: 01.03.2026).

4. The statistics branch of the ILO department of research and statistics. – URL : https://ilostat.ilo.org/data/ (date of access : 01.03.2026)

5. Международная организация труда (МОТ). Ценность основных видов труда. Перспективы занятости и социальной защиты в мире 2023. – URL : https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40europe/%40ro-geneva/%40sro-moscow/documents/publication/wcms_871736.pdf (дата обращения : 01.03.2026).

6. Arriola, C. Efficiency and risks in global value chains in the context of COVID-19 / C. Arriola [et al.] // OECD. – 2020. – № 1637. – URL : https://doi.org/10.1787/3e4b7ecf-en (date of access: 01.03.2026)

7. Azar, J. Labor market concentration / J. Azar, I. Marinescu, M. Steinbaum // Journal of Human Resources. – 2022. – № 57. – P. 167–S199.

8. Bardóczy, B. Monopsony power and the transmission of monetary policy / B. Bardóczy, G. Bornstein, S. Salgado // NBER Working Paper. – 2026. – № 35335. – URL : https://doi.org/10.3386/w35335 (date of access: 01.03.2026).

9. Naidu, S. Antitrust remedies for labor market power / S. Naidu, E. A. Posner, E. G. Weyl // Harvard Law Review. – 2018. – Vol. 132, is. 2. – URL : https://harvardlawreview.org/print/vol-132/antitrust-remedies-for-labor-market-power/ (date of access: 01.03.2026).

10. Трансформационные экономики : кратко- и средне-срочные экономические циклы : монография / Л. П. Зенькова. – Минск : Мисанта, 2015. – 236 с.

11. Информационно-аналитическая система Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – URL : https://taldau.stat.gov.kz/ru/NewIndex/GetIndex/702944?keyword= (дата обращения: 01.03.2026).

12. Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. – URL : https://siat.stat.uz/reports-filed/1875/table-data (дата обращения: 01.03.2026).

13. Republic of Uzbekistan 2025 : Article IV consultation-press release; and staff report. – URL : https://www.imf.org/-/media/files/publications/cr/2025/english/1uzbea2025001-print-pdf.pdf (date of access: 01.03.2026).

14. World Bank. – URL : https://data.worldbank.org/country/bulgaria (date of access: 01.03.2026).

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 02.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 330.101+338.24 EDN: WFHBPL

Современные тренды в развитии экономической науки и в управлении экономическими системами

Р.М. Нижегородцев

Статья посвящена анализу современных трендов, характеризующих развитие экономической и управленческой науки и вызванных глобальными технологическими сдвигами, происходящими в мировом хозяйстве. В числе важнейших трендов рассматриваются фрагментарность экономических построений, развитие теории информации и риска, когнитивный дискурс, расширение области применения имитационных моделей, сценарный анализ, методы расщепления экономического пространства и времени, исследования цифровизации и роли искусственного интеллекта в хозяйственных процессах, изучение механизмов согласования интересов и мотивов разных групп экономических агентов, расширенное понимание задач прогнозирования динамики экономических систем.
Ключевые слова: экономическая теория, управление экономическими системами, теории информации и риска, имитационные модели, сценарный анализ, искусственный интеллект, когнитивный дискурс, экономическое прогнозирование.

The paper is devoted to the analysis of current trends characterizing the development of economics and control for economic systems and driven by global technological shifts taking place in the global economy. Among the most important trends examined are the fragmentation of economic frameworks, the development of information and risk theories, cognitive discourse, the expansion of the scope of application of simulation models, scenario analysis, methods for splitting economic space and time, studies of digitalization and the role of artificial intelligence in economic processes, the study of mechanisms for reconciling the interests and motives of different groups of economic agents, and an expanded understanding of the tasks of forecasting the dynamics of economic systems.
Keywords: economic theory, control for economic systems, information and risk theories, simulation models, scenario analysis, artificial intelligence, cognitive discourse, economic forecasting.

Введение. Современные технологические сдвиги, охватывающие все мировое хозяйство и связанные прежде всего с масштабным и необратимым внедрением информационных технологий, вызывают радикальные изменения в системе производственных отношений, в том числе в институтах, организующих хозяйственную жизнь экономических систем, и механизмах управления этими системами.

Соответствующие изменения происходят и в экономической науке, призванной осмыслить происходящие изменения и, в меру сил, спрогнозировать логику дальнейшего хода событий. Вкратце остановимся на этих изменениях в экономических и управленческих научных дискурсах и охарактеризуем их по трем важнейшим направлениям: теория – инструментарий – принятие решений.

Основная часть.

1. Теория. 1.1. Современная экономическая теория уверенно идет по пути постмодерна, ее нарративы, скомбинированные из достижений различных научных доктрин, комфортны для исследователей и читателей с расщепленным сознанием. В отличие от трудов классиков политической экономии, считавших правилом хорошего тона обсудить исходные теоретические посылки, обычно предшествующие изложению научных результатов, сегодня методологической нормой стали *фрагментарность теоретических построений*, эклектика как инструмент описания и объяснения реальности.

В особенности эта фрагментарность касается макроанализа и макроэкономической политики. От того, какой диагноз будет поставлен макросистеме, существенно зависят практические рекомендации и действия по устранению возникших дисбалансов и нарушений структуры хозяйственных интересов различных групп агентов.

Вообще, размывание предмета экономической науки (и метода, кстати, тоже) началось достаточно давно, а теперь размывается и методология.

Когда обсуждаются результаты расчетов, сделанных при помощи количественных моделей, странно слышать споры о 33-м знаке после запятой, при том, что наблюдаемые данные измерены с точностью до половины второго разряда. Странно наблюдать соревнования в степени изощренности применяемого математического инструментария в тех вопросах, где этот инструментарий совершенно не нужен, непригоден к употреблению и для прояснения ситуации бесполезен. Его применение только запутывает следы решаемой задачи вместо того, чтобы послужить навигатором в лабиринте возможных сценариев развития событий.

1.2. В современных условиях в силу целого ряда причин обострилась потребность в наличии качественных разработок в области экономической *теории информации и риска*. Соответствующие области экономической науки испытывают мощный толчок к развитию благодаря запросам со стороны практики хозяйствования и принятия решений.

Пандемия COVID-19 подтолкнула к осмыслению институциональных и ресурсных ограничений, возникших под воздействием стрессовых обстоятельств. В то же время, новая реальность ускорила многие процессы и позволила выявить тренды, наметившиеся в экономике давно, но до поры не получившие удовлетворительной реализации.

К числу подобных трендов можно отнести широкое распространение дистантной занятости и дистанционных форм обучения, перемещение многих координационных и административных процессов в онлайн-формат, совместное использование активов (так называемый шеринг), активное внедрение информационных технологий, возрастание спроса на интерспецифические компетенции и прочее.

В этом смысле можно утверждать, что пандемия и связанные с ней ограничения подготовили российскую экономику к условиям ресурсных дефицитов и нестабильности хозяйственных связей. Однако подобные эффекты испытывает все мировое хозяйство, и страны, находящиеся в состоянии рецессионного разрыва и обеспечивающие свое доминирование за счет экспансии капитала, финансовых активов и институтов, оказались в существенно менее выгодном положении при нарушении цепочек создания ценности, нежели страны инфляционного разрыва и отдельные группы агентов, которых пытаются «наказать» при помощи санкционных ограничений и торговых войн [1].

Становится все более популярным понимание риска как случайной величины, обладающей соответствующими статистическими параметрами, которыми характеризуется ее распределение, пусть даже эти параметры не всегда просто оценить и измерить.

С этой точки зрения риск представляет собой не только опасность, но и возможность, и задача агента, принимающего решения (АПР), состоит не в том, чтобы подавлять риск, а в том, чтобы им управлять.

С позиции институциональной теории риска, случайная величина, называемая риском, – это величина расхождения между реальным значением функции полезности агента в определенный момент времени и ожидаемым значением этой функции, сформированным в некоторый предшествующий момент времени (это так называемая точка отсчета – reference point) [2]. А отклонение от ожиданий может оказаться не только потерей, но и выигрышем. Более того, признавая многомерность функции полезности агента, основанную на разнонаправленности его потребностей, можем сделать вывод о том, что в каких-то направлениях текущее значение функции полезности уступает ожиданиям, а в других направлениях оно, может быть, превосходит ожидания агента, сформированные им ранее, в точке отсчета.

Таким образом, приходим к тому, что риск есть, вообще говоря, функция ожиданий и ментальных моделей агента, принимающего решения. Величина риска зависит от уровня притязаний агента, от его устремлений и представлений о своих жизненных целях и о горизонтах, на которых эти цели, по его мнению, должны быть достигнуты.

В экономической теории информации зреет понимание того факта, что информация, на которой агенты основывают принятие решений, может быть недостоверной, ошибочной либо намеренно искаженной. Характеризуя информацию как фактор производства и принятия решений, не следует забывать о том, что дезинформация тоже есть фактор производства и принятия решений. Дезинформация как фактор производства – эта тема раскрывается в работах экономистов весьма фрагментарно и требует полноценных, комплексных исследований.

На каждом этапе цикла принятия решений возникают различные источники дезинформации, и ее своевременное выявление и очистка информационных каналов составляют неотъемлемую часть функционирования АПР.

1.3. На сегодняшний день высказывается все больше сомнений в рациональности поведения экономических агентов. Рациональный агент в определенном смысле удобен как объект изучения, его действия в значительной мере предсказуемы, лишь только исследователь получает хотя бы поверхностное представление о том, как устроена его функция полезности.

Однако поведение реальных, нерациональных агентов этой модели не соответствует. Поэтому исследовать экономический выбор реальных агентов, без предварительных предположений об их рациональности, труднее, но гораздо практичнее.

В связи с этим в теоретических построениях становится все более востребован *когнитивный дискурс*: теория не просто изучает экономические интересы, а вторгается в логику мотивов принятия решений. То есть она ищет повторяемость всеобщих объективных связей не в отдельных типах агентов и не в системах институтов, соединяющих их друг с другом, а в мотивах экономического выбора.

Каждый агент живет в том мире, который сам себе придумал. Поэтому на принимаемые им решения существенно влияют убеждения, верования, склонности, когнитивные искажения и проч. Сегодня эти обстоятельства все чаще и все более последовательно становятся предметом экономического анализа.

2. Инструментарий. 2.1. Одним из трендов в данной области является расширение области применения *имитационных моделей*. В соответствии с этим развивается инструментальный аппарат, позволяющий проводить модельные эксперименты, моделируя определенные черты поведения исследуемых и управляемых объектов. Прогнозы, основанные на симуляциях подобного рода, не всегда адекватны, поскольку применяемый в ходе исследования метод научной абстракции побуждает отказаться от рассмотрения определенных граней изучаемых объектов, а именно эти грани могут оказаться важными при возникновении каких-либо (например, стрессовых) обстоятельств.

В частности, поэтому так называемое стресс-тестирование становится одним из самостоятельных дискурсов имитационного моделирования. Спрос на исследования такого рода растет, поскольку текущие события побуждают к принятию управленческих решений под воздействием чрезвычайных обстоятельств, складывающихся в мировой экономике.

Распространенной ошибкой, связанной с проведением модельных экспериментов, являются попытки придать результатам моделирования каузальный характер, трактовать эти результаты как проявление некой причинной связи, выявленной при помощи модельного аппарата.

Эта ошибка касается применения любых моделей, не только имитационных. Например, автор, построивший адекватную линейную регрессионную модель, утверждает: мы доказали, что связь между этими параметрами является линейной. Тогда как на самом деле мы не доказали, а предположили, что эта связь линейна, и исходя из этого предположения нашли параметры линейного тренда, обеспечивающего наилучшую аппроксимацию наблюдаемых данных, исходя из критерия оптимальности, задаваемого методом наименьших квадратов (т. е. в качестве критерия точности приближения используется минимизация суммы квадратов невязок).

Следует помнить о том, что модели, в том числе имитационные, не приближают исследователя к выявлению причинных связей и не избавляют от необходимости обсуждать характер и логику научной абстракции.

2.2. Многовариантность, альтернативный характер развития событий в современной экономике повышает спрос на применение *сценарного анализа*. Траектории сложных динамических систем могут быть различными в зависимости от того, каким образом изменяется окружающая среда и какие решения принимает сама сложная система (либо ее управляющий центр) для достижения целей в этих изменяющихся обстоятельствах.

Быстрые изменения, происходящие в том числе в экономической политике, не дают возможности приготовить стандартные варианты действий на все случаи жизни. Поэтому в слабо структурированной среде АПР часто вынужден действовать «по отклонениям», корректируя логику своих решений сообразно текущим реальностям [3].

Встроенные стабилизаторы и стимуляторы уходят в прошлое, и эти изменения необратимы. Пусть это не называется переходом к ручному управлению, но усилия управляющих структур сегодня неминуемо сопровождают действие обратных связей, балансирующих динамику макросистем и отдельных отраслевых рынков.

Даже при внедрении интеллектуальных производственных систем, предполагающих возможность автоматической настройки многих процессов, незаменимыми оказываются обратные связи, реализуемые с участием человека – агента, принимающего решения. В англоязычной литературе этот феномен называют human in the loop. Это не «человек в петле» (или в контуре), как иногда переводят данное выражение, а система обратных связей, сопровождаемых АПР, который выполняет роль наблюдателя и может вмешаться в ход событий, если это потребуется.

В центре внимания исследователей оказываются циклические процессы, в том числе развивающиеся по восходящей или нисходящей спирали. Циклический, колебательный характер динамики сложных систем позволяет объяснить феномен гистерезиса – запаздывания реакции сложной системы на внешние воздействия и неоднозначного, многовариантного характера этой реакции. В основе гистерезиса лежат инертность управляемой системы, наличие внутренних механизмов, блокирующих изменения определенных типов («внутреннее трение»), а также зависимость реакции системы от ее предшествующих состояний и изменений, часть которых необратима.

Реакция управляемой системы на управленческие воздействия, имеющие целью скорректировать ее динамику, зависит, в частности, от того, на какой фазе цикла протекающих в ней циклических процессов находится эта система в момент, когда она воспринимает внешнее воздействие. Циклический характер динамики сложных систем порождает так называемую петлю гистерезиса: система возвращается в исходное состояние (или близкое к исходному) не тем путем, которым она из этого состояния выходила.

Исследования в области сценарного анализа экономических систем направлены на выявление драйверов, барьеров и фильтров, возникающих в рамках каждого сценария. Эти исследования, в частности, призваны объяснить, почему одни институциональные нововведения быстро внедряются и легко осваиваются управляемой системой, а другие аналогичные им нововведения эта система отторгает.

В любой сложной социально-экономической системе возникают упорядоченные системы институтов – институциональные матрицы, и механизмы трансформации этих матриц составляют важный дискурс в современных исследованиях управления изменениями.

2.3. Современный инструментальный аппарат, применяемый в экономических исследованиях, все чаще применяет различные методы, связанные с *расщеплением пространства и времени*. Неоднородность экономического пространства и несинхронность течения экономического времени для разных групп агентов порождают инструментарий, способный отразить эти реальности и воссоздать их при построении моделей.

В данном ключе развиваются многочисленные инструментальные средства: пространственная эконометрика, различные методы разделения «быстрых» и «медленных» переменных, модели нечеткой логики, механизмы случайного поиска и др. [4]. Генетические алгоритмы хорошо подходят для решения невыпуклых оптимизационных задач, и в них неоднородность пространства, его фрагментарность (разные части пространства наделены разными свойствами) может присутствовать в качестве одного из условий.

3. Принятие решений. 3.1. Важнейшим дискурсом в принятии решений на сегодняшний день является применение различных автоматизированных систем поддержки принятия решений, основанных на *цифровых технологиях и искусственном интеллекте* (ИИ) [5].

На искусственный интеллект порой возлагаются несбыточные надежды, с его наличием связываются беспочвенные опасения, вплоть до фантазий о том, что роботы научатся жить среди людей, а затем захватят мир и будут им управлять. Однако на самом деле возможности ИИ обусловлены естественным интеллектом, программирующим его и ставящим перед ним задачу выполнения определенной последовательности команд, при возникновении соответствующих заданных программистом условий.

Генеративный ИИ, отвечая на запрос пользователя, представляет ему в качестве «правильного» ответа нарратив, который чаще других встречается в Сети. В этом смысле «переубедить» компьютер невозможно, в отличие от живого человека, который способен прислу-

шаться к альтернативной точке зрения и взять ее на вооружение, даже если он с ней не согласен. Таким образом, ИИ может быть источником ошибочной информации и генератором неадекватных решений [6]. Отсюда вытекают возможности «злонамеренного» обучения искусственного интеллекта путем вброса заведомо ложной информации.

Важным свойством генеративного ИИ можно считать персонализацию информации, предоставляемой пользователю на основе контент-анализа. ИИ проводит контент-анализ, исследуя местоположение пользователя (оно легко выявляется по IP-адресу) и информационный след, оставляемый им в Сети (поисковые запросы, посещаемые сайты и проч.). В зависимости от предпочтений пользователя ИИ способен предоставить ему ответ, которым этот пользователь, условно говоря, останется доволен.

Такой подход в работе ИИ иллюстрирует положение о том, что истина не только относительна, но еще и субъективна. Однако трактовка искусственным интеллектом хорошо известных исторических событий, природных явлений, семантики языковых конструкций и проч. при таком положении дел может оказаться совершенно неудовлетворительной с точки зрения научной истины.

В 70-е гг., на заре развития кибернетики некоторые исследователи тоже были исполнены оптимизма: дескать, информационные технологии способны всё измерить, подсчитать и спланировать. И стоит только их внедрить, как наступит рай на Земле. Увы, эти надежды не оправдались. Компьютер – это всего лишь станок для обработки информации, не более того.

Вслед за периодами кибернетического романтизма (кибернетической эйфории) наступают периоды отрезвления, разочарования (кибернетического похмелья), когда люди начинают массово осознавать, что надежды, возлагаемые ими на технологию, избыточны и безосновательны. Нечто подобное нас ожидает и в отношении возможностей ИИ.

Наличие слова «интеллект» в словосочетании «искусственный интеллект» способно ввести в заблуждение. Обычно под интеллектом понимают три взаимосвязанных свойства.

Во-первых – это способность к генерации знаний, к созданию новой информации.

Во-вторых – это изобретательность, креативность, способность думать так, как не умеют думать другие.

В-третьих – это умение принимать решения в неожиданных, непредвиденных, чрезвычайных обстоятельствах, иногда стрессовых или катастрофических, в условиях неполноты информации, жесткой ограниченности времени и/или пространства.

Так вот: ничего из этого компьютер не умеет. Он способен сделать только то, чему его научили. В этом смысле само слово «интеллект» дезориентирует относительно возможностей информационных технологий, в том числе способности самостоятельно принимать решения.

Компьютер не способен принимать решения, он только решает задачи, которые перед ним поставил человек. У него нет цели, нет мотивов и стимулов, нет интересов. Нет социальных связей и взаимодействий. Компьютер не понимает, что такое контекст [7].

Он может распознавать и сопоставлять символы, но глубина этого распознавания (и возможность даже исправлять ошибки в тексте) определяется глубиной обучения, задаваемой человеком.

Исследования в области искусственного интеллекта еще раз показывают, что гносеологические противоречия предстают перед нами как онтологические. То есть нам кажется, что эти противоречия находятся внутри познаваемой (и управляемой) нами вещи. Хотя на самом деле мы сталкиваемся с противоречиями метода, с помощью которого мы постигаем эту вещь и пытаемся управлять динамикой принимаемых ею состояний.

Мы приписываем компьютеру человекообразные реакции, на которые он в принципе не способен, и ожидаем от него действий, подобных действиям человека. Эти ожидания безосновательны, беспочвенны, они не имеют опоры в реальном мире. Таким образом, некоторые исследователи пребывают в плену цифрового (информационного) фетишизма.

Фетишизм с точки зрения экономики – это не поклонение. Это наделение неодушевленных субстанций способностью вступать в социальные отношения. Некими свойствами субъектности наделяются неодушевленные объекты, этими свойствами не обладающие. Эти свойства субъектности приписываются, вменяются объектам, у которых этих свойств на самом деле нет. Это такая странная разновидность верований, точнее говоря – суеверий.

Сейчас мы живем в период цифрового (информационного) фетишизма, когда информационные технологии наделяются способностью вступать в социальные отношения с людьми. Причем этот фетишизм носит в некотором смысле массовый характер.

Это более зрелая форма фетишизма, чем вещный (товарный) и денежный фетишизм, поскольку действия компьютера в некотором смысле аналогичны реакциям, проявляемым человеком. Тем труднее избавиться от этой разновидности фетишизма, тем труднее даже осознать сам факт ее наличия.

Однако вера в могущество каких бы то ни было технологий не избавляет от последующих разочарований.

3.2. Важным аспектом современных теоретических построений в области управления является необходимость *согласования интересов и мотивов* разных групп агентов в принятии решений. Ответом на эту потребность становятся разработки в области мультиагентных систем, анализа их поведения и механизмов управления ими.

Можно утверждать, что на смену агентам, наделенным «линейной» функцией полезности, способной возрастать и убывать, приходят многозадачные АПР, и они осуществляют многокритериальный выбор. Их функция полезности многомерна, а выбор, реализуемый ими, не имеет цели найти оптимальное решение, даже если таковое существует.

На пути принятия управленческих решений все чаще возникает задача выявления ключевых стейкхолдеров и кластеризации их поведения. Такая перемена в постановке управленческих задач вызвана технологическими сдвигами, в условиях которых радикально трансформируется структура производства и на первый план выходят сферы, порождающие и абсорбирующие различные внешние эффекты. Прежде всего это наука, образование, здравоохранение, информационный сектор экономики и целый ряд наукоемких отраслей производства. По мере цифровизации отдельных производственных процессов объем внешних эффектов нарастает, и их оценке следует уделять пристальное внимание.

3.3. Трансформация управленческого дискурса включает возникшее с недавних пор расширенное понимание *задач прогнозирования*.

Традиционная (и наиболее распространенная) задача прогнозирования заключается в предсказании значений тех или иных показателей (объема ВВП, нормы безработицы, уровня цен на определенные товары, курса валют и проч.).

Вторая задача заключается в том, чтобы предугадать не конкретные цифры (или набор таковых), а сюжет, ход событий. Эта задача решается методами сценарного анализа. А в рамках каждого из выделенных сценариев разумно ставить и решать задачи количественного прогнозирования.

Третья задача – это выявление условий реализации спрогнозированного сценария: при каком сочетании обстоятельств данный сюжет оказывается возможен, и какие шаги необходимо предпринять для формирования этих обстоятельств. Это так называемый конструктивный прогноз, в определенном смысле указывающий путь к реализации соответствующего хода событий.

Наконец, существуют прогнозы, цель которых состоит вообще не в том, чтобы предсказать, а в том, чтобы продвинуть, обнародовать определенную точку зрения, подавая информационный сигнал группам агентов, готовых предпринять те или иные действия при получении этого сигнала. Такой прогноз является не предсказанием, а побуждением к действию или – в более легком варианте – информированием о существовании (или о поддержке управляющими структурами) определенных нарративов. Тем самым, задача прогнозирования перемещается в плоскость социальных технологий.

В качестве примера приведем прогноз от агентства Bloomberg «Пожар, потоп и голод» [8], опубликованный на исходе 2018 г. В этом «прогнозе» предрекаются неурожай зерновых по всему миру в 2019 г. и наступление глобального голода, от которого погибнет несколько миллионов человек на всей планете. Но основным пунктом этого «прогноза» является тот факт, что виновником наступившего зернового кризиса объявляется Россия. При всей очевидной нереалистичности посылок, на которых основываются рассуждения авторов, данный источник формирует в общественном мнении все необходимые предпосылки для вооруженной агрессии против России и служит объяснением ее неизбежности и оправданием ее целесообразности.

Тем самым, цель публикации данного «Справочника пессимиста» состоит не в том, чтобы предсказать вероятный ход событий, а в том, чтобы подать знаковый сигнал, призванный сформировать и сориентировать общественное мнение по определенной группе вопросов, по которым ключевые агенты уже приняли решение.

Как показало дальнейшее развитие ситуации, сложные динамические системы, при условии своевременных и правильный действий управляющего центра, способны в известной мере демпфировать неблагоприятные внешние воздействия и решать задачи обретения технологического лидерства и обеспечения экономического развития.

Заключение. Рассмотренные нами тренды в области экономической и управленческой науки не исчерпывают перечень изменений, происходящих в соответствующих сферах. Тем более важно выявлять эти тренды и выстраивать логику исследований в соответствии с возможностями развития данного предметного поля и с потребностями хозяйственной практики.

Литература

1. Нижегородцев, Р. М. Эра разделения : режим самоизоляции для стран «золотого миллиарда» / Р. М. Нижегородцев // Друкеровский вестник. – 2022. – № 2. – С. 5–16.

2. Нижегородцев, Р. М. Институциональные основы современной теории риска : анализ и прогнозирование : моногр. / Р. М. Нижегородцев. – Новочеркасск : ЮРГПУ (НПИ), 2014. – 140 с.

3. Тренев, Н. Н. О неконкурентных методах борьбы за высокую добавленную стоимость / Н. Н. Тренев // Друкеровский вестник. – 2022. – № 1. – С. 71–77.

4. Занг, В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории / В.-Б. Занг. – М. : Мир, 1999. – 400 с.

5. Искусственный интеллект в принятии экономических решений : активы, акторы, стратегии : моногр. / Под ред. И. М. Степнова, Ю. А. Ковальчук. – М. : ЦЭМИ РАН, 2026. – 950 с.

6. Арсюхин, Е. «Первый в мире искусственный интеллект» поглупел в десятки раз после полугода общения с людьми / Е. Арсюхин // KP.RU: Комсомольская правда. – URL : https://dzen.ru/a/ZLp77hhyIhmqJtgp (дата обращения: 21.07.2023).

7. Ян, Д. Новый мир : есть ли место человеку / Д. Ян // Ведомости. – URL : http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/08/29/654899-novii-mir-cheloveku (дата обращения: 29.08.2026)

8. The pessimist’s guide to 2019 : fire, flood and famine / Agnieszka de Sousa. – URL : https://www.bloomberg.com/graphics/pessimists-guide-to-2019/ (date of access: 14.12.2018).

Институт проблем управления
имени В.А. Трапезникова РАН

Поступила в редакцию 14.04.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 339.9:334.012 EDN: VKXGUQ

Международное женское предпринимательство: теоретические подходы к понятию «женщина-предприниматель»

А.В. Орлова

Изложены теоретические аспекты женского предпринимательства в контексте развития мировой экономики. Особое внимание уделено раскрытию понятия «женщина-предприниматель». На основе обобщения исследований женского предпринимательства и международного женского предпринимательства выделены основные критерии, используемые учеными-экономистами из разных стран для описания женщин-предпринимателей. Предложен авторский подход к раскрытию понятия «женщина-предприниматель», который, в отличие от имеющихся, объединил теоретические взгляды на предпринимателя и современные характерные черты женского предпринимательства.
Ключевые слова: глобальная экономика, международное женское предпринимательство, женщина-предприниматель, устойчивое развитие.

This article presents theoretical aspects of female entrepreneurship in the context of global economic development. Particular attention is paid to the concept of «female entrepreneur». Based on a summary of research on female entrepreneurship and international female entrepreneurship, the article identifies key criteria used by economists from around the world to describe female entrepreneurs. The author proposes a unique approach to defining the concept of «female entrepreneur», which, unlike existing approaches, combines theoretical perspectives on the entrepreneur with the contemporary characteristics of female entrepreneurship.
Keywords: global economy, international women's entrepreneurship, woman entrepreneur, sustainable development.

Введение. В настоящее время для глобальной экономики характерен процесс перехода к устойчивому развитию. Большинство стран заинтересованы не только в собственной структурной перестройке, способной обеспечить функционирование новой модели стабильного долгосрочного роста, но и в развитии регионов и глобального пространства, что находит отражение в деятельности межгосударственных объединений и союзов, направленной на укрепление международных экономических отношений. В этих условиях становится приоритетным поиск и использование всех возможностей для обеспечения глобального устойчивого развития.

Среди наиболее перспективных возможностей мировым сообществом рассматривается потенциал участия женщин в экономике, в частности, в предпринимательстве: на протяжение последних 25 лет большинство стран, межгосударственных объединений, международных организаций, особенно, экономических, активизировали взаимодействие как с представителями бизнеса, так и между собой в целях содействия развитию женского предпринимательства, а особенно, его интернационализации. Например, Международная финансовая корпорация и Международный центр реализуют на постоянной основе меры содействия интернационализации женского предпринимательства; в рамках БРИКС инициирован Женский деловой альянс и проводится Международный форум женского предпринимательства; Канадская служба комиссара по торговле реализует программу «Женщины-предприниматели в международной торговле».

Согласно современным представлениям женское предпринимательство представляет собой значительный резерв для роста национальной и глобальной экономики. Различия в показателях участия женщин и мужчин в предпринимательстве, сохраняющиеся на протяжение последних лет [1], представляют собой потенциал для создания новых рабочих мест, стимулирования экономического роста и разработки новых идей [2]–[4]. Женское предпринимательство также вносит значительный вклад в достижение целей устойчивого развития, затрагивая его ключевые компоненты [5]. Помимо этого, для современной мировой экономики характерен процесс интернационализации женского предпринимательства, что открывает новые возможности для обеспечения глобального роста [6]. Процесс интернационализации женского предпринимательства способствовал формированию и динамике отношений в области международного женского предпринимательства, которое правомерно рассматривать в качестве одного из приоритетов глобального устойчивого развития.

Вопросы участия женщин в предпринимательстве актуальны для Республики Беларусь и отражены в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г., Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г., Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 гг., Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. В частности, в НСУР-2035 отмечена необходимость равноценного развития человеческого капитала женщин и мужчин, в том числе, за счет создания благоприятной среды для развития женского предпринимательства. Вместе с этим, очевидна и открывающаяся возможность для нашей страны с точки зрения использования возможностей межгосударственного сотрудничества в рамках таких объединений, как Союзное государство, ЕАЭС, БРИКС, ШОС, для развития международного женского предпринимательства. Это, в свою очередь, непосредственно затрагивает ключевые приоритеты развития Республики Беларусь, в частности, вопросы стимулирования экспорта.

Постановка проблемы. В последние годы проблематика женского предпринимательства переживает существенный рост исследовательского интереса [7]. Научные работы, затрагивающие женское предпринимательство, с каждым годом вбирают в себя новые знания и сформировали к настоящему времени устойчивый междисциплинарный дискурс о ключевых аспектах, характерных для участия женщин в предпринимательстве. Это «способствует, прежде всего, пониманию всех тех факторов, которые объясняют трудности участия женщин в предпринимательстве» [8]. Вместе с этим, в экономической литературе нет единого теоретического подхода к раскрытию дефиниции «женщина-предприниматель», что представляет собой очевидную сложность для понимания современных процессов международного женского предпринимательства.

Обсуждение. Первые шаги к теоретическому обоснованию женского предпринимательства были сделаны в 1970-е гг. Именно в то время было установлено, что участие женщин и мужчин в предпринимательстве отличается друг от друга и эти отличия обусловлены полом (гендером) предпринимателя. Последующие изыскания не только подтвердили правомерность этого вывода, но и расширили исследовательские границы в направление выявления причин возникновения гендерного разрыва в предпринимательстве и поиска путей его преодоления. В настоящее время вопросы женского предпринимательства перестают быть сугубо национальными и переходят в международную плоскость. Формируется исследовательское поле международного женского предпринимательства, что требует развития его теоретической основы в части понятийного аппарата.

В исследованиях женского предпринимательства и международного женского предпринимательства прослеживается приверженность авторов к общепринятым теориям предпринимательства, как следствие, центральной фигурой в них выступает женщина-предприниматель как источник предпринимательского поведения. В исследовательской литературе нет общепринятого определения понятия «женщина-предприниматель». К его раскрытию сложились разные авторские подходы. Обобщение результатов научных исследований позволяет говорить, что основными признаками, используемыми авторами при описании женщины-предпринимателя, выступают создание предприятия, создание рабочих мест, управление предприятием, владение предприятием, цели бизнеса, формальность предприятия (бизнеса), период предпринимательской деятельности (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика авторских подходов к понятию «женщина-предприниматель»

Признаки	Авторские подходы к дефиниции «женщина-предприниматель»
Создание предприятия	Женщины, которые создают новые предприятия (Э. Шварц, Р. Беннетт, С. Данн; Р. Хизрич, К. Браш, К. Инмэн, А. Смит-Хантер, Х. Алгада,); женщины-владельцы предприятий, не зависимо от того, как они получили право собственности на них (Д. Лавуа, А. Изюмов, И. Разумнова, Р. Аидис, Б. Аволио)
Создание рабочих мест	Женщины, которые являются работодателями (Р Хизрич, Дж. Фалоп, К. Инмэн, А. Смит-Хантер, Б. Аволио); самозанятые женщины или женщины, осуществляющие предпринимательскую деятельность без наемных работников (Р. Аидис, А. Изюмов, И. Разумнова, Дж. Вотен, О.В. Бессчетнова [и др.])

Окончание таблицы 1

Управление предприятием (бизнесом)	Женщины, которые не только владеют, но и управляют своими предприятиями (Р. Аидис, К. Инмэн, Х. Ли-Госслинг, Дж. Гризе, Лавуа, Х. Бузекрауи [и др.]; Б. Аволио); женщины, которые владеют предприятием, не принимая во внимание человека, который управляет бизнес-операциями или играет важную административную роль (Р. Беннетт, С. Данн)
Владение предприятием (бизнесом)	Женщины – формальные владельцы предприятия (Д. Лавуа Х. Бузекрауи [и др.], О. Мартинс); женщины должны владеть не менее 1 % предприятия (Х. Ли-Госслинг, Дж. Гризе), 50 % или более формального предприятия (Б. Аволио)
Цели бизнеса	Женщины, которые создают бизнес с целью получения прибыли и нацелены на рост (Р. Беннетт, С. Данн); женщины, которые стремятся к самореализации, финансовой независимости и контролю над своим существованием благодаря запуску и управлению собственным бизнесом (Г. Ли-Госселин [и др.]; женщины, ориентированные на занятие предпринимательством в основном с целью самовыражения и приобретения независимого от мужчин положения (Г.Х. Гильманова)
Формальность предприятия (бизнеса)	Женщины, которые формально осуществляют в данный момент времени предпринимательскую деятельность, что может быть выражено через учреждение компании или через предпринимательскую деятельность в качестве физического лица (Б. Аволио, С. Майти, Т.Н. Саху, Г. Акубаева [и др.], О.В. Бессчетнова, Х. Бузекрауи [и др.], А.Л. Журавлев [и др.], О. Коробова, Ю.С. Пиньковецкая, Л. Скворцова, А. Семенчук, Р. Галлямов, О.М. Огундана [и др.])
Период предпринимательской деятельности	Женщины, которые связаны с предприятием не менее двух лет (Б. Аволио), более трех лет (О.В. Бессчетнова [и др.]). Другие авторы не используют данный критерий, относя к женщинам-предпринимателям всех женщин, независимо от периода осуществления ими предпринимательской деятельности.

Примечание: составлено автором на основе проведенных исследований.

Следует отметить, что ряд авторов для конкретизации понятия «женщина-предприниматель» оперируют несколькими признаками одновременно (Б. Аволио, Р. Беннетт, С. Данн, Р. Хизрич), другие же раскрывают его на основе одного признака, которым, в большинстве случаев, выступает «формальность предприятия» (бизнеса) (О. Коробова, Ю.С. Пиньковецкая, Л. Скрорцова, А. Семенчук, Р. Галлямов).

Первые попытки дать определение «женщине-предпринимателю» предпринимались с начала исследований женского предпринимательства. Так, Э. Шварц при описании женщины-предпринимателя говорит об «инновационном человеке, который создает и строит бизнес, которого раньше не было» [9, p. 17]. Р. Хизрич и К. Браш разделяют эту точку зрения и говорят о женщине-предпринимателе как о человеке, который «создает что-то иное, имеющее ценность, посвящая необходимое время и усилия, принимая на себя финансовые, психологические и социальные риски и получая денежное вознаграждение и личное удовлетворение» [9, p. 17]. Согласно представленным авторским подходам, к предпринимателям могут относится только те женщины, которые основали новое предприятие или бизнес. Авторы во главу угла ставят инновационность и принятие рисков, что строго соответствует общепринятым взглядам на предпринимательство. На наш взгляд, именно данный аспект позволил дальнейшим исследованиям женского предпринимательства развиваться по экономическому вектору, отталкиваясь от общих концепций предпринимательства как экономической деятельности.

Д. Лавуа описывает женщину-предпринимателя как «женщину, которая в одиночку или с партнерами основала, купила или унаследовала предприятие, которая принимает на себя риски и финансовые, административные и социальные обязанности и участвует в его повседневном управлении». В этом определении автор считает покупку или наследование в равной степени приемлемыми, как и основание и создание бизнеса [10]. Схожую точку зрения имеют Х. Бузекрауи [и др.], относя к женщинам-предпринимателям женщин, которые создали, унаследовали или взяли на себя управление юридически зарегистрированной компанией с, по крайней мере, частичным владением и которые участвуют в принятии стратегических решений, а также в повседневных операционных решениях [10].

Представляет собой интерес подход, предложенный Б. Аволио, согласно которому «женщины-предприниматели включают женщин (которые) владеют 50 % или более фор-

мального предприятия (независимо от того, как они получили право собственности), которые активно участвуют в своей деятельности в качестве менеджеров или администраторов и которые создают рабочие места для себя и других людей» [9, p. 20]. Данный подход демонстрирует наиболее комплексный взгляд на термин «женщина-предприниматель», объединяя его различные признаки. В исследованиях авторов на постсоветском пространстве основным признаком при описании «женщины-предпринимателя» выступает «формальность предприятия (бизнеса)» (А.Л. Журавлев [и др.], О. Коробова, Ю.С. Пиньковецкая, Л. Скрорцова, А. Семенчук, Р. Галлямов,). Исследователи, в большинстве своем, раскрывая особенности женского предпринимательства, просто говорят о «женщине-предпринимателе» применительно к его основному субъекту. Даже те авторы, которые проводили полевые исследования не обозначают четкие признаки данного понятия (А.Е. Чирикова, Р. Галлямов). Следует подчеркнуть, что отсутствие четких признаков дифиниции «женщина-предприниматель» характерно и для ряда зарубежных полевых исследований (Р. Гул [и др.], О.М. Огундана [и др.]). Помимо этого, некоторые авторы включают в смысловое поле исследований женского предпринимательства и понятие «женщина-руководитель» (С.Ю. Барсукова, Н.Ю. Уткина, Х. Алгада). Это, в определенной степени, не соответствует общепринятому научному подходу к раскрытию содержания предпринимательства, так как объединяет разные субъекты: наемного работника (в лице руководителя, менеджера) и предпринимателя. На наш взгляд, данная ситуация является следствием неразработанности теоретических основ женского предпринимательства на постсоветском пространстве. Хотя в настоящее время очевидна необходимость теоретического раскрытия его сути и содержания, что обусловлено активизацией как отдельных стран, так и межгосударственных объединений в направление развития политики стимулирования предпринимательской инициативы женщин.

Результаты. Очевидно, что рассмотренные исследования внесли значительный вклад в теорию предпринимательства, позволив включить в исследовательское поле новые векторы научных изысканий, источником которых выступила динамика социально-общественного строя и необходимость прочтения усложнившихся отношений внутри социально-экономической системы. Включив гендерную проблематику в исследования предпринимательства, авторы открыли не только сложности участия женщин в бизнесе, но и обозначили возможности для дальнейшего устойчивого развития, в том числе и в глобальном масштабе, что связано с наличием гендерного разрыва в предпринимательстве.

Вместе с этим, имеющиеся исследования не имеют строгой теоретической основы, особенно, в области понятийного обоснования, являющегося частью общенаучного процесса становления, утверждения и конструирования исследований. Отсутствие единого подхода к понятию «женщина-предприниматель» сужает исследовательские возможности для раскрытия процессов международного женского предпринимательства.

На основе анализа данных Глобального мониторинга предпринимательства правомерно говорить о следующих характерных чертах женского предпринимательства: во-первых, женщины принимают активное участие в предпринимательской деятельности и, не смотря на гендерный разрыв в различных стадиях предпринимательства, представляют значительную часть предпринимателей во всем мире; во-вторых, женщины осуществляют предпринимательскую деятельность по таким же мотивам, как и мужчины, что позволяет говорить об участии женщин в предпринимательстве с экономической точки зрения; в-третьих, женщины, несмотря на то, что преимущественно осуществляют предпринимательскую деятельность без наемных работников или с малым количеством наемных работников, ориентированы на внедрение инноваций и использование цифровых технологий, помимо этого, осуществляют внешнеторговые операции, что является свидетельством использования рыночных возможностей для роста и развития своего бизнеса.

Далее определим, насколько имеющиеся теоретические подходы к содержанию понятия «женщина-предприниматель» соответствуют современным характеристикам женского предпринимательства (таблица 2).

Таблица 2 – Критический анализ признаков понятия «женщина-предприниматель»

Признаки	Авторский подход
Создание предприятия	Считаем, что данный признак не является значимым, поскольку его использование не отражает суть участия женщин в предпринимательстве, а также исключает женщин, которые получили предприятие (бизнес) другим способом (например, в наследство, посредством покупки и пр.). Предложение: не использовать.
Создание рабочих мест	Ограничение по количеству рабочих мест не отражает современное участие женщин в предпринимательстве и современные тенденции предпринимательства такие, как виртуализация бизнеса, развитие сетевых структур, позволяющих осуществлять предпринимательскую деятельность без наемных работников. Предложение: использовать в формулировке «женщина, осуществляющая предпринимательскую деятельность индивидуально или с наемными работниками».
Управление предприятием (бизнесом)	Является значимым, поскольку отражает суть предпринимательства как деятельности, осуществляемой предпринимателем, который отвечает за принятие стратегических решений и участвует в операционной деятельности. Предложение: использовать в формулировке «женщина, имеющая важную административную роль в бизнесе (принятие стратегических решений и реализация операционного управления)».
Владение предприятием (бизнесом)	Является значимым, поскольку отражает суть предпринимательства как деятельности, осуществляемой владельцем капитала, который берет на себя все риски, и позволяет дифференцировать предпринимателя от руководителя, являющегося наемным работником. Предложение: использовать в формулировке «женщина, владеющая правом собственности на бизнес (акции, участие в голосовании или предпринимательская деятельность в качестве отдельного лица), независимо от того, как было получено право собственности; и принимающая на себя все риски, связанные с предпринимательской деятельностью».
Цели бизнеса	Является значимым, поскольку отражает современное участие женщин в предпринимательстве и раскрывает суть предпринимательства как деятельности, направленной на получение предпринимательского дохода, прибыли. Вместе с этим, это не исключает наличие других сопутствующих мотивов (например, самореализация, реализация собственной бизнес-идеи и пр.). Предложение: использовать в формулировке «женщина, осуществляющая предпринимательскую деятельность с целью получения предпринимательского дохода, прибыли».
Формальность предприятия (бизнеса)	Является значимым, поскольку подтверждает участие женщины в предпринимательстве в данный момент времени и позволяет дифференцировать формальную предпринимательскую деятельность в рамках действующего законодательства от «теневой». Предложение: использовать в формулировке «женщина, осуществляющая предпринимательскую деятельность формально – официально, в рамках действующего законодательства».
Период Предпринимательской деятельности	Данный признак не является значимым для раскрытия понятия «женщина-предприниматель», поскольку отражает не суть женского предпринимательства, а период осуществления предпринимательской деятельности. Предложение: не использовать.

Примечание: составлено автором на основе проведенных исследований.

Авторский подход согласуется с методологией Глобального мониторинга предпринимательства, который определен основным источником данных для исследования международного женского предпринимательства, а также отражает современные характерные черты женского предпринимательства. Для исследований в области международного женского предпринимательства считаем правомерным в отношение женщин-предпринимателей говорить о женщинах, формально осуществляющих предпринимательскую деятельность с целью получения предпринимательского дохода, прибыли, принимающих на себя все риски, связанные с предпринимательской деятельностью, владеющих правом собственности на бизнес и имеющих важную административную роль в нем.

Заключение. Женское предпринимательство представляет собой один из самых динамичных секторов предпринимательства в мире, привлекая внимание как исследователей, так и отдельных стран, межгосударственных союзов, международных организаций, стремящихся

найти и активизировать новые точки устойчивого развития. Все чаще участие женщин в предпринимательстве связывают с развитием глобальной экономики, отводя ему роль не только в достижении социальной справедливости, но и обозначая его важное значение в достижении экономических компонентов устойчивого развития. Это нашло отражение в активизации деятельности международных организаций, в частности, экономических, межгосударственных объединений, отдельных стран в направление развития бизнес-среды для интернационализации женского предпринимательства, что, в свою очередь, привело к возникновению и развитию отношений в области международного женского предпринимательства.

Женщины-предприниматели выступают основным субъектом международного женского предпринимательства: являясь источником предпринимательских намерений они реализуют предпринимательское поведение на международных рынках и активно участвуют в международных цепочках поставок. В настоящее время женщины-предприниматели взаимодействуют с зарубежными партнерами в рамках осуществления своего бизнеса, а также с организациями и ассоциациями различного уровня и масштаба в рамках использования возможностей доступа к международным рынкам и глобальным цепочкам поставок. Это способствует интеграции их бизнеса в глобальную экономику и укреплению международных экономических отношений, в частности, торговых. В свою очередь, это требует научного обоснования понятия «женщина-предприниматель». Обобщение теорий женского предпринимательства позволило систематизировать основные признаки, лежащие в основе понятия «женщина-предприниматель» (создание предприятия, создание рабочих мест, управление предприятием, владение предприятием, цели бизнеса, формальность бизнеса, период предпринимательской деятельности). Вместе с этим, определено, что, во-первых, имеющиеся теории лишь частично отражают современные характеристики женского предпринимательства; во-вторых, – в некоторых теориях отождествляются женщины-предприниматели с женщинами, участвующими в предпринимательской деятельности в той или иной роли (например, владелец, руководитель). Это представляет собой существенный теоретический пробел в рассматриваемом исследовательском поле в части понятийного аппарата и не позволяет раскрыть процессы международного женского предпринимательства. В свою очередь, это обусловило необходимость формирования авторского научного подхода к содержанию понятия «женщина-предприниматель», который, в отличие от имеющихся, объединил теоретические взгляды на предпринимателя и современные характерные черты участия женщин в предпринимательстве.

Научная значимость проведенного исследования заключается в развитии теоретических основ международного женского предпринимательства, в частности: а) обоснована необходимость уточнения понятия «женщина-предприниматель»; б) определены основные характерные черты современного женского предпринимательства, к которым правомерно отнести: активное участие в предпринимательстве как в экономической деятельности, преимущественное осуществление предпринимательской деятельности без наемных работников или с малым количеством наемных работников, нацеленность на развитие бизнеса; в) определен перечень признаков понятия «женщина-предприниматель», отражающих современное состояние женского предпринимательства: управление предприятием (бизнесом), владение предприятием (бизнесом), цели бизнеса, формальность бизнеса; г) предложена авторская трактовка понятия «женщина-предприниматель», которая, в отличие от имеющихся, объединяет теоретические взгляды на предпринимателя и современные характерные черты участия женщин в предпринимательстве. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования предложенного понятия «женщина-предприниматель» при изучении процессов международного женского предпринимательства.

Литература

1. Global entrepreneurship monitor 2024/25 women’s entrepreneurship report. – URL : https://www.gemconsortium.org/reports/womens-entrepreneurship (date of access: 15.01.2026).

2. Aparicio, S. Can female entrepreneurs boost social mobility in developing countries? An institutional analysis / S. Aparicio, D. Audretsch, M. Noguera, D. Urbano // Technological Forecasting and Social Change. – 2022. – № 175. – URL : https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121401 (date of access: 15.01.2026).

3. Gimenez-Jimenez, D. Women entrepreneurs' progress in the venturing process : The impact of risk aversion and culture / D. Gimenez-Jimenez, L.F. Edelman, F. Dawson, A. Calabrò // Small Business Economics. – 2020. – № 58. – URL : https://doi.org/10.1007/s11187-020-00435-8 (date of access: 15.01.2026).

4. Hechevarría, D. High-growth women's entrepreneurship: fueling social and economic development / D. Hechevarría, A. Bullough, C. Brush [et al.] // J. Small Business Managem. – 2019. – № 57. – URL : http://doi:10.1111/jsbm.12503 (date of access: 15.01.2026).

5. Thomas, A. The Role of Women's Entrepreneurship in Achieving Sustainable Development Goals (SDGs) : A Comprehensive Review / A. Thomas // Journal of Biotechnology & Bioinformatics Research. – 2024. – Vol. 6 (2). – URL : http://doi.org/10.47363/JBBR/2024(6)174 (date of access: 15.01.2026).

6. Юрова, Н. В. Женское предпринимательство как фактор устойчивого развития мировой экономики / Н. В. Юрова, А. В. Орлова // Устойчивое развитие национальных экономик, регионов, территориально-производственных комплексов, предприятий в условиях глобализации : коллективная монография (по материалам III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции) / по общ. ред. Е. С. Шилец. – Донецк : ДонГУ, 2023. – С. 65–76.

7. Rahman, M. M. Shackled feet : A review of women entrepreneurs' challenges in developing countries / M. M. Rahman, A. Salamzadeh, L. P. Dana, // Entrepreneurial Business and Economics Review. – 2024. – №12. – URL : https://doi.org/10.15678/EBER.2024.120110 (date of access: 15.01.2026).

8. Cardella, G. M. Women Entrepreneurship : A Systematic Review to Outline the Boundaries of Scientific Literature / G. M. Cardella, B. R. Hernández-Sánchez, J. C. Sánchez-García // Frontiers in Psychology. – 2020. – №20/ – URL : https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01557 (date of access: 15.01.2026).

9. Avolio, B. E. A methodological problem associated with researching women entrepreneurs / B. E. Avolio // Journal of Women's Entrepreneurship and Education, Institute of Economic Sciences. – 2011. – № 1-2. – P. 9–25.

10. Bouzekraoui, H. An exploratory study of women's entrepreneurship in morocco / H. Bouzekraoui, D. Ferhane // Journal of Entrepreneurship : Research & Practice. – 2017. – Art. ID 869458. – URL : http://doi: 10.5171/2017.869458.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 09.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 338.45:004 EDN: UGQMDJ

Организационно-методическое обеспечение эффективного использования цифровых технологий в пищевой промышленности Китая

Янь Чаохэн

Рассматриваются организационно-методические аспекты обеспечения эффективного использования цифровых технологий в пищевой промышленности Китая. Проанализировано текущее состояние цифровой трансформации отрасли на основе статистических данных 2024–2025 гг. Определены ключевые цифровые технологии, применяемые в отрасли: Интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект и блокчейн. Предложена авторская модель организационно-методического обеспечения, включающая стратегический, технологический, организационный и методический блоки. Исследование базируется на анализе государственной политики КНР в области цифровизации промышленности и успешных кейсов ведущих компаний.
Ключевые слова: пищевая промышленность, цифровизация, цифровые технологии, организационно-методическое обеспечение, Индустрия 4.0, Китай, цифровая трансформация.

The article examines the organizational and methodological aspects of ensuring the effective use of digital technologies in the food industry of China. The current state of the industry's digital transformation is analyzed based on the statistical data from 2024–2025. The key digital technologies used in the industry are identified: Internet of Things, big data, artificial intelligence, and blockchain. The author's model of organizational and methodological support is proposed, including strategic, technological, organizational, and methodological blocks. The research is based on the analysis of the PRC's state policy in the field of industrial digitalization and successful case studies of leading companies.
Keywords: food industry, digitalization, digital technologies, organizational and methodological support, Industry 4.0, China, digital transformation.

Введение. Пищевая промышленность является одной из ключевых отраслей экономики Китая, играя важную роль в обеспечении продовольственной безопасности и удовлетворении растущего потребительского спроса. По данным Национального бюро статистики КНР, в 2024 г. выручка более чем 30 тысяч крупных предприятий пищевой промышленности составила 9065,25 млрд юаней, а рост добавленной стоимости достиг 4,1 % [1]. В условиях новой промышленной революции, характеризующейся повсеместным внедрением цифровых технологий, цифровая трансформация становится необходимым условием для поддержания конкурентоспособности и устойчивого развития предприятий пищевой промышленности.

Целью данного исследования является разработка организационно-методического обеспечения для эффективного использования цифровых технологий в пищевой промышленности Китая. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать текущее состояние цифровой трансформации отрасли; определить ключевые цифровые технологии и их применение; разработать модель организационно-методического обеспечения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации подходов к цифровой трансформации в условиях глобальной конкуренции и технологических изменений.

Основная часть. Правительство Китая уделяет большое внимание цифровизации промышленности. В июне 2025 г. семь министерств, включая Министерство промышленности и информационных технологий, совместно опубликовали «План действий по цифровой трансформации пищевой промышленности». Данный план устанавливает амбициозные цели на 2027 и 2030 гг., направленные на ускорение внедрения цифровых технологий в отрасли [2]. Стратегия предусматривает комплексный подход к цифровизации, охватывающий все этапы производственного цикла от закупки сырья до доставки готовой продукции потребителям.

Согласно официальным данным, ключевые показатели цифровой трансформации пищевой промышленности Китая демонстрируют значительный прогресс. Текущий уровень цифрового контроля ключевых процессов на предприятиях отрасли составляет 63,3 %, а уровень использования цифровых инструментов для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ достигает 72,8 % [3]. К 2027 г. планируется достичь следующих по-

казателей: уровень цифровизации управления на ключевых предприятиях – 80 %; уровень цифрового контроля ключевых процессов – 75 %; уровень использования цифровых инструментов для НИОКР – 75 %. Данные показатели представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Ключевые показатели цифровой трансформации пищевой промышленности Китая

Показатель	Текущий уровень (2024 г.)	Цель на 2027 г.	Цель на 2030 г.
Уровень цифровизации управления	н/д	80 %	Полная цифровизация
Уровень цифрового контроля ключевых процессов	63,3 %	75 %	Полная цифровизация
Уровень использования цифровых инструментов для НИОКР	72,8 %	75 %	Полная цифровизация
Количество умных фабрик	н/д	10+	Международная конкурентоспособность
Высокостандартные цифровые индустриальные зоны	н/д	5+	Цифровые кластеры

Источник: составлено автором на основе [2], [3].

Инфраструктурные цели развития также являются комплексными: планируется создание более 10 умных фабрик и строительство более 5 высокостандартных цифровых индустриальных зон. Инициатива также направлена на развитие группы высококвалифицированных поставщиков услуг по цифровой трансформации специально для пищевой промышленности [2]. Особое внимание уделяется созданию экосистемы цифровых решений, адаптированных к специфике пищевого производства.

Эффективная цифровизация пищевой промышленности Китая опирается на комплексное применение ряда ключевых технологий. Интернет вещей (IoT) используется для сбора данных в реальном времени с производственных линий, складских помещений и на всех этапах цепочки поставок. Это позволяет осуществлять мониторинг и контроль параметров производственного процесса, обеспечивая его стабильность и соответствие стандартам качества. Анализ больших данных (Big Data) о потребительских предпочтениях, производственных процессах и логистике позволяет оптимизировать ассортимент продукции, прогнозировать спрос и повышать эффективность маркетинговых кампаний.

Искусственный интеллект (ИИ) применяется для предиктивного обслуживания оборудования, контроля качества продукции с помощью компьютерного зрения, оптимизации рецептур и создания персонализированных продуктов питания. Технология блокчейн обеспечивает прозрачность и прослеживаемость всей цепочки поставок «от фермы до стола», что значительно повышает доверие потребителей к качеству и безопасности продуктов [4]. Облачные вычисления обеспечивают масштабируемость и гибкость информационной инфраструктуры, а технология 5G позволяет осуществлять высокоскоростную передачу данных и удаленное управление производственными процессами.

Таблица 2 – Применение ключевых цифровых технологий в пищевой промышленности Китая

Технология	Область применения	Ожидаемый эффект
Интернет вещей (IoT)	Мониторинг производства, управление запасами	Повышение прозрачности, снижение потерь
Большие данные (Big Data)	Анализ потребительского спроса, оптимизация ассортимента	Точное прогнозирование, персонализация
Искусственный интеллект (ИИ)	Контроль качества, предиктивное обслуживание	Автоматизация, снижение брака
Блокчейн	Прослеживаемость цепочки поставок	Повышение доверия потребителей
Облачные вычисления	Хранение и обработка данных	Масштабируемость, гибкость
5G	Высокоскоростная передача данных	Снижение задержек, повышение надежности

Источник: составлено автором на основе [2], [4], [5].

Практический опыт ведущих китайских компаний демонстрирует значительные результаты цифровой трансформации. Суперфабрика компании Mengniu в Нинся достигла показателя «134556» высокой эффективности: коэффициент использования пространства увеличился на 37 %, эффективность упаковки повысилась на 67 %, а производительность труда выросла

почти в 20 раз. Высокоскоростная система розлива в бумажную упаковку способна заполнять 12 пакетов молока в секунду, при этом все производственные данные загружаются в центральную систему в режиме реального времени, обеспечивая полную прослеживаемость [3].

Интеллектуальная фабрика компании Master Kong в Ханчжоу демонстрирует работу системы интеллектуальной сортировки, которая за 10 секунд выполняет автоматическую сортировку и проверку качества десятков коробок напитков, достигая показателя качества первого прохода 99,99 %. Компания Wuliangye внедрила новую модель облачной сетевой безопасности «офлайн-оборудование + онлайн-услуги безопасного хостинга», достигнув 100 % показателя закрытия инцидентов безопасности [3]. Данные примеры свидетельствуют о высокой эффективности комплексного подхода к цифровой трансформации.

На основе проведенного анализа предлагается модель организационно-методического обеспечения эффективного использования цифровых технологий, включающая четыре основных блока (рисунок 1). Данная модель представляет собой системный подход к управлению процессом цифровой трансформации предприятий пищевой промышленности.

Рисунок 1 – Модель организационно-методического обеспечения эффективного использования цифровых технологий

Источник: разработано автором.

Стратегический блок определяет цели и задачи цифровой трансформации, формирует дорожную карту и ключевые показатели эффективности (KPI). Данный блок обеспечивает согласованность цифровых инициатив с общей стратегией развития предприятия. Технологический блок включает выбор и интеграцию необходимых цифровых технологий, создание единой информационной платформы предприятия. Особое внимание уделяется совместимости систем и возможности масштабирования.

Организационный блок подразумевает адаптацию организационной структуры, пересмотр бизнес-процессов, обучение персонала и формирование корпоративной культуры, ориентированной на инновации. Методический блок содержит разработку стандартов, регламентов и методик по управлению данными, обеспечению информационной безопасности и оценке эффективности цифровых проектов. Взаимодействие всех четырех блоков обеспечивает синергетический эффект и комплексный подход к цифровой трансформации.

Рынок умного производства в Китае демонстрирует устойчивый рост. По данным Grand View Research, объем рынка в 2025 г. составил 92,88 млрд долларов США и, по прогнозам, достигнет 276,24 млрд долларов США к 2033 г. [6], [7]. Среднегодовой темп роста (CAGR) со-

ставляет около 15 %, что свидетельствует о значительном потенциале цифровой трансформации пищевой промышленности. Данная динамика создает благоприятные условия для инвестиций в цифровые технологии и развития инновационных решений в отрасли.

Рисунок 2 – Показатели цифровой трансформации пищевой промышленности Китая

Источник: составлено автором на основе [2], [3].

Заключение. Цифровая трансформация является стратегическим императивом для пищевой промышленности Китая. Анализ показывает, что отрасль уже достигла значительного прогресса: уровень цифрового контроля ключевых процессов составляет 63,3 %, а уровень использования цифровых инструментов для НИОКР – 72,8 %. Государственная политика КНР направлена на дальнейшее ускорение цифровизации с амбициозными целями на 2027 и 2030 гг.

Предложенная организационно-методическая модель позволяет систематизировать процесс внедрения цифровых технологий, обеспечивая комплексный подход и минимизируя возможные риски. Модель включает четыре взаимосвязанных блока: стратегический, технологический, организационный и методический, что обеспечивает всестороннее рассмотрение факторов успешной цифровой трансформации. Успешная реализация данной модели будет способствовать повышению эффективности производства, улучшению качества продукции и укреплению позиций китайских компаний на внутреннем и мировом рынках. Результаты исследования могут быть использованы руководителями предприятий пищевой промышленности при разработке стратегий цифровой трансформации.

Литература

1. Исследовательский отчет о состоянии продовольственной безопасности Китая (2025) : ИИ способствует управлению продовольственной безопасностью // Жэньминь жибао. – URL : http://finance.people.com.cn/n1/2025/1229/c1004-40634964.html (дата обращения: 29.12.2025).

2. Китай : Объявление о цифровизации пищевой промышленности // Antion Consulting. – URL : https://www.antion.net/En/Blog/view/id/j8o000oXUo000ogwqU3585YJcMfumAO0O0OO0O0O.html (дата обращения: 29.12.2025).

3. Раскрытие плана трансформации цифровизации пищевой промышленности // Китайская академия промышленного интернета. – URL : https://www.china-aii.com/xyzx/7141006.jhtml (дата обращения: 29.12.2025).

4. Хассун, А. От пищевой промышленности 4.0 к пищевой промышленности 5.0 : определение технологических факторов и новых тенденций / А. Хассун [и др.] // Comprehensive Reviews in Food Science and Food Safety. – 2024. – Т. 23. – С. 1–25.

5. Бишт, Б. Цифровая трансформация Индустрии 4.0 : формирование будущего продовольственной безопасности / Б. Бишт [и др.] // Food Control. – 2025. – Т. 167. – С. 110–125.

6. Объем и перспективы рынка умного производства Китая, 2033 // Grand View Research. – URL : https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/smart-manufacturing-market/china (дата обращения: 29.12.2025).

7. Крапива, Т. В. Цифровая трансформация пищевой промышленности России – фудтех. Состояние и структура отрасли / Т. В. Крапива, Н. И. Давыденко, Л. А. Маюрникова // Food Policy and Security. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 520–542.

Белорусский национальный
технический университет

Поступила в редакцию 30.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 338.242.4 EDN: AACXES

Амбивалентность роли государства в предпринимательстве

Н.В. Яцевич

В статье представлен авторский подход к определению роли государства в предпринимательстве, согласно которому такая роль характеризуется амбивалентностью, когда государство выступает в роли регулятора предпринимательской деятельности и одновременно в роли «синкретического» предпринимателя. Выделены особенности государственного регулирования, характерные для белорусской институциональной модели. Представлены общие и отличительные характеристики государственного и частного предпринимательства.
Ключевые слова: предпринимательство, государство, государственное регулирование, государственное предпринимательство, роль государства.

The article presents the author's approach to determining the role of the state in entrepreneurship, according to which such a role is characterized by ambivalence, when the state acts as a regulator of entrepreneurial activity and at the same time as a «syncretic» entrepreneur. The features of state regulation characteristic of the Belarusian institutional model have been identified. The general and distinctive characteristics of public and private entrepreneurship are presented.
Keywords: entrepreneurship, state, state regulation, state entrepreneurship, role of the state.

Введение. Предпринимательство как феномен социально-экономического развития выступает важным фактором экономического роста и эффективного функционирования социально ориентированной рыночной экономики, вносящим весомый вклад в формирование национального дохода, развитие рыночной конкуренции, поддержание сбалансированного рынка труда и выполнение иных общественных и экономических функций. Как инициативная, связанная с риском и неопределенностью деятельность, направленная на получение прибыли, предпринимательство представляет собой особый вид экономической социально-экономической активности субъектов экономического процесса, характеризующийся конкурентностью и инновационностью.

Для активного развития предпринимательских процессов в обществе принципиально важна роль государства, которое путем формирования институциональных условий и конструктивного взаимодействия с предпринимательскими структурами поддерживает и защищает интересы всего общества. Государственное регулирование выступает неотъемлемым элементом системного воздействия государства на предпринимательский сектор экономики, при этом функционально взаимосвязанным с рыночными процессами самоорганизации и саморегулирования. В то же время государство берет на себя выполнение предпринимательских функций, участвуя в процессе общественного воспроизводства через предприятия государственной или с долей государственной собственности, производящие товары и оказывающие услуги, не относящиеся к специфическим видам деятельности, являющихся прерогативой государства.

Цель статьи – рассмотреть государство с точки зрения его роли в предпринимательском секторе экономики, комбинирующей регулятивную и предпринимательскую функции. В качестве основной теоретической базы исследования выступили труды белорусских ученых, исследовавших проблемы предпринимательства и государственного регулирования (А.И. Лученок, В.Ф. Байнев, П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников, А.С. Попкова, В.И. Орлов).

Основная часть. По нашему мнению, можно обозначить амбивалентность роли государства в предпринимательстве (амбивалентный – от лат. ambi – оба + valens – сильный, важный – «двойственный, двузначный, содержащий противоположные элементы» [1, с. 24]): государство, с одной стороны, выступает как макроэкономический регулятор, а с другой стороны, государство само выступает как «коллективный» или «универсальный» предприниматель (рисунок). Данную особенность государства отмечают В.Ф. Байнев и Е.А. Дадеркина, анализируя участие государственного сектора в национальных экономиках

развитых стран: «сегодня вряд ли можно и должно вести речь о доминировании государства в экономиках технологически развитых стран мира, однако тенденция на укрепление его роли в экономике как регулирующего органа и как глобального предпринимателя себя объективно обозначила» [2, с. 8]. Такая амбивалентность, по нашему мнению, делает государство уникальным субъектом предпринимательства, который, пользуясь методом абстракции, назовем как «синкретический предприниматель» (синкретизм – от греч. synkretismos – соединение, объединение – «соединение или союз различных или даже противоположных взглядов» [1, с. 325]), поскольку государство путем диалектического синтеза объединяет в себе разнонаправленные задачи и функции, характерные для регулятора и предпринимателя.

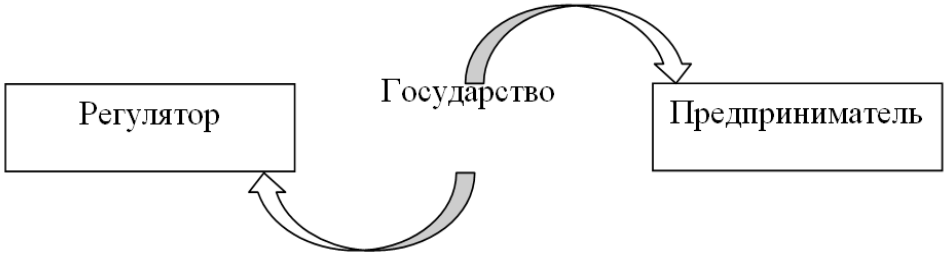

Рисунок – Амбивалентность роли государства в предпринимательстве

Источник: составлено автором.

Механизм регулирующего воздействия государства на предпринимательский сектор экономики широко рассматривается в научной литературе с различных точек зрения и позиций. Роль государства как экономического регулятора не оспаривается, хотя вопрос поиска эффективного баланса между активным централизованным государственным управлением и стихийным рыночным саморегулированием предпринимательской деятельности в экономике выступает предметом научных дискуссий. А.И. Лученок отмечает, что «роль государства в хозяйственной деятельности является центральной проблемой экономического бытия» [3, с. 39] и относит ученых, представляющих разнополярные подходы к «либералам» и «государственникам». Полагаем, что наиболее объективной является сбалансированная позиция, учитывающая компромиссный вариант между этими двумя «полюсами».

Р. Гринберг и А. Рубинштейн в предложенной теоретической концепции экономической социодинамики, разработанной авторами в рамках научного направления социальной экономики, обосновывают объективную необходимость государственного интервенционизма, который, по их мнению, «не является каким-то внешним вмешательством в рыночную среду, а представляет собой деятельность одного из полноправных участников рыночных отношений, направленную на реализацию присущих ему интересов» [4, с. 85]. Авторы, таким образом, отмечают «органичную встроенность государственного вмешательства в механизм рыночного регулирования» и критикуют представление о том, что государство должно лишь периодически вмешиваться в экономику с целью преодоления «провалов рынка» [4, с. 85].

П.Г. Никитенко и С.Ю. Солодовников отмечают, что «рыночная среда (“невидимая рука”) не может пытаться подменить государство и встать над ним, для нее важно найти свои ниши. Государство же, в свою очередь, обязано взять эти ниши под надежную опеку. Они должны не конфликтовать, а конструктивно сотрудничать» [5, с. 179]. Авторы особо подчеркивают важность разумного соотношения рыночных механизмов и государственного управления как сбалансированности государственных и рыночных функций для условий современной Беларуси.

Исходя из сказанного, полагаем, что активность участия государства в регулировании предпринимательской деятельности и ее соотношение с рыночными методами определяется объективной социально-экономической и политической системой каждой конкретной страны. А.И. Лученок предлагает рассматривать данный вопрос с точки зрения неоинституциональной методологии [3, с. 41], поскольку именно институты обусловливают тип экономической системы и координируют взаимоотношения между государством и экономическими агентами.

По определению Д. Норта, «институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике» [6, с. 17]. Автор отмечает, что «институты включают в себя все формы ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям» [6, с. 18]. Таким образом, институты играют организующую, регулирующую, ограничительную и при этом мотивационную роль в обществе.

Д. Норт применяет понятие институциональной матрицы, которая образуется совокупностью политических, экономических и правовых систем обществ как «переплетение взаимосвязанных формальных правил и неформальных ограничений», ведущих экономику каждой страны «по своему пути, отличному от пути развития другой страны» [6, с. 147]. С.Г. Кирдина дает следующее определение институциональной матрицы: «это устойчивая исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [7, с. 67], выделяя, таким образом, три сферы, формирующие институциональную систему в стране.

Согласно теории институциональных матриц С.Г. Кирдиной, или X-Y-теории, можно выделить два типа институциональных матриц, которые названы X- и Y-матрицы. Для X-матрицы (или восточной матрицы) характерны следующие базовые институты: в экономической сфере – институты редистрибутивной экономики (опосредованное центром движение ценностей и услуг), в политической сфере – институты унитарного политического устройства, в идеологической сфере – коммунитарная идеология (доминирование коллективных надличностных ценностей). Y-матрица (западная матрица) образована следующими базовыми институтами: в экономической сфере – институтами рыночной экономики, в политической сфере – федеративные начала политического устройства, в идеологической сфере – индивидуалистская идеология (доминирование личных индивидуальных ценностей) [7, с. 71–72]. Автор предполагает, что Y-матрица как модель институционального устройства доминирует в странах Западной Европы, Северной Америки, Австралии, X-матрица доминирует в России, большинстве стран Азии, Латинской Америки.

А.И. Лученок, проведя исследование специфики белорусской институциональной системы, делает вывод в том, что она базируется на восточной X-матрице и обусловливается рядом особенностей. Во-первых, ее основным элементом автор называет государство и государственную вертикаль власти, которая обеспечивает единообразную систему государственного управления страной. Во-вторых, автор отмечает, что «белорусская институциональная система поддается реформированию на основе рыночных институтов в ограниченных рамках», поэтому возможные попытки повышения эффективности хозяйствования «не затрагивают коренное преобразование отношений собственности» [3, с. 64]. В-третьих, в основе белорусской системы управления экономическим развитием лежат «институты государственного регулирования, стимулирующие субъекты хозяйствования к выполнению решений органов государственной власти» [3, с. 65].

Таким образом, можно отметить, что в Республике Беларусь сложилась институциональная система, характерная для X-матрицы, обусловленная доминантной ролью государства (в терминологии А.И. Лученка – «доминантное государство», ориентированное на приоритетное развитие государственных институтов [3, с. 45–46]) в регулировании экономической и предпринимательской деятельности по отношению к методам рыночного саморегулирования. В то же время, как отмечают П.Г. Никитенко и С.Ю Солодовников, «важно не подавить положительные функции рынка, что предполагает преимущественное применение тех экономических законов и рычагов, которые наиболее адекватны рыночной экономике» [5, с. 178–179]. А.С. Попкова также подчеркивает, что «на современном этапе развития экономики Республики Беларусь с учетом особенностей функционирования белорусской социально-экономической модели целесообразно гибкое сочетание мер государственного макроэкономического регулирования предпринимательства в дополнение к рыночному саморегулированию, позволяющее выработать комплексный научный подход к исследуемой проблеме и эффективные схемы взаимодействия государственного и частного секторов экономики»

[8, с. 107]. Отметим, что белорусская экономическая модель определена как «социально ориентированная многоукладная рыночная экономика» [9, с. 236], а предпринимательство является неотъемлемым элементом рыночной экономики, поэтому нельзя серьезно ограничить рыночные средства регулирования без ущерба как для функционирования предпринимательского сектора, так и для самой действующей экономической модели рыночной экономики. Следовательно, важно рассматривать государственное регулирование предпринимательства в симбиотической связи с рыночным регулированием с учетом доминантной роли государства в условиях сложившейся белорусской институциональной матрицы.

Согласно предложенной модели амбивалентности роли государства в предпринимательстве, государство играет не только роль регулятора, но и само выступает в роли «синкретического» предпринимателя. Если в научной литературе функции государства как регулятора, как отмечалось ранее, практически не оспариваются, в то же время встречаются различные мнения относительно того, может ли государство само выступать в предпринимательской роли и принимать на себя определенные предпринимательские полномочия и риски. Данный вопрос поднимается как в современных, так и в классических теоретических исследованиях.

Так, Л. Вальрас предпринимателем называет «персонажа», к которому относит индивида или общество [10, с. 165]. Этот факт, а также мысль о том, что «государство – не предприниматель» [10, с. 382], позволяет сделать вывод, что Вальрас рассматривает предпринимателя не только как индивидуальное лицо, но и с более широкой позиции – как общественное объединение, но при этом не признает возможной роли государства в осуществлении предпринимательских функций.

В. Зомбарт, напротив, одним из шести типов предпринимателей называет государственных деятелей и чиновников носителями «предпринимательского духа». Так, автор отмечает, что государственная предпринимательская деятельность заняла свою нишу, «то пустое место, где иначе вообще ничего не происходило бы» [11, с. 124]. К недостаткам современного ему государственного предпринимательства В. Зомбарт относит неуклюжесть и склонность к бюрократизму, однако считает, что на начальных этапах развития капитализма государственный чиновник являлся «особенно важным и значительным типом предпринимателя с вполне ярко выраженными духовными особенностями огромного значения» [11, с. 126].

Д.И. Правдин с соавторами выражают мнение о том, что в качестве предпринимателей могут выступать частные лица, группы лиц, акционерные общества, трудовые коллективы, а также государственные предприятия и различные общественные организации [12, с. 48]. По мнению В.И. Орлова, «руководитель государственного предприятия, работающего в условиях рыночной экономики, – это предприниматель, но не бизнесмен, так как он не владеет предприятием и ведет дело не на свои деньги» [13, с. 25].

Таким образом, вопрос о том, можно ли государство рассматривать в роли «предпринимателя», является открытым для дискуссии. По нашему мнению, широкое определение предпринимательства вполне позволяет отнести предприятия государственной формы собственности, функционирующие в рыночных условиях риска и неопределенности, к субъектам государственного предпринимательства.

Обобщив изложенное, можно сделать вывод о том, что государственное предпринимательство можно рассматривать как хозяйственную деятельность государства, осуществляемую через организации государственной формы собственности, направленную на извлечение прибыли за счет производства и реализации товаров или услуг в условиях экономического риска и рыночной конкуренции, а также решение социально-экономических задач в обществе.

Выделим, на наш взгляд, общие аспекты государственного и частного предпринимательства, проявляющиеся из единой сущности предпринимательской деятельности независимо от формы собственности:

– организация и управление предприятиями, осуществляющими хозяйственную деятельность по производству товаров или услуг и их реализации на рынке. В этом смысле государство, как и иные предприниматели, выступает как актор рынка, реализующий предпринимательские подходы к производству, управлению, участию в рыночном обмене и т. д.;

– извлечение прибыли от хозяйственной деятельности. Несмотря на то, что государственные предприятия в отдельные периоды могут являться нерентабельными или малорентабельными и получать финансовую поддержку государства из бюджета и других источников, по сути они будут являться коммерческими организациями, ориентированными на самоокупаемость и получение прибыли. При этом, как отмечает А.И. Лученок, «не следует считать государственными предпринимательскими структурами предприятия, для которых достижение рентабельности рассматривается как пожелание <…>. При ограниченных доходах населения вовсе необязательно, например, превращать в предпринимательские структуры службы ЖКХ» [3, с. 138];

– функционирование в условиях конкуренции, которая представляет собой один из базовых элементов механизма рыночной экономики. Государственные коммерческие организации, как и частные, конкурируют как на внутреннем рынке, адаптируясь к изменениям рыночной конъюнктуры, так и с зарубежными производителями на внешних рынках;

– принятие риска и функционирование в условиях неопределенности внешней среды. Риск является неотъемлемым признаком предпринимательства и выражается, например, в вероятности получения отрицательного результата от осуществления хозяйственной деятельности. Неопределенность обусловливается влиянием множества факторов внешней среды, на которые субъекты предпринимательства как частные, так и государственные, не могут существенно повлиять, а также высокой динамикой социально-экономических изменений;

– внедрение инноваций. Новаторство также рассматривается как существенный аспект предпринимательской деятельности, и государственные предпринимательские структуры, как и частные, активно и при государственной поддержке включены в процесс создания новых продуктов и технологий, являющихся источником получения прибыли;

– осуществление инвестиций. Государство выступает одним из крупнейших инвесторов в основной капитал для создания и развития ключевых отраслей экономики.

В то же время государственное предпринимательство имеет существенные отличия от частного:

– главным субъектом предпринимательской активности в частном предпринимательстве выступает отдельный человек, который на личной инициативной основе, принимая на себя все риски, организует предпринимательскую деятельность. В государственном предпринимательстве таким субъектом выступает само государство как коллективный, или, как ранее нами предложено назвать, «синкретический предприниматель», который не персонифицируется в отдельных людях. Так, руководитель государственного предприятия, несмотря на необходимость применения отдельных предпринимательских функций и возможное наличие соответствующих личных качеств, не может рассматриваться в качестве предпринимателя по ряду признаков: он получает установленную заработную плату, а не неопределенный предпринимательский доход, не несет персональных рисков, не является собственником и т. д. При этом государственные служащие, занимающие высокие государственные должности и принимающие решения в отношении хозяйственного функционирования государственных предприятий, также не могут рассматриваться в качестве предпринимателей;

– присвоение результатов хозяйственной деятельности носит общественный, а не личный характер;

– источником финансирования государственных предприятий являются не только средства, полученные от предпринимательской деятельности, но и бюджетные средства;

– целью функционирования государственных предприятий является не только получение прибыли, но и решение важных социально-экономических задач. Государственные предприятия, как правило, имеют высокую социальную значимость и выполняют общественные обязательства;

– государственная предпринимательская деятельность характеризуется, как правило, бóльшим масштабом. Как отмечает С.А. Пелих, «государство является самым богатым, мощным, ресурсообеспеченным участником экономической деятельности» [14, с. 13].

Заключение. Таким образом, амбивалентность роли государства в предпринимательстве заключается в ее определенной двойственности, когда, с одной стороны, государство выступает как регулятор предпринимательской деятельности, с другой – как условный

«предприниматель». Абстрактно определив государство как «синкретического предпринимателя», полагаем, что в качестве предпринимателя государство выполняет следующие основные роли: собственника, инвестора, организатора производства, менеджера, новатора, конкурента и др. Одновременно в качестве регулятора государство выполняет роли законодателя, надзорного и контролирующего органа, социального гаранта и др. Реализуя предпринимательскую деятельность, государство представляет не только интересы отдельных предприятий, но и общества в целом, обеспечивая реализацию стратегических целей для всей страны, включая обеспечение суверенитета и безопасности.

Важность и неразрывность симбиотической связи государственного регулирования и предпринимательства можно проиллюстрировать словами В. Леонтьева, который писал: «Я увлекаюсь парусным спортом и, когда объясняю студентам, как функционирует экономика страны, сравниваю ее с яхтой в море. Чтобы дела шли хорошо, нужен ветер, – это заинтересованность. Руль – государственное регулирование» [15, с. 15].

Литература

1. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 672 с.

2. Байнев, В. Ф. Научно-технический прогресс на рубеже тысячелетий : полезностная оценка / В. Ф. Байнев, Е. А. Дадеркина // Белорусский экономический журнал. – 2008. – № 1. – С. 4–16.

3. Лученок, А. И. Институты правят экономикой / А. И. Лученок. – Минск : Бел. навука, 2018. – 279 с.

4. Гринберг, Р. Социальная экономика : введение в новую аксиоматику / Р. Гринберг, А. Рубинштейн // Российский экономический журнал. – 1997. – № 1. – С. 77–89.

5. Никитенко, П. Г. Социально-экономические системы Беларуси и России : эволюция и перспективы / П. Г. Никитенко, С. Ю. Солодовников. – Минск : Белорусская наука, 2008. – 518 с.

6. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 188 с.

7. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России : введение в X-Y-теорию / С. Г. Кирдина. – 3-е изд., перераб., расшир. и ил. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. – 468 с.

8. Попкова, А. С. Макроэкономическое регулирование предпринимательства в Республике Беларусь / А. С. Попкова // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2014. – № 2. – С. 107–112.

9. Социально-экономическая модель : становление и развитие: теория, методология, практика : в 2 кн. / В. Г. Гусаков [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2015. – Кн. 1. – 554 с.

10. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии / Л. Вальрас. – М. : Изограф, 2000. – 448 с.

11. Зомбарт, В. Собрание сочинений : в 3 т. / В. Зомбарт. – СПб. : Владимир Даль, 2005. – Т. 1 : Буржуа : к истории духовного развития современного экономического человека. – 638 с.

12. Рыночное предпринимательство : теоретические основы и практика регулирования : учеб. пособ. / рук. авт. колл. Д. И. Правдин. – М. : Ин-т междунар. права и эк-ки, 1994. – 268 с.

13. Орлов, В. И. Философия бизнеса в обществах переходного типа : моногр. / В. И. Орлов. – Минск : Экономпресс, 2012. – 288 с.

14. Государственное регулирование предпринимательства и малого бизнеса / С. А. Пелих, В. Ф. Байнев, В. П. Орешин [и др.] ; под общ. ред. С. А. Пелиха ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2010. – 230 с.

15. Леонтьев, В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика / В. Леонтьев ; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.

Гомельский филиал учреждения образования
Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет “МИТСО”»

Поступила в редакцию 03.03.2026

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 02.10.2026. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,02. Уч.-изд. л. 20,05. Тираж 20 экз. Заказ № 479.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.